ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сборник статей по итогам межведомственной
научно-практической конференции
«Моя профессия – следователь»
19 апреля 2018 года

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2018

ISBN 978-5-9694-0638-4

Москва
2018

ББК 67.410.2
А43

Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : научное электронное издание (3378 Кб). – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 448 с. − 1 электронный опт. диск (CD-R). − Систем. требования : CUP 1,5 ГЦ ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-0638-4

Сборник статей «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства» подготовлен коллективом авторов по итогам межведомственной научно-практической конференции «Моя профессия – следователь», посвященной 55-летию службы предварительного следствия в системе органов внутренних дел, прошедшей в Московском университете имени В.Я. Кикотя 19 апреля 2018 г.

ББК 67.410.2

Рецензенты: заместитель начальника Следственного управления УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве майор юстиции ***А. В. Оплетаев***; заместитель начальника 5-го отдела Следственного управления УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве майор юстиции ***В. А. Богдан***.

В авторской редакции

Научное электронное издание

Усл. печ. 26,04 л.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
http: //www.mosu.mvd.ru, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Есина, О. Е. Жамкова
Деятельность следователя в условиях совершенствования системы мер пресечения.....11

В. В. Гончар
Совершенствование расследования киберпреступлений в банковской сфере 16

Л. Г. Дубинин
Актуальные проблемы использования специальных знаний в области судебной психиатрии при расследовании преступлений 22

А. С. Шаталов
Борьба с преступностью в контексте выявления и расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве.....26

А. В. Коршунов
Смерть частного обвинителя – можно ли продолжать уголовное преследование? 34

В. Н. Чаплыгина
Структурный подход в описании профессии следователя.....37

П. В. Фадеев
Проблемы оказания юридической помощи лицами, не являющимися юристами-профессионалами 42

И. Б. Тутынин
Совершенствование применения мер процессуального принуждения имущественного характера следователями ОВД РФ.....48

И. В. Махова, Ю. Д. Тихомирова
Предмет преступного посягательства и способы совершения краж несовершеннолетними.....53

А. А. Абраменко
Об основных направлениях оптимизации досудебного производства в уголовном процессе России в контексте опыта постсоветских государств.....56

Е. Ю. Самолаева
Проблемы обеспечения прав лиц, задержанных
по подозрению в совершении преступления 60

П. Г. Сычёв
Теоретический анализ производства по делам о преступлениях
в сфере экономической и предпринимательской деятельности 65

Л. В. Пинчук
Особенности тактики производства детального осмотра
места ДТП при наезде транспортного средства на пешехода.....76

А. В. Победкин
«Коллективное следствие» в уголовном судопроизводстве России:
кто обеспечит его качество?.....81

А. В. Белавин, Е. А. Волков, А. В. Шаров
Актуальные проблемы расследования мошенничества
в сфере кредитования.....86

А. С. Чумичкин
Некоторые особенности классификации потерпевших от
преступлений, предусмотренных ст.ст. 295 и 317 УК РФ.....89

О. В. Химичева, Д. О. Мамонтова
Понятие «интерес» в уголовном судопроизводстве.....92

А. Х. Хамзаалиев, А. В. Попенков
Порядок продления сроков содержания под стражей
по уголовно-процессуальному законодательству Республики
Таджикистан 97

А. В. Угольников
Сущность и значение деятельности следователя
по установлению и устранению обстоятельств,
способствовавших совершению преступления 102

А. В. Образцов
О субъектах опосредованного процессуального руководства.....107

А. А. Нечаев
Организация в органах предварительного следствия
в системе МВД России деятельности по раскрытию
и расследованию преступлений прошлых лет 112

А. И. Ямщиков
Закономерности развития криминалистической техники как проводника достижений науки и техники в следственную и экспертную практику: социальный аспект проблемы 117

С. В. Ермаков
Особенности расследования мошенничества в сфере кредитования.....124

Д. А. Иванов
Правоприменительная практика наложения ареста на имущество, применяемого в целях возмещения причиненного преступлением вреда.....130

Н. А. Логинов
Обеспечение права на защиту в ходе принятия объяснения при проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (опыт России и стран постсоветского пространства) 135

А. В. Ильяш
Контрольно-методические подразделения органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном уровне: история и современность.....139

Во Ким Зунг
Участие защитника в следственных действиях как гарантия законности доказательства.....144

А. Г. Соломатина
Запрет на определенные действия в системе мер пресечения 150

В. А. Саморока, М. Ю. Бекетов, С. В. Гурдин
Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных в сфере высоких технологий.....155

Т. В. Валькова
Избрание домашнего ареста следователем: сложности и пути их решения.....163

Е. В. Блинова
Международно-правовые и конституционные основы обеспечения неразглашения данных досудебного производства....168

И. А. Архипова
Особенности расследования заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших 174

И. А. Антонов, С. В. Нуянзина
К вопросу о судебно-следственной практике по уголовным делам, связанным с хищением чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием с использованием судебных решений по гражданским (арбитражным) делам, вынесенных на основе фальсифицированных доказательств 180

Л. Е. Чистова
Процессуальные основания и классификация технических средств, используемых при расследовании незаконного оборота наркотических средств 186

Е. В. Ольшевский
Актуальные вопросы деятельности следователя по определению круга объектов, подлежащих признанию в качестве вещественных доказательств 192

Н. Ю. Емельянова
Нравственные аспекты деятельности следователя.....198

В. В. Сиворакша
Проблемы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, совершенных в отношении или с использованием криптовалюты.....203

С. В. Петраков
Политическое назначение уголовного судопроизводства.....210

Т. В. Радченко
Особенности привлечения эксперта к уголовной ответственности за заведомо ложное заключение.....217

У. В. Садиокова
О продлении срока предварительного следствия.....222

Нгуен Ван Тиен
Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве Социалистической Республики Вьетнам: особенности и цели.....226

А. В. Попенков
Регулирование труда адвоката, представляющего интересы по назначению органов предварительного расследования, как гарантия обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту.....232

Д. А. Мозговая, Е. И. Таранина
Использование дактилоскопических учетов сотрудниками следственных подразделений.....236

С. И. Курилов
Проведение практических занятий с целью выработки навыков применения уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.....241

О. Н. Игнатова
Основные тенденции развития института поручения следователя в уголовном судопроизводстве.....244

А. П. Рыжаков, А. Н. Заливин
Необходимость совершенствование статуса руководителя следственного органа.....250

И. В. Махова, В. В. Ежова
Способы подготовки к торговле людьми в виде подыскания потенциальных потерпевших.....254

Н. В. Угольникова
Дискреционные полномочия следователя.....258

А. В. Гриненко
К вопросу об использовании результатов оперативно-разыскной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам.....264

Н. В. Григорьева
Вопросы усиления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия.....271

В. Н. Григорьев
О недопустимости произвольного фрагментирования при установлении следователем обстоятельств совершенного преступления.....276

Л. Е. Кротова
Некоторые вопросы взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений...282

С. В. Валов
Правовые основы управления органами
предварительного следствия в системе МВД России 286

Е. Ю. Алонцева
Исторические аспекты
процессуальной самостоятельности следователя.....291

Э. Н. Алимамедов
Структура и содержание обвинительного заключения
как властно-распорядительного документа 295

А. В. Агутин
К вопросу о понятии полномочий прокурора
за исполнением законов при расследовании преступлений
экстремистской направленности 300

А. М. Попов, В. И. Бабенко
Следствие – каким оно могло быть… 311

У. В. Галкина
Актуальные вопросы расследования преступлений,
совершенных с использованием компьютерных технологий 316

И. Н. Копылов
Возвращение судом уголовного дела на доследование
в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных стран
ближнего зарубежья.....321

В. В. Пушкарев
Субъектный состав уголовно-процессуальных отношений
в начале уголовного преследования: проблемы и пути решения 333

Н. Г. Кадников
К вопросу о значении понятий и категорий уголовного права
в деятельности следователей и дознавателей МВД России 338

М. Ю. Терехов, А. Д. Леченкова
К вопросу о производстве следственных действий
при возбуждении уголовного дела.....344

А. Ю. Шумский
Актуальные вопросы взаимодействия следователя
и органа дознания в досудебном производстве
по уголовным делам.....349

М. М. Макаренко
Вопросы расследования мошенничеств, совершенных
в сфере получения выплат.....354

А. А. Шишков
Органы предварительного следствия
в системе государственной власти 359

Д. А. Григорьев
О неотложных следственных действиях по уголовному делу.....367

И. Н. Кондрат
О некоторых проблемах обеспечения подозреваемому
и обвиняемому права на защиту.....371

Е. Н. Клещина
О некоторых вопросах предварительного следствия.....375

Е. И. Кузнецова, И. В. Филатова
Организация межведомственного взаимодействия
в национальной системе ПОД/ФТ.....379

И. В. Филатова
Современные проблемы расследования преступлений
в сфере экономической деятельности.....389

Н. В. Макеева, А. В. Макеев
Алгоритм действий следователя и органа дознания на этапе
возбуждения уголовного дела о незаконном сбыте
наркотических средств бесконтактным способом с использованием
информационно-телекоммуникационных сетей.....394

О. Н. Лаврова, Н. Н. Горач
К вопросу о процессуальном руководстве
предварительным следствием.....399

С. В. Клещёв, Д. С. Трынко
Постановление прокурора о направлении материалов в орган
предварительного расследования как повод для возбуждения
уголовного дела: проблемы реализации
в правоприменительной практике.....402

Д. Н. Стацюк
Роль и значение процессуального статуса лица, заключившего
досудебное соглашение о сотрудничестве, как нового участника
уголовного процесса 406

Ю. В. Сидоров
Актуальные вопросы согласования постановления
о привлечении лица в качестве обвиняемого
по уголовному делу.....411

А. М. Мартынов
Уголовно-правовые привилегии добровольного
возмещения вреда, причиненного преступлением.....416

И. В. Мишин
Инновации в управлении органами внутренних дел 420

Б. Я. Гаврилов
Следственный аппарат России: история и современное состояние.
Роль уголовно-процессуального законодательства в повышении
эффективности деятельности следователя…….424

О. В. Мичурина
Разграничение оснований прекращения уголовного дела (уголовного
преследования) и их конкуренция.....442

А. С. Есина*[1]*,
начальник кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент,
Почетный сотрудник МВД России
полковник полиции;
О. Е. Жамкова*[2]*,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
подполковник полиции

Деятельность следователя в условиях совершенствования системы мер пресечения

В уголовном судопроизводстве нередко складываются такие ситуации, при которых следователю необходимо избрать какую-либо меру пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого для обеспечения выполнения необходимых для уголовного судопроизводства задач. При этом следователь руководствуется не только необходимостью и целесообразностью, но в большей степени ориентируется на эффективность и оптимальность конкретной меры пресечения для производства по каждому уголовному делу.

Бесспорным следует признать тот факт, что заключение под стражу как мера пресечения обеспечивает возможность разрешения многих проблемных вопросов, которые могут возникнуть в период расследования. Это и ограничение лица на продолжение преступной деятельности, т. е. обеспечение надлежащего поведения подследственного, и обеспечение безопасности потерпевшего и свидетелей, и гарантия производства запланированных следственных действий, и профилактика сокрытия подследственных от органов предварительного расследования, и инструмент для получения доказательств со стороны защиты в кратчайшие сроки и другие. Вместе с тем, заключение под стражу считается самой строгой и суровой мерой пресечения, которая ограничивает граждан в их конституционных правах.

---

[1] © Есина А. С., 2018.
[2] © Жамкова О. Е., 2018.

Как следователю найти баланс между необходимостью решения задач уголовного судопроизводства и обязанностью соблюдения конституционных прав подследственных? Какими должны быть меры пресечения, чтобы с одной стороны, обеспечить непрерывную работу следователя по расследованию преступления и сбору доказательств, а с другой – обеспечить права граждан? Ответ на поставленные вопросы следует искать в развитии системы мер пресечения, в разработке новых их видов, в совершенствовании процессуальных условий и режима их применения. На сегодняшний день данная задача успешно решается законодателем

Заметим, что ещё в 2008 г. на VII Всероссийском съезде судей (2–4 декабря) был задан курс на диверсификацию системы мер пресечения, в рамках которой была поставлена задача - оптимизировать применение не связанных с изоляцией от общества мер, в том числе залога и домашнего ареста.

Несмотря на предпринятые в этом направлении усилия, в том числе законодательные, ни залог, ни домашний арест не стали реальной альтернативой заключению под стражу. Так, согласно статистической отчетности[1] наиболее распространенной мерой пресечения, избираемой по решению суда, по-прежнему является заключение под стражу. Так, в 2016 г. ходатайств о заключении под стражу было удовлетворено судом 131796, в то время как ходатайств о домашнем аресте – 6056, в 2017 г. судами было удовлетворено 113260 ходатайств об избрании в качестве меры пресечения – заключения под стражу, а ходатайств о домашнем ареста за тот же период было рассмотрено почти в два раза меньше – 6442.

Отчасти это происходит в связи с тем, что применение залога или домашнего ареста не дают тех положительных результатов, на которые рассчитывал субъект расследования, выбирая эти меры пресечения. По мнению авторов, неэффективность избрания указанных мер пресечения обусловлена прежде всего несовершенством правового регулирования их применения. Так, например, ч. 9 ст. 106 УПК РФ установлено, что основанием обращения залога в доход государства является нарушение обязательств, связанных с внесенным

[1] Отчеты о работе судов первой инстанции // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 03.06.18).

залогом. При этом законом не определено, какие именно обязательства могут быть возложены на обвиняемого или подозреваемого при избрании залога.

Частью 1 ст. 106 УПК предусмотрено, что мера пресечения в виде залога применяется в двух целях – для обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого, а также предупреждения совершения им новых преступлений. Таким образом, в правоприменительной практике возникает неопределенность относительно того, могут ли действия обвиняемого или подозреваемого, направленные на воспрепятствование производству по уголовному делу, в том числе путем уничтожения доказательств и угроз в отношении участников уголовного судопроизводства, служить основанием для обращения залога в доход государства.

Относительно домашнего ареста следует отметить, что согласно ч. 7 и 8 ст. 107 УПК РФ домашний арест может применяться без запрета выхода за пределы жилого помещения, что приводит к возникновению некоторых противоречий. Например, срок домашнего ареста засчитывается в срок содержания под стражей (ч. 2 ст. 107, п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ), который включается в срок лишения свободы и других видов наказания в случае постановления судом обвинительного приговора (ч. 3 ст. 72 УПК РФ). Зачет срока домашнего ареста без учета примененных при этом ограничений в срок наказания не согласуется с принципами справедливости и равенства граждан перед законом (ст. 4, ст. 6 УК РФ), поскольку ставит в неравное положение лиц, содержавшихся под стражей, и лиц, находившихся под домашним арестом с правом покидать жилище, не учитывается разница в степени ограничения прав и свобод личности при применении указанных мер процессуального принуждения.

Вышеизложенные обстоятельства актуализировали необходимость развития и совершенствования системы мер пресечения.

Федеральным законом Российской Федерации от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ Уголовно-процессуальный кодекс России был дополнен ст. 105.1. «Запрет определенных действий».

Анализ новой нормы закона, а также иных изменений отдельных норм УПК РФ, связанных с появлением ст. 105.1 в тексте УПК РФ, позволяют сделать вывод о том, что, запрет определенных действий предлагается рассматривать как самостоятельную меру пресечения, по существу она может избираться также и в качестве «дополнительной меры пресечения» к залогу и домашнему аресту, о чем

свидетельствуют положения, касающиеся изменения условий исполнения таких мер пресечения, как залог и домашний арест и допускающие при избрании этих мер пресечения возможность возложения на подозреваемого, обвиняемого обязанностей по соблюдению запретов, предусмотренных ч. 6 новой ст. 105.1 УПК РФ. Эту особенность новой меры пресечения обязательно следует учитывать правоприменителям.

При выборе меры пресечения следователь учитывает определенные обстоятельства, которые порой оказывают существенное значение на выбор меры пресечения (ст. 99 УПК РФ): тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. Законодатель не дает исчерпывающего перечня подобных обстоятельств, в то время как следователю следует учитывать и иные обстоятельства, как, например, мнение потерпевшего при выборе меры пресечения.

Следует отметить, что закон в современной формулировке не считает обязательным учитывать мнение потерпевшего при выборе меры пресечения. Нет обязанности у следователя направлять копию постановления об избрании меры пресечения и потерпевшему. Существует совершенно справедливое мнение, что с момента избрания меры пресечения происходит нарушение баланса прав потерпевшего и обвиняемого.

Заметим, что органы судебной власти не исключают значимости позиции потерпевшего при выборе меры пресечения. Так, согласно пункту 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»[1] установленный ч. 4 ст. 108 УПК РФ порядок рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не исключает участия в судебном заседании потерпевшего, его представителя, законного представителя, которые вправе довести до сведения суда свою позицию относительно избрания, продления, изменения, отмены меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также обжаловать судебное решение. А в соответствии с ч. 8 ст. 108 УПК РФ постановление суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

[1] Российская газета. – 2013. – 27 дек. – № 294.

направляется потерпевшему. При этом потерпевший, его представитель, законный представитель вправе обжаловать судебное решение о мере пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в порядке апелляционного судопроизводства, поскольку это затрагивает его интересы (ст. 389.1 УПК РФ).

В связи с изложенным представляется целесообразным дополнить ст. 99 УПК РФ, положением о том, что при избрании меры пресечения должно учитываться мнение потерпевшего и (или) его законного представителя. В протоколе разъяснения прав потерпевшему следует делать отметку о том, хочет ли потерпевший знать об избранной мере пресечения подозреваемому (обвиняемому), желает ли он участвовать в суде при рассмотрении соответствующего ходатайства.

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что процесс развития системы мер пресечения не остается без внимания законодателя, а отдельные фрагменты процессуального порядка применения мер пресечения все еще требуют усовершенствования. Потребность в этом обусловлена необходимостью обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, исполнения общепризнанных международных норм права, повышения эффективности уголовного преследования, а также экономии средств федерального бюджета. Думается что появление новой меры пресечения – запрет на определенные действия – это не последнее изобретение законодателя в части развития и совершенствования видов мер пресечения.

Гончар В. В.[1]***,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук,
подполковник полиции

Совершенствование расследования киберпреступлений в банковской сфере

Сегодня проблемы информационной безопасности, защиты компьютерной информации, обеспечения защищенности сведений, образующих охраняемую законом тайну, расследования преступлений в сфере информационных технологий и иные подобные проблемы напрямую связаны с обеспечением национальной безопасности государства, защитой конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время активно принимаются нормативные правовые акты по рассматриваемой проблематике, осуществляется интенсивная информатизация многих сфер общественных отношений[2]. Так, одной из целей программы «Цифровая экономика Российской Федерации» является создание экосистемы, в которой цифровая форма представления данных является ключевой. Цифровая форма представления данных является основным фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности. Это позволит обеспечить эффективное трансграничное взаимодействие бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан.

Заявленные цели невозможно достичь без создания надежной системы безопасности в сфере информационных технологий, где ключевая роль, безусловно, принадлежит сотрудниками правоохранительных органов.

---

[1] © Гончар В. В., 2018.

[2] См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Достижение данных целей сопровождается определенными трудностями, на которые систематически обращают внимание на самом высоком уровне. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2018 г., отметил низкий уровень раскрываемости преступлений против собственности, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий[1].

Анализируя преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, необходимо выделить преступления в банковской сфере.

Такие преступления представляют серьезную угрозу информационной безопасности Российской Федерации, носят трансграничный характер, представляют наибольшую сложность в выявлении и расследовании, а методы, способы и средства совершения таких преступлений постоянно совершенствуются[2].

Самый значительный ущерб от действий хакеров испытывают, как правило жители и компании Московского региона. «Москва и Московская область – лидеры по количеству несанкционированных операций. В Москве в 2017 г. было совершено почти 86 тыс. хищений на сумму 325,5 млн руб., в Московской области – 9,3 тыс. хищений на сумму 29,3 млн руб.», – говорится в отчете, подготовленном Центром мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Банка России (ФинЦЕРТ)[3].

Первенство в подобном «антирейтинге», по данным экспертов, за Москвой. Отмечается, что в столице живут до трети граждан и находится почти половина компаний, пострадавших в 2017 г. от действий хакеров. Второе место по числу и объему хищений занимает Центральный федеральный округ – в 2017 г. здесь было совершено 28,5 тыс. несанкционированных операций на сумму 56,4 млрд руб. На

---

[1]См.: Информация о расширенном заседании коллегии МВД России // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56949.

[2] П. 14 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: Банк России: Хакеры за 2017 год нанесли 1,3 млрд ущерба Российской банковской сфере // http://www. rosbalt.ru /russia/2018/02/16/1682772.html (дата обращения 31.03.18).

третьем месте – Приволжский федеральный округ с 18,8 тыс. операций на сумму 40 млн руб.[1].

Банковские институты не всегда в полном объеме оценивают угрозу атак на компьютерную инфраструктуру, не уделяют должное внимание системам защиты информации[2]. Подобным бездействием упрощается задача хищения денежных средств. Причем, если еще несколько лет назад под угрозой находились денежные средства клиентов банков, на данный момент разрабатываются и используются технологии, позволяющие похищать средства со счетов самих банков[3] и «осваивать» новые возможности, например, криптоиндустрию[4].

Банк России сообщает: криптовалюты используются все более часто. Количество сделок, совершенное с использованием криптовалют, постепенно увеличивается, что способствует росту котировок криптовалют (в особенности во второй половине 2017 г.). Несмотря на общий рост, сохраняется очень высокая волатильность курсов криптовалют. За последние два года объем рыночной капитализации биткойна увеличился более чем в 10 раз (в настоящее время объем капитализации составляет около 90 млрд долл. США)[5]. По состоянию на 1 апреля 2018 г. курс биткойна по отношению к доллару США составил 6500 долл. США.

Рассматривая перечень уголовно-наказуемых деяний, подпадающих под понятие «преступления в кредитно-финансовой сфере», следует отметить, что он достаточно широк.

---

[1] См.: Банк России: Хакеры за 2017 год нанесли 1,3 млрд ущерба Российской банковской сфере // http://www. rosbalt.ru /russia/2018/02/16/1682772.html (дата обращения 31.03.18).

[2] См.: Филатова И. В. Современные банковские механизмы легализации средств, полученных незаконным путем // В сборнике: Проблемы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях и пути их решения. Материалы научно-практической конференции. 2018. С. 250–255.

[3] См.: Савенков А. Н. Уголовная политика и устойчивость кредитно-финансовой системы // Журнал Российского права. – 2016. – № 9 (237). – С. 86.

[4] См.: Group IB: Хакеры переключились с банков на криптоиндустрию // http://www.banki.ru/news/lenta/?id= 10151564 (дата обращения: 31.03.18).

[5] Информационно-аналитические материалы ЦБ РФ № 2 (за 2–3 кварталы 2017 г.) // URL: http://www.cbr.ru/publ /stability /ofs_1 7-02.pdf (дата обращения 31.03.18).

Анализ следственной-судебной практики позволяет утверждать, что преступления данной категории обычно квалифицируются по: ст. ст. 159; 159.1; 159.3; 159.6; 160; 172; 174; 176; 187; 193; 193.1 УК РФ[1].

Преступления, совершаемые в финансово-кредитной сфере, условно можно разделить две основных группы:

– преступления в «классическом виде», например, совершаемые с использованием поддельных документов при осуществлении операций со счетами и денежными средствами, размещенными в финансовых-кредитных организациях;

– киберпреступления, характеризующиеся специфическими признаками, например, использованием современных информационных технологий, трансграничностью, отсутствием прямого взаимодействия пострадавшего и преступника. Именно подобные преступления на данный момент являются наиболее серьезной угрозой для финансово-кредитного сообщества России, так как одной из основных целей преступников являются банки[2].

Анализируя типичные способы совершения подобных преступлений, необходимо отметить, что значительное их количество можно предотвратить профилактической деятельностью внутри самих банков, усилением защищенности своей инфраструктуры и систем клиентов, для чего целесообразно:

– запретить сотрудникам финансово-кредитных организаций устанавливать на служебные компьютеры с инсталлированным программным обеспечением для дистанционного банковского обслуживания, сторонних приложений, позволяющих осуществлять удаленный доступ к этому компьютеру (таких как «Team Viewer», «Радмин» и т. п.);

– использовать подключение к сети «Интернет» на служебных компьютерах, на которых инсталлированы программы дистанционного банковского обслуживания исключительно для работы с указанным программным обеспечением. Категорически запретить доступ к социальным сетям, почтовым службам, развлекательным, новостным и другим ресурсам сети «Интернет»;

---

[1] Аналитические материалы СД МВД России в 2015 г.

[2] См.: Цифровая угроза, почему хромает борьба с киберпреступностью // URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/01/727278-tsifrovaya-ugroza (дата обращения: 01.04.18).

– обеспечение корпоративных компьютеров лицензионным программным обеспечением (операционная система, видео-, аудио кодеки, офисные программы, архиваторы и т. д.). Особое внимание следует уделить установке антивирусной программы, позволяющей эффективно блокировать несанкционированный удаленный доступ к этому компьютеру по сети «Интернет». Очень важно обеспечить своевременное обновление, всего программного обеспечения, особенно антивирусной программы[1];

– службе безопасности финансово-кредитного учреждения отслеживать и выявлять перечисление крупных сумм денежных средств с расчетных счетов бюджетных организаций на расчетные счета сторонних организаций. В случае выявления таких операций осуществлять действия по подтверждению проводимой транзакции (телефонный звонок, смс-сообщение), а также информирование инициатора платежного поручения о входе под его учетными данными в систему дистанционного банковского обслуживания и о движении денежных средств;

– сотрудникам финансово-кредитной организации не проводить операцию по переводу значительных сумм денежных средств без *обязательного* телефонного звонка инициатору платежного поручения либо ответственному лицу организации.

В заключение следует отметить, что в настоящее время банки в условиях реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» являются своеобразными «кровеносными сосудами» новой цифровой экономики страны. Именно поэтому обеспечение безопасности деятельности данных учреждений должно считаться приоритетным направлением соответствующей государственной политики и деятельности правоохранительных органов.

[1] Основной причиной одной из наиболее массовых кибератак 2017 г. – вируса шифровальщика WannaCry – стала несвоевременная установка обновлений безопасности и использование устаревших версий операционных систем // URL: http://www.jetinfo.ru/stati/wannacry-osnovnye-sposoby-zaschity (дата обращения: 01.04.18).

Несмотря на отдельные успехи в области предупреждения, раскрытия и расследования киберпреступлений, совершаемых в финансово-кредитной сфере[1], по мнению экспертов, основные стратегии обеспечения кибербезопасности России в международной сфере предполагают выбор между стратегиями, одна из которых заключается в ориентировании на сотрудничество с внешними партнерами и укрепление договорно-правовой базы для глобального регулирования данной сферы, в то время как другая заключается в усилении внутреннего регулирования и ориентации на собственные ресурсы и решения[2].

Считаем, имеет место и третья, по нашему мнению, наиболее оптимальная стратегия, заключающаяся в готовности сотрудничать с внешними партнерами и поступательном наращивании усилий по укреплению договорно-правовой базы международного регулирования киберсферы, одновременно необходимо усиливать внутреннее регулирование, ориентируясь на внутренние ресурсы и инновационные решения, обеспечивающие достижение национальных интересов России.

---

[1] См.: Охота на LURK // URL: https://securelist.ru/the-hunt-for-lurk/29220/ (дата обращения: 11.03.18); ФинЦЕРТ не зафиксировал фактов компрометации ресурсов финансовых организаций в результате атаки Bad Rabbit // URL: https://www.cbr.ru/fincert/fincert04/ (дата обращения: 31.03.18).

[2] См.: ЦСР представил доклад о будущем информационной безопасности РФ // URL: http://tass.ru/ekonomika/4835972 (дата обращения: 31.03.18).

Дубинин Л. Г.*[1]*,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Актуальные проблемы использования специальных знаний в области судебной психиатрии при расследовании преступлений

В настоящий момент остаются некоторые проблемы назначения судебно-психиатрической экспертизы (поводы, фактические и юридические основания, вопросы экспертам-психиатрам), оценки заключения субъектом расследования, а также законодательного регулирования ее статуса и места в уголовном судопроизводстве.

Известно, что судебно-психиатрическая экспертиза в соответствии со ст. 196 УПК РФ назначается обязательно, если необходимо установить:

во-первых, психическое состояние подозреваемого и обвиняемого, в случае возникновения сомнения в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в ходе предварительного расследования и судебного производства по делу;

во-вторых, психическое состояние также подозреваемого и обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);

в-третьих, психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией;

в-четвертых, психическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

---

[1] © Дубинин Л. Г., 2018.

в-пятых, возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда он имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

Кроме обязательных случаев назначения судебно-психиатрической экспертизы, в специальной литературе говорят и о других фактических поводах для ее назначения в отношении подозреваемого (обвиняемого)[1], а именно:

1) пребывание лица на учете у психиатра или нарколога (в психоневрологическом или наркологическом диспансерах);

2) лечение в прошлом в психиатрических больницах или у нарколога (как стационарно, так и амбулаторно); в ходе получения необходимого материала на подозреваемого (обвиняемого) обязательно должны быть сделаны запросы в психоневрологический и наркологический диспансеры. Если лицо, интересующее следствие, состоит на учете в данных учреждениях или имеется информация о лечении в прошлом у психиатра или нарколога, то необходимость назначения судебно-психиатрической экспертизы становится необходимым и реальным процессуальным решением надлежащего субъекта расследования;

3) наличие сведений о заболеваниях или травмах головного мозга, если они сопровождались психическими нарушениями или развитием слабоумия, снижением трудоспособности; в данном случае принципиально важно установление причинно-следственных (корреляционных) связей и зависимостей между двумя обозначенными обстоятельствами;

4) «странности» в поведении и высказываниях участников уголовного процесса, т. е. проявление отдельных симптомов психических расстройств; проявление таких симптомов психических расстройств должно быть не «одноразовым», а приближаться к состоянию перманентности, т. е. – к «постоянству, непрерывности». Жалобы могут сопровождаться нелепыми действиями, например: беспричинным смехом, резкими перепадами настроения и т. д., проявляющиеся у участников уголовного процесса в следственном изоляторе, в ходе осуществления следственных действий или в зале судебного заседания;

---

[1] См.: Иванов Д. А. Назначение и производство судебно-психологической экспертизы с целью установления факта преступного причинения морального вреда // В сборнике: Актуальные вопросы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений сборник научных трудов межвузовской конференции / под ред. М. И. Пилякина. 2018. С. 33–35.

5) ссылки подозреваемого (обвиняемого) на имеющееся у него психическое заболевание, слабоумие; такое обращение указанного субъекта должно быть воспринято серьезно и приняты немедленно конкретные меры по установлению фактов, подтверждающих такое заявление;

6) внешняя немотивированность или особая жестокость совершения преступления; такая «окраска» преступных действий обязательно должна найти материально фиксированное отражение в следах совершенного преступления;

7) совершение серийных сексуальных преступлений или серийных убийств как сексуального, так и несексуального характера; если в ходе расследования будет установлено, что одним преступников совершена серия преступлений как сексуального характера, так и убийств сексуального или не сексуального характера, то в некоторых случаях можно говорить о маниакальной направленности личности преступника, т. е. стойкой психической патологии преступника, а значит, назначение судебно-психиатрической экспертизы очевидно;

8) совершение сексуальных преступлений пожилыми людьми.

Изложенные поводы для назначения судебно-психиатрической экспертизы, как нам представляется, полностью соотносятся со смыслом ст. 196 УПК РФ, но при этом более предметно раскрывают указанные в данной статье уголовно-процессуальные нормы.

Кроме того, надо иметь в виду, что если судебно-психиатрическая экспертиза будет стационарной, а подозреваемый или обвиняемый не находится под стражей, то в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ необходимо получение разрешения суда.

После обнаружения повода субъект расследования должен вынести постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы. Данное постановление для комиссии врачей-психиатров будет являться юридическим (формальным) основанием для производства такой экспертизы. Кроме того, следователь (дознаватель) обязан предоставить все необходимые объекты и материалы для производства экспертизы: 1) копию постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы; 2) материалы уголовного дела; 3) подэкспертное лицо (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего); 4) медицинскую документацию (карта амбулаторного больного из психиатрической больницы, психоневрологического или наркологического диспансера и др.).

Необходимо отметить, что перед назначением судебно-психиатрической экспертизы целесообразно связаться с представителями учреждения, где планируется проведение данной экспертизы, и получить консультацию по поводу вопросов, которые могут быть сформулированы в постановлении о назначении экспертизы.

После получения заключения экспертизы субъект расследования должен его изучить и сопоставить с иными доказательствами, полученными в ходе расследования конкретного преступления, а также ознакомить с заключением всех заинтересованных лиц.

В процессе проверки и оценки заключения может возникнуть необходимость выяснения или уточнения каких-то обстоятельств у экспертов. В этом случае следователь (дознаватель) может допросить их для уточнения и разъяснения содержащихся в заключении специальных терминов и формулировок для получения дополнительных сведений, относящихся к проведенной экспертизе.

В случае возникновения обоснованных сомнений в отношении содержания выводов судебно-психиатрической экспертизы или в случае наличия противоречия в выводах экспертов назначается повторная экспертиза другой группе экспертов.

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящий момент имеется ряд теоретических и практических проблем назначения судебно-психиатрических экспертиз, носящих местный характер, которые создают препятствия в ходе расследования преступлений.

***Шаталов А. С.*[1],**
профессор кафедры уголовного права и криминалистики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук

Борьба с преступностью в контексте выявления и расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве

Преступность, по ныне господствующему в науке мнению, определяется как совокупность деяний, запрещенных уголовным законом. У нее принято выделять две характерные черты. Во-первых, она состоит из отдельных преступлений, т. е. деяний, наказуемых именно и только действующим уголовным законодательством. Во-вторых, в нее входят все преступления, совершенные в той или иной стране или гражданами этой страны за определенный промежуток времени, независимо от того, выявлены ли они и повлекли ли они наказание[2]. Таким образом, преступность, как социально-правовое явление, имеет противоправный характер, географические и временные границы. Она обладает приспособляемостью к социальным переменам, проявляя тенденцию к постоянному преумножению не только количественного и видового разнообразия самих преступных актов, но и способов их подготовки, совершения и сокрытия.

В последние годы сформировалась устойчивая причинно-следственная связь между количественным разнообразием современных информационных технологий и качественными изменениями в структуре российской преступности. Повсеместное распространение и довольно быстрое развитие технологий такого рода формируют практически безграничные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений абсолютно новыми способами и средствами. Они позволяют формировать и совершенствовать методические основы выявления, раскрытия и расследования преступлений, соверша-

---

[1] © Шаталов А. С., 2018.

[2] Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. Криминология Т. 1. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 146.

емых с помощью разнообразных компьютерных и сетевых технологий. Однако по разным причинам это происходит очень медленно и бессистемно. Значительно быстрее приходит понимание того, что преступность все больше и больше «уходит» в цифровую среду. Соответственно, правоохранительным органам государства необходимы новые научные методы борьбы с ней в киберпространстве и, своевременного предотвращения тех или иных ее проявлений. Следовательно, задача по их разработке и повсеместному внедрению в следственную практику сейчас весьма остро стоит перед российской криминалистикой как самостоятельной отраслью научного знания.

В мае 2017 г. Президентом Российской Федерации В. Путиным была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». В ней впервые было употреблено понятие «критическая информационная инфраструктура Российской Федерации» и подчеркнута важность ее защиты «… с использованием государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы». Информационная безопасность Российской Федерации в этом документе трактуется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства. Сама система обеспечения информационной безопасности в ней признана неотъемлемой частью системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации[1].

Принятие данной Стратегии фактически означает взятие курса на постепенный, но скорый и максимально полный отказ нашего государства от заимствования иностранных информационных технологий за счет целенаправленного и последовательного преодоления собственного технологического отставания. С ее появлением в российском правовом «поле» практически ни у кого из прогрессивно мыслящих представителей юридического сообщества не осталось сомнений

[1] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 31.03.18).

в том, что «…только национальный проект в области информационных технологий и разработка собственных решений позволят нам сохранить цифровой суверенитет»[1], эффективно бороться с преступностью и осуществлять охрану общественного порядка в России.

Особую и ярко выраженную актуальность эти задачи приобретают в деле имплементации в научные ресурсы отечественной криминалистики современных информационных технологий. Сейчас они занимают в экономике страны особое место, а их эффективное функционирование является одним из важнейших факторов, способствующих решению ключевых задач государственной политики. Важно отметить, что в Российской Федерации они являются наиболее зависимыми от использования импортного программного обеспечения (до 90 % операционных систем и систем управления базами данных). Вместе с тем технологическая независимость Российской Федерации в сфере информационных технологий провозглашена основой не только информационной безопасности, но и безопасности государства в целом, в том числе от преступных посягательств[2]. Помимо прочего, информационные технологии должны сыграть важную роль в обеспечении дальнейшего поступательного развития отечественной криминалистики. Сейчас стало очевидно, что в ней назрел ряд вопросов, ожидающих своего комплексного решения. Необходимо, в частности, реализовать меры, направленные на разработку и внедрение новых способов выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве.

Распространение компьютерных вирусов, мошенничества с платежными картами, хищения денежных средств с банковских счетов, компьютерной информации, нарушение правил эксплуатации разного рода автоматизированных электронных систем – далеко не полный перечень преступлений, совершаемых с их помощью. Данное явление принято называть по-разному: киберпреступностью, компьютерными преступлениями, преступлениями в сфере компьютерных технологий, преступлениями в сфере компьютерной информации и т. д. В литературе, изданной за последнее десятилетие, наиболее часто

---

[1] Шадрина Т. Обогнать, не догоняя // Российская газета. – 2018. – 5 марта. – № 47 (7510). – С. 1.

[2] Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 20 апреля 2016 г. № 154-СФ «О развитии информационных технологий в Российской Федерации и мерах поддержки отечественной ИТ-отрасли» // URL: www.consultant.ru (дата обращения: 1.04.18).

встречаются два термина: *«киберпреступления»* и *«компьютерные преступления»*. Их можно считать равнозначными, поскольку они используются для обозначения группы одних и тех же общественно опасных деяний. В криминалистическом аспекте киберпреступления (или компьютерные преступления) – это общественно опасные деяния, для подготовки, совершения, а, соответственно, выявления, раскрытия и расследования которых применяются разного рода компьютерные технологии и (или) используется информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет».

Причиной популярности и стремительного роста киберпреступности как некого криминального бизнеса, прежде всего, является его невероятная прибыльность, а сам процесс получения доходов, которые могут превышать миллионы долларов, обычно не отождествляется с риском разоблачения и наказания, в широком их понимании. Поэтому сама киберпреступность наряду с экологией, коррупцией и незаконным оборотом наркотиков фактически стала важнейшей проблемой геополитического масштаба. С наступлением нового века ее решению стало уделяться много внимания как на национальных уровнях, так и в рамках реализации программ международного сотрудничества государственных правоохранительных органов.

Главная криминалистическая особенность киберпреступлений заключается в том, что их предотвращение, выявление, раскрытие и расследование невозможно без использования современных информационных технологий. Соответственно этому возникла необходимость, во все большем внимании к подготовке специалистов для борьбы с такими преступлениями, переподготовке действующих кадров с тем, чтобы эффективно разоблачать преступников посредством обнаружения, фиксации, изъятия и использования разного рода «электронных» доказательств.

Однако существующая система противодействия преступным посягательствам, совершенным с использованием современных информационных технологий, пока заметно отстает в своем развитии. Сложности обусловлены спецификой совершения преступлений данной разновидности, которая, на наш взгляд, заключается в следующем:

в доступности (т. е. повсеместной распространенности и относительной дешевизне) компьютерной техники для самых широких слоев населения;

в весьма «большой» и фактически трансграничной географии совершения преступлений;

в однозначной досягаемости объекта преступного посягательства (т. е. фактическое расстояние до него не имеет никакого значения);

в комфортности условий, сопутствующих подготовке и совершению преступлений в киберпространстве (т. е. их подготовка и совершение реально могут осуществляться практически с любого персонального компьютера, имеющего «выход» во всемирную паутину).

Сам процесс выявления, раскрытия и предварительного расследования преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий, имеет ряд существенных особенностей. Ошибки, допускаемые при этом следователями и дознавателями, в своем большинстве являются следствием их неудовлетворительной профессиональной подготовки именно для этого сегмента криминалистической деятельности. Одной из наиболее существенных причин низкого качества предварительного расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве, в научных публикациях справедливо признается отсутствие качественных методических разработок, в реализации которых были бы в полной мере задействованы современные информационные технологии. В таких условиях объективные сложности обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации с целью ее дальнейшего использования в качестве доказательств по уголовному делу, нередко становятся непреодолимыми. Более того, здесь как нигде высока вероятность того, что те доказательства, что все же были обнаружены, могут быть непреднамеренно изменены и даже утрачены как в результате допущенных ошибок при их фиксации или, например, изъятии, так и в ходе их исследования. Подготовка в ходе досудебного производства по уголовному делу доказательств такого рода для дальнейшего представления их в суде требует обязательного наличия не только основательной профессиональной подготовки, но и регулярного обновления имеющихся знаний у следователей, дознавателей, оперативных работников и, разумеется, у специалистов и экспертов.

Обращает на себя внимание тот факт, что с начала XXI в. и до настоящего времени количество выявленных преступлений в сфере компьютерной информации (ст.ст. 272–274 УК РФ) изменялось практически постоянно. Если в 2001 г. их было зафиксировано около 3,7 тыс., то к 2003 г. их общее количество увеличилось втрое (до

10,4 тыс.). В последующие годы стал наблюдаться их некоторый количественный спад. В 2015 г., например, было зафиксировано 2382 таких преступления[1], за совершение которых было осуждено лишь 235 чел. (!). В 2016 г., по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, эта цифра сократилась до 185 чел.[2]

Причины таких несколько странных статистических расхождений различны, но нам они видятся в том, что абсолютное большинство преступлений в сфере компьютерной информации – латентные. Специалисты правильно утверждают, что до 90 % данных криминальных актов не находят отражения в официальной уголовной статистике[3]. Наиболее распространенная причина такого положения дел, нам видится в нежелании практически всех коммерческих предприятий (в том числе банков) предавать гласности сведения о похищении у них компьютерной информации и денежных средств путем виртуальных взломов систем их защиты. Объяснение этому простое – все они предпочитают дорожить репутацией и боятся потерять клиентов, а доказывание фактов совершения таких преступлений – довольно сложное, обременительное и дорогостоящее занятие. В этой связи криминалисты в своих трудах отмечают, что в современных условиях, многие организации стремятся разрешить подобные ситуации своими силами, поскольку убытки от их расследования могут оказаться значительно выше суммы причиненного ущерба[4].

В США и многих странах европейского континента уже отработана технология поиска киберпреступников. Расходы на розыск каждого из них в среднем составляют немногим более трехсот долларов[5].

---

[1] Михайлова Б. П., Хазова Е. Н. Особенности противодействия киберпреступности подразделениями уголовного розыска. // Состояние преступности в России (за январь–декабрь 2010 г., 2011 г., 2012 г., 2013 г., 2014 г.). ФГУ ГИАЦ МВД РФ. Москва. // URL: www.mvd.ru (дата обращения: 02.04.18).

[2] Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 2.04.18).

[3] См., например: Тарасов А. М. Электронное правительство и информационная безопасность. СПб. 2011. 647 с.

[4] См., например: Коликов Н. Л. Причины и условия профессиональной компьютерной преступности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2011. – № 19 – (236). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-usloviya-professionalnoy-kompyuternoy-prestupnosti (дата обращения: 2.04.18).

[5] Цит. по: 80 % пользователей не верят, что интернет-преступников можно наказать // URL: http://itua.info/software/28662.html (дата обращения: 02.04.18).

Борьба с киберпреступлениями российскими правоохранительными органами пока оставляет желать лучшего. А если выразиться более категорично, то ей особенно некому противостоять. Только 4,5 % следователей обладают более или менее удовлетворительными знаниями по специальности «Информатика и вычислительная техника». Около 72 % из них оценивают свой уровень владения персональным компьютером «как у среднего пользователя»[1]. Здесь есть над чем работать.

Звучит весьма вызывающе и несколько странно, но гораздо эффективнее борьбу с киберпреступлениями в России пока осуществляют несколько агентств, специализирующихся на инициативном расследовании высокотехнологичных преступлений. Они действуют не только в силу собственной заинтересованности в извлечении прибыли, но и по причине наличия у них больших возможностей, знаний и технологического потенциала. Компания «Group-IB», например, за полтора десятилетия своего существования расследовала около тысячи высокотехнологичных преступлений, немалая часть которых являлись особо сложными[2]. Агентство Финансовой и Правовой Безопасности также на этом поприще достигло определенных успехов. В основном за счет использования в работе своих сотрудников не только новейших информационных технологий, но и аккаунтов в социальных сетях (анализируя списки «друзей» на наличие общих признаков)[3]. Согласно данным, полученным компанией «Juniper Research», при сохранении текущего уровня кибератак в ближайшие годы, общие убытки мировой экономики от их осуществления к 2019 г. составят 2,1 трлн долл.[4] Что касается именно России, то ущерб от имевших место на ее территории кибератак в 2015 г., например,

---

[1] Шевченко Е. С. Актуальные проблемы расследования киберпреступлений // Эксперт-криминалист. – 2015. – № 3. – С. 29–30.

[2] Сачков И. Технологии позволяют бороться с киберпреступностью – этот бизнес становится неэффективным // URL: http://sk.ru/news/b/press/archive-/2017/12/20/ilya-sachkov-tehnologii-pozvolyayut-borotsya-s-kiberprestupnostyu (дата обращения: 02.04.18).

[3] Как современные Шерлоки Холмсы находят интернет-мошенников // Правовая газета «Статус». – 2012. – № 8.1 (19). – С. 7.

[4] Общемировые убытки от киберпреступности составят $ 2,1 трлн до 2019 года // URL: http://www.securitylab.ru/news/472924.php. (дата обращения: 02.04.18).

составил сумму, равную половине затрат российского бюджета на здравоохранение (приблизительно 1 трлн 423 млрд руб.!)[1].

Таким образом, большинство изменений, возникших по причине развития информационных технологий, принесли пользу обществу, прежде всего в науке, медицине, инженерии, управлении ресурсами (в том числе финансовыми). Однако они же предопределили появление новых возможностей для причинения вреда интересам общества и государства, поскольку с появлением технологических новаций, возникли основывающиеся на них новые разновидности преступлений, такие, например, как хакерский взлом, внедрение шпионских программ и др. Если бы не технологический прорыв в области информационно-коммуникационных технологий, то, наверное, их бы вообще не существовало в природе.

Изучение следственной практики показывает, что перед совершением преступлений данной категории злоумышленники нередко проводят масштабные организационные и технические подготовительные мероприятия. Они изучают характеристики программно-аппаратных средств, определяют уровень защиты информации, оптимальные пути доступа к ней, принимают иные меры. Факты осуществления таких действий могут фиксироваться при определенных условиях. Из их числа криминалисты выделяют технологии, позволяющие обнаруживать попытки проникновения в компьютерные системы, а также процедуры регистрации программных операций и действий персонала[2].

Борьба с киберпреступностью является проблемой международного масштаба, поскольку меры по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий, не могут быть результативными лишь на национальном уровне в силу транснационального и трансграничного характера самой сети «Интернет». Более того, непрекращающееся увеличение численности ее пользователей закономерно порождает их зависимость от информационного сообщества и уязвимость от разного рода киберпосягательств.

---

[1] Трунцевский Ю. В. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации и прогнозы ее развития // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 29–31.

[2] Степанов В. В. Поисково-познавательная деятельность при расследовании преступлений, совершенных с использованием высоких технологий: монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 167–169.

Коршунов А. В.*[1]*,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Смерть частного обвинителя – можно ли продолжать уголовное преследование?

Как известно, в уголовном судопроизводстве существует понятие частного обвинения[2], которое заключается в возможности уголовного преследования совершивших преступления лиц только при наличии волеизъявления об этом потерпевшего от преступления. По таким делам он именуется частным обвинителем. Часть 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) предусматривает три преступления, по которым дела возбуждаются и разрешаются в частном порядке: умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ, побои (ч. 1 ст. 116 УК РФ) и клевета (ст. 128.1 УК РФ). Такие дела возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего и его законного представителя, за исключением случаев, когда преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, а также когда преступление совершено лицом, данные о котором не известны (ч. 4 ст. 20 УПК).

Итак, как было сказано выше, дело частного обвинения возбуждается либо самим пострадавшим, либо его законным представителем. Это положение практически воспроизводится в ч. 1 ст. 318 УПК, где говорится о том, что такие дела возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд. Таким образом, вопросов с возбуждением уголовных дел такого рода, как правило, не возникает.

---

[1] © Коршунов А. В., 2018.

[2] Гриненко А.В. Частное обвинение в механизме уголовно-процессуального регулирования // Мировой судья. – 2018. – № 2. – С. 14–17.

Вопросы возникают, когда во время рассмотрения уголовного дела частный обвинитель умирает. Так, по уголовному делу, рассматриваемому мировым судьей г. Иркутска в отношении Л. по ст. 116.1 УК РФ, частный обвинитель П. умер. Умер совершенно естественной и одновременно нелепой смертью – подавился сосиской. Казалось бы – нет лица, от которого исходит обвинение – нет и самого обвинения, а, следовательно, и дела. Судья, рассматривающий дело, прекратил его. Однако мать умершего решила довести до конца начатое сыном: в прокуратуру поступила жалоба о незаконности принятого судьей решения.

Необходимо разобраться, может ли быть продолжено уголовное преследование по делу частного обвинения, когда сам частный обвинитель умер? Уголовно-процессуальное законодательство не дает ответа на данный вопрос.

Часть 2 ст. 318 УПК предусматривает, что в случае смерти потерпевшего уголовное дело частного обвинения может быть возбуждено путем подачи заявления его близким родственником в установленном законом порядке. Таким образом, можно сделать вывод о том, что даже без волеизъявления самого лица, которому преступлением причинен вред, уголовное дело должно быть возбуждено.

Несколько иное дело, когда частный обвинитель умер во время рассмотрения дела в суде (кстати, этот же вопрос актуален и при расследовании такого уголовного дела, возбужденного в порядке ч. 4 ст. 20 УПК). Что делать с таким уголовным делом? Ведь именно заявление по делу частного обвинения, послужившее поводом к принятию его мировым судьей, определяет пределы судебного разбирательства[1].

На наш взгляд, ситуация здесь неоднозначная и должна решаться в зависимости от ситуации. Если дело было возбуждено на основании заявления законного представителя, то, безусловно, и в случае смерти представляемого он должен иметь возможность продолжить поддерживать обвинение по такому делу. Если же дело было возбуждено по заявлению самого потерпевшего, то в случае его смерти дело, на наш взгляд, должно быть прекращено. С одной стороны, в соответствии с ч. 8 ст. 318 УПК, если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и

[1] Корякин А. Л. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : автореф. … дис. канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 11.

законные интересы, то мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора. Смерть частного обвинителя условно можно приравнять к таким иным причинам.

С другой стороны, обвинение в таком случае «исчерпано» и фактически его поддерживать некому и, возможно, незачем – лица, интересы которого (и только его) были затронуты совершенным преступлением, уже не существует. Кроме того, можно констатировать определенное нарушение права обвиняемого на защиту – он не имеет возможности примириться с потерпевшим, так как того уже нет в живых. Ведь в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК дело подлежит прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым до удаления суда в совещательную комнату[1]. В данном случае, безусловно, примирения не может быть, так как потерпевший умер, однако если бы он был жив, такая возможность для обвиняемого существовала, и она была бы далеко не гипотетической.

Вместе с тем УПК РФ не предусматривает такого основания для прекращения уголовного дела, как смерть частного обвинителя. Пункт 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ предусматривает в качестве основания для прекращения дела отсутствие заявления потерпевшего, но не его смерть после подачи жалобы. На наш взгляд, аналогичную норму необходимо предусмотреть и в УПК РФ. Пункт 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «5) отсутствие заявления потерпевшего, а также его смерть по уголовному делу, которое может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных частью 4 ст. 20 настоящего Кодекса».

В ст. 319 УПК РФ необходимо предусмотреть п. 5. 2. и изложить его в следующей редакции: «В случае смерти частного обвинителя по делу, рассматриваемому на основании его заявления, мировой судья прекращает уголовное дело, кроме случаев, когда близкие родственники потерпевшего либо подсудимый настаивают на рассмотрении дела».

Подобные изменения устранят неопределенность в вопросах расследования и разрешения уголовных дел частного обвинения в случаях, когда частный обвинитель умер.

---

[1] Коршунов А. В. Неустраненные проблемы реабилитации в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2015. – № 4. – С. 48.

***Чаплыгина В. Н.*[1],**
доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Структурный подход в описании профессии следователя

Следственная деятельность по своей структуре является одной из самых сложных и психологически насыщенных среди различных направлений деятельности органов внутренних дел, имеющая своей целью правовую охрану основных социальных ценностей общества. Профессиональное решение разнообразных задач, возникающих перед следователем в процессе расследования преступлений и установления истины по уголовному делу, требует применения широкого спектра знаний из разных областей человеческой деятельности, владения разнообразными навыками и умениями. Становление профессионала в столь сложном виде деятельности происходит не только благодаря обучению, в процессе которого формируются необходимые компетенции или знания, умения и навыки, но и благодаря тому, что сами обучающиеся осознают, какие конкретно компетенции или знания, умения и навыки необходимы им для эффективного осуществления профессиональных действий[2].

Попытка получить некоторые ответы по данной проблематике, касающейся психологической характеристики деятельности и личности

---

[1] © Чаплыгина В. Н., 2018.

[2] Чаплыгина В. Н. Особенности методики проведения практических занятий по дисциплине «Предварительное следствие в ОВД» в виде анализа ситуации // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции «Практическая направленность обучения как форма интегрированной подготовки специалистов для органов предварительного расследования». 2017. С. 28; Есина А. С. Об эффективности использования криминалистических полигонов в процессе обучения курсантов и слушателей Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования // В сборнике: Практическая направленность обучения как форма интегрированной подготовки специалистов для органов предварительного расследования. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 5–9.

следователя, была неоднократно представлена в работах выдающихся ученых в области юридической психологии и юриспруденции. Так, В. Л. Васильев выделяет в профессиональной деятельности следователя шесть сторон: социальную, поисковую (познавательную), реконструктивную, коммуникативную, организаторскую и удостоверительную деятельность[1].

Причем социальная деятельность представлена такими мерами, как проведение профилактических мероприятий, осуществление правовой пропаганды среди населения, участие следователя в перевоспитании преступника, т. е. выяснение причин и условий совершения преступлений и принятие мер к их ликвидации. Поисковая (познавательная) деятельность непосредственно касается сбора следователем информации о событии преступления, вычленение криминалистически значимой информации из окружающей среды, которая дает возможность реконструировать событие преступления с необходимой точностью.

Реконструктивная деятельность выражается в анализе всей собранной по уголовному делу информации и выдвижение на ее основе специальных версий, которые могут объяснить сложившуюся ситуацию совершения преступления. А результатом данной деятельности является как раз планирование следственных действий. Удостоверительная деятельность дает возможность привести всю добытую информацию в специальную, предусмотренную законом форму – протокол, постановление и т. д.

Коммуникативная деятельность заключается в получении необходимой информации посредством общения, причем особенно большой удельный вес этот вид деятельности имеет при допросах участников уголовного процесса. Суть организаторской деятельности проявляется в двух аспектах: самоорганизации и в умении организовать определенную группу людей для достижения общественно полезной цели.

Наряду с выделением основных профессиональных компонентов деятельности следователя В. Л. Васильев говорит об общей психологической характеристике труда следователя, выделяя следующие ее особенности: государственный характер следственной деятельности; правовая регламентация; наличие властных полномочий; разнообразие и творческий характер; воспитательное воздействие, повышенная

[1] Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. С. 258.

ответственность за принимаемые решения, конфликтный характер деятельности.

Однако нам хочется отметить, что выделение в следственной деятельности отдельных компонентов носит условный характер, так как в реальной жизни данные компоненты имеют между собой тесную связь[1]. Вместе с тем, выделение и анализ отдельных компонентов деятельности способствуют определению профессионально важных качеств, необходимых следователю для ее успешного осуществления.

И. И. Аминов характеризует следственную деятельность как разновидность социально-психологической деятельности и выделяет следующие основные компоненты: познавательная, реконструктивная, удостоверительная, коммуникативная, воспитательная. Выделяя психологические особенности, И. И. Аминов характеризует ее как деятельность, связанную с повышенной общественной значимостью, обладающую элементами властного принуждения, процессуальной самостоятельностью, но в то же время и строгая регламентация порядка, средств и сроков следствия.

Опираясь на исследования В. В. Романова и М. В. Крозова, И. И. Аминов приводит психограмму и критерии психологической пригодности к профессии следователя, в которую включены такие компоненты, как[2]:

1. Познавательные качества. Следователь должен обладать высоким уровнем интеллектуального развития, иметь способности к анализу и обобщению информации, умению удерживать в памяти незначительные на первый взгляд детали, тем самым развивая наблюдательность, способности к прогнозированию и планированию, восстановлению событий по наличествующим признакам и многое другое.

2. Мотивационно-ценностные особенности. Следователю должно быть присуще наличие высокого уровня правосознания и социальной ответственности, совестливости, принципиальности, добросовестности, исполнительности, дисциплинированности, честности, обязательности и другое.

---

[1] Чаплыгина В. Н. Сравнительно-правовой анализ нравственно-этических категорий «добросовестность» и «недобросовестность» в уголовно-процессуальном праве России // Личность, право, государство. – 2017. – № 2. –С. 57–66.

[2] Аминов И. И. Юридическая психология : учебник / И. И. Аминов, Н. А. Давыдов. М. : Проспект. 2014. С. 176.

3. Личностные особенности. Такому виду деятельности характерно наличие адекватной самооценки, самоуважения, смелости и активности, самостоятельности и независимости в принятии решений.

4. Коммуникативные качества. Главным в работе следователя, как нам представляется, является умение устанавливать и поддерживать контакт (как психологический, так и словесный), умение слушать собеседника и понимать его, принимать его внутренний мир, особенности его характера, темперамента, текущего психологического состояния, иметь лидерские или организационные качества, обладать чувством юмора.

Представляется небезынтересным рассмотрение профессиографического описания деятельности следователя, предложенного И. Н. Сорокотягиным и Д. А. Сорокотягиной[1], по мнению которых предварительное следствие представляет собой процесс, который направлен на восстановление прошлого события преступления по следам, обнаруженным следователем в настоящем. Данные авторы выделяют несколько основных составляющих (блоков) профессиональной деятельности следователя, к одному из которых относится психологическая характеристика следственной деятельности, которая включает в себя такие структурные элементы, как: непосредственно психологические и другие специальные знания следователя, психологические основы выдвижения версий и планирование расследования преступления, тактические, психологические и нравственные аспекты взаимодействия следователя и психолога, а также психология совершения отдельных следственных действий.

Заметим, что следующим блоком в деятельности следователя выделяются знания, которые помогают расследовать преступления, которые в свою очередь подразделяются на знания в сфере общественных наук, на правовые знания и на специальные знания и навыки. Основным элементом в области знаний в сфере общественных наук выступает изучение психологии. Полученные знания позволяют следователю иметь ясное представление о действиях преступника, способ-

[1] Сорокотягин И. Н. Юридическая психология : учебник для бакалавров / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 204.

ность правильно их квалифицировать, навыки своевременного планирования и выдвижения гипотез для успешного расследования уголовного дела[1].

Считаем, что правовые знания включают в себя глубокое и детальное изучение законодательства Российской Федерации, умение на практике применять нормы уголовного кодекса и уголовно-процессуального законодательства, иметь хорошие навыки в области криминалистической тактики и методики расследования преступлений, а также ряд других юридических наук[2]. К специальным знаниям и навыкам относятся такие навыки, как умение правильно обращаться с фото- и видеоаппаратурой, материалами для работы со следами рук, ног, многочисленными поисковыми приборами.

Таким образом, резюмируя сказанное и сравнив различные подходы к описанию структуры деятельности следователя, полагаем целесообразным в рамках разделения профессиональной деятельности на ее структурные компоненты подвергнуть как можно более подробному описанию профессиональных действий и операций, осуществляемых специалистом в рамках этой деятельности. Учтя сказанное, отметим, что подробное описание профессиональной деятельности с позиции структурного подхода необходимо для определения профессионально важных психологических качеств, достаточных и необходимых для успешного осуществления этой деятельности.

---

[1] Клевцов В. В., Булысова Т. В. «Особенности формирования у обучающихся практических навыков и умений применения технико-криминалистических средств на практических занятиях по криминалистике» // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 1. – С. 65–67.

[2] Сретенцев Н. И., Сретенцев А. Н. Использование балльно-рейтинговой системы при изучении учебной дисциплины «Криминалистика» // Образование и общество. – 2015. – № 92. – С. 42–45.

***Фадеев П. В.*[1],**
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Проблемы оказания юридической помощи лицами, не являющимися юристами-профессионалами

Как показывает анализ, уголовно-процессуальное законодательство, с одной стороны, ограничивает деятельность лиц, оказывающих юридическую помощь, в основном адвокатами[2], с другой стороны, предоставляет возможность для оказания юридической помощи близким родственникам и иным лицам. Так, в качестве защитников по определению или постановлению суда могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката (ч. 2 ст. 49 УПК РФ).

Схожая ситуация и с представителями потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 55 УПК РФ в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, кроме адвоката, могут быть также допущены один из близких родственников либо иное лицо, о допуске которого ходатайствуют потерпевший, гражданский истец или гражданский ответчик. Представителями гражданского истца и гражданского ответчика, являющимися юридическими лицами, также могут быть допущены иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять их интересы.

Такой подход ведет к росту количества участников, не имеющих необходимых знаний, умений и навыков для оказания юридической

---

[1] © Фадеев П. В., 2018.

[2] Так, 94,4 % респондентов показали, что в досудебном производстве по уголовным делам квалифицированную юридическую помощь в большей мере оказывают лица, имеющие статус адвоката. См.: Семенцов В. А., Бургер Б. М. Уголовно-процессуальные формы участия адвоката в досудебном производстве. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 34.

помощи, и в общем итоге к неопределенности в вопросе обеспечения государством права граждан на квалифицированную юридическую помощь, закрепленного в ст. 48 Конституции Российской Федерации.

Во-первых, юридическая помощь, оказываемая близкими родственниками или иными лицами, являющимися участниками уголовного процесса, предполагает неограниченный перечень лиц, имеющих право участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве представителей.

В соответствии с п. 4 ст. 5 УПК РФ к близким родственникам относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Перечень иных лиц в уголовно-процессуальном законодательстве не определен, так как в качестве представителя или защитника указанных участников уголовного процесса, являющихся физическими лицами, могут быть допущены любые лица, о допуске которых они ходатайствуют (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 55, ч. 2 ст. 49 УПК РФ). В то же время представителями гражданского истца и гражданского ответчика, являющимися юридическими лицами, могут быть лица, правомочные в соответствии с гражданским законодательством представлять их интересы (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 55 УПК РФ).

Следует отметить, что в большинстве случаев указанные лица не имеют юридического образования и необходимых профессиональных знаний, умений и навыков для оказания юридической помощи. Однако уголовное судопроизводство не предусматривает участие таких представителей наряду с адвокатом, как это предусмотрено в отношении защитника обвиняемого. Как отмечается в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. № 446-О «По жалобам граждан Л. Д. Вальдмана, С. М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», словосочетание «представителями могут быть адвокаты» имеет в виду, по сути, альтернативу выбора представителя[1].

[1] Как отмечается Российской Федерации словосочетание «представителями могут быть адвокаты» имеет в виду, по сути, альтернативу выбора представителя.

Некоторую сложность вызывает представительство интересов частного обвинителя. Анализ ч. 1 ст. 45, ст. 147, ч. 2 и ч. 3 ст. 318, ч. 4 ст. 20 УПК РФ показывает, что его интересы может представлять только адвокат. В тоже время в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» отмечается, что по смыслу ч. 1 ст. 45 УПК РФ представителями частного обвинителя могут выступать не только адвокаты, но и иные лица, полномочия которых подтверждаются заявлением частного обвинителя в судебном заседании[1].

В связи с этим представляется целесообразным внести дополнения во второе предложение ч. 1 ст. 45 УПК РФ, изложив ее следующим образом: «В качестве представителя потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя могут быть также допущены один из близких родственников потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший, гражданский истец или частный обвинитель».

Во-вторых, не предполагает существенных ограничений для допуска близких родственников или иных лиц. Следует отметить, что по смыслу закона указанные лица допускаются к участию в уголовном судопроизводстве в качестве представителей или защитника без всяких ограничений. Об этом свидетельствуют разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых говорится, что право потерпевшего иметь избранного им самим представителя для оказания помощи в отстаивании своих прав и законных интересов не

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – 2010. – 7 июля. – № 147.

ограничивается никакими условиями и может быть реализовано на любом этапе производства по уголовному делу[1].

В то же время наличие, например, права обвиняемого выбирать в качестве защитника любое лицо по своему усмотрению не предполагает возможность допуска в уголовный процесс любого выбранного им лица. Как отмечается в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2012 г. № 74-О12-8, в случае, если такое лицо по своим «личным качествам и правовому положению» не может соответствовать критериям защитника в уголовном процессе, оно не сможет оказать квалифицированной юридической помощи. Недопущение к участию в производстве по уголовному делу в качестве защитника определенного лица ввиду несоответствия его установленным в законе требованиям не может рассматриваться, как нарушение гарантируемых ч. 2 ст. 45 и ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации прав[2].

Такой же подход применяется к представителям потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика. Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», суд принимает решение о допуске представителя с учетом данных о его личности, а также обстоятельств, исключающих его участие в производстве по уголовному делу, в соответствии со ст. 72 УПК РФ[3].

---

[1] См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2005 г. № 431-О «По жалобе гражданина Саблина Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 2. – С. 12–14.

[2] См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9 / СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – 2010. – 7 июля. – № 147.

Квалифицированная помощь. Вместе с тем основным содержанием данной деятельности является оказание квалифицированной юридической помощи, связанной с представительством и защитой прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Так, в соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут выступать иные лица, способные, по мнению этих участников судопроизводства, оказать им квалифицированную юридическую помощь[1]. Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», решая вопрос о допуске одного из близких родственников или иного лица в качестве защитника обвиняемого, необходимо учитывать характер и особенности обвинения, а также возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу[2].

В связи с вышеизложенным деятельность таких лиц не гарантирует оказание квалифицированной юридической помощи, так как осуществляется лицом, не имеющим юридического образования, не обладающим соответствующей профессиональной компетенцией, не способным правильно квалифицировать уголовно наказуемое деяние и определить перечень правовых средств, необходимых для защиты, охраны или реализации прав и законных интересов доверителей.

На наш взгляд, основным содержанием этой деятельности является содействие потерпевшему, гражданскому истцу, частному обвинителю, обвиняемому, гражданскому ответчику, осуществляемое с использованием определенных законом правовых средств, в целях в

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 9.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 9.

защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов[1]. Однако их деятельность носит не юридический характер, так как осуществляется не юристами-профессионалами, а правовой, допускающий их участие в уголовном судопроизводстве в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке в качестве представителей или защитника, наделяющий их соответствующим правовым статусом, позволяющим защищать, охранять и реализовывать права и законные интересы потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, обвиняемого.

В связи с этим представляется целесообразным, во-первых, признать правовой, а не юридической помощью деятельность уполномоченных законом иных лиц, так как она не является юридической деятельностью, осуществляемой юристом-профессионалом; во-вторых, поддержать мнение ученых о необходимости внесения изменений в Конституцию Российской Федерации[2], принятия закона о квалифицированной юридической помощи[3], что послужит важным вкладом в осуществление правовой реформы в России.

Представляется целесообразным дополнить ст. 5 УПК РФ следующего содержания: «26.1) представители потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя и гражданского ответчика, не являющиеся адвокатами или юрисконсультами, в установленном настоящим Кодексом порядке оказывают правовую помощь своим доверителям в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов».

---

[1] Следует отметить, что в УПК РФ прямо не указано, что представители потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя и гражданского ответчика оказывают юридическую помощь.

[2] По мнению В. В. Гошуляка, неудовлетворительность формулировки ст. 48 Конституции Российской Федерации обусловлена тем, что она не перечисляет организации и лиц, оказывающих юридическую помощь, в том числе бесплатную. См.: Гошуляк В. В. Прокуратура, адвокатура, нотариат в конституционном праве России. М. : Альфа-М, 2005. С. 157–158.

[3] См.: Альбрант Н. В. Конституционное право на получение адвокатской помощи в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 48; Владимирова И. А. Особенности гражданско-правового регулирования оказания услуг адвокатом : дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2006. С. 3; Ильина Т. И. Обязательства по оказанию правовых услуг в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3 и др.

Тутынин И. Б.*[1]*,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Совершенствование применения мер процессуального принуждения имущественного характера следователями ОВД РФ[2]

Специфика мер процессуального принуждения имущественного характера обязывает следователя иметь знания, умения и навыки из целого ряда отраслей права, выходящих за пределы сугубо уголовно-процессуального права. Например, при наложении ареста на ценные бумаги, при избрании в качестве меры пресечения залога, состоящего во внесении недвижимого имущества, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций, без обращения к нормам соответствующего законодательства не обойтись[3]. Незнание или недостаточно полная осведомленность о сущности и содержании, а также неумение правильно применить приведут к отказу или неэффективному применению рассматриваемых институтов.

Например, недостаток опыта при применении мер процессуального принуждения имущественного характера может проявляться в

---

[1] Тутынин И. Б., 2018.

[2] Данная работа выполнена при информационной поддержке компании «КонсультантПлюс».

[3] Григорьев В. Н. Актуальные вопросы, возникающие при расследовании хищений бездокументарных акций // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. – 2013. – № 3. – С. 541–550; Масленникова Л. Н. Цель уголовного судопроизводства как форма правового согласования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных интересов государства и личности // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 1. – С. 68–73; Химичева О. В., Шаров Д. В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 4. – С. 144–147.

том, что следователь не обладает необходимыми знаниями в определении оснований и условий либо неумело использует умения и навыки применения мер процессуального принуждения имущественного характера, недооценивает или переоценивает важность каких-либо из фактических обстоятельств. Это неизбежно приводит к ошибкам, к невыполнению стоящих задач предварительного расследования, всего уголовного судопроизводства.

Совершенствование практики применения рассматриваемых мер маловероятно без надлежащего уровня профессиональной подготовленности и правосознания должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело. Для этого целесообразно стремиться к узкой специализации и совершенствованию кадровой политики: отбор, подготовка и переподготовка, выдвижение по службе, поддержание дисциплины и т. п. Необходимо предпринимать действия по усилению кадрового потенциала и повышению квалификации, в том числе посредством проведения разъяснительной работы по применению таких мер.

Снизить пассивность должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу и обязанных при наличии на то законных условий и оснований инициировать более масштабное применение мер процессуального принуждения имущественного характера, возможно за счет стимулирования следователей путем сочетания материального вознаграждения за эффективное применение и соответствующей ответственности за невыполнение должностных обязанностей.

Применение мер процессуального принуждения имущественного характера может привести к имущественному поощрению следователей, а также сотрудников органов, осуществляющих ОРД, в зависимости от конечного результата их работы. Например, реальное обеспечение процессуального решения о возмещении причиненного преступлением вреда, посредством активного и успешного применения иных мер процессуального принуждения имущественного характера целесообразно премировать при выполнении следующих условий:

1) должностные лица выполнили качественное расследование уголовного дела, установив лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, собрали доказательства не только его виновности, но и обосновывающие законность взимания с него имущественных взысканий;

2) в материалах дела должны быть доказательства того, что такие действия были своевременными, законными и обоснованными, что именно в результате их применения состоялось возмещение причиненного преступлением вреда, других имущественных взысканий;

3) предыдущие позиции подкреплены вынесенным соответствующим процессуальным решением, вступившим в законную силу.

Поощрение может быть применимо в случае избрании эффективной для каждого конкретного случая меры пресечения. Именно достижение поставленной цели посредством включения имущественной составляющей должно определять возможность материального стимула. Имеются в виду случаи, когда избранная мера пресечения привела к положительным результатам, обвиняемый полностью выполнил предписания закона о надлежащем поведении. В этом случае из суммы залога целесообразно отчисление в качестве вознаграждения фиксированного значения денежных средств тому должностному лицу, которое инициировало (поддержало) применение данной меры пресечения.

Если же применение меры пресечения имущественного характера привела к отрицательным результатам, то заложенное имущество полностью обращается в доход государства. В этом случае к должностному лицу, ответственному за производство по уголовному делу, могут быть поставлены вопросы о надлежащем выполнении им своих должностных полномочий.

Такой подход позволит не только увеличить случаи применения мер имущественного характера, но и будет способствовать более избирательному подходу правоприменителей к выбору надлежащей степени принуждения, когда инициирующее должностное лицо будет более аргументировано и тщательно выбирать размер и предмет залога, а также при выяснении личностных характеристик обвиняемого и залогодателя.

Предлагаемое нововведение повысит эффективность предварительного расследования, так как подстегнет следователя направить усилия на установление прежде всего обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). Обстоятельства, связанные не только с причиненным вредом, но и иные, имеющие гражданско-правовую природу, значимые по уголовному делу сведения, будут более качественно выясняться, чем облегчат усилия в судебных стадиях.

Полагаем, что решение о материальном стимулировании должностных лиц органов предварительного расследования за надлежащее исполнение ими процессуальных обязанностей может принимать суд, в производстве которого находится уголовное дело. В случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в досудебном производстве таким полномочием может быть наделен прокурор (руководитель следственного органа). Размер такого вознаграждения может быть в виде установленного законом денежного значения.

Мотивированность деятельности правоприменителя посредством использования материальных рычагов воздействия должна быть ориентирована на достижение социально полезного результата, исключающего формальное исполнение своих служебных обязанностей, и тем более различных правонарушений, что предусматривает достижение целей, которые поставлены уголовно-процессуальным законодательством, а также официальными показателями работы – статистическими данными о правоприменительной деятельности.

Официальные статистические данные осуществления уголовного судопроизводства и связанное с этим применение мер процессуального принуждения имущественного характера должны давать обобщающий итог выполнения данной государственной услуги в абсолютном (количество случаев) и в стоимостном (денежном) выражении, с демонстрацией полезности рассматриваемой деятельности.

При построении критериев статистической отчетности необходимо стремиться к тому, чтобы она способствовала проверке эффективности деятельности правоохранительных органов по обеспечению имущественных прав и интересов лиц, общества, государства, потерпевших от преступления, а также, наблюдая за изменениями в указанной сфере, своевременно позволяла бы принимать адекватные меры реагирования.

За рамками официальной статистики не должны находиться такие показатели, как количество случаев претензий лиц (физических и юридических), пострадавших от неправомерных действий следователей в связи с применением мер процессуального принуждения и следственных действий, причинивших имущественный вред; связанные с этим выдвинутые пострадавшими суммы ущерба и суммы, которые были реально взысканы из федерального бюджета.

В то же время следует остерегаться ориентации на валовые показатели. Правовая статистика должна являться способом получения

информации о деятельности правоохранительных и судебных органов, а не средством оценивания качества работы конкретных сотрудников[1].

Система статотчетности должна отражать как показатели эффективности деятельности конкретного министерства (ведомства) по обеспечению имущественных претензий государства к лицам, так и показатели своевременного применения наложения ареста на имущество по наиболее значимым для общества преступлениям, связанным с организованной преступностью и преступными сообществами, преступлениями экономической направленности, преступлениями против собственности и др.

Необходимо учитывать соотношение количества обращений граждан с требованиями обеспечить исполнение приговора в части гражданского иска, количества ходатайств перед судом об аресте имущества, количества исполненных решений о наложении ареста на имущество; соотношение суммарной стоимости заявленных, обеспеченных и необеспеченных требований в связи с необходимостью исполнения приговора в части имущественных взысканий. При этом важно, чтобы в системе статистической отчетности существовало отграничение количества обращений лиц с просьбой обеспечить гражданский иск, возможную конфискацию имущества и иные имущественные взыскания от количества обращений должностных лиц, по которым принято решение об отказе в удовлетворении данных ходатайств.

[1] Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования): монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 90.

Махова И. В.*[1]*,
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
подполковник полиции;
Тихомирова Ю. Д.*[2]*,
курсант 320 взвода 3 курса «В» Института подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Предмет преступного посягательства и способы совершения краж несовершеннолетними

Одним из ключевых элементов криминалистической характеристики преступления выступает предмет преступного посягательства. Его значение обусловлено прежде всего «двоякой взаимосвязью с преступником и особенностями его личности. Он, как цель, т. е. ожидаемый преступный результат преступной деятельности, который побуждает лицо к совершению преступных действий и мотивирует их совершение, потребность в чем-либо, направляет внимание лица на конкретный предмет, и тот становится его преступной целью»[3].

В свою очередь выбор предмета преступного посягательства обусловлен особенностями конкретной личности несовершеннолетнего, например, его психическим состоянием, психологическими свойствами, жизненным опытом, увлечениями и другими особенностями. «Предмет преступного посягательства детерминирует выбор способа совершения противоправного деяния как средства реализации своего замысла в виде конкретных приемов и их совокупности, орудий, средств и достижения преступной цели»[4].

---

[1] © Махова И. В., 2018.

[2] © Тихомирова Ю. Д., 2018.

[3] Бессонов А. А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 4. – С. 228–233.

[4] Постановление по уголовному делу № 1-50. Архив мирового участка № 255 г. Москвы.

Несовершеннолетние чаще всего посягают на мобильные телефоны, автомобили, скутеры, фотоаппараты, продукты питания и средства личной гигиены, одежду и обувь, денежные средства.

Если систематизировать данную информацию и рассмотреть на примере изучения 30 уголовных дел о тайном хищении имущества, совершенном в 2016 г. в г. Москве, то можно установить, на что посягают в большей и меньшей степени несовершеннолетние.

Анализ 30 приговоров по уголовным делам о кражах, совершённых несовершеннолетними, вынесенных судами г. Москвы в 2016 г., позволил получить следующие данные. В 23,3 % случаев предметом преступного посягательства являлся мобильный телефон, одежда и обувь – в 16,7 %, денежные средства – в 13,3 %, продукты питания и средства личной гигиены – в 13,3 %, автомобили – в 10 %, скутеры и фотоаппараты – по 6,7 %, магнитола – 3,3 %, DVD – 3,3 %, золотые украшения – 3,3 %.

Способы кражи включают в себя действия по подготовке, совершению и сокрытию тайного похищения чужого имущества.

Действия по подготовке несовершеннолетние фактически не осуществляют, если преступление совершается не в группе. Совершая преступление группой, подростки заранее вступают между собой в сговор, направленный на тайное хищение чужого имущества. Для реализации единого преступного умысла, они предварительно распределяют роли. Например, один наблюдает за окружающей обстановкой с целью предупреждения соучастника о возможной опасности, а другой, пользуясь отсутствием внимания со стороны потерпевшего, тайно похищает чужое имущество.

Способы совершения краж несовершеннолетними можно разделить на две группы: кражи, совершаемые путем свободного доступа, и кражи, связанные с преодолением преград. Путем свободного доступа кражи совершаются с проникновением в жилища, помещения, магазины, транспортные средства через незапертые двери в момент, когда внимание собственника имущества чем-либо отвлечено. При этом похищаются оставленные без присмотра личные вещи граждан.

Так, несовершеннолетний учащийся 7 класса Л. около 11 часов 15 минут в школьной раздевалке, понимая, что за его действиями никто не наблюдает, путем свободного доступа похитил не принадлежащий ему сотовый телефон Самсунг С-3650[1].

[1] Приговор по уголовному делу № 1-536. Архив Гагаринского районного суда г. Москвы за 2016 год.

Вторая группа способов совершения краж совершается путем взлома входных дверей и замков, выбивания стекол в окнах, проникновения через форточку, с использованием подбора ключей.

Так, несовершеннолетняя К., имевшая ключ от квартиры подруги, незаконно проникла в квартиру в отсутствие хозяев и похитила фотоаппарат марки «Кэнон» стоимостью 10 тыс. рублей[1].

Анализ приговоров позволяет сделать вывод о том, что около 30 % краж совершается несовершеннолетними с преодолением преград, а 70 % – путем свободного доступа.

Выбор и осуществление способа совершения кражи зависят от ряда объективных и субъективных факторов, которые будут являться для несовершеннолетнего благоприятными. Например, месторасположение объекта посягательства, количество и характер преград на пути к месту нахождения предметов кражи, их количество, ценность и другие характеристики (хрупкость, габариты и т. п.), совершение преступления в группе, различного рода навыки, наличие технических средств для преодоления преград, время года и дня.

При этом следует отметить возросшую мобильность и техническую оснащенность преступных групп, специализирующихся на кражах чужого имущества. У несовершеннолетних, как показывает практика, обычно нет ни транспортных средств, ни универсальных отмычек, ни огнестрельного оружия и современной техники.

Нередко несовершеннолетние действуют не одни, а в составе группы со взрослыми с распределением ролей. Так, совершеннолетний У. и несовершеннолетний С., находясь в торгово-развлекательном центре, полагая, что за их действиями никто не наблюдает, подошли к находившемуся там же ранее незнакомому Ф. Воспользовавшись отсутствием внимания со стороны Ф., С. похитил из внешнего кармана сумки, находившейся при потерпевшем, сотовый телефон[2].

Несовершеннолетними используются различные способы сокрытия краж, самым распространенным из которых являются покидание места совершения преступления и продажа похищенного.

---

[1] Приговор по уголовному делу № 1-139. Архив Басманного районного суда г. Москвы за 2017 год.

[2] См. там же.

Абраменко А. А.*[1]*,
аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
младший советник юстиции

Об основных направлениях оптимизации досудебного производства в уголовном процессе России в контексте опыта постсоветских государств

Вопросы оптимизации досудебного производства по уголовному делу в настоящее время привлекают внимание законодателя и научного сообщества. С одной стороны, в период 2010–2013 гг. произошли существенные преобразования стадии предварительного расследования: усиление процессуальной самостоятельности следователей и элементов ведомственного процессуального контроля, осуществляемого руководителями следственных органов, упрощение процедуры дознания, расширение содержания и объема проверочных мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела. С другой стороны, уголовно-процессуальные отношения в досудебном производстве по уголовному делу не претерпели серьезной трансформации: оно по-прежнему включает в себя две самостоятельные стадии, при окончании расследования материалы уголовного дела направляются прокурору для утверждения обвинительного заключения и направления дела в суд для рассмотрения по существу. Принцип состязательности в досудебном производстве по уголовному делу продолжает реализовываться фрагментарно (при рассмотрении судом ходатайств следователей (дознавателей) о производстве отдельных следственных или процессуальных действий). Обращаясь к историческому опыту, можно заключить, что сегодня досудебное производство по уголовному делу сохранило ряд установлений, сформировавшихся в советском уголовном процессе, а также частично развило основные идеи Концепции судебной реформы 1991 г. относительно демократизации предварительного расследования и усиления судебного контроля в этой сфере.

[1] © Абраменко А. А., 2018.

В научной литературе современное состояние правового регулирования досудебного производства оценивается критически[1]. Так, Б. Я. Гаврилов обращает внимание на то, что стадия возбуждения уголовного дела нуждается в коренном реформировании, поскольку является своеобразным «фильтром», благодаря которому не только исключается возможность уголовно-процессуальной деятельности по тем материалам, где констатация наличия признаков преступления не бесспорна, но и создаются условия для ограничения права граждан на доступ к правосудию[2]. В свою очередь А. С. Александров и М. В. Лапатников подвергают серьезной критике порядок производства дознания в сокращенной форме как входящий в противоречие с принципом публичности уголовного процесса[3]. С. И. Гирько вносит предложение о восстановлении в российском уголовном процессе института протокольной формы досудебной подготовки материалов, который мог бы эффективно применяться по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, расследование которых не представляет особой сложности[4].

Исходя из изложенного, высокую актуальность имеют две проблемы: процессуальная экономия и абсолютный доступ к правосудию в разумный срок. Как представляется, они должны получить сбалансированное решение. Иными словами, упрощая досудебное производство, законодатель не вправе ограничивать доступ лиц, пострадавших от преступных действий, к правосудию, а принимая меры по деформализации уголовного процесса, не вправе разрушить систему

---

[1] См.: Арестова Е. Н., Артёмова В. В., Батюк В. И., Бирюков С. Ю., Блинова Е. В., Бородкина Т. Н., Васильев Н. В., Вологина Е. В., Гаврилов Б. Я., Гончар В. В., Горкина Е. В., Денисов С. А., Есина А. С., Иванов Д. А., Каратай Т. П., Квасница С. Е., Коловоротный А. А., Корнелюк В. С., Костерина Н. В., Макеева Н. В. и др. Предварительное следствие :учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция». М. : 2017. С. 389.

[2] Гаврилов Б. Я. Современное досудебное производство и меры по его деформализации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 9–19.

[3] Александров А. С., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК и сложности их применения // Уголовный процесс. – 2013. – № 4. – С. 12–19.

[4] Гирько С. И. О мерах по оптимизации досудебного производства в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 182–185.

процессуальных гарантий, предусмотренных для реализации лицами, подозреваемыми или обвиняемыми в совершении преступлений, предоставленных им прав. В этой связи Н. В. Буланова отмечает, что оптимизация досудебного производства по уголовному делу должна учитывать необходимость обеспечения законности и соразмерности ограничений прав участников уголовного процесса и в то же время позволять быстро и эффективно устанавливать обстоятельства совершения преступления и лиц, его совершивших[1].

Признавая обоснованность сформулированных учеными предложений, можно обратиться к опыту преобразований, проведенных в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых постсоветских государств.

Например, в УПК Республики Казахстан предусмотрен институт следственных судей (ст. 55), на которых возложено не только рассмотрение жалоб на действия и решения должностных лиц органов предварительного расследования, санкционирование отдельных следственных и процессуальных действий, но и депонирование показаний свидетеля и потерпевшего. Последнее из полномочий обеспечивает процессуальную экономию, поскольку депонированные показания могут быть оглашены в стадии судебного разбирательства без вызова этих лиц в суд. Одновременно оно служит дополнительной гарантией права подозреваемого на защиту, поскольку процедура депонирования подразумевает вызов этих лиц в судебное заседание. Также можно отметить, что свидетель и потерпевший получают дополнительную гарантию безопасности, и возможность противоправного воздействия на них снижается. Право на доступ к правосудию гарантируется и тем, что депонирование показаний происходит в рамках производства по уголовному делу. Статьи 190–191 УПК РК регламентируют порядок осуществления досудебного расследования в ускоренной форме, что позволяет оптимизировать процессуальные сроки.

В свою очередь в УПК Украины 2012 г. также предусмотрена компетенция следственного судьи, включающая элементы контроля (рассмотрение жалоб) и санкционирования (в том числе производства негласных следственных действий). Следует отметить, что в этой части в УПК РФ судебный контроль реализован в полном объеме и, как

[1] Буланова Н. В. Соблюдение прав человека в сфере уголовного судопроизводства: состояние, проблемы, средства обеспечения // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 66–69.

представляется, позволяет эффективно защищать права и законные интересы граждан. Достаточно интересно, что с марта 2018 г. в УПК Украины появились положения, усложняющие процедуру продления сроков досудебного расследования и побуждающие следователей и дознавателей максимально эффективно использовать общие сроки, установленные законом. Данные нормы способствуют повышению гарантированности права на разумный срок судопроизводства.

В уголовном процессе обоих рассматриваемых государств начало досудебного производства по уголовному делу не связано с объемной процессуальной проверкой информации о совершенном преступлении. Вследствие «автоматизации» процедуры начала расследования (с момента внесения в Единый реестр досудебных расследований сведений о преступлении) следователи и дознаватели избавлены от проведения процессуальной проверки, завершающейся принятием процессуального решения о возбуждении уголовного дела, и это способствует упрощению досудебного производства, ускоряет установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также повышает правовую защищенность лиц, ставших жертвами преступных посягательств.

В соответствии с ч. 3 ст. 58 УПК РК прокурор имеет право лично производить расследование, пользуясь при этом полномочиями следователя. Для сравнения, п. 1 ч. 2 ст. 36 УПК Украины уполномочивает прокурора начинать досудебное расследование, но в целом это, скорее, исключение, нежели общее правило. Как видно, в УПК Казахстана прокурор осуществляет не только надзор за законностью, но и руководство предварительным расследованием, а в УПК Украины – в большей степени реализует надзорную функцию. Для сравнения, в УПК РФ в современный период функция прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования имеет серьезный дисбаланс, поскольку дифференцируется в зависимости от формы расследования; кроме того, прямо определять начало и направление расследования прокурор уполномочен фактически только при производстве дознания.

Подводя итог, необходимо заключить, что современные преобразования досудебного производства по уголовному делу в России могут учитывать опыт других постсоветских государств. Правовое регулирование досудебного производства нуждается в совершенствовании по ряду направлений: упрощение, ускорение, повышение защищенности прав и законных интересов личности.

Самолаева Е. Ю.*[1]*,
доцент кафедры предварительного
расследования Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Проблемы обеспечения прав лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления

Вопросы регламентации прав задержанных лиц по подозрению в совершении преступлений остаются актуальными для правоприменителей и широко обсуждаются в научной литературе.

Это проблемы, связанные с определением момента фактического задержания подозреваемого лица и документальной фиксацией этого времени; реализацией права задержанного на защиту и на телефонный разговор, предусмотренный ст. 96 УПК РФ[2]; а также обеспечение права на защитника (подозреваемые жалуются на несвоевременное предоставление им защитника органами предварительного расследования[3]). Также нами выявлена неурегулированность в УПК РФ вопросов, касающихся права задержанных давать показания на родном языке (в том числе собственноручно, письменно)[4].

---

[1] © Самолаева Е. Ю., 2018.

[2] Рыжаков А. А., Рыжаков А. П. Противоречие теории и практики права на один телефонный разговор задержанного // В сборнике: Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. Материалы IV международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 86–87.

[3] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2017 г. № 1451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Перетятько Натальи Николаевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом "а" пункта 3 части третьей статьи 49 и пунктом 1 части второй статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Чердынцева И. А. Уведомление о задержании подозреваемого в свете принципа языка уголовного судопроизводства // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXII международной научно-практической конференции : в 2 т. 2017. С. 308–310.

Кроме того, законодателем установлены достаточно короткие сроки на выполнение некоторых процессуальных действий (составление протокола задержания, допрос после задержания, обеспечение при этом защитника). Необходимость соблюдения установленной законом процедуры при задержании подозреваемого порой приводит к нарушению его прав.

Перечень проблем, связанных с задержанием подозреваемого и реализацией его процессуальных прав, вызывающих активное обсуждение в научной сфере, значительно шире. Обратимся к некоторым из них.

Не вызывает сомнения, что задержание должно применяться в исключительных случаях, когда необходимо обеспечить нормальный ход следствия и предотвратить попытки воспрепятствовать ему путем уничтожения доказательств, оказания давления на свидетелей и потерпевших, исключить возможность побега.

В случае возникновения необходимости в задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, следователь или дознаватель обязаны соблюдать требования закона в части обеспечения и соблюдения его прав и законных интересов.

Так, при задержании подозреваемого нередко возникает ситуация, когда подозреваемый требует предоставить ему конкретного адвоката, участие которого в указанный срок невозможно обеспечить, либо существуют иные обстоятельства, ввиду которых тот не может приступить к защите в указанный в законе срок (ч. 2 ст. 46 УПК РФ). Обращения следователей с просьбой найти адвокатов, привлечь к ответственности за неявку на следственные действия регулярно поступают в адвокатские палаты[1].

Необеспечение подозреваемому его права пригласить защитника по своему выбору или его замена другим защитником признается Верховным Судом Российской Федерации[2] существенным нарушением норм УПК РФ и Конституции Российской Федерации.

---

[1] Хайкин В. Уважительные причины невозможности явки адвоката в судебный процесс или на следственные действия // URL: http://advokatura55.ru/articles/detail.php?ID=10/

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2015. – № 3.

Разрешение данной ситуации предусмотрено ч. 4 ст. 50 УПК РФ. Следователь должен принять меры к назначению другого защитника. При отказе подозреваемого от назначенного защитника допрос может быть произведен без его участия за исключением ситуаций, предусмотренных п. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ. В последнем случае следователь осуществляет допрос подозреваемого с участием назначенного защитника, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника (в том числе и от назначенного) для следователя, а также дознавателя, прокурора или суда «не обязателен». Иные обстоятельства замены защитника подозреваемого недопустимы и признаются нарушением его прав.

Нарушение предусмотренного ч. 2 ст. 46 УПК РФ требования о допросе подозреваемого не позднее 24 часов с момента его фактического задержания может иметь место в случае, когда задержанного подозреваемого невозможно допросить (например, ввиду его нахождения в состоянии опьянения).

В таком случае следователь должен произвести освидетельствование с привлечением врача в порядке, предусмотренном ст. 179 УПК РФ, по результатам которого делается вывод о возможности задержанного правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания, о чем делается соответствующая отметка в протоколе освидетельствования. Допрос такого лица осуществляется сразу после выхода его из состояния алкогольного или наркотического опьянения, препятствующего его производству.

На практике допрос лица, находящегося в состоянии незначительного алкогольного опьянения (здесь четких критериев нет) обычно все же проводится (чтобы не нарушать сроки), поскольку прямых законодательных запретов для этого не установлено.

В случаях, если ввиду описываемого состояния лицо все же не было допрошено в установленный законом срок, законодатель не исключает возможности рассматривать результаты допроса в качестве допустимых доказательств при условии соблюдения всех иных требований. Причины нарушения данного срока должны быть отражены в материалах уголовного дела (в частности, в виде протокола освидетельствования, а также отражены в протоколе допроса).

Допрос лица, осуществленный без уважительной причины по истечении 24 часов, будет являться нарушением требований УПК РФ.

Однако вопрос о допустимости такого протокола допроса в качестве доказательства по делу также будет решаться (прокурором, судом).

Следует также помнить, что задержанное лицо обладает всеми правами подозреваемого с момента задержания. При задержании лица не допустимы нарушения ни этой процедуры, ни установленных законом прав задержанного.

В случае если нарушения требований норм УПК РФ все же допущены, то в зависимости от их характера этих нарушений будет решаться вопрос об освобождении задержанного лица либо исправлении допущенных нарушений и избрании в отношении него меры пресечения.

Если при задержании нарушения заключались, например, в неправильном составлении протокола задержания, не разъяснении права задержанному, то эти недостатки не являются безусловным основанием для освобождения такого лица из-под стражи. Эти ошибки достаточно устранить, выполнив соответствующую норму УПК РФ.

Однако если нарушен срок задержания, то в соответствии с требованиями ст. 10 УПК РФ задержанный подлежит немедленному освобождению.

Распространенным нарушением прав подозреваемого следует назвать отсутствие указания в протоколе времени его фактического задержания. В результате защитники подозреваемых и обращаются в суд с обжалованием сроков задержания своих подзащитных.

Так, адвокат обратился в суд с жалобой с просьбой признать незаконными действия следователя по вынесению протокола задержания в отношении его подзащитного, мотивируя тем, что фактически он был задержан в 10 ч 22 мин, а в протоколе указано, что в 11 ч 20 мин. Суд удовлетворил жалобу и признал действия следователя необоснованными и незаконными[1].

На практике момент фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, обычно фиксируется в рапорте сотрудника полиции, производившего задержание лица, совершившего

[1] Постановление № 3/7-547/2011 г. Уфа 26 июля 2011 г. Ленинский районный суд г. Уфы // URL: https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-ufy-respublika-bashkortostan-s/act-102169649.

преступление. Но даже в этом документе не всегда отражаются реальное время ограничения свободы передвижения лица[1].

Следователю следует обязательно выяснять и фиксировать в протоколе задержания момент лишения лица свободы передвижения. При этом в протоколе задержания должно быть отражено время именно фактического задержания[2].

Отсутствие надлежащей регистрации факта лишения свободы противоречит международным нормам, гарантирующим право на свободу и личную неприкосновенность[3], Конституции Российской Федерации и подрывает доверие граждан на справедливое и законное осуществление уголовного судопроизводства.

---

[1] Куликов А. В., Чобанов Г. А. Виды задержания по УПК РФ и уголовная ответственность за незаконное задержание // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 40–42.

[2] Постановление Европейского Суда по жалобам № 35919/05 и № 3346/06 «Бирулев и Шишкин против России» (вынесено 14 июня 2016 г., вступило в силу 14 сентября 2016 г.) // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – 8 дек. – № 2, ст. 163 // СПС «КонсультантПлюс».

Сычёв П. Г.*[1]*,
заместитель начальника контрольно-методического управления
Следственного департамента МВД России,
кандидат юридических наук
полковник юстиции

Теоретический анализ производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности

15 ноября 2016 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[2] констатировал наличие особенностей уголовного судопроизводства по делам о ряде преступлений, предусмотренных главами 21 и 22 УК РФ, что уже отмечалось ранее[3].

Предмет рассмотрения данного постановления представляет собой «разношерстный» набор процессуальных норм, отличающийся эклектичностью и отсутствием какой бы то ни было внутренней систематизации. Однако игнорировать наличие в уголовно-процессуальном законодательстве постоянно увеличивающейся совокупности норм, которые регулируют производство по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, точнее, в отношении предпринимателей, сейчас уже невозможно.

Решить вопрос о том, является ли эта совокупность уголовно-процессуальным производством и можно ли назвать его дифференцированным, представляется целесообразным по результатам теоретического анализа, в том числе путем сопоставления его с критериями дифференциации, принятыми в науке уголовно-процессуального права.

---

[1] © Сычёв П. Г., 2018.

[2] Российская газета. – 2016. – 24 нояб. – № 266.

[3] См., например: Сычёв П. Г. О пределах дифференциации уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности (на основании решения Верховного Суда Российской Федерации) // Российская юстиция. – 2017. – № 6. – С. 31–34.

Прежде всего, следует определить направление этой дифференциации с точки зрения тенденций развития уголовно-процессуального законодательства, которых, как известно, три: упрощение, усложнение и повышение эффективности.

Упрощение подразумевает отсутствие какой-либо стадии, сокращение количества процессуальных действий и их внутреннего содержания, «облегченную» систему доказывания и др. Ничего подобного в производстве по делам об экономических преступлениях не наблюдается, т. е. это не упрощение уголовного судопроизводства.

М. С. Строгович указывал: «В действующем сейчас уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены нормы, регламентирующие производство по делам о несовершеннолетних и производство по применению принудительных мер медицинского характера (гл. 32 и 33 УПК РСФСР 1960 г.). ... По обеим категориям дел процессуальные гарантии не сокращаются, а расширяются, усиливаются»[1].

Позже проф. М. С. Строгович в соавторстве с Л. Б. Алексеевой и А. М. Лариным писал: «Дифференциация процессуальных форм в направлении *расширения* процессуальных прав и процессуальных гарантий для тех или иных групп уголовных дел вполне возможна, и она применяется в определенных пределах в действующем законодательстве об уголовном судопроизводстве. ... Дополнительные процессуальные гарантии установлены для расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. Такая форма дифференциации форм уголовного процесса вполне допустима, и она ни в коей мере не противоречит тенденции, более того, закономерности установления единой формы судопроизводства»[2].

Производство по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности устанавливает дополнительные условия для возбуждения уголовного преследования в отношении предпринимателей, вводит запрет на заключение их под стражу, предоставляет дополнительную альтернативу уголовному преследованию, ограничивает сроки произведения процессуальных действий с

---

[1] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Издательство «Наука», 1968. С. 63.

[2] Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М. : Издательство «Наука», 1979. С. 68.

вещественными доказательствами. Если абстрагироваться от политической подоплеки и принимать во внимание только то, что написано в законе, то этот перечень и есть дополнительные процессуальные гарантии. Итак, производство по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности является дифференциацией в сторону усложнения процесса, и в части расширения процессуальных прав и процессуальных гарантий соответствует требованиям проф. М. С. Строговича. При этом сохраняется единая процессуальная форма, все принципы уголовного процесса сохраняют свое значение, следственные действия и процессуальные решения осуществляются по общим правилам УПК РФ, все стадии остаются на месте.

О существовании в уголовном процессе усложнённых производств писали проф. М. Л. Якуб[1], проф. Ю. К. Якимович[2], об усилении в этих производствах процессуальных гарантий обвиняемого (подозреваемого) писали Х. У. Рустамов[3] и С. С. Цыганенко[4].

Можно говорить, что законодательные новации отчасти были направлены на повышение эффективности уголовного судопроизводства, но только на этапе создания и ранних изменений УПК РФ, и относится это к введению в процесс юридического лица в качестве участника, наложения ареста на ценные бумаги (хотя эти особенности могут проявляться и по делам об общеуголовных преступлениях), удлинение срока проверки сообщений о преступлениях до 30 суток для проведения ревизий и документальных проверок, оглашение вступительной и резолютивной части приговора (хотя позже законодатель распространил эти особенности на другие виды производств).

Основной «единицей измерения» дифференциации в ее статическом выражении являются процессуальные производства, о чем в

---

[1] Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М. : Издательство «Юридическая литература», 1981. С. 125–132.

[2] Якимович Ю. К. Избранные труды. СПб. : Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. С. 163–165.

[3] Рустамов Х. У. Дифференциации форм уголовного процесса (Современные тенденции и проблемы совершенствования) : дис. .. д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 220–289.

[4] Цыганенко С. С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства : автореферат дис. … док-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 17, 26–29.

своих работах писали проф. Ю. К. Якимович[1], С. С. Цыганенко[2], Н. С. Манова[3] и другие.

Признаки самостоятельного уголовно-процессуального производства сформулированы Т. В. Трубниковой[4], первым из которых она считает наличие определенной материально-правовой базы. В этой части производство по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности полностью соответствует определению, поскольку постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» в п. 1 определило его материально-правовую базу.

Второй и третьим признаками Т. В. Трубникова считает комплексность, т. е. наличие определенных особенностей в деятельности правоохранительных органов на всех (или хотя бы нескольких) стадиях уголовного процесса и наличие существенных отличий в порядке деятельности по определенной категории дел по сравнению с обычным порядком.

Существенность особенностей и отличий – оценочная категория в принципе в деятельности следственных органов и МВД России и Следственного комитета Российской Федерации при расследовании уголовных дел об экономических преступлениях они существуют.

Основной массив преступлений общеуголовной направленности расследуется следственными органами районного звена, где следователи нацелены на скорейшее окончание производства, поскольку дежурные службы постоянно регистрируют всё новые и новые преступления, которые нужно безотлагательно расследовать. Эти условия формируют и иные результаты работы. Количество направленных в

---

[1] Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного процесса. Томск : Издательство Томского университета, 2015. С. 56.

[2] Цыганенко С. С. Указ. соч. С. 15.

[3] Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : Автореферат дис. … док-ра юрид. наук. М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 2005. С. 17–18.

[4] Трубникова Т. В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск : Издательство Томского государственного университета, 1999. С. 11–13.

суд уголовных дел о преступлениях общеуголовной направленности направлено в суд примерно в десять раз больше, чем экономической. При этом количество дел, прекращенных, возвращенных на дополнительное расследование и по которым вынесены оправдательные приговоры, по последней категории преступлений в процентном соотношении существенно больше. Сроки следствия по экономическим делам превышают аналогичный показатель по делам другой категории не менее чем в два раза. Эти факторы дают основания полагать, что досудебное производство по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности обладает существенными особенностями, такими, что оно даже может рассматриваться как самостоятельная сфера процессуальной деятельности.

При решении вопроса о наличии у исследуемой группы норм статуса дифференцированного производства важным представляется мнение проф. К. А. Волкова, который утверждает: «Принципиальное отличие действующего УПК РФ заключается в появлении самостоятельного института судопроизводства в отношении предпринимателей, регулирующего процессуальный статус, права и обязанности участников уголовно-процессуальной деятельности по названной категории дел»[1].

Принимая во внимание мнение проф. Ю. К. Якимовича о том, что дифференцированное производство – институт уголовно-процессуального права[2], следует сделать вывод: расследование и частично рассмотрение в суде дел о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, являясь правовым институтом, соответствует признаками отдельного процессуального производства.

Говоря об общепринятых критериях дифференциации уголовного судопроизводства, нужно согласиться с тем, что тяжесть преступления (общественная опасность) на сегодняшний день является доминирующей для большинства законодательных построений. Из пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ следует, что по критерию особой тяжести преступления дифференцировано производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, предусмотренное главой 42 УПК РФ. В то же время небольшая

---

[1] Волков К. А. Совершенствование правосудия по уголовным делам в отношении предпринимателей. // Российский следователь. – 2013. – № 18. – С. 38.

[2] Якимович Ю. К. указ. соч. С. 56.

тяжесть явилась главным критерием отнесения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных частями первыми статей 115, 116 и 128^1 УК РФ к категории уголовных дел частного обвинения.

Критерий небольшой тяжести также лег в основу таких упрощенных дифференциаций, как дознание (глава 32 УПК РФ) и дознание в сокращенной форме (глава 32^1 УПК РФ), поскольку в ч. 3 ст. 150 УПК, перечисляющих преступления, по которым производится дознание, нет ни одного тяжкого или особо тяжкого деяния. Производство о применении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (гл. 51^1 УПК РФ, самая упрощенная на сегодняшний день дифференциация), также основано на критерии небольшой тяжести, о чем сказано в ст.ст. 25^1 УПК РФ и 76^2 УК РФ.

Однако усиление процессуальных гарантий при производстве по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности на таком критерии, как тяжесть преступления, не основывается. Содержательный анализ материально-правового основания данного производства показывает, что в нем нет ни одного особо тяжкого преступления, а тяжких – всего десять.

В последнее время приобретает популярность такой критерий дифференциации, как сложность уголовного дела. Уголовные дела об экономических преступлениях, несомненно, отличаются особой сложностью. Однако те признаки сложного уголовного дела, которые приводят проф. В. В. Трухачёв (необходимость проведения судебных экспертиз по нестандартным вопросам, противодействие стороны защиты в виде маскировки преступной деятельности, создания ложного алиби, уничтожение следов преступления)[1] или И. С. Смирнова (многопредметность уголовно-процессуального производства, характеризующаяся множественностью преступлений, обвиняемых, потерпевших или совокупности этих признаков в любом сочетании)[2], безусловно, относятся к производству по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, но не являются его эксклюзивной принадлежностью.

---

[1] Трухачёв В. В. Критерии сложности уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 2. – С. 389.

[2] Смирнова И. С. Производство по сложному уголовному делу на досудебных стадиях: монография / под ред. докт. юрид. наук А. М. Баранова. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 54.

Части 3, 3^1 и 3^3 статьи 6^1 УПК РФ в качестве обстоятельств, определяющих разумный срок уголовного судопроизводства, называют правовую и фактическую сложность уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении.

Пункт 42 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» гласит, что при оценке правовой и фактической сложности дела надлежит принимать во внимание обстоятельства, затрудняющие рассмотрение дела, число соистцов, соответчиков и других участвующих в деле лиц, необходимость проведения экспертиз, их сложность, необходимость допроса значительного числа свидетелей, участие в деле иностранных лиц, необходимость применения норм иностранного права, объем предъявленного обвинения, число подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, потерпевших, а также необходимость обращения за правовой помощью к иностранному государству[1]. Какие обстоятельства относятся к фактической, а какие – к правовой сложности, в решении высшего судебного органа не конкретизировано, по всей видимости, к последней категории относится необходимость применения норм иностранного права.

Следует отметить, что в практике случаи применения норм иностранного права на стадиях досудебного производства по уголовным делам встречаются крайне редко, чего нельзя сказать о нормах отечественного цивильного права.

И. С. Смирнова утверждает: «Правовая (юридическая) сложность дела зависима от особенностей конструкции уголовного закона»[2].

Представляется, что под этим следует понимать не только особенности диспозиции, но и объекта и объективной стороны преступления.

Уголовные дела о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности в этом плане отличаются особой спецификой, которая выливается в особую сложность. По каждому такому делу следователи вынуждены полученные доказательства анализировать с точки зрения российского гражданского права на предмет их законности. По правилам ГК РФ заключаются договоры (в

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 4.

[2] Смирнова И. С. Указ. соч. С. 157.

сферах гособоронзаказа, долевого строительства, в кредитно-финансовой, бюджетной сферах и др.), в ходе реализации которых совершены преступления, по правилам банковского законодательства открываются счета в кредитных организациях и перечисляются деньги на них, приемка выполненных работ или другое исполнение договорных обязательств также регулируется нормами гражданского права.

Таким образом, правовая сложность уголовного дела о преступлении в сфере экономической и предпринимательской деятельности заключается в постоянном использовании (применении) норм гражданского права и смежных с ним отраслей (предпринимательского, финансового, банковского права и т. д.).

Проф. О. Я. Баев пишет: «По уголовным делам экономической направленности, установление самого факта преступного характера расследуемого деяния представляет значительно большую сложность, чем установление наличия в деянии, в совершении которого подозреваемый (обвиняемый) изобличен, состава определенно насильственного или корыстно насильственного преступления (при всей очевидной сложности самого процесса его изобличения)»[1].

Несмотря на то что данное мнение больше относится к криминалистике, нетрудно усмотреть здесь процессуальную составляющую, которая заключается в необходимости использования следователем при принятии процессуальных решений специальных знаний компетентного лица (ст.ст. 57 и 58 УПК РФ). Они используются для перепроверки юридических фактов из области гражданского оборота. Это полнота и качество исполнения договорных обязательств, как принятых, так и не принятых контрагентом, действительность самих обязательств (закрепленных в договоре), экономических показателей хозяйствующего субъекта, как публично им объявленных (документально подтверждённых в уполномоченных органах), в том числе для целей выполнения обязательств, так и фактических, и еще многое другое, а кроме того, решений судов гражданской и арбитражной юрисдикции. Такие специальные знания относятся к области цивилистики.

Сложность производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности обусловлена проникновением в уголовное судопроизводство таких гражданско-правовых институтов, как «юридическое лицо» (ст.ст. 42, 44, 45, 54, 55, 106,

[1] Баев О. Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании: учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 71.

139 УПК РФ), «безналичные денежные средства» (ч. 9 ст. 115 УПК РФ), «бездокументарные ценные бумаги» (ст. 116 УПК РФ).

Таким образом, правовая сложность уголовных дел о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности выражается в необходимости использования (применения) гражданско-правовых норм на всех стадиях судопроизводства, которая в совокупности с пробелами в правовом регулировании, обусловленными недостаточно полным учетом концептуальных положений гражданского права в уголовно-процессуальном законодательстве, в настоящее время является одной из наиболее существенных причин (предпосылок) для дифференциации в направлении повышения эффективности судопроизводства, продиктованной требованиями правоприменительной практики.

Изложенное с объективной закономерностью это подводит к необходимости исследования производства по уголовным делам о преступлении в сфере экономической и предпринимательской деятельности в аспекте *юридической (правовой) конвергенции.*

О. В. Третьякова дает данному явлению следующее определение: «Юридическая конвергенция – это процесс взаимодействия элементов внутри системы права, ... характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения»[1].

Н. М. Коршунов, анализируя содержание понятия «конвергенция», указывает: «Термин "сближение" дает нам лишь самое общее представление о конвергенции частного и публичного права как специфическом правовом явлении. ... Сближение – это внешнее проявление более глубоких процессов, которые могут быть названы правовой конвергенцией. В рамках сближения происходит взаимообогащение, взаимопроникновение права в различных ареалах, когда соединяются в единые правовые конструкции преимущества различных сфер права и различных правовых систем»[2].

С точки зрения объяснения природы конвергенции представляется любопытным мнение проф. С. А. Ивановой и В. В. Гребенникова:

---

[1] Третьякова О .В. Юридическая конвергенция : автореферат на соискание учёной степени д-ра юрид. наук. Владимир : Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. С. 8.

[2] Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики : монография / Н. М. Коршунов. М. : Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 23.

«Неоднородность (гетерогеность) источников права не исключает существование между ними отношений взаимодополняемости (комплиментарности). Независимо от того, какой источник является ведущим в конкретной правовой системе, она является результатом влияния различных факторов. Юридические правила, независимо от происхождения, всегда нуждаются в том, чтобы их интерпретировали, существующие между ними противоречия должны быть устранены, а пустоты заполнены»[1].

Если юридические правила в силу возложенных на них задач вынужденно применяются в другой правовой сфере, там, где действуют иные правила, первые должны учитывать специфику вторых, иначе возникает конфликт, именуемый в высшей точке развития правовой коллизией. Конфликт – такая ситуация, где не выигрывает никто. Принять во внимание чужие правила для того, чтобы более эффективно достичь своих целей – наиболее рациональный и выигрышный путь.

Правовые отрасли не избавились окончательно от своеобразного изоляционизма, им присуще недостаточно внимательное отношение к другим отраслям. Пробелы в законодательстве чаще всего объясняются тем, что представители одних юридических наук поверхностно относятся к концептуальным положениям других.

Практики, сталкиваясь с юридическими правилами в других правовых сферах, не урегулированными собственными нормами, вынуждены искать компромисс. Следователи, расследуя уголовные дела о преступлениях, посягающих на гражданский оборот, применяют нормы гражданского права, которые затем неизбежно с течением времени закрепляются в уголовно-процессуальном законе. Так, сначала на практике, а потом законодательно заполняются пробелы.

Профессор Н. М. Коршунов высказывает тезис, имеющий прямое отношение к настоящей публикации: «Проникновение частноправового регулирования не только существует, но и расширяется в казалось бы самой заповедной публичной сфере – уголовном процессе»[2].

Расширение частных начал в уголовном судопроизводстве как последствия конвергенции, по мнению профессора Н. М. Коршунова, выражается в:

---

[1] Иванова С. А., Гребенников В. В. Конвергенция частного и публичного права в современном законодательстве Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». – 2013. – № 3. – С. 22.

[2] Коршунов Н. М. Указ. соч. С. 134–138.

– установлении частного и частно-публичного порядка возбуждения уголовного дела (ст. 20 УПК РФ), в том числе по заявлению коммерческой организации (ст. 23 УПК РФ);

– нормативное закрепление особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) как сделки с правосудием.

Если второе последствие конвергенции не имеет отношения к производству по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, то первое системно превращается в качественное отличие именно данного производства.

Возвращаясь к законотворческому процессу, порождающему, как показалось бы на первый взгляд, несистемный набор процессуальных норм, при глобальном рассмотрении нельзя не увидеть наличие определённой «сердцевины» регулируемых правоотношений, их специфичность и консолидированность.

Проф. Ю. К. Якимович пишет: «Можно определить и несколько критериев разграничения уголовного судопроизводства на виды производств. Но при этом необходимо выявить универсальный, главный критерий, по отношению к которому все другие являлись бы вторичными. Представляется, что таким критерием может служить направленность производства, выражающаяся в его задачах и предмете»[1].

Если задачи производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности изложены в ст. 6 УПК РФ, и иных задач у него нет, то обособленный предмет процессуального регулирования как вид общественных отношений, как его применительно к правовому институту определили, в частности, проф. Д. А. Керимов, Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова, Е. А. Киримова[2], у данного производства, безусловно, есть.

---

[1] Якимович Ю. К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. // Ю. К. Якимович Избранные труды. СПб. : Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. С. 149.

[2] Керимов Д. А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. С. 75; Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2014. С. 239; Киримова Е. А. Институт права (теоретико-правовое исследование) : автореферат дис. … д-ра юрид. наук. Саратов : Саратовская академия государства и права, 1998. С. 15.

Пинчук Л. В.*[1]*,
доцент кафедры криминалистики Рязанского филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Особенности тактики производства детального осмотра места ДТП при наезде транспортного средства на пешехода

Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации. В последние годы наметился устойчивый процесс снижения уровня аварийности на дорогах. Вместе с тем аварийность на автомобильном транспорте наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. Дорожно-транспортный травматизм приводит к исключению из сферы производства людей трудоспособного возраста. Гибнут или становятся инвалидами дети. За последнее время участились случаи дорожно-транспортных происшествий (преступлений) (далее – ДТП) с участием автобусов, осуществляющих перевозку пассажиров, в результате чего количество жертв и лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью, значительно увеличивается[2]. В этой связи большое значение имеют криминалистические рекомендации по осмотру места ДТП.

После осуществления необходимых организационно-подготовительных действий[3] следователь приступает к производству осмотра, который обычно делят на общий осмотр и детальный. Общий осмотр характеризуется тем, что следователь в ходе его проведения не вносит

---

[1] © Пинчук Л. В., 2018.

[2] По данным Следственного департамента МВД России.

[3] Пинчук Л. В. К вопросу о подготовке следователя к осмотру места происшествия после получения сообщения о ДТП // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Выпуск 10. Рязань, 2016. С. 28–31; Хмелев С. А., Пушкарев В. В. Расследование дорожно-транспортных преступлений : практикум. Ачинск, 2017.

какие-либо изменения в обстановку места происшествия, а осуществляет последовательное изучение всех объектов и следов на месте ДТП[1].

В ходе детального осмотра места ДТП следователь приступает к обнаружению, фиксации и изъятию следов, ранее не исследованных. В ходе детального осмотра признаки и свойства следов, объектов фиксируются в протоколе осмотра, а также с помощью узловой и детальной фотосъемки[2].

Следователь должен быть ориентирован на поиск следов, оставляемых пешеходом при наезде транспортного средства на него. Так, следы резиновой обуви при наезде заметны на бетонированной проезжей части, другой – хорошо обнаруживаются на снегу и мягких грунтах. Поскольку такие следы могут находиться на некотором расстоянии от места обнаружения других следов наезда, они крайне редко бывают зафиксированы. Следы обуви достаточно точно указывают на место наезда и направление приложенной силы.

Следователь может обнаружить следы волочения тела потерпевшего: на асфальтированном покрытии это следы крови, а при наличии на асфальте пыли или грязи они имеют вид полос – отслоений пыли (грязи).

Обнаруженные на месте ДТП отброшенные личные вещи, находившиеся у пешехода (сумка, продукты и т. п.), могут располагаться как непосредственно в месте наезда, так и на некотором удалении от него по ходу движения транспортного средства до места наезда.

Если в результате ДТП пострадавший(-ие) скончался(-лись) на месте происшествия, то следователь проводит осмотр трупа (трупов). Во-первых, устанавливается точное местонахождение трупа на проезжей части (обочине, кювете) и его ориентация к неподвижным объектам (дом, строение, перекресток, километровый столб, железнодорожный переезд, мост). Во-вторых, осматривается поза трупа и выяс-

---

[1] Пинчук Л. В. Тактические особенности общего осмотра места ДТП // Реализация принципов уголовного судопроизводства в правоприменительной практике в Российской Федерации: сборник научных трудов. Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 100–105.

[2] Пинчук Л. В. Некоторые тактические аспекты детального осмотра места ДТП // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Выпуск 11. Рязань, 2017. С. 55.

няется нахождение крови, волос, мозгового вещества, одежды. В-третьих, определяются наличие, характер и расположение повреждений на теле погибшего. Сведения о повреждениях и их локализации на теле позволяют восстановить положение пострадавшего в момент аварии (шел ли пешеход по проезжей части или автомашина наехала на человека, лежащего на дороге), установить механизм ДТП, определить тип и вид транспортного средства. В-четвертых, труп необходимо измерить и зафиксировать расположение следов удара или переезда колес по отношению к верхней и нижней точке трупа для того, чтобы иметь возможность восстановить, в каком положении находился потерпевший по отношению к нанесшему удар транспортному средству в момент наезда.

В некоторых случаях водитель, совершивший наезд, перемещает труп потерпевшего и придает ему такое положение, которое исключало бы ответственность водителя, искажало механизм ДТП. Тщательный осмотр места происшествия, выявление следов крови на различных участках дороги, а также других следов перемещения трупа позволяют установить, откуда и куда было перемещено тело потерпевшего.

При наружном осмотре трупа, особенно при ДТП, совершенных в условиях неочевидности, важно участие судебно-медицинского эксперта, на разрешении которого ставятся вопросы о механизме образования телесных повреждений, являются ли они прижизненными или посмертными, в какую часть тела направлена травмирующая сила удара, какой частью тела был обращен пострадавший к движущемуся транспортному средству, находился ли пострадавший в состоянии алкогольного опьянения.

Следователь и судебно-медицинский эксперт, осуществляющие наружный осмотр трупа на месте ДТП, должны обращать внимание на его позу, взаиморасположение со следами транспортного средства, расстояние между ними, состояние одежды (механические и иные повреждения, загрязнение горюче-смазочными материалами), характер повреждений на трупе, их локализацию и высоту расположения от уровня подошвенной поверхности; места неестественной подвижности костей скелета, наличие деформации различных частей тела, укорочение конечностей и т. д.

Выводы судебно-медицинского эксперта при визуальном осмотре трупа на месте ДТП не являются исчерпывающими, окончательные

ответы на указанные вопросы судебно-медицинский эксперт может дать только после судебно-медицинского вскрытия трупа.

На трупе и на одежде могут оказаться предметы, имеющие значение вещественных доказательств. Например, на руке потерпевшего могут быть часы, разбившиеся и остановившиеся в момент наезда, т. е. точно зафиксировавшие время ДТП. На одежду потерпевшего необходимо обращать особое внимание также в связи с тем, что по ней впоследствии может быть опознан труп.

При наличии трупа на месте ДТП одежда потерпевшего должна быть описана в протоколе осмотра места происшествия, зафиксирована фотографированием, изъята с места происшествия, упакована и приобщена в качестве вещественных доказательств в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Следует помнить, что эти следы могут быть утрачены в процессе дальнейшей транспортировки трупа, его раздевания в морге и пр. Поэтому рекомендуется изымать обнаруженные следы непосредственно на месте ДТП или же предпринять меры к их сохранению (обшить листом чистой бумаги и др.).

В ходе осмотра трупа следователю необходимо осмотреть одежду и описать в протоколе характерные и индивидуальные особенности одежды потерпевшего и его обуви. Тщательный процесс осмотра одежды и обуви потерпевшего может дать следователю определенные доказательства, которые в ходе дальнейшего расследования могут иметь существенное значение для дела[1].

Наслоение грязи, пыли в виде горизонтальных следов на одежде потерпевшего свидетельствуют о соприкосновении тела с боковой поверхностью автомобиля, высота расположения подобных наслоений – о наезде автомобилем грузовой или легковой модификации. Наличие же следов протектора свидетельствует о переезде колесами транспортного средства тела потерпевшего. Обнаружение на подошвах обуви следов скольжения указывает на вертикальное или близкое к нему положение тела пешехода в момент наезда. Об этом же свидетельствуют разрывы шнурков, креплений обуви. По направлению

[1] Пироженков С. А., Серебров Д. О. Особенности производства осмотра трупа на месте его обнаружения (происшествия) в свете законодательных новелл // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 18. – С. 104–109.

следов скольжения в отдельных случаях можно установить взаиморасположение пешехода (спиной, боком, передней частью тела) и автомобиля.

При ударе выступающими частями автомобиля практически всегда на одежде пострадавшего возникают разрывы. На их краях могут быть обнаружены следы-наслоения лакокрасочного покрытия, горюче-смазочные вещества, отпечатки деталей. Изучение следов на одежде и обуви проводится в основном для установления механизма травмирования потерпевших – важного элемента всего механизма ДТП. Их следует проводить комплексно, совместно с судебно-медицинскими экспертами и трасологами.

Таким образом, следователь в ходе детального осмотра осуществляет действия, направленные на обнаружение, фиксацию и изъятие следов, оставляемых пешеходом при наезде транспортного средства на него. В том случае, если в результате ДТП пострадавшие скончались на месте происшествия, то следователь проводит осмотр трупа (трупов) с участием судебно-медицинского эксперта, при этом: устанавливается точное местонахождение трупа на проезжей части (обочине, кювете) и его ориентация к неподвижным объектам; осматривается поза трупа и выясняется нахождение крови, волос, мозгового вещества, одежды; определяются наличие, характер и расположение повреждений на теле погибшего; труп измеряется и фиксируется расположение следов удара или переезда колес по отношению к верхней и нижней точке трупа.

Победкин А. В.*[1]*,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный сотрудник МВД России
полковник полиции

«Коллективное следствие» в уголовном судопроизводстве России: кто обеспечит его качество?

Необходимость серьезного повышения качества предварительного следствия сомнений не вызывает. Эта задача поставлена руководством страны[2] и необходимые ресурсы должны быть найдены. Представляется, что их «залежи» в правильном распределении процессуальных функций между участниками судопроизводства, осуществляющими расследование и обеспечивающими его законность и эффективность, а также наделение их полномочиями, позволяющими действенно реализовывать возложенную функцию.

Функцию обеспечения законности и эффективности деятельности следователя (дознавателя) должен выполнять субъект, который не замкнут внутри системы досудебного производства, а связан с последующими стадиями процесса, на которых качество предварительного расследования получает оценку, и призван это качество обосновывать.

В рамках настоящей статьи не ставится задача, да было бы невозможно решить вопрос о разграничении понятий контроля, надзора, процессуального руководства, поскольку даже после серьезнейших их исследований[3], вопросы остались. В этой связи именование функции «обеспечением законности и эффективности предварительного расследования» в целях настоящей работы будет адекватно отражать

---

[1] © Победкин А. В., 2018.

[2] Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2018 г.

[3] См.: Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Закон и право. ЮНИТИ-ДАНА, 2004; Гриненко А. В. Особенности действия российского уголовно-процессуального закона в пространстве // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 1. – С. 8–10.

сущность назначения субъекта, несущего перед судом (а значит и перед страной) ответственность за качество расследования. Эту ответственность согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) несет прокурор, причем вне зависимости от формы предварительного расследования[1]. В ходе дознания он имеет для этого необходимые и достаточные полномочия: надзирает и контролирует действия дознавателя, вправе давать указания (причем не только для обеспечения законности, но и в целях повышения эффективности дознания[2]), отменять постановления, согласовывать отдельные решения и т. д.

В отношении следователя эти полномочия в полном объеме имеет руководитель следственного органа, следовательно, он и должен отвечать за законность и эффективность предварительного следствия, с чем не согласен Конституционный Суд. Где же нет логики: в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК) или в позиции Конституционного Суда?

Ясно, что прокурор, который по своему предназначению должен обеспечивать качество следствия, не имеет для этого действенных средств.

В обосновании целесообразности сложившегося положения иногда приводят данные статистики, которые свидетельствуют, что число лиц, привлеченных к уголовной ответственности незаконно и необоснованно, в последнее десятилетие снизилось[3]. Однако есть и другие показатели. Так, в процентном отношении остается достаточно стабильной доля уголовных дел, возвращаемых судом прокурору в порядке ст. 237 УПК, и прокурором следователю для дополнительного расследования. Для уголовных дел, расследованных следователями органов внутренних дел, соответственно около 0,5 % и 4 % от общего количества расследованных уголовных дел. Большим оста-

---

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 48, ст. 7299.

[2] Именно в этом смысл указаний «о направлении расследования».

[3] См. об этом: Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1. – С. 22.

ется и количество жалоб в суд на действия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование (на протяжении ряда лет – в пределах 130 тыс. ежегодно). Увеличивается количество нарушений в деятельности следователей, выявляемых прокурорами[1]. Кроме того, на статистические показатели могут влиять разные факторы: и общее снижение количества зарегистрированных преступлений, и возрастающие объемы внепроцессуального взаимодействия прокурора со следователями и руководителями следственных органов, и массовое рассмотрение уголовных дел в судах в особом порядке.

Сегодня руководитель следственного органа, сочетающий административные и процессуальные полномочия, стал полновластным «хозяином» предварительного следствия, для которого не являются обязательными и требования прокурора.

Ситуация действительно, как замечает А. Б. Соловьев, «пародоксальная по своей нелепости» – руководитель следственного органа заинтересован «в благоприятных показателях работы подчиненных ему следователей», но он «одновременно контролирует законность их деятельности», т. е. «он «надзирает» за своей же деятельностью, причем с позиций личной заинтересованности»[2]. Это верно. Руководитель следственного органа выполняет ту же функцию, что и следователь и неважно, как ее именовать: обвинением, уголовным преследованием или предварительным расследованием. Следователь при таком объеме процессуальных и административных возможностей своего руководителя – его помощник, исполнитель, «младший» следователь, член «следственной группы, в которой постоянный руководитель» –

---

[1] Поторыкина Е. Ю. Развитие правового регулирования процессуального статуса прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 5. – С. 219; Семененко М. З., Есина А. С. Понятие, основные функции и компетенция прокурора в уголовном судопроизводстве // Современное право. – 2017. – № 1. – С. 95–117; Гриненко А. В. Взаимодействие следователя и прокурора в новых правовых реалиях // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2017. – № 4 (73). – С. 147–153.

[2] Соловьев А. Б. Об эффективности норм УПК РФ, регламентирующих деятельность участников уголовного судопроизводства в досудебных стадиях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4 (27). – С. 375; Пушкарев В. В. Теоретико-правовые закономерности уголовно-процессуальных статусов должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 45–49.

его административный начальник. В целом такая «группа» обладает процессуальной самостоятельностью, а сам следователь, конечно, нет.

Осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, прокурор должен иметь равные и эффективные процессуальные возможности обеспечивать качество деятельности как дознавателя, так и следователя. Предмет его заботы – не только законность: в ч. 1 ст. 37 УПК речь идет о надзоре за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование, а не только за ее законностью. Прокурор должен обеспечить и эффективность ее. Этого от него требует основное предназначение прокуратуры в стране еще со времен Петра I – обеспечить законность, а это значит добиться привлечения к уголовной ответственности лицо, действительно виновное в совершении преступления, если таковое было совершено. О. Я. Баев, который доказывает, что основной функцией прокурора является уголовное преследование, точно заметил: «Полномочия прокурора в стадии предварительного расследования преступлений в настоящее время в сущности сводятся к одному: не ущемляя самостоятельности следователя, руководить действиями последнего так, чтобы результаты предварительного расследования обеспечивали ему в дальнейшем возможность законного и обоснованного выдвижения против конкретного лица государственного обвинения в совершении конкретного преступления»[1]. Заметим лишь, что прокурор осуществляет уголовное преследование и руководит расследованием, обеспечивая законность в стране, т. е. реализуя функцию надзора в широком
смысле.

Прокурору нужны реальные полномочия по руководству предварительным следствием для обеспечения его законности и эффективности. Это обычная функция прокурора, которая присуща ему в большинстве стран мира, не чужда и исторически и России. Именно ее выполнял прокурор согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. «Не пора ли, соблюдая исторические традиции, вернуть прокурору возможность полноценно осуществлять возложенную на него функцию уголовного преследования, которую … как в прошлом, так

[1] Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). М. : Прометей, 2017. С. 474.

и в настоящее прокурор как носитель обвинительной власти, осуществлял и осуществляет в большинстве стран мира?», – спрашивал С. А. Шейфер[1]. Дождемся ответа законодателя.

В случае возвращения прокурору реальных полномочий по обеспечению законности и эффективности предварительного следствия, полномочия руководителя следственного органа, фактически представляющего «следственную» группу, целесообразно ограничить только контрольными (с правом обращения к прокурору с ходатайством об отмене незаконных постановлений следователя, как это предусмотрено, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан).

Процессуальная функция обеспечения законности и эффективности предварительного расследования, как при производстве дознания, так и при производстве предварительного следствия должна выполняться прокурором. Руководитель «постоянно действующей следственной группы», коим сегодня фактически является руководитель следственного органа ее выполнять не должен.

[1] Шейфер С. А. Предварительное следствие: прокурорский надзор и ведомственный контроль // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И. М. Гуткина): Материалы межвузовской научно-практической конференции: в 2-х ч. М. : Академия управления МВД России, 2009. Ч. 1. С. 136; Иванов Д. А. Значение прокурорского надзора за деятельностью следователя, дознавателя по возмещению причиненного преступлением вреда // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 132–135.

Белавин А. В.*[1]*,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;
Волков Е. А.*[2]*,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Шаров А. В.*[3]*,
начальник кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Актуальные проблемы расследования мошенничества в сфере кредитования

Изменение социально-экономических условий в стране диктует необходимость изменения товарно-денежных отношений. В стремлении привлечь денежные средства населения банковские организации существенно упростили процедуру выдачи потребительских кредитов. Иные кредитные организации, желая получить прибыль, также применяют различные программы по кредитованию населения, как правило, под более высокий процент. Не остались в стороне и граждане, желающие получить такие кредиты без дальнейшего намерения выполнять условия договора, т. е. преступлений, предусмотренных ст. 159.1 УК РФ.

Сложившаяся ситуация закономерно привела к формированию довольно устойчивых способов совершения мошенничества в сфере кредитования[4], в частности, путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений с целью

[1] © Белавин А. В., 2018.
[2] © Волков Е. А., 2018.
[3] © Шаров А. В., 2018.

[4] Кузнецова Е. И., Филатова И. В. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 201–204.

безвозмездного обращения денежных средств в свою пользу или в пользу третьих лиц при заведомом отсутствии у него намерения возвратить их в соответствии с требованиями договора[1].

Наличие определенных правил выдачи кредита ведет к тому, что преступник вынужден действовать согласно этим правилам и в их границах, жестко выполняя требования кредитора. Однако значительные послабления в правилах, в частности, касающихся требований о предоставлении необходимых для кредитования сведений (например, о личности и занятости заемщика, размере его зарплаты и т. д.) с одной стороны, и отсутствие механизма проверки этих сведений, с другой, закономерно привели к росту исследуемых преступлений.

Вместе с тем правоохранительные органы при выявлении и расследовании мошенничества, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ также устанавливают обстоятельства кредитования в соответствии с правилами той или иной организации[2]. В этой связи утрачивается необходимость применения тех или иных криминалистических рекомендаций по расследованию таких преступлений, поскольку фактически, исходя из анализа уголовных дел, имеет место использование алгоритмов расследования. Поверхностное отношение к расследованию породило некую его «усеченность»: в уголовных делах нет сведений о проведении работы по установлению лиц, изготавливающих поддельные паспорта или иные документы, о местах сбыта приобретенного имущества по товарным кредитам, о причастности сотрудников кредитной организации к выдаче таких кредитов и т. д.

Такая же ситуация наблюдается при выдвижении версий, планировании расследования в целом и отдельных следственных действий. Нет необходимости следователю или дознавателю изыскивать пути наиболее полного, скорейшего и объективного раскрытия и расследования преступлений. Имеется последовательность действий, которая реализуется при существовании той или иной следственной ситуации.

---

[1] См.: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2018 года «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Гриненко А. В. Особенности возбуждения и первоначального этапа расследования уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности // В сборнике: Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н. М. / ответ. ред. Ю. С. Харитонова. 2015. С. 666–672.

Как правило, следственные ситуации классифицируются в зависимости от времени обнаружения признаков преступления[1], т. е. того, что заемщик представил заведомо ложные или недостоверные сведения: в процессе оформления кредита и такой заемщик задержан на месте; кредит выдан, заемщик не выполняет условия кредитного договора, личность его установлена (как разновидность последней ситуации, заемщик представил поддельный паспорт или выдал себя за другое лицо)[2].

Некие особенности имеют ситуации, когда кредит выдается посредством предоставления кредитной карты. Однако процедура ее получения и активации существенно затрудняет использование поддельного паспорта.

Предлагаемые последовательности следственных и иных действий также сообразуются с правилами кредитования организации. Так, по первой ситуации необходимо провести осмотр места происшествия, выемку предметов и документов, допрос потерпевшего, допрос свидетеля, допрос подозреваемого, назначение судебных экспертиз.

По второй следственной ситуации необходимо провести: допрос потерпевшего, допрос свидетелей, выемку предметов и документов, назначение судебных экспертиз. Кроме того, дать отдельное поручение на установление подозреваемого.

Как правило, это достаточно для составления обвинительного заключения (обвинительного акта) и направления дела в суд. Подобная ситуация неприемлема.

Очевидно, что необходима планомерная систематическая работа по установлению всех обстоятельств произошедшего, а не только доказыванию очевидных фактов.

---

[1] Архипова И. А. Методика сбыта имущества, добытого преступным путем : автореферат дис. … канд. юрид. наук. М. : МосУ МВД России, 2003. С. 16.

[2] В такой ситуации решается вопрос об иной квалификации деяния, однако, при проверке сообщения о преступлении или на конкретном этапе расследования мошенничества, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, считаем эту следственную ситуацию в качестве типичной.

***Чумичкин А. С.*[1],**
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

Некоторые особенности классификации потерпевших от преступлений, предусмотренных ст.ст. 295 и 317 УК РФ

«Специальный» потерпевший является одним из важнейших признаков состава исследуемых преступлений, а именно – сотрудник органа внутренних дел МВД России, а если быть конкретнее, то:

– следователи, а также лица, производящие дознание;

– лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность;

– сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, а также исполнение приговоров, определений и постановлений судов (судей) по уголовным делам, постановлений органов расследования и прокуроров.

Все ли вышеуказанные лица могут выступать в качестве потерпевших при совершении в отношении них преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, либо какая-то категория лиц может быть отнесена к потерпевшим по ст. 295 УК РФ? Разберемся по каждой категории отдельно.

Статья 317 УК РФ ставит под защиту деятельность потерпевших по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Понятие такой деятельности выработано условно-правовой теорией и судебной практикой.

Деятельность по охране общественного порядка - законная деятельность, направленная на предупреждение и пресечение правонарушений (в том числе преступлений), затрагивающих интересы неопределенного круга лиц (обеспечение правопорядка на улицах, площадях, в парках, на транспортных магистралях, вокзалах, аэропортах и иных общественных местах, выявление обстоятельств, способствующих совершению правонарушений и т. п.).

---

[1] © Чумичкин А. С., 2018.

Деятельность по обеспечению общественной безопасности – законная деятельность, направленная на поддержание необходимой степени защищенности жизненно важных интересов неопределенного круга лиц от различных угроз (оказание помощи находящимся в беспомощном или ином состоянии, опасном для их жизни или здоровья, контроль за соблюдением стандартов безопасности дорожного движения, контроль за соблюдением правил обращения с огнестрельным оружием, боеприпасами к нему, взрывчатыми материалами и т. п.).

По своим функциональным обязанностям, а также согласно УПК РФ, следователи и лица, производящие дознание, обеспечивают быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, сбор доказательств, производство дознания и предварительного расследования по уголовным делам, что не относится к деятельности по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности. Таким образом, указанные лица не могут быть потерпевшими по ст. 317 УК РФ, а посягательство на них образует состав ст. 295 УК РФ.

Согласно Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности», ее задачи в числе других – выявлять, пресекать, раскрывать преступления, а также устанавливать виновных. Поэтому оперативно-разыскная деятельность в этой части служит охране общественного порядка, а лица, ее осуществляющие, могут быть потерпевшими по ст. 317 УК РФ. Эта деятельность входит в компетенцию оперативных подразделений органов внутренних дел.

К числу потерпевших по ст. 317 УК РФ относятся также сотрудники полиции, охраняющие общественный порядок и обеспечивающие общественную безопасность, в соответствии с Федеральным законом «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 7 марта 2018 г.). Сотрудники других, не полицейских, служб МВД могут быть потерпевшими по ст. 317 УК РФ лишь в том случае, если они привлечены к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (например, следователи, дознаватели, работники других служб МВД, которые привлекаются к охране порядка во время массовых мероприятий, стихийных бедствий и т. п.).

Таким образом, те сотрудники органов внутренних дел, деятельность которых связана с пресечением преступности, также охраняют общественный порядок и обеспечивают общественную безопасность,

в связи с этим могут быть признаны потерпевшими при совершении данного преступления.

Итак, на основе анализа действующего федерального законодательства, устанавливающего основные полномочия органов внутренних дел Российской Федерации, которые могут быть отнесены к потерпевшим по ст. 317 УК РФ, являются граждане России, служащие в органах внутренних дел, для которых охрана правопорядка согласно закону является основной или одной из основных задач, и осуществляющие деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а именно:

– лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность;

– сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

В свою очередь следователи и лица, производящие дознание, могут быть отнесены к потерпевшим по ст. 295 УК РФ.

Химичева О. В.*[1]*,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
полковник полиции;
Мамонтова Д. О.*[2]*,
слушатель 516 учебного взвода международно-правового
факультета процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Понятие «интерес» в уголовном судопроизводстве

Интерес является основой любой человеческой деятельности, в связи с чем его феномен становится предметом исследования различных научных отраслей, каждая из которых предлагает различные подходы к пониманию сущности этого многогранного понятия.

Так, философы определяют интерес как отражение осознания потребностей индивидом, социальной группой, обществом, выражение направления ценностных ориентаций[3].

Социологи видят в интересе реальную причину социальных действий, лежащую в основе непосредственных побуждений – мотивов, идей и т. п[4].

---

[1] © Химичева О. В., 2018.

[2] © Мамонтова Д. О., 2018.

[3] См.: Кикель П. В., Сороко Э. М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов. 2-е изд. Минск : БГПУ, 2008. С.204.

[4] См.: Российская социологическая энциклопедия // М. : Инфра-М, Норма, 1998. С. 340.

Психологи ориентируются на положение о том, что это эмоционально окрашенная установка, побуждающая к познавательной деятельности[1]. В политологии интерес является непосредственной основой политической идеологии и мотивом деятельности[2].

Однако, если обобщить это многообразие научных взглядов, то можно прийти к выводу о том, что в основу любого интереса заложены такие схожие по содержанию категории, как потребность, побуждение, мотив, стимул и т. п.

Не являются исключением и юридические науки, в которых интерес проявляет себя еще и как регулятор общественных отношений. Ведь, по сути, правовые нормы являются внешним выражением интересов государства, через которые оно реализует свои потребности, связанные с организацией общественной жизни.

В юридических источниках взаимосвязь интереса и права была затронута еще в XIX веке. Так, выдающийся немецкий правовед Рудольф фон Иеринг в одном из своих трудов определяет право как «юридически защищенный интерес»[3]. По мнению Иеринга, интерес есть существенный элемент понятия права.

Вместе с тем, в правовой сфере понятие интереса до настоящего времени не обрело четкой определенности. Более того, даже в отраслевом законодательстве его авторам не всегда удается отразить сущность интересов тех или иных субъектов правоотношений.

В полной мере вышеуказанное утверждение касается и российского уголовно-процессуального законодательства. Несмотря на то, что в УПК РФ категория «интерес» упоминается более 60 раз, точно определить содержание интересов всех участников уголовного судопроизводства исходя из законодательных положений не представляется возможным. В связи с этим важное значение как для теории уголовного процесса, так и для его практики приобретает научное исследование этой категории и ее роли в обеспечении эффективности уголовного судопроизводства[4].

---

[1] См.: Глоссарий психологических терминов под ред. Н. Губина // Научная цифровая библиотека ПОРТАЛУС. 2005. С. 201.

[2] См.: Политическая наука: словарь-справочник / сост. И. И. Санжаревский. 2010. С. 154.

[3] Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль, 1880. С. 83.

[4] О степени разработанности данной научной проблемы см.: Шаров Д. В. К вопросу о правовой природе «интереса» в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 57–59.

Множество подходов к пониманию сущности интереса, с одной стороны, способствует более широкому восприятию и осознанию рассматриваемой категории, а с другой – осложняет практику ее применения с точки зрения единообразия.

Специфика проявления интересов в уголовном процессе связана, прежде всего, с особенностями процессуально-правового статуса участников уголовного судопроизводства, являющихся их носителями.

Всякий раз, когда участник уголовного судопроизводства стремится реализовать свои законные права, восстановить нарушенные, по его мнению, права, а также расширить сферу их действия либо увеличить их объем легитимными средствами и методами, стоит говорить о наличии у него интереса.

Также следует заметить, что в качестве «носителя» интересов в уголовном процессе могут выступать не только его участники, но и лица, именуемые в УПК РФ «иными лицами». Они не являются участниками уголовного судопроизводства на момент проявления своей заинтересованности, но могут ими стать в случае, если эта заинтересованность будет удовлетворена в результате совершения определенных процессуальных действий. Например, согласно ч. 1 ст. 123 УПК РФ действия (бездействие) и решения суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, могут быть обжалованы как участниками уголовного судопроизводства, так и «иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы».

Важно понимать, что наличие интереса у участников уголовного процесса не всегда подтверждается прямым указанием на это в законе, как это проиллюстрировано в вышеприведенном примере. В большинстве случаев интересы находят свое отражение в процессуальных нормах, прямо категорию «интерес» не упоминающих.

В различных источниках можно встретить множество определений понятия «интерес» применительно к уголовно-процессуальным правоотношениям. Так, И. Г. Смирнова определяет: «Уголовно-процессуальный интерес – это форма осознания субъектом потребности в реализации предоставленных законом процессуальных прав, вос-

становлении правовыми способами нарушенных прав, не противоречащих закону, а также расширении сферы их объема законодательно закрепленными средствами и методами»[1].

Вместе с тем этот в широком смысле интерес неоднороден по своему содержанию. Например, как и в любой другой отрасли права, в зависимости от процессуально-правового статуса его носителя, он может быть публичным или частным. А с точки зрения характера задач, на решение которых направлена его реализация, интерес участника уголовного судопроизводства может быть материальным или процессуальным.

Проблема соотношения публичных и частных интересов как в праве в целом, так и в отдельных его отраслях, включая уголовно-процессуальное право, носит фундаментальный характер и вряд ли когда-либо утратит свою актуальность. В уголовном процессе конфликт указанных интересов заложен самой публично-правовой природой этого производства.

Однако ошибочно было бы утверждать, что государство в лице суда, прокурора, следователя и других носителей властных полномочий призвано защищать исключительно публичные интересы, вытекающие из такого признака совершенного преступления, как общественная опасность. Обеспечение частных интересов потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, а также подозреваемого, обвиняемого и гражданского ответчика является не менее важной задачей уголовного судопроизводства. Более того, согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ в уголовном процессе подлежат защите и служат объектом его назначения в первую очередь именно интересы частных субъектов.

Не менее значимой для уголовно-процессуальной науки видится проблема разграничения интересов участников уголовного судопроизводства на материальные и процессуальные. Если первые составляют основу правовых притязаний участника процесса, то вторые, как нам представляется, служат средством их легитимного удовлетворения. Процессуальные интересы имеют тесную связь с процессуальными функциями (направлениями уголовно-процессуальной деятельности), их реализация возможна лишь в строго очерченных границах процессуального законодательства. Однако при этом удовлетворение материальных интересов участника уголовного судопроизводства

[1] Смирнова И. Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 14–18.

всецело зависит от соблюдения законной процедуры, т. е. от реализации своих процессуальных интересов. Сама по себе законная процедура уголовного судопроизводства служит гарантией обеспечения материальных интересов обеих сторон в процессе, поскольку, по существу, она обязывает государство всегда действовать по строго определенным правилам.

Реализуя свой процессуальный интерес, лицо стремится достичь наиболее благоприятного правового положения, и именно это является движущей силой всего процесса в целом, на всех стадиях уголовного судопроизводства. Процесс по сути своей движется интересами его участников, как осуществляющих публичные функции в силу своей профессиональной принадлежности, так и лиц, заинтересованных в наиболее выгодном для них правовом положении. Однако, как отмечалось ранее, наравне с процессуальной составляющей интереса движение уголовного дела и результаты его рассмотрения и разрешения определяет также его материальная составляющая, возникающая еще раньше.

Следует отметить, что характер взаимосвязи материальных и процессуальных интересов каждого участника уголовного процесса также не исключает их конфликта, хотя он и не будет таким ярко выраженным, как конфликт интересов частных и публичных.

Учитывая изложенное, категория интереса в уголовном судопроизводстве не должна содержать только процессуальную характеристику. С нашей точки зрения, процессуальный интерес является следствием наличия у субъектов уголовного судопроизводства интереса материального, удовлетворение которого является конечной целью уголовного судопроизводства.

Хамзаалиев А. Х.*[1]*,
слушатель 525 учебного взвода
факультета подготовки иностранных специалистов
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Попенков А. В.*[2]*,
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
майор полиции

Порядок продления сроков содержания под стражей по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан

Предусмотренные в законе сроки содержания под стражей призваны ограничить и свести к минимуму время пребывания подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), заключенного под стражу, в следственном изоляторе либо ином месте, определяемом законом. Поэтому установленные в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) требования обязывают дознавателя, следователя, прокурора в достаточно короткое время завершить производство по делу либо немедленно освободить содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного в законе[3].

В ст. 112 УПК РТ закреплено общее императивное требование о том, что содержание обвиняемого (подозреваемого) под стражей в стадии досудебного производства не может превышать двух месяцев с момента его заключения под стражу до направления уголовного дела с обвинительным заключением в суд для рассмотрения по существу.

---

[1] © Хамзаалиев А. Х., 2018.
[2] © Попенков А. В., 2018.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: [Закон Республики Таджикистан: принят Маджлиси Оли Республики Таджикистан 3 декабря 2009 г.: по состоянию на 28 декабря 2012 г.] // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 12 (1409). – ст. 816

В случаях, когда в срок до двух месяцев невозможно закончить расследование и при этом отсутствуют основания для отмены или изменения меры пресечения, этот срок может быть продлен судьей районного суда либо военного суда соответствующего уровня до шести месяцев независимо от подследственности и подсудности уголовного дела. Для этого прокурор, а также следователь, дознаватель (с согласия прокурора) вновь возбуждают ходатайство, в котором излагают основания и необходимость продления срока содержания под стражей и направляют вместе с материалами, подтверждающими его обоснованность, в суд. Получается, что в процессе расследования срок содержания под стражей может быть последовательно продлен при наличии к тому оснований несколько раз. Например, основной двухмесячный срок содержания под стражей в первый раз может быть продлен не до шести, а до трех месяцев, и если этого времени для расследования дела окажется недостаточным, то при вторичном продлении дополнительный срок может быть увеличен еще на один месяц, а затем еще на один месяц и в четвертый раз тоже на один месяц, и в итоге окажется, что за четыре раза срок содержания под стражей продлен до шести месяцев. Срок содержания обвиняемого под стражей может быть продлен с двух до шести месяцев только при отсутствии оснований для изменения меры пресечения на более мягкую или ее отмены.

Дальнейшее продление срока содержания под стражей допускается по мотивированному ходатайству в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только ввиду особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для избрания этой меры пресечения, а также в отношении лиц, совершивших преступление на территории Республики Таджикистан, не имеющих постоянного места проживания в Республике Таджикистан, если есть достаточные основания, что они будут скрываться от следствия и суда вне территории Республики Таджикистан, судьей того же суда по ходатайству следователя, но уже с согласия прокурора Горно-Бадахшанской автономной области, прокуроров области, транспорта Таджикистана, города Душанбе и других прокуроров, приравненных к ним, для районов республиканского подчинения с согласия заместителя Генерального прокурора Республики Таджикистан, Главного военного прокурора Республики Таджикистан на срок до 12 месяцев.

«Особая сложность уголовного дела» – оценочная категория. Как правило, особую сложность представляют уголовные дела о преступлениях, совершенных группой лиц по предварительному сговору, о большом количестве преступлений, требующих значительного объема работы по собиранию, проверке и оценке доказательств[1].

Следует согласиться с мнением А. В. Гриненко и отметить, что сложными следует считать такие уголовные дела, когда преступление совершено несколькими лицами, в разных местах, когда лицо обвиняется в совершении ряда преступлений, когда по делу проводятся сложные экспертные исследования или обвиняемый помещен для стационарного наблюдения в судебно-психиатрическое учреждение и т. п. В ходатайстве должно быть указано:

1. В чем именно заключается особая сложность уголовного дела, например по много эпизодному уголовному делу, с обязательным указанием необходимого выполнения большого объема следственных действий, каких именно; необходимость проведения судебно-психиатрической экспертизы в условиях стационара либо проведения других сложных судебных экспертиз, требующих более продолжительного времени.

2. Какие конкретно основания не позволяют избрать иную, более мягкую меру пресечения.

Вместе с тем, срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, судьями судов Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе и Военной коллегии Верховного Суда Республики Таджикистан по ходатайству следователя, внесенному с согласия Генерального прокурора Республики Таджикистан и его заместителей, на срок до 18 месяцев. Продление срока содержания под стражей в районах республиканского подчинения осуществляется судьей Верховного Суда Республики Таджикистан.

Согласно ст. 112 УПК РТ продление срока содержания под стражей свыше 12 месяцев до 18 месяцев законом допускается лишь в исключительных случаях. При этом обязанность доказывания «исключительности» продления срока содержания под стражей возлагается

---

[1] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под. ред. А. В. Гриненко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2007. 864 с.

на Генерального прокурора Республики Таджикистан или его заместителя, с которым следователь должен согласовать свое ходатайство.

Дальнейшее продление срока не допускается. По истечении предельного срока обвиняемый, содержащийся под стражей, подлежит немедленному освобождению, за исключением случая, когда суд соответствующего уровня по ходатайству следователя и с согласия прокурора принял решение о продлении срока содержания под стражей до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и направления его в суд для разбирательства по существу (ч. 8 ст. 112 УПК РТ).

По окончании расследования уголовного дела собранные в нем материалы в полном объеме должны быть представлены для ознакомления обвиняемому, содержащемуся под стражей, а также его защитнику не позднее, чем за 30 суток до истечения предельного срока содержания под стражей[1]. По моему мнению, в УПК РТ предельно четко указано, что если следователем нарушается тридцатидневный срок для предоставления материалов дела, обвиняемый освобождается из-под стражи только по истечении предельного срока содержания под стражей: «Если после окончания предварительного следствия материалы уголовного дела были предъявлены обвиняемому и его защитнику позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, то по его истечении обвиняемый подлежит немедленному освобождению». «По его истечении», как нам кажется, однозначно относится к предельному сроку содержания под стражей.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что за обвиняемым и его защитником сохраняется право на ознакомление со всеми материалами дела без ограничения во времени, если следователь нарушил тридцатидневный срок. При этом может быть избрана другая, более мягкая мера пресечения.

В случае если после окончания предварительного следствия по делу, по которому продлялись предельные сроки содержания под стражей до 6, 12 и 18 месяцев, был соблюден срок в 30 суток, предназначенный для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами данного дела, но одного месяца им оказалось недостаточно для их изучения, следователь с согласия прокурора вправе не позднее чем

---

[1] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / авт. кол. : А. А. Алексеев, Л. Б. Алексеева, В. Н. Ананьев и др.; отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулин. М. : Юристъ, 2002. 1040 с.

за пять суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить перед судом соответствующего уровня мотивированное ходатайство о продлении этого срока.

Часть 8 ст. 112 УПК РТ предусматривает положение о том, что ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд не позднее чем за пять суток до его истечения. Судья не позднее чем через пять суток обязан вынести по нему одно из следующих решений: 1) о продлении срока содержания лица под стражей до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела и направления прокурором данного дела в суд; 2) об отказе в удовлетворении ходатайства следователя и об освобождении из-под стражи обвиняемого.

В случае повторного заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого по тому же уголовному делу, а также по соединенному с ним или выделенному из него уголовному делу срок содержания под стражей исчисляется с учетом времени, проведенного подозреваемым, обвиняемым под стражей ранее.

В случае освобождения из-под стражи лица, незаконно подвергнутого этой мере пресечения, ему выдается справка, в которой указывается, кем он был задержан и арестован, основания, место и время нахождения под стражей, основания и время освобождения. Данное лицо имеет право на судебную защиту и возмещение вреда в порядке, установленном в законе.

Следует иметь в виду, что заключение под стражу применяется к лицу, которое еще не признано виновным, что обязывает прокурора, следователя к производству предварительного следствия без неоправданных задержек. Содержание обвиняемого под стражей сверх установленного в ст. 112 УПК РТ срока является нарушением конституционного права человека на неприкосновенность личности и может повлечь за собой уголовную ответственность по ст. 358 УПК РТ за незаконное содержание под стражей.[1]

Таким образом, рассматривая ходатайства об избрании заключения под стражу или продлении его срока, судья должен придерживаться общих принципов уголовного процесса: состязательности сторон, принципа презумпции невиновности, принципа законности.

---

[1] Уголовный кодекс Республики Таджикистан: [Закон Республики Таджикистан: принят Маджлиси Оли Республики Таджикистан 21 мая 1998 г.: по состоянию на 3 июля 2012 г.] // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1998. – № 9. – ст. 68.

Угольников А. В.*[1]*,
старший преподаватель кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России
подполковник полиции

Сущность и значение деятельности следователя по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления

Борьба с преступностью неотделима от решения таких задач, как выявление, раскрытие, расследование и предотвращение преступлений. Являясь одним из направлений деятельности государства в условиях усугубления криминальной ситуации в России, противодействие преступности требует консолидации усилий органов законодательной, исполнительной и судебной власти, направленных на своевременное и эффективное реагирование на совокупность обстоятельств, ее порождающих. В этой связи приобретают особую актуальность проблемы, сложившиеся в сфере профилактики преступлений органами уголовного судопроизводства.

Происходившие в нашей стране в 90-х годах XX в. социально-экономические реформы практически привели к ликвидации сложившейся системы профилактики преступлений. Криминальная обстановка в стране в процессе становления и развития рыночной экономики существенно ухудшилась. Существовавшие на предприятиях и в учреждениях общественные формирования, основной функцией которых было проведение воспитательной и профилактической работы, прекратили свою деятельность. В этой связи приобретают особую актуальность проблемы, сложившиеся в сфере профилактики преступлений органами уголовного судопроизводства.

Сформулировав в УПК РФ назначение уголовного судопроизводства, как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ), исключив из приоритетных направлений деятельности органов уголовного судопроизводства, в частности, такое, как

[1] © Угольников А. В., 2018.

предупреждение преступлений, законодатель, тем самым подчеркивает, что уголовный процесс не является средством борьбы с преступностью, а лишь технологией производства по конкретному уголовному делу.

Вместе с тем, очевидно, что успешная реализация назначения уголовного судопроизводства, основанная на совокупности лежащих в его основе принципов, связана с необходимостью осуществления деятельности по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

В связи с чем основной задачей органов предварительного следствия по предупреждению преступлений является выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, принятие мер по их устранению, позитивное профилактическое воздействие на лиц с устойчивым антиобщественным поведением с целью недопущения с их стороны преступных деяний, а также предотвращение преступлений при строгом соблюдении законодательства Российской Федерации. Своевременность и полнота принимаемых мер по выполнению данной задачи являются одними из обязательных условий результативного противодействия преступности.

Изучение обстоятельств, способствующих совершению преступлений на каждом этапе формирования российского общества, имеет огромное значение для контролируемого снижения их количества[1].

Созданная в органах предварительного следствия система профилактических мер по выявлению, нейтрализации и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, а также по предотвращению противоправных деяний, является одним из обязательных условий результативного противодействия преступности. Применение различных профилактических мер повышает эффективность и целенаправленность работы по расследованию преступлений, является ее логическим завершением.

---

[1] См.: Иванов Д. А., Угольников А. В. Классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и их значение при расследовании преступлений // Российский следователь. – 2013. – № 2. – С. 6–7; Гриненко А. В. Относимость доказательств и обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу // В книге: Актуальные проблемы публичного права. Сборник научных трудов. В 2-х томах / редколлегия: О. Н. Дядькин (пред.), А. И. Сморчков, А. И. Неряхин. 2015. С. 37–44.

Так, согласно данным Следственного департамента МВД России в первом полугодии 2017 г. органами предварительного следствия системы МВД России продолжена работа по реализации положений ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Сократилось на 8,2 % количество направленных следователями представлений (с 278 040 до 255 161). Из них на 4,3 % – по оконченным уголовным делам (со 173 681 до 166 210), что составляет 65,1 % от общего количества. В органы власти и местного самоуправления направлено 111 093 представлений (44,0 % от общего количества представлений), руководителям государственных учреждений – 58 429, руководителям коммерческих структур – 45 235, в общеобразовательные учреждения 6 975 соответственно. Уменьшилось на 9,0 % количество полученных ответов на внесенные представления о принятых мерах профилактического характера (с 226 617 до 206 116). Их удельный вес, от внесенных представлений, незначительно сократился на 0,9 % (с 81,5 % до 80,8 %)[1].

Приведенные статистические данные позволяют констатировать тот значимый факт, что органами предварительного расследования ведется масштабная и целенаправленная работа, направленная на установление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Это усматривается из положений уголовно-процессуального закона, составляющих правовую основу деятельности органов предварительного расследования. Так, в ч. 2 ст. 73 УПК РФ, регламентирующей обстоятельства, подлежащие доказыванию, указано, что подлежат выявлению также обстоятельства, способствующие совершению преступления. В развитие данного требования закона в ч. 2 ст. 158 УПК РФ законодателем предусмотрено положение, наделяющее органы предварительного расследования правами вносить в соответствующие организации или должностным лицам представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления или других нарушений закона[2].

---

[1] См.: Обзор Следственного департамента МВД России «Об организации работы органов предварительного следствия по профилактике преступлений за 6 месяцев 2017 года» от 22 августа 2017 г. № 17/2-25290.

[2] См.: Угольников А. В. Содержание представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других нарушений закона // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 6 (35). – С. 332–333.

Расширив полномочия руководителя следственного органа, повысив его ответственность за ход и результаты предварительного следствия, законодатель включил его в число субъектов, перечисленных в ч. 2 ст. 158 УПК РФ, уполномоченных вносить в соответствующие инстанции представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, что может свидетельствовать о назревшей необходимости совершенствования профилактической деятельности органов предварительного следствия.

Вместе с тем, как показывает практика, отсутствие четкой законодательной регламентации, эффективных механизмов реализации заложенных в законе требований приводит к тому, что они либо вообще не выполняются, либо выполняются формально, не оказывая должного профилактического воздействия.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе положений, свидетельствующих о последовательной позиции законодателя в вопросе о значимости профилактического направления деятельности органов предварительного расследования, является, по нашему мнению, проблемой, нуждающейся в переосмыслении.

Совокупный анализ правовых норм, регламентирующих правоотношения в сфере установления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, приводит к выводу о том, что с ней непосредственно корреспондируют и целый ряд других, нуждающихся в анализе, исследовании и выработке путей разрешения.

В первую очередь следует обратить внимание, что на законодательном уровне не решен вопрос о том, что подразумевается под обстоятельствами, способствующими совершению преступления, другими нарушениями закона.

В этой связи показательно, что применительно к интересующей нас проблеме, в УПК РСФСР данные понятия не использовались. Однако закон возлагал обязанность на органы предварительного расследования, прокурора и суд устанавливать причины и условия, способствующие совершению преступления, что в совокупности с обозначенными в ст. 2 УПК РСФСР задачами уголовного судопроизводства свидетельствовало о повышенном внимании законодателя к необходимости всестороннего, полного и объективного установления всех обстоятельств совершения преступления, в том числе их причин и условий.

В ныне действующем уголовно-процессуальном законе (ст. 73 УПК РФ) вопрос о том, являются ли требования о выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, императивными или же данные обстоятельства могут устанавливаться по усмотрению должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, остается открытым.

Наличие проблемы, имеющей в конечном счете социальное значение, так как установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, призваны препятствовать совершению аналогичных или иных преступных деяний.

***Образцов А. В.*[1],**
доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России,
доцент, кандидат юридических наук
полковник полиции

О субъектах опосредованного процессуального руководства

Процессуальное руководство, по нашему мнению, можно разделить на два вида: непосредственное (собственно процессуальное руководство) и опосредованное процессуальное руководство (в котором переплетаются элементы управленческой и процессуальной деятельности). Непосредственное процессуальное руководство осуществляет непосредственный руководитель следственного органа, опосредованное – руководитель вышестоящего следственного органа (при необходимости и он может осуществлять непосредственное процессуальное руководство).

Опосредованное процессуальное руководство чаще всего оформляется в виде правовых актов, управленческих решений и представляет собой формирование алгоритмов, критериев и ориентиров, адресуемые как подчиненным руководителям следственного органа, так и следователям, которые должны учитывать содержащиеся в них требования и рекомендации при расследовании уголовного дела.

Опосредованность процессуального руководства означает, что волеизъявление руководителя вышестоящего следственного органа доводится до следователя через непосредственного руководителя следственного органа путем принятия правовых актов и управленческих решений, требования которых должны учитывать подчиненные должностные лица при осуществлении своей уголовно-процессуальной деятельности. Иначе говоря, непосредственный руководитель следственного органа требования руководителя вышестоящего следственного органа индивидуализирует и конкретизирует (или при необходимости может и должен это сделать) путем дачи указаний следователю по расследованию конкретного уголовного дела.

---

[1] © Образцов А. В., 2018.

Опосредованное процессуальное руководство в отличие от непосредственного не создает для следователя процессуальных прав и обязанностей, но порождает для непосредственного руководителя следственного органа организационно-правовую обязанность осуществлять процессуальное руководство исходя из определенных критериев, ориентиров и алгоритмов и при необходимости давать следователю процессуальные указания о направлении расследования. Например, приказ Генпрокуратуры России, МВД России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФСИН России, Минобороны России, ФССП России, МЧС России от 26 марта 2014 г. № 147/209/187/23/119/596/149/196/110/154 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях»[1] обязывает руководителя следственного органа в п. 2.1 изучать находящиеся на рассмотрении у подчиненных сотрудников материалы проверок до принятия по ним процессуальных решений, в случае необходимости давать письменные указания о проведении конкретных проверочных действий в целях установления обстоятельств, имеющих значение для вынесения законных, обоснованных и мотивированных постановлений.

Для следователя эти критерии, ориентиры и алгоритмы являются средством самоорганизации работы по расследованию конкретного дела и средством, с помощью которого он осуществляет самоконтроль. Например, используя такой показатель ведомственной оценки деятельности органов предварительного следствия как «Удельный вес уголовных дел, оконченных расследованием в срок свыше двух месяцев от числа дел, направленных прокурору с обвинительным заключением» следователь может критично оценить свою работу с точки зрения эффективности, качества и сроков расследования уголовного дела. Если же следователь не осуществляет такой самоконтроль и адекватно не оценивает результаты расследования уголовного

[1] Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях: приказ Генпрокуратуры России, МВД России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФСИН России, Минобороны России, ФССП России, МЧС России от 26 марта 2014 г. № 147/209/187/23/119/596/149/196/110/154 // СПС «КонсультантПлюс».

дела, то руководитель следственного органа, проверив материалы уголовного дела, может и должен дать указание о производстве тех процессуальных действий, которые необходимо произвести для ускорения досудебного производства, и при необходимости принять в отношении следователя меры организационно-правового характера. В этой связи А. А. Нечаев правильно отмечает, что решение задачи по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в значительной мере обеспечивается эффективным расследованием[1].

Таким образом, опосредованное процессуальное руководство расследованием преступлений по своей сути представляет собой создание критериев, ориентиров, алгоритмов, на которые должны ориентироваться и которыми должны следовать непосредственный руководитель следственного органа и следователь при расследовании конкретного преступления.

Опосредованное процессуальное руководство является связующим звеном между управленческой деятельностью руководителя вышестоящего следственного органа и процессуальной деятельностью непосредственного руководителя нижестоящего следственного органа и следователя. С помощью него происходит трансформация управленческих решений руководителя вышестоящего следственного органа в процессуальные решения через уголовно-процессуальную деятельность непосредственного руководителя. В подчинении руководителя вышестоящего следственного органа находятся как руководители нижестоящих следственных органов, так и следователи, в них работающие. Осуществлять процессуальное руководство расследованием уголовных дел, находящихся в производстве следователей нижестоящих следственных органов, руководитель вышестоящего следственного органа может только эпизодически, по мере необходимости. Процессуальное руководство на постоянной основе в непрерывном режиме осуществляет непосредственный руководитель следственного органа.

Опосредованное процессуальное руководство позволяет руководителю вышестоящего следственного органа довести свое волеизъяв-

---

[1] Нечаев А. А. Организация деятельности органов предварительного следствия по расследованию нераскрытых преступлений: проблемы и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 83.

ление, сформировавшееся на основе анализа состояния расследования уголовных дел, через непосредственного руководителя следственного органа до следователей подчиненных подразделений.

Критерии, используемые при осуществлении опосредованного процессуального руководства, определяют качественные характеристики расследования и позволяют оценить работу следователя и руководителя следственного органа с точки зрения организации и эффективности расследования конкретного уголовного дела. Прямо эти критерии не влияют на процессуальную деятельность следователя, но косвенно оказывают на него воздействие, поскольку следователь, даже действуя в рамках закона, обязан оценивать эффективность своей уголовно-процессуальной деятельности исходя из определенных критериев. Ценность подобных критериев заключается в том, что они позволяют следователю осуществлять самоконтроль своей деятельности, своевременно и самостоятельно (без участия непосредственного руководителя следственного органа) корректировать ход расследования уголовного дела. Кроме того, такой подход обеспечивает процессуальную самостоятельность следователя. Процессуальная самостоятельность следователя возможна только тогда, когда он осуществляет расследование в правомерном русле, эффективно, без проволочек и волокиты. Как только следователь нарушит требования закона или создаст своими действиями (бездействием) такую угрозу, или же утеряет динамику и эффективность расследования, то в этом случае руководитель следственного органа обязан использовать свои полномочия по процессуальному руководству и направить расследование в правомерное русло. Процессуальная самостоятельность следователя во многом определяется его правовыми отношениями с руководителем следственного органа[1]. Границы самостоятельности следователя обусловлены правомерностью и эффективностью расследования уголовного дела, находящегося у него в производстве.

---

[1] Быков В. М. О процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 60; Пушкарев В. В. Реализация принципа процессуальной самостоятельности в деятельности судебных и современных следователей // В сборнике: Актуальные проблемы предварительного расследования. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 269–273; Гриненко А. В. Изменение следователем своих процессуальных решений // В сборнике: Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции: научное электронное издание. 2017. С. 122–128.

Таким образом, для эффективной организации расследования преступлений необходима эффективная деятельность руководителя следственного органа в виде процессуального руководства. Опосредованное процессуальное руководство, которое осуществляется руководителем вышестоящего следственного органа, позволяет осуществлять воздействие на подчиненных следователей через издание нормативных актов и принятие управленческих решений. Опосредованность такого руководства заключается и в том, что властные предписания, содержащиеся в нормативных актах и управленческих решениях в случае невосприятия их требований и рекомендаций следователем в своей уголовно-процессуальной деятельности, будут реализованы через прямые указания по конкретному уголовному делу непосредственным руководителем. Кроме того, руководитель вышестоящего следственного органа в случае ненадлежащего выполнения его управленческих решений может использовать предоставленные ему УПК РФ уголовно-процессуальные полномочия и дать непосредственно процессуальные указания по конкретному уголовному делу.

Таким образом, для эффективного и полного процессуального руководства необходимо осуществлять два его вида:

– деятельность по непосредственному процессуальному руководству (субъект такого руководства – непосредственный руководитель следственного органа);

– опосредованное процессуальное руководство (субъект такого руководства – руководитель вышестоящего следственного органа).

Нечаев А. А.*[1]*,
доцент кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук
полковник полиции

Организация в органах предварительного следствия в системе МВД России деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет

Руководство государства постоянно обращает внимание сотрудников МВД России на обеспечение реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности виновных лиц, а также восстановление нарушенных прав лиц, пострадавших от преступления, и обеспечение соответствующего уровня защиты населения[2]. Как справедливо заметил А. В. Образцов, правосудие является гарантией реализации прав человека. В процессе правосудия реализуется не только право на справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию, но и обеспечивается в целом вся система прав и свобод человека, нормативное функционирование гражданского общества и государства[3].

Следовательно, решение этой задачи в значительной степени обеспечивается эффективным предварительным расследованием. Вместе с тем, как свидетельствует следственная практика, по значительному количеству уголовных дел ежегодно около 68–71,3 % в силу различных причин производство расследования приостанавливается.

В соответствии с действующими нормативными правовыми актами нераскрытым считается преступление, производство по уголовному делу о котором впервые приостановлено в текущем отчетном

---

[1] © Нечаев А. А., 2018.

[2] Расширенное заседание коллегии МВД России по итогам работы за 2016 г. // URL: http//kremlin.ru/d /51515 (дата обращения: 28.03.2018).

[3] Образцов А. В. Назначение уголовного судопроизводства и процессуальное руководство расследованием преступлений // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 3 (39). – С. 56.

периоде по п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ[1], независимо от даты возбуждения уголовного дела и даты учета преступлений. Данное предполагает, что:

1) раскрытие преступления не связано с фактом установления лица, совершившего преступление, поскольку в двух юридических основаниях приостановления производства наличие подозреваемого (обвиняемого) предполагается (п. 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ);

2) правоприменитель обязан обеспечить фактическое участие подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в производстве по уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ);

3) отнесение преступления к рассматриваемой категории связано с определенными процессуальными решениями, принимаемыми следователями по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Таким образом, существующее нормативное определение категории нераскрытых преступлений ориентирует начальников территориальных органов МВД России не только на установление лица, совершившего преступление, и доказывание его виновности, но и на обеспечение его реального участия в уголовном процессе.

Преступления, предварительное следствие по уголовным делам о которых было впервые в текущем году приостановлено на основании п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в поступающих календарных периодах образуют массив преступлений прошлых лет.

Представляется целесообразным выделить две категории уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет, это:

1) уголовные дела, приостановленные по п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, по которым необходимо выполнять требования ст.ст. 209–211 УПК РФ;

2) уголовные дела, подлежащие прекращению в связи с истечением по ним срока давности привлечения к уголовной ответственности.

С учетом указанных категорий уголовных дел полагаем, что начальником следственного подразделения территориального органа МВД России на районном уровне необходимо организовывать работу

---

[1] П. 2.11. Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утв. приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

по двум направлениям, а именно организовывать деятельность подчиненных подразделений и сотрудников по раскрытию преступлений, уголовные дела о которых были приостановлены в прошлые годы, а также организовывать работу по прекращению уголовных дел за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Каждое вышеуказанное направление отличается от другого спецификой решаемых задач, использования сил, средств и методов, принимаемых начальником следственного подразделения территориального органа МВД России на районном уровне управленческих решений непроцессуального характера.

Первая категория уголовных дел подлежит разграничению по видам преступлений. Особое внимание начальника следственного подразделения территориального органа МВД России на районном уровне необходимо обращать на преступления, наиболее чаще представленные в остатке приостановленных уголовных дел.

При этом особенность деятельности следователей по уголовным делам, приостановленным по п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, состоит в том, что их процессуальные возможности в решении задачи ограничены ч. 3 ст. 209 УПК РФ, а большинство поисковых действий регламентированы ведомственными приказами.

Вместе с тем, изучение практики организации расследования уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет позволяет сформулировать основные отклонения от нормативно установленных требований и криминалистических рекомендаций, а именно:

– недостаточная организующая роль руководителей подразделений и ненадлежащий контроль с их стороны за деятельностью подчинённых, серьезные упущения в организации взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными и криминалистическими подразделениями ОВД;

– низкий уровень профессиональной подготовки следователей, оперативных сотрудников и экспертов;

– неквалифицированное принятие мер по установлению лиц, подлежащих привлечению в качестве подозреваемых или обвиняемых, установлению их места нахождения либо принятию мер по розыску скрывшихся подозреваемых или обвиняемых;

– непринятие следователями процессуальных решений для использования возможностей по проведению ОРМ в отношении содержащихся под стражей лиц с целью выявления их причастности к нераскрытым преступлениям прошлых лет;

– снижение оперативной осведомленности аппарата уголовного розыска о лицах, совершивших преступления и склонных к их совершению;

– низкая эффективность взаимодействия с оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы.

Отмеченные недостатки в большинстве случаев устранимы при правильном выборе способов и форм организационного обеспечения расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет, которые должны избираться субъектами управления исходя из специфики оперативной обстановки на обслуживаемой территории, результатов анализа массива приостановленных уголовных дел, содержащейся в них доказательственной информации. В то же время, следует согласиться с А. И. Бастрыкиным, что важное значение при раскрытии преступлений прошлых лет необходимо уделять и организации непосредственно мыслительной работы. Несмотря на то что на вооружении следователя имеется множество современных технико-криминалистических средств, автоматизированных криминалистических учетов и других достижений науки, выдвижение версий, как и ранее, в конечном счете проводится самим человеком, т. е. проходит через его мышление. На протяжении многих лет ученые предпринимали попытки создать математические модели, способствующие версионной работе, вероятной оценке истинности установленных обстоятельств дела, и даже так называемый искусственный интеллект следователя. Однако до настоящего времени ни моделей, способных заменить следственное мышление хотя бы на 1 %, не существует. Это связано с тем, что процесс раскрытия преступлений, в особенности совершенных в условиях неочевидности, слишком сложный и требует большого творческого потенциала[1].

Таким образом, организация деятельности по уголовным делам о преступлениях прошлых лет – это реализация начальником органа предварительного следствия территориального органа МВД России

[1] Бастрыкин А. И. Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 16 марта 2017 года) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 17–18.

на районном уровне предоставленных ему служебных полномочий с целью упорядочения деятельности подчиненных следователей, непосредственно участвующих в установлении виновных лиц, местонахождения скрывшихся подозреваемых (обвиняемых), обеспечении их участия в уголовном судопроизводстве по уголовному делу, и приведение ее в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, криминалистическими рекомендациями, решениями вышестоящих субъектов управления и оперативной обстановкой, складывающейся на обслуживаемой территории.

Ямщиков А. И.*[1]*,
старший преподаватель кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений
Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
подполковник полиции

Закономерности развития криминалистической техники как проводника достижений науки и техники в следственную и экспертную практику: социальный аспект проблемы

Раскрытие и расследование преступлений – являются первостепенной задачей правоохранительных министерств и ведомств Российской Федерации. Работа по обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию и оценке вещественных доказательств может эффективно осуществляться лишь тогда, когда имеются специально разработанные и адаптированные научно-технические средства и методы борьбы с преступностью. Разработка таких средств и методов, теоретических и методических основ их применения и внедрения в следственную практику осуществляется криминалистической наукой в рамках раздела «криминалистическая техника». Именно криминалистическая техника стала базой для развития криминалистики в целом, основой науки на этапе ее становления и одним из первых сложившихся в криминалистике понятий[2].

В самом названии раздела слово «техника» является основным и определяющим. Первоначально термин «техника» (гр. technike –искусство, мастерство, умение) означал совокупность материальных средств, создаваемых для осуществления процесса производства, обогащающих и облегчающих познание человеком окружающего

---

[1] © Ямщиков А. И., 2018.

[2] Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. С. 30.

мира, расширяющие взаимоотношения человека с окружающей средой[1]. Данное понятие охватывает искусственно созданные технические изделия и процессы их изготовления человеком для осуществления какой-либо деятельности, в котором, как представляется, можно выделить следующие элементы: 1) знания, накопленные в процессе исторического развития, передаваемые из поколения в поколение; 2) непосредственно сами технические средства; 3) технология и технологический процесс; 4) субъекты, обладающие умениями и навыками применения технических средств, 5) объекты труда. К похожему выводу приходит и Н. П. Яблоков, который в контексте криминалистической литературы под техникой понимает 1) определенную систему знаний; 2) элемент структуры деятельности; 3) инструментарий[2].

Развитие криминалистической техники связано с общими тенденциями и закономерностями развития естественных и технических наук, возникающими исходя из потребностей общества, которое на рубеже XIX–XX вв. испытывало не себе влияние научно-технического прогресса (НТП). Бурный научно-технический и промышленный рост, расширение в связи с этим городов за счет притока людского капитала, усилившееся социальное расслоение общества привели впоследствии к всплеску качественно новой преступности. Общество было не готово к таким вызовам. Прежние методы расследования преступлений, «на основе житейского опыта, здравого смысла теперь оказались бессильны»[3]. Закономерно возникла потребность в индивидуальной, а не коллективной форме ответственности. Это потребовало тщательного изучения способов совершения преступлений, постепенного внедрения научно-технических средств в практику борьбы с преступностью, привлечения специалистов из различных

---

[1] Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии // URL: http://terme.ru/termin/tehnika.html#item-43743 (дата обращения: 04.03.2018)

[2] Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. С. 187.

[3] Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. М. : Издательство НОРМА, 2002. С. 1.

отраслей знаний и «научной постановки самого процесса расследования»[1]. Закономерно сложилась ситуация, при которой возникла необходимость не просто эпизодически использовать разработки других наук, а создавать собственную научную базу. В. А. Волынский отмечал, что многие перевороты в науке и технике непосредственно связаны с созданием новых научных инструментов и методов[2]. Однако эти инструменты и методы, как уже отмечалось, могут быть только тогда криминалистическими, когда они специально разработаны или адаптированы для решения задач по раскрытию и расследованию преступлений. В этой связи представляется закономерным появление собственного криминалистического арсенала средств и методов. Так, например, необходимость информационного обеспечения закономерно привела к разработке системы регистрации преступников. Таким образом, криминалистическая техника, аккумулируя все самое лучшее и необходимое, выполняет важную роль проводника между научными разработками и следственной практикой.

Появление новых технических средств и методов в криминалистике закономерно ведет к увеличению возможностей по изучению различного рода объектов – носителей криминалистически значимой информации. Необходимым условием в данном случае является реализация такой информации в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Однако становление научного знания – это всегда сложный и многогранный исторический процесс. С момента возникновения и до момента внедрения научных разработок в следственную практику проходит немало времени, а то и вовсе эти разработки остаются незамеченными. Этому способствует ряд причин. Во-первых, внедрением, как правило, занимаются сами ученые, разработавшие инновационные средства и методы раскрытия и расследования преступлений. В. А Волынский в этой связи задает совершенно справедливый вопрос о способности и возможности каждого отдельно взятого ученого обивать пороги кабинетов и добиваться внедрения его разработок в

---

[1] Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. 781 с.

[2] В. А. Волынский. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники: Исторический, гносеологический и социальный аспекты проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 417 с.

практику[1]. Во-вторых, инертность бюрократической машины к переменам и новизне. Эти проблемы существовали на рубеже XIX-XX вв. (откуда берет начало криминалистическая техника), остаются актуальны и по сей день. Так обстояло дело с инновационным для того времени методом антропометрической регистрации и отождествления человека по признакам внешности (известный как бертильонаж), разработанный сотрудником Парижской полицейской префектуры А. Бертильоном. Метод первоначально не вызывал у высших чинов полиции доверия и был отвергнут. Лишь связи отца помогли ученому продолжить исследования и только благодаря своему упорству доказать эффективность данного метода, который был принят на вооружение в 1883 г. Однако появление инновационного метода, основанного на точном измерении отдельных антропометрических показателей человека, привело к проблемам в подготовке квалифицированных специалистов, что стало причиной низкой эффективности его применения в следственной практике. Мало создать, необходимо обучить. Также сложно внедрялся и новый метод идентификации человека по отпечаткам пальцев, у истоков создания которого стояли служащий британской администрации В. Хершель и шотландский врач Г. Фулдс.

В наше время эти и ряд других проблем обострились по целому ряду причин. Переход от советской модели к рыночным отношениям, развитие компьютерных и информационных технологий, проникших во все сферы жизни общества, информатизация общества привели к еще более интенсивному развитию науки и техники. Как это и бывает, все эти факторы приводят закономерно к появлению новых социальных явлений, в том числе качественно новой преступности (компьютерные преступления, преступления в кредитно-финансовой сфере и т. д.). Особо актуальной для правоохранительных министерств и ведомств Российской Федерации становится проблема рационального использования криминалистически значимой информации в ходе раскрытия и расследования преступлений. На смену простым приходят более сложные технологически и функционально технико-криминалистические средства и методы, требующие высокой квалификации

[1] Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2008. – № 3 (6). – С. 104.

специалистов. Такой является, например, автоматизированная габитоскопическая информационно-поисковая система нового поколения (АГИПС Портрет-Поиск)[1], которая успешно используется в следственной и экспертной практике. Преступность всегда идет на шаг впереди. Используя научные достижения, она изобретает все новые и новые способы совершения преступлений. Точно также с ускорением криминалистическая наука реагирует на эти вызовы. На современном этапе развития криминалистика, реализуя свою созидательную функцию, призывает все более инновационные методы и технологии для борьбы с преступностью. К таким технологиям относится ДНК-профилирование. Однако внедрение и применение любых инновационных методов в следственную и экспертную практику всегда сопряжены с проблемами технологического, этического и правового характера[2]. Здесь необходимо учитывать тот факт, что информация, помещаемая в автоматизированные базы данных, может относиться не только к преступникам, но и к персональным данным граждан, не имеющим отношения к преступлениям. Возникает вопрос их защиты и законного использования.

Развитие и внедрение инновационных проектов в практическую деятельность напрямую зависят от финансирования, которое, по данным ЭКЦ МВД России, составило всего лишь 36 % от заявленного в 2016 г.[3] Очевидно, что недофинансирование очень негативно сказывается на развитии современных средств и методов борьбы с преступностью. Однако это усугубляется проблемой низкой эффективности работы по обнаружению, изъятию и направлению на исследование объектов-носителей соответствующей криминалистически значимой информации. Так, например, на фоне значительного роста помещенных на соответствующий вид учета генетических профилей объектов с мест нераскрытых преступлений (+31,4 %), из 8203 объектов – ве-

[1] URL: http://abckrim.ru/tech/portret.htm (дата обращения: 24.03.2018).

[2] Пичугин С. А. Инновационные технологии в криминалистическом исследовании внешнего облика человека // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 1 (18). – С. 268–274.

[3] Обзор по итогам работы экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России за 2016 год. Исх. № 37/2- 2016 от 17 марта 2017 г.

роятных носителей запаховых следов человека только 37,6 % поступили на экспертные исследования[1]. В связи с этим возникает объективная потребность в соответствующей подготовке специалистов. На это указывает и А. Ф. Волынский[2]. Очевидно проблема заключается в том, что у специалистов-криминалистов, работающих на местах происшествий, элементарно не хватает знаний и необходимых навыков по применению в том или ином случае средств и методов по обнаружению, фиксации и изъятию вещественных доказательств. Особенно актуальна проблема, по нашему мнению, для двух категорий: 1) лиц среднего и старшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел на должности сотрудников экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) (как правило узкой специализации – химиков, физиков, биологов) и 2) сотрудников, имеющих высшее юридическое образование не экспертного профиля, переведенных из других служб на должности экспертов в ЭКП ОВД, которые согласно графиков дежурств работают в составе следственно-оперативных групп на местах происшествий. Первоначальную теоретическую и практическую подготовку данных категорий сотрудников к самостоятельному производству осмотров мест происшествий (ОМП) в качестве специалиста организуют территориальные ЭКП. Возникает справедливый вопрос, а можно ли за такой короткий промежуток времени (две недели в среднем по субъектам) подготовить грамотного специалиста? Ответ по нашему мнению очевиден. А ведь средства и методы по обнаружению, фиксации и изъятию следов в ходе ОМП весьма и весьма разнообразны и бывают столь сложны, что их грамотное применение может осуществить только высококвалифицированный специалист-криминалист. В этой связи полагали бы необходимым, во-первых, разработать программу повышения квалификации специалистов-криминалистов в форме стажировки на базе высших учебных заведений МВД России на право производства ОМП, ориентированную на выработку устойчивых профессиональных компетенций по применению специальных средств и методов обнаружения, фиксации, изъятия и исследования

[1] Обзор по итогам работы экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России за 2016 год. Исх. № 37/2-2016 от 17 марта 2017 г.

[2] Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. С. 91.

вещественных доказательств. Результаты отражать в свидетельстве о праве производства ОМП в качестве специалиста. Во-вторых, определить обязательный пересмотр уровня квалификации данных сотрудников.

Таким образом, криминалистическая техника, изначально возникнув как часть науки уголовного права и находясь на острие борьбы с преступностью, закономерно стала проводником достижений естественных и технических наук в следственную и экспертную практику. Опираясь на потребности общества в противодействии негативным проявлениям, общие тенденции и закономерности развития научного знания, криминалистическая техника должна максимально оперативно развивать свой потенциал и реагировать на все возрастающие потребности следственной практики, брать на вооружение все самое лучшее и максимально эффективное для борьбы с преступностью. Государство в свою очередь должно всецело способствовать развитию криминалистических знаний, оказывая законодательную и финансовую поддержку, разработать механизмы внедрения научных разработок в следственную и экспертную практику.

***Ермаков С. В.*[1],**
заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Особенности расследования мошенничества в сфере кредитования

Банки и иные кредитные организации постоянно совершенствуют банковские технологии, продвигают на рынок новые банковские продукты, предлагая в кратчайшие сроки с предоставлением минимального комплекта документов оформить кредитные отношения. Упрощение процедур кредитования влечет за собой увеличение числа недобросовестных лиц, получающих банковские кредиты без намерений выполнять обязательства по их погашению.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2015 г. осуждено по ст. 159.1 УК РФ – 2074, в 2016 г. – 1720, за первое полугодие 2017 года – 1039 человек[2]. Значительная часть приговоров была постановлена по фактам получения кредитов по поддельным паспортам. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» были даны разъяснения, согласно которым изменилась квалификация мошенничества в сфере кредитования, что повлияло на практику расследования таких преступлений[3].

Так, в соответствии с указанным постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации кредитором в ст. 159.1 УК РФ может быть банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (ст. 819 Гражданского

---

[1] © Ермаков С. В., 2018.

[2] См. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ. Форма № 10-а // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru/index.php.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

кодекса Российской Федерации). Правоприменителям необходимо обратить внимание, что микрофинансовые организации, кредитные кооперативы и другие некредитные финансовые организации, заключившие с лицом договор микрозайма, не могут быть признаны иным кредитором. Также не образует состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, хищение денежных средств, взятых в долг у физического лица, не имеющего намерения их возвращать. В случаях, когда в целях хищения денежных средств лицо, например, выдавало себя за другое лицо, представив при оформлении кредита чужой паспорт, либо действовало по подложным документам от имени несуществующего физического или юридического лица, либо использовало для получения кредита иных лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, основание для квалификации содеянного по ст. 159.1 УК РФ отсутствует, а ответственность виновного должна наступить по ст. 159 УК РФ (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30 ноября 2017 г.).

Поводами к возбуждению уголовного дела могут выступить различные сообщения. Так, сообщения из банков или иных кредитных организаций поступают в дежурные части органов внутренних дел по телефону, как правило, в случаях предъявления потенциальным заемщиком документов, содержащих заведомо недостоверную или ложную информацию, для получения кредитных средств. Сотрудник кредитной организации, проявляя бдительность и необходимую предусмотрительность при подготовке договора, вызвала в офис организации сотрудников полиции[1]. В последующем такое сообщение подтверждается письменным заявлением уполномоченного должностного лица кредитной организации либо рапортом сотрудника органов внутренних дел об обнаружении признаков преступления.

Письменные заявления в ОМВД поступают от представителей банка или кредитной организации, о хищении денежных средств, выданных на основании кредитного договора, заключенного с физическим лицом или представителем юридического лица, по документам заведомая недостоверность или ложность которых установлена в ходе внутренней проверки, проведенной службой безопасности пострадавшей организации в связи с прекращением выплат по кредиту или невозвращением кредита.

---

[1] Раменский городской суд Московской области Приговор от 12 мая 2017 года г. Дело № 1-300/17 // URL: http://sudrf.ru (дата обращения 12.02.2018).

Также возможно поступление заявлений о фактах невозвращения кредитов от Центрального банка Российской Федерации, Агентства по страхованию вкладов о выявленных в процессе проверки кредитной организации, проведения процедуры банкротства[1].

В практике известны случаи задержания сотрудниками полиции лиц, страдающих наркотической зависимостью, которые в последующем добровольно заявляют о других совершенных преступлениях, в том числе о мошенничестве в сфере кредитования. В данных случаях поводом для возбуждения уголовного дела может выступить явка с повинной.

По каждому поступившему сообщению сотрудниками органов внутренних дел проводится проверка с целью первоначального установления обстоятельств совершенного мошенничества[2]. Проверка сообщения о преступлении проводится с использованием комплекса следственных и иных процессуальных действий, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а также с проведением органом дознания оперативно-разыскных мероприятий по поручению дознавателя.

При проверке сообщения необходимо установление доказательственной информации, подтверждающей умысел на совершение хищения, т. е. подтверждение отсутствия намерения у заемщика выполнять обязательства по кредиту до момента получения денежных средств. О таком умысле свидетельствуют следующие обстоятельства:

1) сокрытие значимой информации о заемщике при заключении договора (о наличии кредиторской задолженности, об увольнении с

---

[1] Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений. Ч. 2 / под ред. О. И. Цоколовой, Н. Е. Муженской, Г. В. Костылевой. М. : Проспект, 2017. С. 246–249; Пушкарев В. В., Колосов Н. Ф. Особенности тактики производства отдельных следственных действий при расследовании экономических преступлений // В сборнике: Тактика производства следственных действий в соответствии с новым Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Материалы Всероссийской научной конференции / под ред. А. П. Резвана, Н. В. Федяевой. 2004. С. 56–60; Филатова И. В. Современные банковские механизмы легализации средств, полученных незаконных путем // В сборнике: Проблемы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях и пути их решения. Материалы научно-практической конференции. 2018. С. 250–255.

[2] Гриненко А. В. Правовые и организационные аспекты поступления и регистрации сообщений о преступлениях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 2 (25). – С. 67–72.

работы, отсутствие права собственности на заложенное имущество и пр.) или ее умышленное искажение (фиктивное трудоустройство, формальное перечисление зарплаты на счет, приобретение имущества для осуществления предпринимательской деятельности и иное создание видимости кредитоспособности клиента);

2) отсутствие у заемщика реальной возможности исполнения взятых в соответствии с кредитным договором обязательств (отсутствие постоянной работы, источников дохода, прибыли, имущества и пр.);

3) неуплата ежемесячных платежей согласно графику;

4) уклонение от исполнения обязательств по кредиту путем предоставления подложных документов (об увольнении с работы, заболевании и пр.), изменение места жительства, фамилии, имени и т. д.;

5) расходование кредитных средств на приобретение материальных ценностей, не связанных с целями кредитования, обналичивание денежных средств через фирмы-однодневки;

6) продажа приобретенного в кредит товара по заниженной цене сразу после его приобретения.

При отсутствии умысла заемщика на совершение мошенничества в сфере кредитования принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Основаниями для возбуждения уголовного дела являются достаточные данные, содержащиеся в материалах проведенной проверки сообщения о преступлении:

– объяснение заемщика об обстоятельствах получения кредита, расходовании денежных средств, о его личности, источниках доходов, материальном положении, ранее выданных кредитах и иных финансовых обязательствах, наличии имущества, фактах приобретения движимого и недвижимого имущества и т. п.;

– объяснения должностных лиц кредитора об обстоятельствах оформления заявки и заключении кредитного договора, получения средств заемщиком, исполнения обязательств по кредитному договору кредита, размере причиненного ущерба;

– протокол осмотра места происшествия (офис банка или иной кредитной организации);

– протокол осмотра предметов и документов;

– протокол личного досмотра и изъятия вещей;

– справка об исследовании, заключение эксперта;

– документы (кредитное дело, договор, заявление о предоставлении кредита, анкета заемщика, справка 2-НДФЛ, расходный кассовый ордер, копии паспорта, трудовой книжки, лицензия на осуществление банковских операции, справка о размере ущерба, причиненного кредитору, и пр.);

– иные документы.

В ходе расследования уголовного дела по ст. 159.1 УК РФ возможен следующий алгоритм действий:

1. Осмотр места происшествия (в том случае, если осмотр не производился при проверки сообщения о преступлении).
2. Выемка и осмотр документов.
3. Вынесение постановления о признании представителя кредитной организации потерпевшим, допрос потерпевшего.
4. Допрос свидетелей.
5. Задержание и допрос подозреваемого (обвиняемого).
6. Обыск по месту жительства.
7. Избрание меры пресечения.
8. Очная ставка между подозреваемым и свидетелем – сотрудником банка, оформлявшим кредит (в случае имеющихся противоречий в показаниях).
9. Направление органу дознания поручения об установлении соучастников преступления.
10. Принятие мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением (предложение добровольного возмещения вреда, наложение ареста на имущество)[1].
11. Назначение и производство судебных экспертиз (судебно-почерковедческая экспертиза, судебная технико-криминалистическая экспертиза документов и др.).
12. Сбор характеризующего материала на подозреваемого (обвиняемого).

[1] Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования): монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 110.

13. Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и направление соответствующего представления в кредитную организацию о необходимости соблюдения банковского законодательства при проверке потенциальных заемщиков.

В заключение отметим, что совершенствование методики расследования мошенничества в сфере кредитования имеет важнейшее значение для защиты кредитно-финансовой системы Российской Федерации о противоправных посягательств.

Иванов Д. А.*[1]*,
заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент,
Почетный сотрудник МВД России
полковник полиции

Правоприменительная практика наложения ареста на имущество, применяемого в целях возмещения причиненного преступлением вреда

Действенным процессуальным способом обеспечения гражданского иска в уголовном судопроизводстве является применение такой превентивной меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество.

Основанием для применения данной меры процессуального принуждения является наличие достаточных и достоверных данных о том, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыть или подвергнуть отчуждению, уничтожению имущество, которое потенциально может стать предметом ареста.

Однако исследуемая автором практика применения положений ст. 115 УПК РФ в настоящее время весьма противоречива и неоднородна. Приведем противоположные по своей правовой природе процессуальные решения, принимаемые следователями, дознавателями и судами относительно наложения ареста на имущество третьих лиц.

Так, Ленинский районный суд г. Тамбова по уголовному делу № 477794 по обвинению генерального директора ООО «Индиго» Л., совершившего хищение бюджетных средств при получении субсидий в рамках реализации Программ дополнительных мероприятий по содействию в трудоустройстве многодетных родителей, родителей, воспитывающих детей-инвалидов, незанятых инвалидов, наложил арест на два объекта недвижимого имущества, право собственно-

[1] © Иванов Д. А., 2018.

сти на которые зарегистрировано на С., состоящую в близких отношениях с обвиняемым при отсутствии официально зарегистрированного брака[1].

По уголовному делу № 130100507, расследованного в Следственном управлении УМВД России по Ульяновской области по обвинению М., судом удовлетворено ходатайство о наложении ареста на гостиничный комплекс, право собственности на который зарегистрировано на его мать, поскольку следствием предоставлены достаточные доказательства его возведения на земельном участке, приобретенном на средства, которые были получены преступным путем[2].

В то же время автор выявил факт, свидетельствующий о наложении ареста на имущество и дальнейшей его конфискации по решению суда, в случае, когда обвиняемый успел его продать. *Так, Следственный комитет России пытается возместить 350 млн руб., исчезнувших на консервном заводе ФСИН России. По данным "Коммерсантъ", Мосгорсуд отказался снять арест с имущества, в том числе автомобиля Lexus RX450H, принадлежащего сыну директора ФГУП «Консервный завод ФСИН России» Павла Беликова, обвиняемого в хищении 350 млн руб. Произошло это несмотря на то, что, как уверяли адвокаты, все арестованное еще до решения суда было перепродано другим лицам. Суд посчитал, что собственность могла быть приобретена на похищенные из бюджета средства, а значит, может быть арестована и после перепродажи, поскольку с ее использованием предстоит погашать причиненный имущественный вред*[3].

С точки зрения научной составляющей относительно данного примера обоснованы и логичны доводы Л. В. Кокоревой и О. Н. Лавровой, которые утверждают, что «при наличии доказательств, подтверждающих принадлежность подозреваемому, обвиняемому имущества, собственником которого оформлено другое лицо, на такое имущество также может быть наложен арест»[4].

---

[1] См.: Материалы уголовного дела № 477794, расследованного в Следственном управлении УМВД России по г. Тамбову в 2015 г.

[2] См.: Материалы уголовного дела № 130100507, расследованного в Следственном управлении УМВД России по Ульяновской области в 2015 г.

[3] URL : http://www.ugpr.ru // (дата обращения: 29.11.2017).

[4] Кокорева Л. В., Лаврова О. Н. Наложение ареста на имущество. Порядок оценки имущества, находящегося в жилище подозреваемого, обвиняемого, непосредственно в момент проведения следственного действия: методические рекомендации. Старотеряево : Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. С. 11.

В то же время в следственной и судебной практике имеются примеры и других, абсолютно противоположных решений относительно наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми. *В частности, по уголовному делу № 0178203, расследованному в Следственном управлении УМВД России по г. Брянску по обвинению Б. в хищении бюджетных средств при получении субсидий, выплачиваемых в рамках ведомственной целевой программы «Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Брянской области», судом отказано в наложении ареста на автомобиль Ауди А 8, который на момент обращения в суд был зарегистрирован на мать обвиняемого Б., несмотря на достаточные данные, свидетельствующие о приобретении автомобиля на средства, полученные в результате преступной деятельности Б. и оформления договора дарения в период предварительного следствия*[1].

Ввиду наличия обременения (ипотеки) судом отказано в наложении ареста на жилой дом обвиняемого Б., являющегося генеральным директором ООО «Альтаир-ДВ», по уголовному делу № 722211, который, злоупотребив служебным положением, своевременно не исполнил обязательства по контракту, заключенному с Дальневосточным таможенным управлением на реконструкцию объекта «СПЗ таможни» в г. Артеме под размещение кинологического центра Дальневосточного таможенного управления, что причинило ущерб бюджету на сумму свыше 57 млн руб.[2]

Принципиальную позицию суда по вопросу наложения ареста на имущество родственников обвиняемых (подозреваемых) и иных лиц можно подтвердить примером *уголовного дела № 60/13, возбужденного в Следственном управлении УМВД России по Оренбургской области в отношении директора ГУП «Облкиновидео» по ч. 1 ст. 201 УК РФ, где в ходе предварительного расследования судом было удовлетворено ходатайство следователя и арестовано имущество, принадлежащее обвиняемому П. и его супруге. Апелляционной инстанцией Оренбургского областного суда отказано в удовлетворении ходатайства стороны защиты о снятии ареста, наложенного на иму-*

[1] См.: Материалы уголовного дела № 0178203, расследованного в Следственном управлении УМВД России по г. Брянску в 2014 г.

[2] См.: Материалы уголовного дела № 722211, расследованного в Следственном управлении УМВД России по Приморскому краю в 2015 г.

щество супруги П. Свое решение суд мотивировал тем, что в соответствии со ст. 256 ГК РФ имущество, нажитое супругами в браке, является их совместной собственностью[1].

Анализ следственной практики и судебных решений позволяет сделать вывод, что основными причинами отказов судами в наложении ареста на имущество являются:

– принадлежность расчетных счетов и имущества юридическим лицам, а не самим обвиняемым;

– наличие обременения на недвижимом имуществе (ипотека), неснятого ареста на банковские счета;

– отсутствие в представленных в суд материалах достаточных оснований, свидетельствующих о принадлежности имущества подозреваемому (обвиняемому);

– отсутствие заявленных исковых требований со стороны потерпевших;

– ходатайство о наложении ареста на предметы первой необходимости и домашнего обихода.

В отдельных случаях отказы суда в наложении ареста на имущество связаны с непроведением следователем, дознавателем комплекса следственных действий, направленных на установление собственников имущества[2]. Также отказы судов обусловлены наличием у подозреваемых (обвиняемых) единственного жилья, на которое предполагалось наложить арест.

Наиболее частым основанием отказа судами в удовлетворении ходатайств о наложении ареста на имущество служит отсутствие у лица, на чье имущество накладывается арест, статуса подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу. *Так, по материалам уголовного дела № 749254, возбужденного в следственном управлении УВД по ЗАО ГУ МВД России по г. Москве, установлено, что, действуя в составе организованной преступной группы, Ш., К. и Г. в период с января по июль 2013 г. совершили хищение денежных средств, полученных от 35 потерпевших, путем обмана под предлогом поставки автомоби-*

[1] См.: Материалы уголовного дела № 60/13, расследованного в Следственном управлении УМВД России по Оренбургской области в 2015 г.

[2] См.: Гриненко А. В. Особенности возбуждения и первоначального этапа расследования уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности // В сборнике: Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности / отв. ред. Ю. С. Харитонова. 2015. С. 669.

лей. В ходе расследования уголовного дела 23 января 2014 г. произведена выемка в «Связной Банк» (ЗАО) выписки по счету Ш., в результате чего установлено, что на его счету находится 779 204 руб. 26 коп., в связи с чем следователь обратился с ходатайством в Никулинский районный суд г. Москвы о наложении ареста на деньги, находящиеся на счету гр-на Ш. Однако суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя, обосновав данное решение тем, что на момент выхода с ходатайством перед судом гр-н Ш. имел процессуальный статус свидетеля. Кроме того, иски потерпевших заявлены ненадлежащим образом, так как в заявлениях не указано конкретное лицо, которое надлежит признать гражданским ответчиком[1].

Несмотря на выявленные факты неудовлетворения судами ходатайств о наложении ареста на имущество и нерешенность данного вопроса, Следственный департамент МВД России констатирует повышение эффективности использования органами предварительного расследования в системе МВД России региональных информационных баз данных, содержащих сведения о правах на недвижимость, транспортные средства, акции и иные ценные бумаги подозреваемых (обвиняемых), для установления их имущества и прав имущественного характера. При этом более чем в половине следственных подразделений увеличился удельный вес стоимости арестованного имущества от суммы ущерба (по направленным в суд уголовным делам)[2].

Резюмируя окончательный вывод, нельзя не отметить важнейшее значение наложения ареста имущества, применяемого в целях обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда. Данный вывод подтверждается и изучением представленных следственными подразделениями аналитических материалов, которые свидетельствуют о том, что более трети возмещенного вреда обеспечено именно судебными решениями по ходатайствам о наложении ареста на имущество[3].

---

[1] См.: Материалы уголовного дела № 749254, расследованного в Следственном управлении УВД по ЗАО ГУ МВД России по г. Москве в 2014 г.

[2] См.: Обзор Следственного департамента МВД России «О принятии дополнительных мер по обеспечению выполнения Госпрограммы» от 28 декабря 2015 г. Исх. № 17/2-32926.

[3] См.: Обзор Следственного департамента МВД России от 30 сентября 2014 г. «О состоянии совместной работы по установлению, изъятию и возврату потерпевшим имущества и денежных средств» от 2 октября 2014 г. Исх. № 17/2-25624.

Логинов Н. А.*[1]*,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института ФГБОУ ВО «Владимирский
государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых»

Обеспечение права на защиту в ходе принятия объяснения при проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (опыт России и стран постсоветского пространства)

Объяснение можно отнести к процессуальному документу, порядок составления которого, однако, уголовно-процессуальным законом России не регламентирован. При этом отметим, что получение объяснения при проверке сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении предусмотрено п. 3 ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[2].

Проанализировав уголовно-процессуальные законодательства государств-участников СНГ, автор пришел к выводу, что все они по образу и подобию УПК РФ предусматривают объяснение как способ получения информации об обстоятельствах проверяемого события.

В свою очередь в ч. 3 ст. 120 УПК Казахстана предусматривает, что объяснение относится к документам, которые могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и иной форме[3].

При этом единственным уголовно-процессуальным законом, в котором содержится полноценное определение термина «объяснение», является УПК Азербайджана, в ст. 7.0.42. которого указано, что объяснение – письменные или устные доводы, приводимые участниками

---

[1] © Логинов Н. А., 2018.

[2] См.: Федеральный закон «О полиции» от 2 июля 2011 г. № 3-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

[3] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Утвержден Законом Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // URL: http://www.zakon.kz/ (дата обращения: 12.03.2018).

уголовного процесса или заявителями для обоснования требований как собственных, так и представляемых ими лиц[1].

О необходимости разработать и предусмотреть в Общей части УПК РФ понятия «объяснение» утверждали и утверждают многие ученые-процессуалисты[2]. Однако в настоящее время ст. 5 УПК РФ не содержит указанного законодательной формулировки данного понятия, что, по мнению большинства сотрудников практических органов (79,8 %), неблагоприятно отражается на механизме обеспечения права на защиту, так как приводит к различным нарушениям прав при получении объяснений как лиц, заявивших о преступлении, так и лиц, в отношении которых разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Однако на сегодняшний день поспорить с указанным мнением сотрудников органов предварительного следствия и органов дознания сложно, так как УПК РФ не предусматривает унифицированного понятия «объяснение». Таким образом, требуется внести соответствующие изменения в УПК РФ и предусмотреть законодательное закрепление термина «объяснение» с целью закрепления развернутого перечня прав и обязанностей лица, дающего объяснения, а также соответствующий механизм обеспечения прав на защиту в ходе возникающих правоотношений с должностными лицами органов, осуществляющих проверку сообщения о преступлении.

---

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. Утвержден Законом Азербайджанской Республики 14 июля 2000 г. № 907-IГ // URL: http://www.zakon.kz/4817520-v-kazakhstane-planirujut-sozdat-fond.html (дата обращения: 22.02.2018).

[2] См. подробнее об этом в следующих работах: Артемова В. В. Возбуждение уголовного дела как уголовно-процессуальный институт : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 67, 120–121; Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ накануне очередной реформы (мнение практика и ученого) // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 137–141; Гриненко А. В. Механизм возбуждения уголовного дела : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 121; Есина А. С., Жамкова О. Е. К вопросу о совершенствовании уголовно-процессуальных норм, регламентирующих приостановление и возобновление предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 68–70; Иванов Д. А. Актуальные вопросы определения характера и размера имущественного вреда, причиненного преступлением при проверке поводов для возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 121–126 и др.

Таким образом, считаем целесообразным дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 22[1]) следующего содержания: *«22[1]) объяснение – процессуальный документ, содержащий сведения, зафиксированные как в письменной, так и иной форме, полученные от участников уголовного процесса, иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения, а также представляемых ими лиц»*.

Данное законодательно утвержденное понятие «объяснение» по нашему мнению, позволит устранить какие-либо различные толкования такого проверочного мероприятия, проводимого на стадии возбуждения уголовного дела, как получение объяснений и, как следствие, будет способствовать должной реализации прав на защиту с момента разъяснения прав лицу, которое дает объяснение.

Важность правильного оформления объяснения и единый подход к порядку его получения характеризуется тем фактом, что любой участник уголовного судопроизводства может в ходе своих действий выявить обстоятельства, важные для дальнейшего производства по делу, установление и фиксация которых напрямую влияет на обеспечение права на защиту.

Например, в рамках уголовного дела по обвинению Михайлова в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109, ч. 2 ст. 166 УК РФ, в ходе предварительного следствия защитник обвиняемого провел опрос жильцов расположенного поблизости от места происшествия пятиэтажного дома, работников соседнего магазина, работавшего круглосуточно, и оптовой базы. В ходе опроса защитником были найдены новые очевидцы происшествия, помимо выявленных следователем. Защитник оформил письменные объяснения этих лиц и ходатайство об их опросе в ходе предварительного следствия. Показания этих свидетелей послужили в дальнейшем основанием для оправдания Михайлова за отсутствием в его действиях состава преступления[1].

В то же время, как утверждает И. И. Гусева, в «российском уголовно-процессуальном законодательстве помимо того, что отсутствуют понятие и порядок получения объяснений, также возникают

[1]Архив городского суда г. Москвы. Дело № 22-145/03.

вопросы относительно содержания полномочий адвоката о получении объяснений»[1]. При этом следует уточнить, что в данном случае речь должна идти не только об адвокате, но и о защитнике, который оказывает юридическую помощь и защиту лица, в отношении которого разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела

Таким образом, учитывая значимость объяснения как важного средства получения информации на этапе проверки сообщения о преступлении, следует сказать, что в настоящее время сведения, которые могут быть получены в ходе принятия объяснения, имеют важнейшее значение при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и, как следствие, обеспечении лицу права на защиту непосредственно с момента начала проверки на предмет его причастности к совершенному уголовно наказуемому деянию.

[1] См.: Гусева И. И. Еще несколько слов о стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 19 апреля 2017 г. М. : Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. С. 134; Гриненко А. В. Механизм возбуждения уголовного дела : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 121.

***Ильяш А. В.*[1],**
старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук
подполковник полиции

Контрольно-методические подразделения[2] органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном уровне: история и современность

Возникновение КМП вызвано потребностями подчиненных следственных органов и обусловлено тем, что в деятельности по расследованию преступлений следователи и руководители органов предварительного следствия обязаны следовать не только требованиям уголовно-процессуального законодательства, но и достижениям науки и техники как в области расследования преступлений, так и организации труда.

Исследования в области управления органами предварительного следствия свидетельствуют о том, что в обществе «на рубеже 50-х годов XX в. заметно обострилось противоречие, возникшее между потребностями быстрого управления процессами, возросшим объемом информации и психофизиологическими возможностями человека»[3]. Происходящие в этот период в обществе процессы оказывали воздействие и на органы предварительного следствия, созданные в Министерстве охраны общественного порядка РСФСР[4] в 1963 г., что требовало автоматизации, унификации выполнения однотипных функций. Возможность применения в организации процессуальной и не-

---

[1] © Ильяш А. В., 2018.

[2] Далее – КМП.

[3] Познанский Ю. Н. Этапы внедрения современных информационных технологий в управление органами предварительного следствия в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1 (37). – С. 100–103.

[4] Далее – МООП.

процессуальной деятельности следователей криминалистических методик обеспечивало это, поскольку сходство объектов и субъектов преступных посягательств, способов совершения преступлений, механизмов следообразования и природы источников доказательственной информации позволяет установить закономерности подготовки, совершения и сокрытия преступлений одного вида, группы, рода. Кроме этого, при создании в Министерстве охраны общественного порядка РСФСР следственных подразделений объективно сформировалась потребность в осуществлении обучения следователей в порядке служебной подготовки, обобщении и распространении положительного опыта следственной работы и иных мероприятиях по улучшению качества следствия. Первоначально субъектами такой деятельности рассматривались руководители следственных управлений, отделов, отделений МООП, которые, кроме того, были обязаны давать по материалам и уголовным делам следователей периферийных ОООП указания и рекомендации, в установленном законом порядке принимать меры к исправлению допущенных ошибок[1].

В положении о Следственном управлении МВД СССР от 4 февраля 1970 г. формы участия данного органа управления всем следственным аппаратом органов внутренних дел в подготовке и повышении профессионального мастерства следственных работников были конкретизированы и предполагали дачу методических указаний по вопросам предварительного следствия в органах внутренних дел, организацию разработки совместно с научно-исследовательскими заведениями проблемных вопросов предварительного следствия, определение путей наиболее эффективного использования и организацию внедрения научных и научно-технических достижений в следственной работе, подготовку обзоров и рекомендаций по внедрению передового опыта в деятельность следственных подразделений, организацию проведения научно-практических конференций и семинаров по проблемам предварительного следствия, участие в разработке учебных планов и программ высших и специальных учебных заведений, учебных и методических пособий для следственных подразделений.

Создание специализированных контрольно-методических подразделений на региональном уровне управления органами предварительного следствия необходимо связывать с направленными в мае

[1] Положение об организации и деятельности следственного аппарата в органах министерства охраны общественного порядка РСФСР, утв. приказом МООП РСФСР от 8 июня 1963 г. № 318.

1970 года методическими указаниями МВД СССР об организации деятельности следственных отделов МВД – УВД, в которых рекомендовалось иметь небольшую группу следователей-методистов, специализирующихся на методической помощи подчиненным следственным аппаратам[1]. Ученые и практики, анализировавшие в этот период практику распределения обязанностей в следственных управлениях и отделах регионального уровня, отмечали, что «заниматься организационно-методической работой в перерывах между допросами практически невозможно», «рассматривать уголовные дела и параллельно заниматься вопросами организации работы и контроля трудно», «поскольку следователь, постоянно занятый расследованием уголовных дел, не в состоянии плодотворно заниматься управленческой деятельностью»[2].

В дальнейшем совершенствование организации следственной работы, тактики и методики расследования на основе внедрения передового опыта, достижений науки, активного использования криминалистической и организационной тактики, наряду с повышением уровня профессиональной подготовленности следователей, улучшением организации, форм и методов их обучения признаются в качестве организационных основ деятельности следственного аппарата МВД СССР[3]. Непосредственное выполнение функций по организации деятельности следственных подразделений на местах, контроля и оказания им необходимой помощи возлагалось, помимо руководства

---

[1] Кукушкин Ю. А. Организация информационно-аналитической, контрольной и методической работы в следственном аппарате МВД // Вопросы организации работы следственного отдела (управления) МВД – УВД: материалы зональных совещаний-семинаров в Новосибирске, Волгограде и Ташкенте. Волгоград, 1975. С. 15; Жукова Л. И. Методическая группа следственного отдела С. 116–120.

[2] Там же. С. 15; Научная организация управления и труда в следственном аппарате органов внутренних дел / под ред. С. В. Мурашова и Г. Г. Зуйкова. М. : Академия МВД СССР, 1975. С. 34; Организация расследования преступлений: курс лекций. М. : Академия МВД СССР. Ч. 1 С. 33; Пушкарёв В. В. Генезис уголовно-процессуального статуса следователя в первых актах советской власти // В сборнике: Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 52–58.

[3] П. 1.3.4., 1.3.5. Инструкции по организации деятельности следственного аппарата (следователей) органов внутренних дел, утв. приказом МВД СССР от 22 сентября 1982 г. № 308 «Об утверждении нормативных актов, регламентирующих организацию деятельности аппарата органов внутренних дел».

следственного управления (отдела), на работников контрольно-методического подразделения[1], формы и методы деятельности которых нашли отражение в соответствующих разделах Инструкции по организации деятельности следственного аппарата[2].

Спустя 10 лет в Российской Федерации в Примерном положении о следственном управлении (отделе) МВД – УВД указывалось на необходимость создания подразделений методического обеспечения предварительного следствия по делам об общеуголовных и экономических преступлениях[3].

Все эти изменения выдвинули новые требования к управлению следственными органами в системе МВД России, к профессиональной готовности следователей, в том числе в соответствующем криминалистическом обеспечении процесса расследования преступлений, что в том числе осуществляется должностными лицами КМП.

Это предопределило последующие существенные изменения в управлении ОПС в системе МВД России, которые начались с издания Указа Президента Российской федерации «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации»[4]. Заложенные в этот период основы управления следственными органами в системе МВД России, определяют современное состояние управления, в том числе и КМП.

На современном этапе КМП, входя в структуру аппаратов управления ОПС территориальных органов МВД России на региональном

---

[1] П. 3.3. этой же Инструкции.

[2] Разделы 3.5., 3.7., 3.8. этой же Инструкции.

[3] Примерное положение о следственном управлении (отделе) МВД республики в составе Российской Федерации, управления (главного управления) внутренних дел края, области, автономной области, автономного округа, непосредственно входящих в состав Российской Федерации, г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, на транспорте и режимном объекте, утв. приказом МВД России от 15 июня 1992 г. № 197 «О неотложных мерах по улучшению деятельности следственных аппаратов органов внутренних дел»; приложение № 2 к этому же приказу.

[4] О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422 // Российская газета. – 1998. – 26 нояб. – № 225.

уровне[1], решают вопросы: методического обеспечения выполнения следователями территориальных ОМВД России на районном уровне функции предварительного следствия по конкретным категориям, видам, родам уголовных дел; контроля за организацией их руководителями отраслевых систем управления сотрудниками, специализирующимися на расследовании таких категорий, видов, родов уголовных дел, за соблюдением и совершенствованием специализации следователей; формирования и поддержания соответствующего современному состоянию развития теории уголовного права и процесса, криминалистической науки и техники, потребностям практики уровня правовых знаний, практических навыков и умений сотрудников при выполнении функции предварительного следствия по уголовным делам о подследственных им преступлениях[2].

[1] Об органах предварительного следствия в системе МВД России, утв. приказом МВД России от 9 января 2018 г. № 1.

[2] См.: Организация управленческой деятельности в органах предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном уровне : учеб.-практ. пособие / под ред. С. В. Валова. М., 2013. С. 274–275; Арестова Е. Н., Артёмова В. В., Батюк В. И. Предварительное следствие. Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / М., 2017. С. 267; Гриненко А. В. Обеспечение права на защиту: законодательное закрепление и правоприменительная практика // Российский судья. – 2015. – № 8. – С. 17–20.

***Во Ким Зунг*[1],**
курсант 429 учебного взвода факультета подготовки иностранных специалистов
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Участие защитника в следственных действиях как гарантия законности доказательства

Статья 2 Конституции Российской Федерации определяет, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Безусловно, государство играет центральную роль по обеспечению гарантии прав и свобод человека, особенно в уголовном процессе. Одной из гарантий государства в уголовном судопроизводстве является принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. При этом участие защитника в следственных действиях действительно дает подозреваемому и обвиняемому возможность реализации своих прав и законных интересов, создает объективность рассмотрения и расследования уголовного дела, а, следовательно, на деле реализует вышеуказанный конституционный принцип.

Во Вьетнаме в настоящее время роль защитника в уголовном судопроизводстве занимает важное место. Государство Вьетнам обращает особенно внимание на совершенствование института защитников, чтобы адвокат мог беспрепятственно осуществлять свои права и полномочия. В соответствии с постановлением Политбюро Вьетнама № 49/NQ-TW от 26 июня 2005 г. «О стратегии судебной реформы до 2020 года» *для того, чтобы суд объективно и правильно рассматривал уголовное дело, принял решение, соответствующее с законными требованиями, деятельность органов и должностных лиц, уполномоченных осуществлять расследование от начала и до окончания, должна быть тесно связана друг с другом, и с деятельностью других участников судопроизводства… Участие адвокатов не только способствует защите правосудия, но и обеспечивает справедливость и демократичность в обществе, защиту социалистической правовой*

[1] © Во Ким Зунг, 2018. Научный руководитель: Попенков А. В., преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя майор полиции.

системы, прав и законных интересов гражданин, в том числе подозреваемых и обвиняемых. Таким образом, государство подчеркивает всю важность и фундаментальность института защитников в уголовном процессе.

В ч. 4 ст. 31 Конституции 2013 года Социалистической Республики Вьетнам (далее – СРВ) предусмотрено, что: «*... Задержанный, обвиняемый, подсудимый имеют право на защиту, которую они могут осуществлять лично или с помощью адвокатов и других людей*». Также в ч. 1 ст. 22 Закона СРВ от 20 ноября 2012 г. «Об адвокатуре» определено, что *«адвокат участвует в судебных разбирательствах в качестве защитника задержанных лиц, обвиняемых и подсудимых или в качестве представителя потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков и лиц, имеющих законные интересы в уголовном деле».*

В 2015 г. был принят новый уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) СРВ, в котором принцип обеспечения задержанному, обвиняемому права на защиту, защиты прав и законных интересов потерпевших был закреплен в ст. 16. Однако законодатель не предусмотрел возможность задержанных и обвиняемых пользоваться помощью защитника бесплатно, кроме случаев, когда участие защитника обязательно, а именно, когда обвиняемый или его родственники не приглашают защитника, только тогда органы, ведущие производство по уголовному делу, обязаны обеспечить для них участие защитника за государственный счет. Такое право на защитника предусматривается, если обвиняемый в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 20 лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь; если обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту; если обвиняемый является несовершеннолетним (ч. 1 ст. 76 УПК СРВ 2015 г.). В связи с этим часто задержанный, обвиняемые пользуются юридической помощью от защитника только за свой счет. По мнению автора, такая ситуация, безусловно, не в полно мере отвечает демократическим началам уголовного процесса.

Глава 5 УПК СРВ является новеллой и предусматривает положение адвоката (защитника) в судебном производстве, которая состоит из 13 статьей (от ст. 72 по ст. 84). Это можно рассматривать как совершенно новое и прогрессивное содержание УПК СРВ, отражающее уголовное судопроизводство Вьетнама в соответствии с ценностью

человеческих прав в уголовном процессе – там, где есть обвинение, должна быть и защита. Под защитником в соответствии со ст. 72 УПК СРВ 2015 г. следует понимать лицо, которое было назначено по ходатайству обвиняемого, подсудимого или постановлению органов, имеющих компетенции по производству уголовного дела, и зарегистрировано органом и должностным лицом, ведущими производство по уголовному делу в соответствии с законными требованиями. Защитник может быть одним из следующих категорий лиц: адвокат; представитель обвиняемого, подозреваемого, подсудимого; народный присяжный заседатель[1]; Специалисты по юридической помощи в случаях, когда обвиняемый должен обеспечиваться юридической помощью[2]. Здесь имеется отличие с УПК РФ (ч. 2 ст. 49 УПК РФ), в качестве защитника, кроме адвоката, допускаются еще и иные лица, которые могут не иметь высшего юридического образования и профессионального опыта для реализации своих полномочий защитника в уголовном судопроизводстве. Как показывает практика, во Вьетнаме часто в качестве защитника выступает адвокат, но отсутствие четкого определения «защитника» иногда создает препятствие не только для реализации задержанным, обвиняемым их прав и законных интересов, но и для деятельности следователя при расследовании уголовного дела с участием защитника. Выражаясь яснее иногда из-за нечеткого толкования данной нормы, следователю приходится допускать в качестве защитника, лиц, заявленных самим обвиняемым, но не имеющих представления об уголовном процессе в целом и о защите обвиняемого в частности, что, по мнению автора деструктивно влияет на ход расследования уголовного дела.

В соответствии со ст. 73 УПК СРВ, защитник имеет права: *1) осуществлять встречу и опрос обвиняемого.* Защитник имеет право на встречи с лицом, которому он обеспечивает юридическую помощь; право на опрос потерпевшего; свидетелей, чтобы уточнить обстоятельства дела; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, общественных объединений

---

[1] Народный присяжный заседатель – это гражданин Вьетнама, достигший 18 лет, который лоялен к отечеству, обладает хорошими моральными качествами, имеющий юридические знания и физические способности для выполнения поставленных ему задач Компартией Вьетнама или его членской организацией для участия в защите обвиняемого, подозреваемого, являющихся членами этих организаций (ч. 3 ст. 72 УРК СРВ 2015 года).

[2] Ст. 72 УПК СРВ 2015 года.

и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 2 ст. 88 УПК СРВ 2015 г.); *2) участвовать в допросе задержанных, обвиняемых и задавать им вопросы для уточнения обстоятельств с согласия следователя. После завершения допроса следователем защитник может опросить задержанных или обвиняемых; 3) участвовать в очной ставке, предъявление для опознания лиц или голоса и иных следственных действиях, предусмотренных УПК СРВ; 4) получить от следственных органов заранее сведения о времени, месте проведения допроса и других следственных действий, предусмотренных УПК СРВ; 5) знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он участвовал, с решениями уполномоченным органов, связанными с его подзащитным лицом; 6) заявить ходатайства об изменении следователя, эксперта, переводчика, имущественного оценщика, об изменении, прекращении принудительных мер процессуального характера; 7) заявить ходатайства об осуществлении следственных действий, предусмотренных УПК СРВ, о вынесении повестки свидетеля, иных участников судопроизводства и лиц, уполномоченных для осуществления судебного разбирательства; 8) собирать и представлять доказательства, данные, предметы.* Права защитника на собирание доказательств были закреплены в ст. 81 УПК СРВ. Так, защитник имеет права на собирание документов, предметов, данных, связанных с защитой в соответствии с законом; в зависимости от каждого процессуального этапа после собирания документов, предметов и данных, связанных с защитой, защитник должен незамедлительно предоставить в органы, ведущие производство по уголовному делу; если невозможно собирать документы, предметы и данные, связанные с защитой, защитник может обратиться к органам, ведущим производство по уголовному делу с ходатайством о помощи в сборе таких сведений; *9) проверить, оценить и предоставить свое мнение о доказательствах, связанных с уголовным делом, или ходатайствовать уполномоченным органом осуществлять проверку и оценку доказательств; 10) заявить ходатайство уполномоченным органам на собирание доказательств, осуществление дополнительных и повторных экспертиз, переоценки имуществ; 11) читать, записывать и копировать материалы уголовного дела, связанные с защитой с момента окончания расследования.* После завершения расследования, если есть запрос на чтение, запись или копирование материалов уголовного дела, связанных с защитой, органы, ведущие производство по уголовному

делу, обязаны обеспечить время и место для защитника читать, записывать и копировать материалы дела (ст. 82 УПК СРВ 2015 г.); *12) участвовать в судебном разбирательстве*. Согласно п. «С», п. «Ð», п. «Е» ч. 2 ст. 260 УПК СРВ 2015 г., в приговоре суда первой инстанции должны содержаться: позиция защитника и обвиняемого, подсудимого и иных участников в судебным заседании, также результат анализа и оценки доказательств, решений и действий следователя, прокурора и защитника в производстве по уголовному делу; причины признания судом незаконных доказательств, представленных следователем, обвиняемым, защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, их представителем*; 13) обжаловать процессуальные решения, действия или бездействия уполномоченных лиц и органов, ведущих производство по уголовному делу; 14) обжаловать приговоры или решения суда, если обвиняемым является лицо, не достигшее 18 лет, или лицо, имеющее физические или психические недостатки, предусмотренные УПК СРВ.*

Вместе с этим, защитник при участии в уголовном деле несет обязанности, предусмотренные ч. 2 ст. 73 УПК СРВ, а именно: *1) использовать все способы и средства, разрешаемые законом для установления обстоятельств, при наличии которых можно определить невиновность обвиняемых, смягчающих обстоятельств в пользу обвиняемых, подсудимых; 2) оказать обвиняемому юридической помощи для реализации его прав и законных интересов; 3) не имеет права отказать в защите обвиняемых, в отношении которых он принял согласие на оказание юридической помощи, если отсутствуют форс-мажорные причины или объективные препятствия; 4) уважать истину и законы, не подкупать, принуждать или побуждать других участников уголовного судопроизводства делать ложные заявления, предоставлять неправдивые данные; 5) являться по повестке суда. В случаях, когда защитник назначается следственным органом в соответствии с ч. 1 ст. 76 УПК СРВ, он должен присутствовать по повестке следственных органов или прокуратуры; 6) не вправе разглашать данные предварительного расследования, которые ему известны, не вправе использовать записанные или скопированные данные по уголовному делу в целях нарушения интересов государства, общества, права и законных интересов физических и юридических лиц; 7) не вправе разглашать сведение об уголовном деле, об обвиняемых при осуществлении защиты, не получив от обвиняемых письменные согласия о разглашении данных, также не вправе использовать*

такие данные в целях нарушения интересов государства, общества, права и законных интересов физических и юридических лиц.

При наличии нарушения требования закона, в зависимости от характера и степени нарушения, защитник должен нести ответственность в виде: лишения права на защиту; дисциплинарного взыскания; административной или уголовной ответственности; при нанесении ущерба, компенсация должна производиться в соответствии с требованиями закона (ч. 3 ст. 73 УПК СРВ). По нашему мнению, это положение является плюсом при сравнении с законодательством Российской Федерации, поскольку круг обязанности защитника был фиксирован в полном объеме.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что по УПК СРВ защитник при участии в уголовном судопроизводстве наделен широким кругом прав и обязанностей, отчасти отличных от статуса защитника в Российской Федерации, позволяющих обеспечить юридическую помощь задержанному, обвиняемому, подсудимому, чтобы они могли реализовать свои права и законные интересы.

Соломатина А. Г.*[1]*,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Запрет на определенные действия в системе мер пресечения

В уголовно-процессуальный кодексе Российской Федерации Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» (далее – Закон)[2] введена новая мера пресечения, неизвестная ранее российскому законодательству, – запрет определенных действий – ст. 105^1 УПК РФ.

Согласно ч. 6 ст. 105^1 суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может запретить подозреваемому или обвиняемому: выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них, общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением ПДД и эксплуатации транспортного средства.

---

[1] © Соломатина А. Г., 2018.

[2] Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201804180021?index=1&rangeSize=1.

В случае возложения на подозреваемого или обвиняемого запрета управлять автомобилем или иным транспортным средством у подозреваемого или обвиняемого дознавателем, следователем или судом изымается водительское удостоверение.

Запрет определенных действий избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105^1 УПК РФ, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Запрет определенных действий может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

Данная мера пресечения может быть применена, изменена или отменена только по решению суда.

Согласно ч. 7 рассматриваемой статьи в Постановлении суда об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий указываются конкретные условия исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов (адрес жилого помещения и периоды времени, в течение которых запрещено покидать жилое помещение, район, населенный пункт, с которыми связаны запреты, места, запрещенные для посещения, данные о расстоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам, лицах, с которыми запрещено общаться, срок применения запрета, способы связи со следователем, с дознавателем и контролирующим органом, другие условия), а также обязанность подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться по вызовам дознавателя, следователя или суда.

Подозреваемый или обвиняемый могут быть подвергнуты судом всем запретам либо отдельным из них. Таким образом, законом предусмотрен определенный конструктор – набор ограничений и запретов, которые можно применить в качестве меры пресечения к лицу, принимая во внимание его жизненные обстоятельства и особенности личности.

Соблюдение запрета одного или нескольких может возлагаться и при избрании других мер пресечения – залога или домашнего ареста, что противоречит ст. 97 УПК РФ, в которой говорится, что дознава-

тель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ.

Законодатель предусмотрел градацию процессуальных сроков применения новой меры пресечения. Так, по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести срок меры пресечения составит 12 месяцев, по уголовным делам о тяжких преступлениях – 24 месяца. Максимальный срок применения запрета определенных действия предусмотрен при совершении особо тяжкого преступления и составляет 36 месяцев[1].

Обвиняемому, подозреваемому не могут запретить вызовы по телефону скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации.

Не подлежат запрету также контакты с контролирующим органом, дознавателем, следователем. Если запрет касался использования средств связи, то подозреваемый, обвиняемый обязаны проинформировать о каждом звонке контролирующий орган.

Контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

В целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень и порядок применения которых определяются Правительством Российской Федерации.

Если по медицинским показаниям подозреваемый или обвиняемый был доставлен в учреждение здравоохранения и госпитализирован, до разрешения судом вопроса об изменении либо отмене меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого

---

[1] Иванов Д. А. Реформирование уголовно-процессуального законодательства, направленное на защиту отдельных прав и свобод потерпевших от преступлений в досудебном производстве // В сборнике: Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации: сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции. 2015. С. 52–60; . Гриненко А. В. Основные направления развития уголовного судопроизводства: взаимодействие теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 50–52.

продолжают действовать установленные судом запреты. Местом исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий считается территория соответствующего учреждения здравоохранения.

При нарушении запретов, отказа от применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, суд по ходатайству следователя или дознавателя, а в период судебного разбирательства по представлению контролирующего органа может изменить эту меру пресечения на более строгую.

Исходя из существующей классификации мер пресечения, запрет на определенные действия, в зависимости от круга лиц, к которым могут применяться меры пресечения, относится к общим мерам пресечения, так как применить ее возможно к любому подозреваемому, обвиняемому.

Если классифицировать по срокам действия, то данная мера будет являться с определенным сроком действия.

В зависимости от органов или должностных лиц, которые имеют право на применение мер пресечения, данная мера применима только по судебному решению наравне с арестом, домашним арестом, залогом.

Исходя из целей применения мер пресечения, запрет определенных действий будет являться ограничительной мерой наравне с заключением под стражу, домашним арестом, подпиской о надлежащем поведении, отдаче несовершеннолетнего под присмотр, наблюдением командования за поведением военнослужащего.

Какие могут возникнуть трудности при избрании и применении данной меры пресечения? Во-первых, необходимы адаптация и привыкание к возможности применения новой меры пресечения. Во-вторых, для контроля за соблюдением данной меры пресечения потребуется принятие новых организационно-управленческих решений. В-третьих, судам необходимо провести четкую грань между наложением запретов и домашним арестом, так как суммарная комбинация из четырех запретов, схожа с домашним арестом без установления строгих ограничений в порядке ст. 107 УПК РФ. В частности, домаш-

ний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, с возложением ограничений и запретов и осуществлением за ним контроля. В силу ч. 7 ст. 107 УПК РФ суд при избрании домашнего ареста может запретить или ограничить выход за пределы жилого помещения; общение с определенными лицами; отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Несомненно, положительным моментом новой меры пресечения является адресность применения одного или нескольких запретов, что позволит гибко ограничить нужные права обвиняемого или подозреваемого в зависимости от совершенного им преступления или постпреступного поведения. Например, по преступлениям, предусмотренным ст. 264 УК РФ, можно будет применять запрет на управление транспортным средством, на посещение мест, в которых осуществляются продажа и потребление алкогольных напитков. В этом смысле такая мера пресечения окажется более эффективной и оставит другие права не ограниченными.

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что новая норма и связанные с ней изменения и дополнения в процессе ее реализации могут привести к необходимости переосмысления института мер пресечения в целом. Это объясняется возможностью избирательного применения в отношении подозреваемого, обвиняемого комплекса принудительных мер воздействия, ограничения прав, запретов, отвечающего целям применения мер пресечения.

Саморока В. А.*[1]*,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции
Бекетов М. Ю.*[2]*,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции
Гурдин С. В.*[3]*,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных в сфере высоких технологий

В современном, высокоорганизованном мире высокие технологии проникли практически во все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства в целом. В настоящее время сложно себе представить наш век без компьютеров, телекоммуникационных систем и мобильных средств связи.

Вместе с тем, высокими технологиями в сфере информационно-телекоммуникационных и компьютерных технологий все чаще стремятся воспользоваться криминальные элементы, количество которых с каждым днем возрастает. Стремительное развитие таких технологий создает предпосылки для их использования в преступных целях.

---

[1] © Саморока В. А., 2018.
[2] © Бекетов М. Ю., 2018.
[3] © Гурдин С. В., 2018.

Одновременно с возрастающим количеством пользователей данных электронных технологий растет число и потенциальных жертв, а также возможность использования глобальной сети «Интернет» для совершения противоправных к тому же общественно опасных, наказуемых деяний[1].

При этом анонимность глобальных информационных сетей и быстрота передачи информации позволяют использовать все эти преимущества для совершения преступлений, которые нередко именуются киберпреступлениями[2].

С другой стороны, анализ современной действительности позволяет нам говорить о преступности высокотехнологичной, под которой понимаются преступные посягательства, совершаемые с использованием средств компьютерной техники и технологий, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая глобальную сеть «Интернет»), специального программного обеспечения или результатов автоматизированной обработки данных, а также совершаемые с использованием иных высокотехнологичных способов и средств достижения преступных целей.

Функциональный потенциал современных вредоносных компьютерных программ позволяет их использовать в качестве орудий или средств совершения почти всех известных уголовному законодательству преступлений. При этом постоянно расширяющиеся возможности таких программ способствовали трансформации деятельности киберпреступников в один из профессиональных подвидов корыстной преступности[3].

Тяжкие последствия преступлений, связанных с использованием вредоносного программного обеспечения, могут проявиться во всех

---

[1] Филатова И. В. Влияние инсайдерских угроз на малом предприятии на экономическую безопасность личности // В книге: Студенческая наука V Московская межвузовская научно-практическая конференция, сборник тезисов. 2011. С. 242–246.

[2] Понятие «киберпреступность» (в англоязычном варианте – cybercrime) шире, чем «компьютерная преступность» (computer crime), и более точно отражает природу такого явления, как преступность в информационном пространстве.

[3] Чекунов И. Г., Шумов Р. Н. Современное состояние киберпреступности в Российской Федерации // Российский следователь. – 2016. – № 10. – С. 44–47.

сферах деятельности, где используется компьютерная информация[1]. В частности, это: прекращение, приостановление или дезорганизация деятельности предприятий, организаций, учреждений; аварии, крушения, эпидемии, экологические и иные катастрофы; возникновение пожаров; гибель либо причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью людей; повреждение и прекращение работы сетей связи, коммуникаций, множества компьютеров; уничтожение или копирование секретной, коммерческой или иной ценной информации; утрата баз данных, массива значимой информации; причинение особо крупного материального ущерба.

При этом злоумышленники используют вредоносное программное обеспечение.

Компьютерная программа (программа для ЭВМ), исходя из положений ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), содержащей определение понятия программы для электронно-вычислительной машины, представляет собой объективную форму представления совокупности данных и команд, предназначенных для функционирования компьютерного устройства с целью получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Компьютерные программы представляют собой разновидность компьютерной информации. Они облекаются в форму группы файлов или отдельного файла и содержат команды, задающие определенные алгоритмы действий для компьютерного устройства и предназначенные для взаимодействия с пользователем.

В соответствии со ст. 273 УК РФ компьютерные программы или иная компьютерная информация, предназначенные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты, определяются законом как вредоносные.

Кроме того, согласно п. 2.6.5. и 2.6.6. ГОСТ Р 50922-2006 «Защита информации. Основные термины и определения», утвержденных

---

[1] Пушкарев В. В. Проблемы уголовного преследования при расследовании киберпреступлений, посягающих на системы и ресурсы банковского сектора // В сборнике: Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития. Доклады Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры криминалистики Института права БашГУ. 2017. С. 104–111.

Приказом Ростехрегулирования от 27 декабря 2006 г. № 373-ст[1], вредоносная программа – программа, предназначенная для осуществления несанкционированного доступа к информации и (или) воздействия на информацию или ресурсы информационной системы. Несанкционированное воздействие на информацию – это воздействие на защищаемую информацию с нарушением установленных прав и (или) правил доступа, приводящее к утечке, искажению, подделке, уничтожению, блокированию доступа к информации, а также к утрате, уничтожению или сбою функционирования носителя информации.

Специфика производства всех следственных действий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации в первую очередь проявляется в необходимости использования специальных знаний в различных отраслях науки и техники.

Как правило, это знания в области электроники, программирования, телекоммуникационных технологий и другие знания.

Следователь в большинстве случаев не обладает достаточными знаниями в указанных выше отраслях.

По этой причине возникает настоятельная необходимость привлечения к участию в производстве следственных и иных процессуальных действиях, особенно имеющих своим предназначением обнаружение, закрепление и изъятие информации в электронном виде или на электронном носителе, соответствующего специалиста.

Следует отметить, в данном случае это не просто необходимость, но и требование уголовно-процессуального законодательства, которое подлежит неукоснительному соблюдению.

В 2012 г. был внесен ряд изменений в нормативные правовые акты Российской Федерации, существенно расширивший потребности правоохранительных органов в специальных знаниях в области компьютерной информации в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Так, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 82 УПК РФ, регламентирующая процессуальный порядок хранения вещественных доказательств, была дополнена ч. 2.1. содержащей требование о необходимости привлечения специалиста для копирования, содержащейся на электронных носителях информация на другие

[1] ГОСТ Р 50922-2006. Защита информации. Основные термины и определения. М. : Стандартинформ, 2008.

электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изъятых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации, при этом при копировании информации должны обеспечиваться условия, исключающие возможность ее утраты или изменения.

Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст.ст. 182 и 183 УПК РФ, регламентирующие основания и порядок производства обыска и выемки, дополнены ч. 9.1 и ч. 3.1 соответственно, в которых указывается на необходимость привлечения специалиста, если при производстве обыска (выемки) изымаются электронные носители информации. Если законный владелец изымаемых электронных носителей информации заявляет ходатайство об их копировании, то специалист, участвующим в обыске (выемки), в присутствии понятых осуществляет копирование информации на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации. Не допускается копирование информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо по заявлению специалиста повлечь за собой утрату или изменение информации.

Изъятые в ходе следственного действия мобильные устройства, планшетные компьютеры, навигаторы и иные носители электронных следов упаковываются и опечатываются таким образом, чтобы обеспечить сохранность имеющейся в цифровой памяти информации. Для этого опечатываются все порты, слоты, входы и выходы электронного устройства, что удостоверяется подписями следователя, специалиста и понятых[1].

В то же время, по мнению Кальницкого В. В., разумная идея исключить дополнительные негативные последствия (личного, коммерческого плана) от изъятия электронной документации вылилась в неоправданный запрет изъятия электронных носителей (например, флэш-карты) без участия специалиста, даже если при этом не производятся манипуляции с электронной техникой[2].

---

[1] Скобелин С. Ю. Использование специальных знаний при работе с электронными следами // Российский следователь. – 2014. – № 20. – С. 32.

[2] Кальницкий В. В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 34.

Также претерпела изменения ст. 15 (Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность) Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в данную статью был добавлен абзац, регламентирующий порядок изъятия документов и (или) электронные носители информации при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий.

Таким образом, у должностных лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, предварительное расследование или судебное разбирательство, возникают проблемы не только копирования информации по требованию законного владельца, изъятых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации, но и обеспечения для этого условий, исключающих возможность ее утраты или изменения, а также необходимости в большинстве случаев привлекать для этой процедуры соответствующего специалиста. Поскольку наибольшее доверие у правоохранительных органов заслуженно вызывают эксперты государственных судебных экспертных учреждений, наибольшая нагрузка по участию в осмотрах, обысках, выемках, копированию компьютерной информации легла именно на них.

При этом необходимо отметить, что, несмотря на постоянный количественный и качественный рост объектов, содержащих компьютерную информацию, широкое их использование при совершении преступлений, все возрастающее количество изымаемой компьютерной техники, хоть сколько-нибудь сопоставимого роста численности экспертов государственных судебных экспертных учреждений и ведомств не происходит. Нагрузка по производству компьютерных экспертиз и исследований на протяжении последних лет превышает допустимую во много раз.

Резко увеличившаяся потребность в привлечении сотрудников экспертно-криминалистических подразделений к участию в осмотрах, обысках, выемках, иных следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях приводит к сокращению их возможностей по исследованию уже изъятых и представленных на экспертизу объектов.

С учетом описанной проблемы важно оптимизировать работу по осмотрам, обыскам и выемкам компьютерной информации или устройств, содержащих информацию в электронном виде.

Как показывает практика, перед проведением таких следственных действий довольно часто не проводится никакой подготовительной работы (в том числе оперативно-технических мероприятий) в целях установления местонахождения и функционального назначения средств вычислительной техники, наличия на них средств защиты информации и возможностей доступа к защищаемой информации; определения способов изъятия компьютерной информации (копирование на собственные машинные носители, изъятие только машинных носителей, изъятие машинных носителей вместе с содержащими их средствами вычислительной техники); выбора состава оборудования, необходимого для производства следственного действия; определения особенностей тактики проведения следственного действия (последовательность осмотра помещений и средств вычислительной техники в каждом помещении, необходимость привлечения персонала, необходимость осмотра на месте и порядок отключения средств вычислительной техники и компьютеров, если на момент проведения следственного действия они будут находиться во включенном состоянии и прочие).

Все носители электронной информации должны осматриваться с соблюдением следующих общих правил: 1) осмотр каждого технического устройства производится последовательно от внешнего его вида до внутреннего содержания и от индивидуальных признаков к признакам, связанным с совершением преступления; 2) осмотр данных предметов при их изъятии не исключает их детального осмотра в качестве самостоятельного следственного действия; 3) к участию в осмотре носителей электронной информации привлекаются, как правило, криминалист и специалист по соответствующему виду компьютерных и информационных технологий; 4) осмотр информационной среды (содержимого) компьютерных устройств, мобильных телефонных аппаратов и иных носителей электронной информации, если он связан с нарушением права на охраняемую законом тайну, производится с согласия законного владельца информации или по судебному решению.

Полагаем, что лицо, производящее предварительное расследование, должно учитывать указанные выше особенности использования

специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных в сфере высоких технологий.

Причем сами эти особенности являют собой ни что иное, как совокупность предписаний уголовно-процессуального законодательства, прямо указывающих на необходимость участия того или иного специалиста в производстве следственных или иных процессуальных действий в целях оказания содействия следователю прежде всего в поиске, обнаружении, фиксации и изъятии доказательств, а также разрешения иных вопросов, которые могут возникнуть при этом.

Валькова Т. В.*[1]*,
начальник кафедры предварительного расследования
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Избрание домашнего ареста следователем: сложности и пути их решения

Органы предварительного расследования и суд в ходе производства по уголовному делу вынуждены использовать меры уголовно-процессуального принуждения, предусмотренные УПК РФ. Процессуальное законодательство определяет виды мер уголовно-процессуального принуждения; порядок основания и условия их применения; субъектов их применения; круг лиц, к которым они могут применяться; гарантии прав этих лиц; порядок приведения в исполнение решений о применении мер уголовно-процессуального принуждения.

К мерам уголовно-процессуального принуждения относятся меры пресечения, обеспечивающие надлежащее поведение подозреваемого (обвиняемого), виды и основания избрания которых предусмотрены УПК РФ (ст.ст. 97–98 УПК РФ).

Меры пресечения занимают особое место среди мер уголовно-процессуального принуждения. Меры пресечения – это принудительные меры, которые временно ограничивают права личности, применяются уполномоченным должностным лицом (лицом, производящим дознание или предварительное следствие, а также судом и прокурором) к обвиняемым (в исключительных случаях – к подозреваемым) при наличии предусмотренных в законе оснований с целью лишить их возможности скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины по делу или продолжить преступную деятельность, а также для обеспечения исполнения приговора и обеспечения возможной выдачи лица при получении запроса о выдаче от иностранного государства.

Меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения носят превентивный характер, поскольку предназначены для

[1] © Валькова Т. В., 2018.

предупреждения, т. е. недопущения возможную в будущем неправомерную деятельность лиц, к которым они применяются.

Одной из самых строгих мер пресечения, серьезно ограничивающей конституционное право на свободу передвижения, является домашний арест. Среди мер пресечения данная мера пресечения избирается не так часто, как заключение под стражу или подписка о невыезде. Так, в 2015 г. следователями и дознавателями всех правоохранительных органов России в суд были направлены уголовные дела по обвинению 1 058 000 лиц, из которых 136 000 обвиняемых содержались под стражей[1]. Согласно статистическим данным за 2015 г., в России было рассмотрено 5423 ходатайств о применении меры пресечения в виде домашнего ареста, из них удовлетворено судом – 4740 (87 %)[2].

Включив домашний арест в систему мер пресечения, законодатель тем самым расширил возможности гуманизации уголовного судопроизводства. Следует отметить, что в научной литературе, посвященной институту мер пресечения, не существует термина, адекватно отражающего признаки домашнего ареста как меры пресечения; такого определения не было предложено и дореволюционными учеными. Как правило, рассматривалась лишь сущность данной меры пресечения, предлагалась краткая дефиниция домашнего ареста.

В. И. Даль понимает под домашним арестом приказание не выходить из дома, но представляется очевидным, что данное положение не отражает сущности ограничения и ее цели.

Мы предлагаем следующее определение домашнего ареста – эта мера пресечения, избираемая по судебному решению в отношении обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого) в совершении преступления, за которое возможно наказание в виде трех лет лишения свободы, при невозможности применения иной более мягкой меры пресечения, которая заключается в нахождении обвиняемого (подозреваемого) в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, либо с учетом состояния здоровья обвиняемого (подозреваемого) – в лечеб-

---

[1] Бойко А. СК России: домашний арест стал применяться в 60 раз чаще // URL: https://www.spb.kp.ru/daily/26612.5/3629787/.

[2] URL: https://yandex.ru/images/search?text=статистика%20по%20мерам%-20пресечения% 202017&img.

ном учреждении, с возложением ограничений и (или) запретов: выхода за пределы жилого помещения, в котором он проживает или лечебного учреждения; общения с определенными лицами; отправки и получения почтово-телеграфных отправлений; использования средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и осуществлением за ним контроля.

Основное ограничение, связанное с применением данной меры пресечения, заключается в том, что обвиняемый (подозреваемый) не свободен в передвижении, т. е. он не вправе покидать свое место постоянного или временного проживания (квартиру, дом, дачу и т. д.) либо лечебное учреждение. Ограничения по запрету общаться с определенным кругом лиц, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи являются сопутствующими. Данные ограничения могут применяться в отношении лица, которому избрана эта мера пресечения, а могут и не применяться.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается подозреваемому или обвиняемому по решению суда при наличии оснований и в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ, с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств.

Как мы отметили, с учетом состояния здоровья местом содержания подозреваемого, обвиняемого может быть определено лечебное учреждение, в том числе и диспансеры, например противотуберкулезный[1].

Следовательно, в суд должны быть представлены медицинские документы, подтверждающие заболевание обвиняемого (подозреваемого), заключение врачей о необходимости его госпитализации, данные о стационаре, в который лицо будет помещено для прохождения лечения, срок, в течение которого обвиняемому необходимо проходить стационарное лечение, и т. д. Так, например, Ленинским районным судом г. Оренбурга было отказано в удовлетворении ходатайства об изменении меры пресечении в виде заключения под стражу на домашний арест в связи с тем, что «следователем не был решен вопрос о том, какое лечебное учреждение и на какой срок может быть определено обвиняемому как место содержания под домашним арестом»[2].

---

[1] Цоколова О. И., Костылёва Г. В., Муженская Н. Е., Данилова С. И. Домашний арест и залог как меры пресечения // СПС «КонсультантПлюс», 2011. С. 2.

[2] Назаренков И. В. Как повысить эффективность меры пресечения в виде домашнего ареста // Уголовный процесс. – 2012. – № 9. – С. 32; Иванов Д. А. Арест

Непосредственное исполнение домашнего ареста возложено на соответствующие учреждения уголовно-исполнительной системы, поскольку данная мера пресечения является альтернативой мере пресечения в виде заключения под стражу и предусматривает аналогичные ограничения для лиц, в отношении которых она избрана.

Аналогичный подход применяется во многих зарубежных странах еще и в связи с тем, что одним из активных методов надзора за надлежащим поведением обвиняемого по соблюдению установленных ограничений и запретов является применение электронных средств контроля, когда лицу, находящемуся под домашним арестом, закрепляется специальный электронный передатчик, который направляет радиосигналы на компьютер в офисе управления исполнения наказания. Такая практика апробирована и реализуется в США, Швеции, Германии, Австрии, Великобритании, Бразилии и др.

Если формальный контроль за передвижением обвиняемого возможен с применением электронных средств слежения, то невозможность проконтролировать общение с иными лицами и сейчас выделяется в качестве аргумента неприменения домашнего ареста. Так, указанную меру пресечения правоприменители считают неэффективной и неспособной создать реальный контроль за поведением подозреваемого, обвиняемого по следующим причинам:

1) общение обвиняемого (подозреваемого) с иными лицами вполне возможно с помощью заранее оговоренных условностей, знаков, световых или звуковых сигналов и т. п.;

2) введение электронных методов слежения («браслетизация») затруднительно и затратно по причине стоимости самой системы и средств, необходимых на ее обслуживание, и возможности от нее избавиться;

3) избрание домашнего ареста связано со значительными организационными и материальными издержками, тогда как для содержания обвиняемого (подозреваемого) под стражей существуют специальные учреждения и др.

на имущество – средство борьбы с коррупционными преступлениями и процессуальный инструмент возмещения вреда, причиненного уголовно-наказуемыми деяниями // В сборнике: Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: научное электронное издание. 2017. С. 108–112.

Еще одним пробелом в законодательстве является отсутствие адекватных мер реагирования на нарушение домашнего ареста. За нарушение взятых на себя обязательств в определенных случаях уголовно-процессуальным законодательством в специальных статьях, посвященных отдельным мерам пресечения, предусмотрена ответственность в виде наложения денежного взыскания или в другой форме, однако законодателем не предусмотрено такого положения для домашнего ареста. Как быть, если обвиняемый (подозреваемый) нарушил ограничения и запреты, установленные судом, но оснований для изменения домашнего ареста на заключение под стражу нет или оно не может быть избрано по иным основаниям (например, по состоянию здоровья)? Мы предлагаем предусмотреть возможность наложения денежного взыскания за нарушение установленных судом ограничений и запретов при домашнем аресте, о чем указать в ч. 14 ст. 107 УПК РФ.

Таким образом, несмотря на совершенствование института мер пресечения, избрание домашнего ареста является редким и представляет для следователя (дознавателя) определенную сложность. Судебная процедура, недостаточно урегулированный порядок надзора и контроля за его исполнением и невозможность применения каких-либо мер за нарушение установленных судом ограничений не способствуют широкому применению данной меры пресечения, однако в последнее время возросло количество дел, чаще – по экономическим преступлениям, по которым обвиняемым избран домашний арест («дело Васильевой», «дело Серебренникова» и др.).

Блинова Е. В.*[1]*,
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
майор полиции

Международно-правовые и конституционные основы обеспечения неразглашения данных досудебного производства

Нормы российского уголовно-процессуального законодательства, включая те, что определяют общие условия предварительного расследования в уголовном судопроизводстве, строго соответствуют международно-правовым нормам, которые, будучи ратифицированными Федеральным Собранием Российской Федерации, являются частью национальной правовой системы.

Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), основанным на Конституции Российской Федерации.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Международным договорам Российской Федерации, предусматривающим иные правила, нежели предусмотренные УПК РФ, национальный законодатель отдает предпочтение[2].

В систему документов, создавших международные стандарты уголовного правосудия, входят: Всеобщая декларация прав человека

---

[1] © Блинова Е. В., 2018.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.

(принята резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.)[1]; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1984 г.); Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (принята 4 ноября 1950 г.) и Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ и ряд других[2].

Разработанная Советом Европы Конвенция о защите прав человека и основных свобод, вступившая в силу в сентябре 1953 г., установила механизм обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Государствами – участниками Конвенции. Европейский суд по правам человека и Комитет министров Совета Европы получил полномочия контролировать соблюдение странами-участницами обязательств. Ратифицировав в 1998 г. Европейскую конвенцию, Российская Федерация приняла на себя обязательство по приведению национального законодательства в соответствие с ее положениями.

В рамках исследуемой темы интересно содержание ст. 40 Конвенции, предусматривающее обязательность открытых заседаний для Европейского суда, если только в силу исключительных обстоятельств суд не примет иного решения. Доступ к документам, переданным на хранение в секретариат, открыт для публики, если председатель суда не примет иного решения.

В Конвенции закреплены, помимо прочих, минимальные права граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, такие как право на жизнь, личную неприкосновенность, справедливое судебное разбирательство.

Еще восьмая статья устанавливает, что каждый имеет право на уважение личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции; запрещает вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного

---

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 дек.

[2] Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ETS № 5) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 20, ст. 2143.

порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья, нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Среди действующих международно-правовых актов в сфере прав и свобод человека, и, в частности, охраны частной жизни, имеющих непосредственное отношение к уголовному судопроизводству и обеспечению неразглашения данных досудебного производства, участником которых является Россия, назовем также Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. на основе Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[1]

Согласно ст. 2 данного Пакта государство обязуется обеспечить любому лицу эффективное средство правовой защиты, когда его права и свободы нарушены; обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются.

Также Пактом предусмотрено, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию (ст. 17).

По характеру своих обязанностей, как устанавливает рассматриваемый международно-правовой акт, должностные лица получают информацию, которая может относиться к личной жизни других лиц или потенциально повредить интересам таких лиц и особенно их репутации. Следует проявлять большую осторожность при сохранении и использовании такой информации, которая разглашается только при исполнении обязанностей или в целях правосудия. Любое разглашение такой информации в других целях является полностью неправомерным.

Поэтому Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г., в ст. 4 определяет, что сведения конфиденциального харак-

---

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17, ст. 291.

тера, получаемые должностными лицами по поддержанию правопорядка, сохраняются в тайне, если исполнение обязанностей или требования правосудия не требуют иного[1].

Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1985 г., отдельно выделяет необходимость обеспечения конфиденциальности. Согласно правилу 8.1 право несовершеннолетнего на конфиденциальность должно уважаться на всех этапах, чтобы избежать причинения ей или ему вреда из-за ненужной гласности или из-за ущерба репутации. В принципе не должна публиковаться никакая информация, которая может привести к указанию на личность несовершеннолетнего правонарушителя[2].

Именно положения норм международного права требуют ограничения гласности и обеспечения конфиденциальности судебных процессов, расширения альтернативных форм уголовной ответственности и мер наказания, предупреждения, в частности, преступности несовершеннолетних через отлаженные механизмы защиты их прав[3]. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г. был принят Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ (далее – МУПК)[4]. 3 февраля 1999 г. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ приняла постановление «О правовом обеспечении противодействия преступности на территории стран Содружества», в котором государствам – участникам СНГ было рекомендовано использовать при разработке национальных законодательных

---

[1] Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М. : Юридическая литература, 1990. С. 320.

[2] Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1985.

[3] Хромова Н. В. Правосудие в отношении несовершеннолетних: расширенное толкование// Журнал Российского права. – 2014. – № 4. – С. 66; Гриненко А. В. Особенности задержания несовершеннолетних, подозреваемых в совершении преступления, и избрания в отношении их мер пресечения // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 1 (7). – С. 77–83.

[4] Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 1996. № 10.

актов модельные Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы.

МУПК содержал 27 главу, посвященную сохранению конфиденциальности, включающую три статьи, суть которых сводилась к следующему. Прежде всего, в ходе уголовного судопроизводства никто не может подвергаться произвольному и незаконному вмешательству в его частную жизнь. Соответственно, предусматривался запрет на собирание, использование и распространение сведения о частной жизни лиц, а равно другие сведения личного характера, которые лицо считает необходимым сохранять в тайне, без необходимости. По требованию суда, а также дознавателя, следователя, прокурора участники следственных и судебных действий обязаны не разглашать указанные сведения, о чем у них отбирается подписка. Предусмотрено право лица, которым в ходе расследования предлагается сообщить или предоставить сведения об их частной жизни, равно, как и сведения, составляющие государственную тайну, служебную и коммерческую тайну, убедиться в том, что такие сведения собираются по возбужденному уголовному делу, и в противном случае – отказать в сообщении или предоставлении сведений.

Лица, которым орган уголовного преследования предлагает в соответствии с положениями настоящего Кодекса сообщить или предоставить сведения об их частной жизни или частной жизни других лиц, не могут отказаться от выполнения этого требования со ссылкой на неприкосновенность частной жизни, но вправе предварительно получить от прокурора, следователя, дознавателя подлежащее внесению в протокол допроса или другого соответствующего следственного действия разъяснение, подтверждающее необходимость получения указанных сведений органом уголовного преследования. Аналогичные положения предусмотрены для сведений, составляющих государственную, служебную и коммерческую тайну.

Таким образом, в международно-правовых документах права личности, охватываемые правом на неприкосновенность частной жизни, конфиденциальность личных данных, защиту их нарушенных прав и свобод, а соответственно, и обеспечение неразглашения данных досудебного производства, получили закрепление и достаточно детально регламентированы.

Вместе с тем, в Конституции Российской Федерации право на неприкосновенность частной жизни в отдельный принцип не выделено и упоминается в одном ряду с правами более частного характера, а обеспечение неразглашения данных досудебного производства в

УПК РФ определено в качестве общего условия предварительного расследования.

Рассматривая конституционные основы обеспечения неразглашения данных досудебного производства, отметим прежде всего ст.ст. 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18 и 118 (часть 1) основного закона Российской Федерации. Человек, его права и свободы провозглашены законодателем высшей ценностью; признание же, соблюдение и защита таковых – обязанностью государства[1].

Человеку в Российской Федерации гарантируется государственная, судебная защита прав и свобод, квалифицированная юридическая помощь (ст.ст. 45, 46, 48), равенство всех перед законом и судом и осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ст.ст. 19, 123). С одной стороны, Конституция, устанавливая права обвиняемых и потерпевших, с другой – обязанность органов государственной власти и их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ст. 24) При этом из анализа положений ст.ст. 17, 21 Конституции Российской Федерации следует закономерное требование, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Таким образом, можно сделать вывод, что не подлежат ограничению право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст.ст. 23, 56), запрещены сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24). Возможность ограничения права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений основной закон государства допускает только на основании судебного решения (ст. 23), посредством законных способов поиска, получения, передачи, производства и распространения информации (ст. 29).

В основе правового регулирования отношений, возникающих в сфере обеспечения неразглашения данных досудебного производства, лежат принципы, определяющиеся исторически сложившимися подходами, выработанными на международном уровне правилами, определяющими тенденции и направления законодательного регулирования непосредственно в нашей стране.

---

[1] См.: Арестова Е. Н., Артёмова В. В., Батюк В. И. и др. Предварительное следствие. Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция». М. : 2017. С. 256.

Архипова И. А.*[1]*,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Особенности расследования заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших

Специфика расследования преступлений данного вида обусловливается такими наиболее важными обстоятельствами: а) субъектом преступления является лицо, изначально обладающее процессуальным статусом свидетеля, потерпевшего; б) содержание доказывания наличия умысла на заведомо ложные показания, к примеру, по источникам доказательств и средствам доказывания не является типичным; в) весь процесс расследования заведомо ложных показаний свидетеля, потерпевшего обусловлен и органично связан с расследованием преступления, в ходе которого они были выявлены; г) наличие легитимной возможности при определенных обстоятельствах освобождения названных субъектов преступления от уголовной ответственности.

Центральным понятием, обусловливающим понимание субъектом расследования сущности данного вида преступления, является заведомая ложь, которая понимается как неправда в различных ее формах, содержанием которой является сознательное утверждение, частичное умолчание или отрицание каких-либо понятий (событий, фактов), высказывание суждений (мнений, заключений), противоречащих адекватно отраженной в сознании свидетеля, потерпевшего объективной действительности, имевшей место в связи с восприятием события преступления или отдельных его обстоятельств.

Структура криминалистической характеристики заведомо ложных показаний состоит из следующих элементов: данные о способе преступления (полноструктурный способ: подготовка, совершение и сокрытие преступления); сведения о типичных особенностях лично-

[1] © Архипова И. А., 2018.

сти преступников, в том числе, мотивы и цели преступного поведения; особенности оставляемых следов (механизм следообразования); основные обстоятельства совершения преступлений (место, время, обстановка); причины и условия, способствующие совершению данных преступлений.

Способы заведомо ложных показаний: 1) утверждение полностью вымышленных фактов (явлений), которых реально не существовало; 2) отрицание обстоятельств, действительно имевших место без замены их ложными фактами; 3) отрицание обстоятельств, действительно имевших место с заменой их ложными фактами; 4) частичное умолчание о подлинных фактах; 5) частичное умолчание о подлинных фактах с заменой их вымышленными событиями.

Личность преступника, дающего заведомо ложную информацию, характеризуется следующим образом: это лицо в возрасте от 16 до 45 лет с высшем образованием, имеющее постоянное место работы, ранее не судимое, характеризующееся положительно по месту работы и жительства и наделенное процессуальным статусом потерпевшего, свидетеля, специалиста или переводчика по уголовному делу.

Субъекты преступления реализуют чаще всего корыстный мотив, или иной – который чаще всего обусловлен боязнью за свою жизнь и здоровье, а также за жизнь и здоровье своих близких; состраданием; низменными побуждениями и т. п.

Процесс (стадии) формирования ложных показаний свидетеля, потерпевшего выглядит следующим образом: 1) восприятие события преступления в целом или отдельных его сторон (обстоятельств); 2) запоминание события преступления в целом или отдельных его сторон (обстоятельств); 3) изменение запечатленного идеального образа события преступления в целом или отдельных его сторон (обстоятельств): а) осознание цели сообщения ложных показаний и возможных последствий данного акта, т. е. в данный момент свидетель, потерпевший полностью отдают себе отчет в общественной опасности планируемого им деяния; б) возникновение побудительного мотива и, как следствие, умысла; в) переработка воспринятого и создание мысленной модели задуманного лжесвидетельства – в данный момент у свидетеля, потерпевшего появляется ложный образ воспринятого преступного события; 4) запоминание новой модели события преступления (его обстоятельств), воспринятого и запечатленного ранее в силу определенного стечения обстоятельств: а) удержание в памяти модели заведомо ложных показаний, т. е. происходит осознание

максимально полной ложной картины воспринятого события преступления или отдельных его обстоятельств; б) построение линии поведения в ходе производства следственного действия: свидетель и потерпевший продумывают возможное поведение следователя, дознавателя в ходе следственного действия и моделируют возможные их вопросы, а также готовят заранее вероятные ответы на них; 5) воспроизведение (воссоздание) показаний о ложном идеальном образе преступления, его отдельных сторон и обстоятельств, их фиксация.

Наиболее типичным местом заведомо ложных показаний является территория, на которой проводятся следственные действия с участием свидетелей, потерпевших: а) помещения органа, производящего предварительное расследование: кабинет следователя, дознавателя, оперативного уполномоченного или иное помещение; б) помещения учреждений системы образования: школа, интернат, колледж, училище, вуз (принадлежащая им территория, классы, аудитории); в) жилые помещения, где проживают свидетель, потерпевший: квартира, дом, общежитие (комната); г) помещения предприятий (государственных и частных), офисы и иные здания и сооружения, а также принадлежащая им территория и постройки, находящиеся на ней со всей производственной инфраструктурой; д) здание суда, конкретный зал судебного заседания.

Наиболее распространенным (типичным) временным промежутком заведомо ложных показаний является период с 10:00 до 17:00 часов, т. е. время, когда субъект расследования чаще всего назначает и проводит следственные действия с участием названных субъектов.

Рассмотрение сообщения о заведомо ложных показаниях не носит исключительно обязательного характера, поскольку субъект расследования «заведомую ложность» устанавливает уже в ходе осуществляемого расследования, в котором субъекты преступления реализуют свои права и обязанности, что является характерным для данного вида преступления.

Типичным поводом для возбуждения уголовного дела по факту заведомо ложных показаний является сообщение о преступлении, полученное из иных источников (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Данный повод на практике, как правило, имеет место в 100 % случаев; при этом иными источниками являются:

а) обнаружение признаков данного преступления дознавателем в ходе расследования;

б) обнаружение признаков данного преступления в ходе судебного производства по другому уголовному делу.

Для возбуждения уголовного дела по ст. 307 УК РФ должен быть установлен умысел на дачу заведомо ложной информации; кроме того, желательно установление его мотива и цели, т. е. признаков заведомой ложности их показаний. Для установления умысла необходимо провести допрос, в ходе которого необходимо сделать активную и целенаправленную попытку легитимно склонить свидетеля, потерпевшего к даче правдивых показаний. В данной ситуации возможны следующие варианты действий:

1) дополнительно разъяснить указанным субъектам обстоятельства, при которых наступает уголовная ответственность за «заведомо ложные показания» и за «отказ от дачи показаний». При этом необходимо сделать акцент на законно существующей возможности избежать такой ответственности, «…если они добровольно… до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данных ими показаний…»[1]. Здесь же доступно объяснить свидетелю, потерпевшему о своих действиях в случае их изобличения в заведомо ложных показаниях: возбуждение другого (нового) уголовного дела, но теперь уже в отношении самих допрашиваемых, в котором они будут участвовать в качестве обвиняемых и т. д.;

2) сообщить о мерах, которые будут предприняты им или оперативными работниками для обеспечения безопасности допрашиваемого (свидетеля, потерпевшего) или членов их семей (в случае наличия реальной угрозы) в ответ на добровольное заявление с правдивой информацией о ложности данных ими показаний в ходе настоящего расследования;

3) сформулировать вопросы, касающиеся местонахождения свидетеля, потерпевшего в момент восприятия преступного события; можно предложить схематично зарисовать обстановку места совершения преступления и указать место (точку) своего расположения;

4) попытаться пресечь продолжение ложных показаний путем демонстрации своей предметной осведомленности об обстоятельствах дела; установить психологический контакт уже на новом качественном уровне, когда каждый знает (подозревает) «кто есть кто?»; разъяснить суть ситуации, которая сложилась в ходе расследования по уголовному делу на момент данного допроса;

---

[1] См.: Примечание к ст. 307 УК РФ в ред. от 8 декабря 2003 г. ФЗ № 162.

5) обратить внимание на выгодность позиции других лиц, дающих правдивые показания;

6) четко сформулировать свою позицию, как направленную не столько на изобличение свидетеля, потерпевшего, сколько на оказание им реальной помощи в связи с безусловной необходимостью установления истины по данному уголовному делу;

7) не торопиться записывать в протокол сразу и все, что сообщает допрашиваемый, а воспользоваться рабочим блокнотом; попытаться официальный допрос с использованием тактических приемов, преимущественно направленных на изобличение свидетеля, потерпевшего во лжи, «смягчить» участливым отношением к создавшейся ситуации, способствуя, таким образом, возникновению доверительного отношения к следователю, дознавателю.

8) разъяснить возможности психофизиологического исследования и судебной психофизиологической экспертизы. Если дознаватель устанавливает заведомую ложность показаний свидетеля и потерпевшего в ходе предварительного расследования, то он выносит постановление о выделении материалов уголовного дела по данному факту в отдельное производство, к которому приобщает копии следующих документов:

а) заявления о преступлении, в ходе расследования которого был выявлен факт дачи заведомо ложных показаний (кража, грабеж, мошенничество и др.);

б) постановления о возбуждении уголовного дела (по краже, грабежу, мошенничеству и др.);

в) протоколов всех следственных действий, в которых принимал участие свидетель или потерпевший, давшие заведомо ложные показания, в том числе и тех следственных действий, в которых изобличается их вина (очной ставки, проверки показаний на месте и т. п.);

д) протоколы осмотра места происшествия, в случае если показания свидетеля и потерпевшего касаются обстановки совершенного преступления;

е) и некоторых других: 1) материалы, характеризующие личность потерпевшего и свидетеля: характеристика по месту жительства, учебы (работы); справки ИЦ, адресного бюро (АБ) и т. п.; 2) отдельные поручения сотрудникам уголовного розыска, справки о их выполнении и другие процессуальные документы.

Уголовные дела о заведомо ложных показаниях свидетеля и потерпевшего возбуждаются только в отношении конкретного лица и на

основании значительного числа источников доказательств, уже содержащихся в материалах «первоначального» уголовного дела, ранее возбужденного не по ст. 307 УК РФ.

Антонов И. А.*[1]*,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор
полковник полиции
Нуянзина С. В.*[2]*,
доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук

К вопросу о судебно-следственной практике по уголовным делам, связанным с хищением чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием с использованием судебных решений по гражданским (арбитражным) делам, вынесенных на основе фальсифицированных доказательств

Уголовный процесс представляет собой одно из направлений деятельности государственных органов, специфика которого обусловлена необходимостью защиты граждан, общества и государства от преступных посягательств. Эта деятельность неразрывно связана с другими формами противодействия преступности. Вместе с тем, уголовно-процессуальная деятельность имеет приоритетное значение, поскольку только в рамках уголовного судопроизводства суд на основе доказательств, полученных и проверенных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, вправе признавать лицо виновным в совершении преступления и назначать ему справедливое наказание. При этом при вынесении приговора суд учитывает необходимость восстановления правоотношений, нарушенных преступлением, необходимость возмещения причиненного вреда. Вместе с тем, в настоящее время с восстановлением нарушенных правоотношений возникают многочисленные проблемы, в том числе связанные с применением положений о преюдиции.

[1] © Антонов И. А., 2018.
[2] © Нуянзина С. В., 2018.

Так, у следователей и у судей сегодня остаются неразрешенными вопросы о квалификации преступных действий, связанных с хищением чужого имущества или приобретением права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием судебных решений по гражданским делам, вынесенных судами общей юрисдикции или арбитражными судами на основе фальсифицированных доказательств, а соответственно, и вопросы определения подследственности уголовных дел.

Анализ складывающейся судебно-следственной практики относительно возможности квалификации рассматриваемых деяний как мошенничества или идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 303 и ст. 159 УК РФ, позволяет отметить отсутствие единства правоприменения.

Проблема квалификации рассматриваемых деяний обусловлена в первую очередь наличием различных подходов к уголовно-правовой оценке содержания мошеннического обмана. Ранее вопрос о квалификации подобных деяний разрешался в соответствии с положениями п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[1], в котором разъяснялось, что «мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо либо уполномоченный орган власти передают имущество или право на него другим лицам либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другими лицами». Так как суд выступает в качестве органа власти, то, следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, можно было сделать вывод, что путем обмана данного органа власти возможно совершить мошенничество.

Именно подобное толкование указанных положений Пленума Верховного Суда Российской Федерации осуществлено при рассмотрении Одинцовском городским судом Московской области уголовного дела по обвинению К. по ч. 1 ст. 303, ч. 4 ст. 159 УК РФ. Так, в ходе судебного заседания государственный обвинитель отказался от обвинения по ч. 1 ст. 303 УК РФ в связи с тем, что фальсификация

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (утратило силу) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.03.2018).

доказательств по гражданскому делу была способом совершения мошеннических действий К. и дополнительной квалификации не требовала[1].

В настоящее же время действует Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[2], в котором «уполномоченный орган» не упоминается. Однако сложившаяся судебно-следственная практика остается без изменений. Рассматриваемые действия, совершенные путем обмана суда, продолжают квалифицироваться как мошенничество без дополнительного вменения состава ст. 303 УК РФ. Эта практика «устраивает» Следственный комитет Российской Федерации, так как мошеннические действия относятся в основе своей к подследственности следователей органов внутренних дел. В свою очередь, при квалификации указанных деяний по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 159 и 303 УК РФ, уголовные дела перейдут по подследственности в Следственный комитет Российской Федерации. Учитывая многочисленные сложности, связанные с процессом доказывания по делам о мошенничестве, следователи Следственного комитета Российской Федерации «предпочитают» в данном случае отказать в возбуждении уголовного дела по различным основаниям или прекратить уголовное преследование по ст. 303 УК РФ и направить уголовное дело по подследственности в орган внутренних дел.

Анализируемый подход правоприменителя основан на оценке содержания обмана как способа совершения мошенничества и обусловлен стремлением не выходить за рамки традиционного понимания его направленности только на собственника или иного владельца имущества. Как представляется, указанную трактовку положений ст. 159 УК РФ нельзя признать соответствующей закону, так как обман суда в рассматриваемых случаях выступает не способом, а средством совершения преступления. И формирующаяся судебная практика идет именно по этому пути. В частности, Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября

---

[1] Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 31 января 2013 года по делу № 22-294 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.03.2018).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. – 2017. – 11 дек.

2017 года № 190-П17[1] подтверждается позиция, согласно которой мошеннические действия с использованием судебного решения, основанного на фальсифицированных доказательствах, квалифицируются по совокупности ст.ст. 159 и 303 УК РФ.

Однако, на наш взгляд, следственная и судебная практика восстановления правоотношений, нарушенных преступными деяниями, связанными с хищением чужого имущества или приобретением права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием судебных решений по гражданским делам, вынесенных судами общей юрисдикции или арбитражными судами на основе фальсифицированных доказательств, должна быть несколько иной.

В качестве основы здесь следует брать вопросы, вытекающие из презумпции законности вступивших в силу судебных решений и обязательности их исполнения, т. е. рассматривать проблемы применения ст. 90 УПК РФ о преюдиции, согласно которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

После включения в уголовно-процессуальный закон положения о преюдиции судебных решений изначально органы предварительного расследования стали избегать принятия решений о возбуждении уголовных дел по фактам совершения мошеннических действий, которые совершены путем обмана суда. Указанные постановления выносились только после отмены ранее принятых незаконных судебных решений, чтобы исключить преюдицию. Это привело к многочисленным, так называемым «рейдерским захватам» и иным мошенническим схемам завладения чужим имуществом.

В качестве примера можно привести следующую мошенническую схему: «Один из трех учредителей общества с ограниченной ответственностью решил незаконно завладеть долями участия в уставном капитале остальных двух участников общества. С этой целью им был подделан договор уступки долей участия в уставном капитале от всех трех участников общества в пользу четвертого физического лица, которое находилось в сговоре с инициатором мошенничества. В даль-

[1] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2017 года № 190-П17 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2018).

нейшем получена нотариально заверенная копия поддельного договора, чтобы затруднить проведение почерковедческой и технико-криминалистической экспертиз документов. Нотариальная копия поддельного договора представлена в органы налоговой службы, которые отказали в перерегистрации долей участия в уставном капитале, так как два учредителя заявили о поддельности договора. Тогда мошенники обжаловали в арбитражном суде действия налоговой службы и добились решения, которое обязывало провести перерегистрацию долей. Параллельно с обжалованием судебного решения потерпевшие подали заявление о мошенничестве, но уголовное дело было возбуждено только после того, как потерпевшим в вышестоящем арбитражном суде удалось добиться отмены судебного решения»[1].

Вместе с тем, в рассматриваемом и иных случаях требуется ориентироваться на решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 21 декабря 2011 года № 30-П указал, что «по смыслу ст. 90 УПК РФ для следователя и суда в уголовном судопроизводстве преюдициально установленным является факт законного перехода имущества – до опровержения этого факта в ходе производства по уголовному делу, возбужденному по признакам фальсификации доказательств, на основе приговора, по которому впоследствии может быть опровергнута и его прежняя правовая оценка судом в гражданском процессе, а именно как законного приобретения права собственности; соответственно, следователь не может и не должен обращаться к вопросу, составлявшему предмет доказывания по гражданскому делу, – о законности перехода права собственности, он оценивает лишь наличие признаков фальсификации доказательств в связи с возбуждением уголовного дела»[2]. В Определении от 3 апреля 2012 года

---

[1] Уголовное дело № 743457 // Архив СУ при УВД по г. Магнитогорску за 2005 год.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» // Российская газета. – 2012. – 11 янв.

№ 662-О-Р Конституционный Суд Российской Федерации еще раз подтвердил свою позицию[1].

То есть в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет положения, позволяющие преодолеть межотраслевую преюдицию по рассматриваемым мошенническим действиям путем возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ.

В дальнейшем приговор по указанному уголовному делу о признании лица виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, следует положить в основу производства по отмене решения по гражданскому делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, к числу которых п. 2 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ относит фальсификацию доказательств, повлекших за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления.

В свою очередь после отмены решения по гражданскому делу должно быть возбуждено уголовное дело по факту мошенничества (ст. 159 УК РФ). При этом, на наш взгляд, в рассматриваемом случае уголовное дело должно быть также подследственно следователям Следственного комитета Российской Федерации.

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерацции от 3 апреля 2012 года № 662-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Председателя Следственного комитета Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года № 30-П» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2018).

Чистова Л. Е.*[1]*,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Процессуальные основания и классификация технических средств, используемых при расследовании незаконного оборота наркотических средств

Количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, продолжает увеличиваться. Вместе с этим возрастает и количество лиц, употребляющих наркотики. Причем возраст наркоманов значительно молодеет. Среди лиц, поставленных на учет в наркодиспансеры, не редкость подростки до 14 лет. Объясняется это тем, что наркотики стали непременным атрибутом молодежи. Без них не обходятся ни одна вечеринка, дискотека, молодежный концерт и т. д. При этом происходит быстрый переход от так называемых «легких» наркотиков к героину и другим «тяжелым» наркотикам.

В связи с этим, успешное расследование дел данной категории невозможно без использования современных достижений в науке и технике.

Однако при этом следует учитывать, что разработанные технические средства должны соответствовать определенным принципам, и прежде всего принципу законности.

Поскольку вся деятельность субъектов расследования любых видов преступлений, в том числе и связанных с незаконным оборотом наркотических средств, строится только на основе закона, использование при этом технических средств также не должно противоречить законодательству.

Основным законом, который неукоснительно должен соблюдаться как отдельными гражданами, так и должностными лицами, особенно сотрудниками правоохранительных органов, является Конституция Российской Федерации. Помимо этого, законами, регламен-

[1] © Чистова Л. Е., 2018.

тирующими применение технических средств сотрудниками правоохранительных органов, являются Федеральные законы «О полиции»[1], «О оперативно-розыскной деятельности»[2] и другие, но для расследования преступлений особое значение имеет Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Именно он лежит в основе деятельности по расследованию любых видов преступлений, в том числе и связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Однако УПК РФ не содержит перечня технических средств, которые могут использоваться в расследовании преступлений. По совершенно справедливому замечанию Р. С. Белкина «Это невозможно как в силу обширности этого перечня, так и потому, что криминалистическая техника постоянно развивается, а круг объектов, могущих приобрести значение вещественных доказательств по делу, растет»[3]. Поэтому любая попытка дать исчерпывающий перечень таких средств в законе, приостановила бы их разработку и совершенствование по той причине, что использовать при производстве следственных действий можно только то, что закон разрешает. К тому же, этот перечень устарел бы уже в момент своего издания, так как пока будет решаться вопрос о включении нового технического средства в этот разрешенный перечень, пройдет значительное время. Помимо этого, перечислить все существующие технические средства в законе просто невозможно в силу их объема. Да и все ситуации, при которых может применяться то или иное средство, предусмотреть также невозможно.

На наш взгляд, уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие использование технических средств при производстве расследования любых видов преступлений, в том числе и связанных с незаконным оборотом наркотических средств, можно разделить на следующие группы:

1. Нормы, указывающие на цели применения технических средств. Так, согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ, технические средства применяются в исследовании материалов уголовного дела.

---

[1] ФЗ «О полиции» № 3 от 7 февраля 2011 г. (с изм. от 14 декабря 2015 г.)

[2] ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144 от 12 августа 1995 г. в редакции от 29 июня 2015 г.

[3] Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. М. : Норма. 2006. С. 130.

2. Нормы, указывающие на возможность применения технических средств. Например, ч. 2 ст. 166 УПК РФ регламентирует, что при производстве следственного действия могут применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись.

3. Нормы, условно-обязательные к исполнению. Законодатель в ч. 5 ст. 191 УПК РФ обязывает применять видеозапись и киносъемку при допросах несовершеннолетних свидетеля или потерпевшего, но с оговоркой: если сами несовершеннолетние или из законные представители против этого не возражают.

4. Нормы, определяющие условия применения технических средств. В ч. 3 ст. 170 УК РФ предписывается, что в случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов.

5. Нормы, устанавливающие порядок применения технических средств. Ч. 9–1 ст. 182 и ч. 3–1 ст. 183 УПК РФ регламентирует электронные носители информации изымать с участием специалиста. По ходатайству законного владельца этих носителей осуществляется копирование информации на другие носители, предоставленные им или обладателем содержащейся на них информации. Однако закон запрещает копирование информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или ее изменение.

6. Нормы, регламентирующие особый порядок использования технических средств. Согласно ч. 5 ст. 179 УПК РФ фотографирование, видеозапись и киносъемка при освидетельствовании могут проводиться только с согласия освидетельствуемого лица.

7. Нормы, регламентирующие применение технических средств при производстве следственных действий от усмотрения следователя (дознавателя). Например, фото-, аудио-, и (или) видеозапись, киносъемка может быть применена при производстве допроса или по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого.

Как видно из перечня технических средств, которые законодатель упоминает непосредственно, при производстве следственных действий может использоваться киносъемка. Однако это средство в процессе расследования не применяется уже давно в силу того, что ее заменили более современные и совершенные средства фиксации: аудио- и видеозапись. Поэтому мы согласны с теми авторами, которые предлагают исключить ее из этого перечня[1]. Современные средства фиксации позволяют запечатлеть ход и результаты любого следственного действия быстро и объективно и тут же на месте воспроизвести зафиксированное.

Технические средства, используемые при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, по нашему мнению, можно классифицировать по следующим основаниям:

1. По сфере применения:

– технические средства, используемые при производстве следственных действий;

– технические средства, используемые при производстве экспертных исследований.

2. Технические средства, используемые при производстве следственных действий, в свою очередь, можно классифицировать по назначению:

– средства освещения (профессиональные фонари – прожекторы, являющиеся осветительными и сигнальными приборами и предназначены для выполнения визуального досмотра и наблюдения неосвещенных мест в помещениях, транспортных средствах, грузах и на открытой местности. Эти фонари могут использоваться как при осмотре места происшествия, так и при обыске. Фонарь «ФД-3» может быть применен при обследовании территории в условиях тумана. Фонарь «ФПД-500» обеспечивает освещение наблюдаемых объектов сфокусированным пучком света на расстоянии до 1 000 м., а фонарь «ФПД-1000» до 1500 м.[2];

– оптические средства (различные эндоскопы, предназначенные для осмотра полостей автомашин и иных агрегатов без их разборки.

---

[1] Волынский А. Ф. Правовые основы криминалистического обеспечения. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова. М., 2013. С. 68.

[2] URL: http://www.spektr-at.ru/catalogue/poisk/fonari.html.

Как правило, это гибкие или полужесткие технические средства, которые позволяют осматривать внутренние поверхности полостей и труднодоступных мест различных объектов, имеющих сложную пространственную конфигурацию, при помощи гибкой рабочей части. К таким средствам относятся автономные эндоскопы серий «ЭТГ», «ЭТА», «ЭТАпж». Для освещения контролируемой зоны, применяются внешние источники света различной конструкции. Телевизионные эндоскопы серий «ЭТВЦ», «ЭТВЦ-Т» «ЭТВЦ-М» «ЭТВЦ-Д» позволяют выводить изображения обследуемого объекта или полости транспортного средства на экран монитора для наблюдения за ходом осмотра нескольким лицам[1];

– поисковые средства (различные эндоскопы, предназначенные для осмотра полостей автомашин и иных агрегатов без их разборки. Как правило, это гибкие или полужесткие технические средства, которые позволяют осматривать внутренние поверхности полостей и труднодоступных мест различных объектов, имеющих сложную пространственную конфигурацию, при помощи гибкой рабочей части. К таким средствам относятся автономные эндоскопы серий «ЭТГ», «ЭТА», «ЭТАпж». Помимо этого, могут использоваться различные поисково-досмотровые комплексы, щупы для исследования грузов, особенно сельскохозяйственной продукции, где наиболее часто устраивают тайники для наркотических средств, а также иное оборудование);

– поисково-исследовательские средства (наркотесты (как зарубежного, так и отечественного производства): реактивный комплект ООН; набор австрийской фирмы «Фолин-Фогелъ с комплектом реагентов фирмы Merck; комплекты американской фирмы «Бектон-Дикинсон», «NIC»; комплект американо-французской фирмы ODV Inkorporated «Narcotest» и иные средства экспресс-обнаружения контролируемых веществ, с помощью которых данные средства и вещества не только обнаруживаются, но и определяются по их виду. Из отечественных средств используются наркотесты «Политест-2». «Наркоспектр» и др.

Технические средства, используемые при производстве экспертных исследований, на наш взгляд, можно классифицировать на следующие группы:

---

[1] URL: http://www.spektr-at.ru/catalogue/poisk/endoscopy.html.

– средства анатомо-морфологического исследования (к ним относятся средства исследования внешнего строения: сравнительный микроскоп «ПЕЛЕНГ МС-4»,; сравнительный микроскоп «СОМАС» и др.);

– средства определения состава вещества (т. е. технические средства, с помощью которых исследуется состав наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, например, настольный волнодисперсионный рентгеновский флуоресцентный спектрометр последовательного действия «SUPERMINI200», на котором при исследовании веществ, не требуется химическое разложение образцов).

Таким образом, использование современных технических средств в расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, способствует своевременному их обнаружению, высококвалифицированному исследованию, что, в свою очередь, позволяет быстро, всесторонне и объективно расследовать каждое преступление данной категории.

***Ольшевский Е. В.*[1],**
следователь следственного управления УВД
по Центральному административному округу г. Москвы
лейтенант юстиции

Актуальные вопросы деятельности следователя по определению круга объектов, подлежащих признанию в качестве вещественных доказательств

Каждое из обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, дознавателем, следователем, прокурором и судом может быть установлено (доказано) лишь при помощи доказательств[2].

Изучение практического опыта деятельности следователя показывает, что в ряде случаев вещественными доказательствами могут быть признаны и объекты недвижимости, и при необходимости их наличия на протяжении всего хода расследования и судебного разбирательства следователями, дознавателями направляются сообщения о прекращении регистрации сделок с указанными объектами недвижимости в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Москвы, а также в суд вносится ходатайство о наложении ареста на данное имущество.

Примером документов – вещественных доказательств – являются факты признания таковыми ценных бумаг на предъявителя, если они обладают признаками вещественного доказательства (ст. 81 УПК РФ, например, является предметом хищения, орудием преступления). Сертификат ценной бумаги – это документальная (вещественная) форма ценной бумаги, удостоверяющая права ее владельца. Законодательством предусмотрены сертификаты акций, депозитные, сберегательные. В таких случаях они изымаются вне зависимости от места нахождения в ходе следственных действий (обыск, выемка, осмотр) или истребования и в последующем в установленном порядке

---

[1] © Ольшевский Е. В., 2018.

[2] Гриненко А. В. Относимость доказательств и обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу // В книге: Актуальные проблемы публичного права. Сборник научных трудов. В 2-х томах. Редколлегия: О. Н. Дядькин (пред.), А. И. Сморчков, А. И. Неряхин. 2015. С. 37–44. .

признаются вещественными доказательствами, а также приобщаются к материалам уголовного дела.

В то же время факт непризнания отдельных документов вещественными доказательствами, исходя из особенностей конкретной следственной ситуации, влечет за собой возвращение уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования. В частности, в СО при ОВД по району Черемушки возвращено уголовное дело № 117970 по ч. 2 ст. 159 УК РФ в связи с тем, что следователь не осмотрел и не признал в качестве вещественного доказательства договор коммерческого найма между обвиняемой С. и потерпевшим Л.[1]

Относительно документального носителя информации заметим, что все чаще следователям, дознавателям приходится изымать документы не только на бумажных, но и на электронных носителях. Не следует пренебрегать и получением иных материалов, содержащих фактические данные по делу, например аудио- и видеоматериалов. Статус таких источников доказательств определяется следователем (дознавателем) по обстоятельствам как документ или вещественное доказательство.

Здесь следует отметить, что, учитывая эпоху всеобщего контента доступности различных информационных каналов связи, интернет-технологий, появляются и до недавнего времени кажущиеся заоблачными источники в виде вещественных доказательств. Так, П. С. Пастухов предлагает внести в УПК РФ дополнения, касающиеся содержания вещественных доказательств: «Следы преступления, оставленные в информационной среде Интернета, находящиеся в телекоммуникационных каналах связи, в случае надлежащего копирования, позволяющего подтвердить их аутентичность в суде, могут быть признаны вещественными доказательствами. В ходе рассмотрения дела по существу допустимыми являются только те вещественные доказательства, аутентичность которых подтверждается документально, а также допросами лица, обнаружившего/создавшего их или (и) у которого они хранились до представления в суд»[2].

---

[1] Материалы уголовного дела № 117970, расследованного в следственном отделе при ОВД по району Черемушки г. Москвы в 2011 году.

[2] Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : автореф. дис. ... док-ра юрид. наук. М., 2015. С. 25.

С этими доводами следует согласиться и дополнить их тем, что в наши дни это актуальное направление как в общей теории доказывания, так и в методах сбора вещественных доказательств на различных информационных ресурсах[1].

Далее следует сказать, что по различным категориям преступлений в качестве вещественных доказательств могут выступать различные объекты в зависимости от наличия в них доказательственной информации и возможности приобщения ее к материалам уголовного дела.

Так, по такой категории преступлений, как незаконный оборот наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, в следственной практике встречаются случаи, когда был наложен арест на деньги, изъятые у лица, сбывшего наркотические средства[2], которые были признаны вещественными доказательствами.

Другой случай признания в качестве вещественных доказательств денежных средств мы обнаружили в материалах уголовного дела, возбужденного 14 мая 2012 г. СЧ СУ УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве, в отношении В. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ. Из материалов дела следует, что обвиняемый В. путем совершения мошеннических действий на основании заявления о выплате страховой премии получил от сотрудников страховой компании в качестве страхового возмещения по ДТП денежные средства в сумме 1 051 560 руб. 23 коп. 10 июля 2012 г. проведен осмотр денежных средств, изъятых у обвиняемого Василенко А. В., вынесено постановление о признании денежных средств вещественным доказательством по уголовному делу. 10 июля 2012 г. проведен осмотр денежных средств, изъятых у обвиняемого В., и вынесено постановление о признании денежных средств веще-

---

[1] Арестова Е. Н., Артёмова В. В., Батюк В. И. и др. Предварительное следствие : учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция». М., 2017. С. 456.

[2] См., например: постановление Ленинского районного суда г. Новосибирска от 20 марта 2008 г. о наложении ареста на денежных средства обвиняемого П. А. Акубардия, полученные в результате преступной деятельности. Аналогичное решение вынесено 14 октября 2008 г. Ленинским районным судом г. Новосибирска, согласно которому наложен арест на денежные средства обвиняемого Филатова А. В., полученные в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 228-1 УК РФ.

ственным доказательством по уголовному делу. В тот же день на основании постановления вещественные доказательства – денежные средства – выданы представителю потерпевшего на ответственное хранение, денежные средства сверены, составлено постановление о возвращении вещественных доказательств на ответственное хранение[1].

При расследовании преступлений коррупционной направленности в качестве вещественных доказательств может быть приобщена звукозапись переговоров взяткодателя и взяткополучателя, которые осуществлены гражданином по собственной инициативе, в том числе до возбуждения уголовного дела. Такие материалы признаются вещественным доказательством, если зафиксированные факты имеют отношение к расследуемому делу. Аудиокассета с записью изымается в ходе выемки, реже обыска, а также может быть выдана лицом, о чем делается запись в протоколе его допроса и подробно отражаются все обстоятельства выполнения записи[2].

Комментируя приведенные примеры, можно отметить позицию А. В. Смирнова, который небезосновательно утверждает, что «сами предметы – вещественные доказательства – иногда могут и не содержать в себе информации, имеющей значение для дела. Основное значение имеет системность, выражающаяся, в частности, в связи с сопутствующими доказательственными фактами»[3].

При этом следует учитывать, что объекты материального мира, которые были обнаружены и изъяты следователем, представлены ему

---

[1] Из материалов уголовного дела № 23855, расследованного в следственной части ГСУ ГУ МВД России по г. Москве в 2012 году.

[2] См.: Кузнецова Е. И., Филатова И. В. Формирование механизма противодействия коррупции в современных условиях // В сборнике: Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: научное электронное издание. 2017. С. 160–163; Куфтерин А. Н., Пушкарев В. В. Расследование преступлений экономической направленности и коррупционных преступлений. Рязань, 2016 и др.

[3] См.: Смирнов А. В. Что считать вещественным доказательством // Уголовный процесс. – 2001. – № 4. – С. 30.

вовлеченными в процесс лицами, могут приобрести значение вещественных доказательств лишь в результате их приобщения к материалам уголовного дела в установленном УПК РФ порядке[1].

Для того чтобы предмет или иной объект был признан вещественным доказательством, необходимо, чтобы в материалах уголовного дела имелись следующие процессуальные документы:

– документ, в котором отражен факт обнаружения соответствующего объекта (это могут быть протоколы осмотра места происшествия, обыска, выемки, в ряде случаев – иных следственных действий);

– протокол осмотра данного предмета, в котором отражаются его основные свойства и индивидуализирующие объект особенности;

– постановление следователя о признании конкретного объекта вещественным доказательством и о приобщении его к материалам уголовного дела. В ряде случаев при необходимости детальной фиксации отдельных признаков объектов или при нестабильности таких признаков следственные действия могут сопровождаться фотосъемкой или видеозаписью[2].

Необходимо отметить, что существенные нарушения требований ст.ст. 81, 82 УПК РФ, определяющих порядок признания и хранения вещественных доказательств, влечет за собой различные негативные процессуальные последствия. Одним из таких последствий является процедура направления уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования и устранения выявленных замечаний в порядке реализации им полномочий, установленных в п. 2 ч. 1 ст. 221 и п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ.

Так, уголовное дело № 56600 по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 291 УК РФ возвращено в СУ при УВД ЮВАО г. Москвы по следующим обстоятельствам: следователь в постановлении о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств, в постановочной ча-

---

[1] Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 67.

[2] См.: Колотушкин С. М., Кандауров С. М. Видеозапись как источник доказательств при раскрытии и расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. – 2009. – № 2. – С. 14.

сти, не указал маркировку двух видеокассет, признанных по делу вещественным доказательством, что, по мнению прокурора, исключает возможность их идентификации[1].

К сожалению, следует констатировать тот факт, что таких примеров неудовлетворительной работы сотрудников органов предварительного расследования и в настоящее время предостаточно, что весьма и весьма печально. Здесь следует сказать, что должностные лица, в производстве которых находятся уголовные дела, должны уяснить сущность и предназначение вещественных доказательств в общей теории уголовного судопроизводства, а также осознать их огромную роль в процессе доказывания. Лишь тогда грамотно построенная работа указанных должностных лиц с множеством объектов, которые могут являться вещественными доказательстами, принесет положительный результат в ходе предварительного расследования.

При этом надо отметить, что, не умаляя достоинств и других видов доказательств, мы убеждены в особом предназначении именно вещественных доказательств при расследовании конкретного престпуления, так как они максимально верно и точно позволяют воспроизвести истинную картину произошедшего и сделать это с надлежащим уровнем достаточности, достоверности и объективности.

[1] Из материалов уголовного дела № 56600, расследованного в следственном управлении УВД по ЮВАО г. Москвы в 2014 году.

Емельянова Н. Ю.*[1]*,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
подполковник полиции

Нравственные аспекты деятельности следователя

Центральным в деятельности следователя является вопрос о нравственных началах осуществления уголовного судопроизводства и, в частности, проведения отдельных следственных действий.

Нравственность и соответствующие нравственные нормы – это основа цивилизации и человечности любого общества. Когда рушится нравственность и нравственные основы разрушается общество и деградирует человек. Нравственность – это следование определенным духовным (нравственным) принципам: чести, совести, долга, справедливости. Этика – область знания, изучающая мораль и нравственность.

Развивающееся измерение совершенствующейся профессиональной юридической работы актуализирует значение мастерски нацеленных морально-этических начал и правил, призванных работать обществу залогом нравственного поведения сотрудников правоохранительной деятельности.

Соблюдение следователем и дознавателем нравственных норм уголовного судопроизводства – это не только одно из важнейших средств осуществления воспитательной задачи уголовного судопроизводства и обеспечения высокой культуры производства по уголовным делам, но и его юридическая обязанность, а также основной критерий профессиональной оценки деятельности следователя.

Нравственность любого следственного действия определяется следующими основами: уровнем проникновения нравственных норм в нормы правовые; нравственностью субъекта, осуществляющего следственные действия.

Если рассматривать оптимальный вариант, то обе основы должны соразмерно дополнять друг друга, обеспечивая получение должного уровня нравственной культуры процессуальной деятельности. Тем не

[1] © Емельянова Н. Ю., 2018.

менее и наличие одного из них уже будет достаточным. Когда отдельные положения морали возведены в ранг правовых, то их нарушение повлечет признание доказательств недопустимыми, тем самым, если у следователя или дознавателя сформированы нравственные устои, то наличие норм морали в законе не станет необходимостью, они всегда будут осуществляться вследствие личного нравственного воспитания. Теперь остановимся на вышеуказанных основах подробнее.

I. Уровень проникновения моральных норм в нормы правовые.

Сегодня происходит активное обогащение положений закона нравственными нормами. Не являются исключением в данном случае и положения УПК РФ[1], регламентирующие производство следственных действий. Фактически каждая такая норма пронизана нравственным смыслом.

Если проанализировать отдельные статьи УПК, регламентирующие производство следственных действий, то в каждом из них можно увидеть моральные нормы (ч. 4 ст. 164; ч. 5, 6 ст. 177; ч. 3 ст. 178; ст. 179; ст. 181; ч. 3, 5, 6, 7 ст. 182; ч. 3.1 ст. 183; ч. 3 ст. 184; ч. 2, 3, 4 ст. 187; ч. 2 ст. 189; ст. 191; ч. 8 ст. 193 и др.). Также в каждом следственном действии закреплены международные нормы и нормы конституции. Тем самым законодатель максимально регламентировал данную сферу деятельности, чтобы свести к минимуму моральный ущерб, причиняемый в процессе уголовного судопроизводства.

В части 4 ст. 164 УПК РФ закреплена норма, накладывающая запрет на применение незаконных мер, насилия, а также создание опасных обстановок для жизни и здоровья участников следственного действия. Этой нормой законодатель акцентирует внимание на то, что для достижения целей уголовного судопроизводства в основу расследования могут быть положены только законные средства и приемы. Возможность проведения следственного осмотра до возбуждения уголовного дела также носит нравственный смысл, заключающийся в быстроте исследования следователем места происшествия, благодаря чему возрастает успех в раскрытии и расследования преступлений, а значит, и возможность восстановить нарушенное право и максимально обеспечить права потерпевшего, интересы общества и государства.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52.

Устанавливая порядок эксгумации, ч. 3 ст. 178 УПК закрепляет не только осведомления близких покойного, но и получение от них согласия для проведения этого следственного действия. Считается, что близкие уже пострадали от потери родного им человека и эксгумация еще больше может доставить им страданий.

Ряд нравственных аспектов, прямо затрагивающих производство следственных действий, и по сей день не нашли своего законодательного отражения, хотя они не менее важны, чем указанные выше[1]. Например, запрет не только наводящих вопросов, но и «наводящих действий» следователя; введение ограничений на проведение очной ставки между совершеннолетним и лицом, не достигшим совершеннолетия; закрепление положения о необходимости восстановления обычного порядка вещей после производства обыска в жилище; регламентация процедуры нравственной помощи лиц, в отношении которых проведены следственные действия, но их причастность к преступлению в дальнейшем не была доказана и т. д.

Также законодатель должен понимать, что предварительное расследовании, осуществляемое правоохранительными органами, очень сильно может нарушить спокойную жизнь граждан. В обществе люди, случайно вовлеченные в уголовное судопроизводство, в его окончании, даже если они реабилитированы на государственном уровне, будут чувствовать на себе давление, так как во многих случаях прекращение уголовного преследования не влечет прекращения общественного порицания. Поэтому необходимо также внести изменения в реабилитационную процедуру для решения данных проблем.

II. Нравственность субъекта, осуществляющего следственное действие.

Нравственные нормы получают для следователя специальное значение в тех случаях, когда правовые нормы не содержат нужных предписаний применительно к точной ситуации. При всем этом важно отметить, что процесс производства следственных действий детально и полно регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, и законодатель методично характеризует все необходимые действия следователя и дознавателя по обнаружению, исследованию и закреплению доказательственной базы. Между

---

[1] Моисеенко И. Я. Этика процессуальных следственных действий в ходе производства предварительного расследования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 3.

тем очевидно, что каждая правовая норма может быть сформулирована как императивная или диспозитивная. В императивной норме степень ее заполнения субъективным пониманием – минимальна, в диспозитивном субъективном воззрении участника поисково-познавательной работы значительно расширяется. Непосредственно в последнем случае определение должной линии поведения исполняется благодаря нравственным позициям лица, производящего следственное действие[1].

Трудность фактического олицетворения этой основы содержится в том, что когда уровень образования, профессиональное мастерство, психологическая стабильность сотрудника в любом случае проверяются в периметре кадровой работы, то нравственным качествам чаще всего должного внимания фактически не уделяется. Хотя притязание к уровню нравственного становления личности в правоохранительных органах должно быть очень высоким. Игнорирование моральных норм в юридической сфере способно подорвать авторитет закона, служить которому обязаны юристы, привести к разочарованию людей в государственных институтах, предназначенных для охраны их прав и свобод. Изменить создавшуюся ситуацию в настоящее время в определенной степени могут разрабатываемые и принимаемые кодексы профессиональной этики, определяющие нравственные качества, которыми обязаны обладать сотрудники правоохранительных органов. Добиваясь цели обеспечения профессионального статуса высоконравственным содержанием, кодексы юридической этики определяют внутренне этические стереотипы профессиональной деятельности и индивидуального поведения сотрудников правоохранительной деятельности. Их положения значительно расширяют общенормативные основания юридической ответственности сотрудников, предусматривая дисциплинарную ответственность за несоблюдение не только профессиональной дисциплины, но и мастерски обусловленных морально-этических основ и норм поведения. Наличие необходимой совокупности нравственных качеств позволяет следователю и

[1] См.: Бережко Е. В. Нравственные основы уголовного судопроизводства: учебное пособие // Оренбургский государственный университет. Оренбург. 2013; Арестова Е. Н., Артёмова В. В., Батюк В. И., Бирюков С. Ю. и др. Предварительное следствие : учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция». М., 2017. С. 298.

дознавателю соблюсти и процедуру следственного действия, адекватно выстроить отношения с его участниками вне зависимости от их статуса в уголовном процессе, умело соединить активность и решительность с осмотрительностью и чуткостью, подчинить собственные впечатления требованиям ума. При достижении такого уровня следователь при всей сложности своей работы может объективно оценивать сложившуюся ситуацию и оперативно реагировать на непредвиденные ситуации, которые зачастую возникают при проведении следственных действий.

Очевидно, что к числу основных обязательных нравственных качеств следователя и дознавателя непременно должны относиться следующие: профессионализм, объективность, добросовестность, уважительность, деликатность, уравновешенность. Однако огласить нравственные качества недостаточно. Для получения желаемого результата необходимо определить уровень обладания ими следователя и дознавателя либо, что наиболее разумно, будущего следователя и дознавателя.

При всех сложностях профессиональной работы следователь не должен забывать, что его основная цель – это установление истины, а не раскрытие уголовных дел всеми возможными способами, и участники уголовного судопроизводства являются людьми и заслуживают адекватного поведения. Негативное отношение следователя к участникам может также снизить уровень раскрываемости уголовных дел, так как участники уголовного судопроизводства уже несут тяжесть уголовного судопроизводства, и следователь своими действиями не должен отталкивать их от себя и от уголовного дела.

Изложенное, несомненно, не исчерпывает всех аспектов этой непростой проблемы, однако хочется надеяться, что данное понимание основных нравственных ориентиров производства следственных действий может оказать помощь в повышении их качественной характеристики.

***Сиворакша В. В.*[1],**
следователь следственного отделения
отдела МВД России по району Раменки г. Москвы
лейтенант юстиции

Проблемы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, совершенных в отношении или с использованием криптовалюты

В связи с нарастающим влиянием сети «Интернет» на современного человека и повышением уровня образованности населения в сфере цифровых технологий в мире наблюдается значительный скачок в развитии науки кибернетики. Человечеством создаются все более новые способы удовлетворения жизненных потребностей, которые стремительно внедряются в нашу жизнь. Одной из таких разработок является криптовалюта. В настоящее время во всех экономически развитых странах нашего мира ведутся споры о юридическом статусе криптографической валюты, которая с каждым днем набирает обороты. По общепринятому мнению, криптовалюта была придумана в Японии в 2008 г. человеком с псевдонимом Сатоси Накамото в ответ на мировой финансовой кризис и представляет собой цифровые денежные средства в виде набора определенных цифр и символов, которыми можно расплачиваться напрямую, без посреднических программ и третьих лиц[2]. Ее преимуществом является тот факт, что проведение транзакции анонимно, так как электронный счет не привязывается к анкетным данным и каким-либо документам, а также необратимо и открыто для всех, т. е. любой пользователь может видеть состояние каждого имеющегося счета, все операции, производимые по счету, однако ни государственные органы, ни кто-либо другой не могут вмешаться в проведение данной операции. Таким образом, это делает людей независимыми в пользовании своими финансами и уверенными в безопасности своего электронного счета. Такая технология перемещения криптовалюты называется «Блокчейн», суть которого состоит в том, что при каждом осуществлении транзакции между

---

[1] © Сиворакша В. В., 2018.

[2] См.: Интернет-энциклопедия Википедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 28.03.2018).

двумя пользователями это записывается в память компьютера каждого пользователя криптовалюты, таким образом, никто не может подделать эту операцию или каким-либо образом вмешаться в нее и помешать ей, так как движение криптоденег прозрачно и у всех на виду[1]. Таким образом, блокчейн – это база данных хранения всех транзакций, производимых с криптовалютой. Еще одной особенностью рассматриваемого нами изобретения является то, что не существует центрального компьютера, который осуществляет эмиссию криптовалюты и отвечает за ее оборот. Криптовалюта создается обычными людьми, и ее стоимость определяется исходя из количества пользователей и спроса на нее. Создание криптовалюты называется майнинг (от англ. «mining») – добыча полезных ископаемых, которое осуществляется на сверхбыстрых и мощных компьютерах за счет математического подбора определенного цифрового кода, который до этого в сети не использовался. Чем больше создается криптовалюты, тем сложнее и дольше она заново добывается, поэтому в настоящее время ее проще приобрести[2]. Самой первой критовалютой и самой известной является биткоин, который на сегодняшний день стоит примерно 7453.85 долларов США[3]. Существуют также и другие разновидности криптовалюты: лайткоины, альткоины, эфир, риппл, нэм и другие. Все вышеизложенное является лишь минимальным набором знаний, однако более углубленное изучение криптовалюты очень трудно в понимании для человека, не обладающего знаниями в области компьютерных технологий.

Данная информация представляет для нас научный интерес, так как это явление все больше проникает в жизнь людей, тем или иным образом воздействует на финансовую систему нашей страны, а также способствует появлению новых видов преступлений, что нельзя не принимать во внимание сотрудникам органов предварительного следствия. В условиях нарастающего интереса к данному финансовому явлению необходимо признать необходимость его законодательного регулирования должным образом. Президент Российской Федерации В. В. Путин на многочисленных форумах и собраниях выражал свое

---

[1] См.: URL: https://coinspot.io/beginners/chto-takoe-blokchejn-rasskazhem-prostymi-slovami/ (дата обращения: 28.03.2018).

[2] См.: URL: https://coinnet.ru/chto-takoe-majning/ (дата обращения: 28.03.2018).

[3] См.: URL: https://coinspot.io/charts/ (дата обращения: 29.03.2018).

скептическое и одновременно негативное отношение к данной платежной системе. Годами ранее были подготовлены законопроекты по запрету биткоинов в Российской Федерации. Так, в более ранней версии законопроекта было предложено ввести статью в Уголовный кодекс Российской Федерации, которая предусматривала бы ответственность за изготовление, приобретение в целях сбыта и сбыт денежных суррогатов, иными словами, криптовалюты. За совершение данного деяния виновному грозило бы наказание в виде штрафа на сумму 500 тыс. руб. либо лишение свободы на срок до четырех лет. Квалифицированный состав предусматривал ответственность за совершение данного деяния лицом, осуществляющим управленческие функции в финансовой организации, и наказывался бы лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо штраф в размере от 1 млн руб. до 2,5 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет[1]. В январе 2018 г. Министерство финансов и Центральный банк Российской Федерации подготовили законопроект о регулировании цифровых технологий, целью которого является установить понятийный аппарат цифровых финансовых активов. В законопроекте майнинг определяется, как предпринимательская деятельность, а значит, будет облагаться налогом. Также в нем обозначено, что владелец цифровой валюты имеет право осуществлять операции с криптовалютой только с помощью оператора обмена цифровых финансовых активов, который будет являться юридическим лицом. Пользователь ограничен в количестве покупаемой цифровой валюты и имеет лимит не более 50 тыс. руб., при этом покупка и продажа криптовалюты могут осуществляться только на официальных биржах, а цифровой кошелек должен прикрепляться к электронному кошельку легальных операторов, таких как, например, «Киви»[2]. Таким образом, мы видим, что попытка Минфина урегулировать оборот криптовалюты приведет к исключению анонимности осуществления транзакций, возникновению посредничества и контролю курса обмена валют, что ликвидирует все плюсы в использовании криптовалюты, имеющиеся в настоящее время. Однако нельзя не отметить, что

[1] См.: Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 195.

[2] Российская газета // URL: https://rg.ru/2018/01/25/minfin-rf-opublikoval-zakonoproekt-o-regulirovanii-kriptovaliuty.html (дата обращения: 28.03.2018).

отсутствие какого-либо законодательного регулирования этой сферы может привести к тому, что криптовалюта укрепится на черном рынке.

Тем не менее преступления, связанные с цифровой валютой, совершаются уже сейчас, что создает сложности в квалификации деяния и приводит к некоторым неточностям при составлении обвинительного заключения[1]. Так, следователем ОМВД России по району Вешняки г. Москвы в марте 2017 г. возбуждено уголовное дело в отношении четырех лиц по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Исходя из показаний обвиняемых установлено, что данные лица вступили в преступный сговор, направленный на завладение паролем к электронному кошельку потерпевшего для последующего доступа к имеющимся на нем биткоинам и выведение их на свои банковские счета. Доступ к данному паролю осуществлялся бы посредством жестких дисков, на которых хранилась указанная информация. Таким образом, предметом преступного посягательства фактически в данном случае является определенное количество биткоинов, а жесткие диски являются средством доступа к ним. Однако согласно обвинительному заключению данные лица, вступив в преступный сговор, направленный на хищение чужого имущества, открыто похитили принадлежащие потерпевшему три жестких диска общей стоимостью 20 тыс. руб., причинив последнему материальный ущерб на указанную сумму. Таким образом, мы видим, что ввиду невозможности установления суммы ущерба в случае вменения обвиняемым в вину хищение биткоинов, следователь вынужден определить жесткие диски как предмет преступления. На сегодняшний день нет какого-либо документа, которым можно было подтвердить сумму причиненного ущерба, так как биткоин и курс его обмена ничем в нашей стране не регулируются, при этом нет какого-либо юридического понятия криптовалюте. Это

[1] См.: Пушкарев В. В. Проблемы уголовного преследования при расследовании киберпреступлений, посягающих на системы и ресурсы банковского сектора // В сборнике: Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития. Доклады Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры криминалистики Института права БашГУ. Башкирский государственный университет. 2017. С. 104–111; Филатова И. В. Современные банковские механизмы легализации средств, полученных незаконным путем // В сборнике: Проблемы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях и пути их решения. Материалы научно-практической конференции. 2018. С. 250–255.

приводит к ошибкам в квалификации, так как в вышеописанном случае в вину вменяется неверная сумма причиненного ущерба. Аналогичное уголовное дело возбуждено в декабре 2017 г. в СУ УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве, где обвиняемому в вину вменялось хищение ноутбука. Стоит отметить, что ввиду недостаточной практики направления подобных уголовных дел в суд и отсутствия должной компетентности сотрудников органов предварительного следствия в данной области, зачастую по заявлениям о хищениях, связанных с криптовалютой, выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Также в сентябре 2017 г. в Костромской области была задержана группа лиц, которая посредством электронных кошельков, открытых на подставных лиц, обменивали и переводили криптовалюту, а затем обналичили более 500 млн руб. через банковские карты и SIM-карты. Данные лица были привлечены к уголовной ответственности по ст. 172 УК РФ (Незаконная банковская деятельность)[1], что, по нашему мнению, является неправильным, так как криптовалюта в нашей стране валютой и платежным средством не являются. Отставание в изучении данной темы приводит к увеличению преступности в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, так как биткоины в настоящее время являются основным платежным средством за покупку наркотиков в так называемом «темном интернете». Постоянно растущее количество интернет-площадок в «темном интернете» позволяет преступникам быть всегда на шаг впереди правоохранительных органов. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своих выступлениях также не раз указывал на возможное финансирование террористических организаций посредством криптовалюты. Стоит также отметить, что анонимность транзакций, которая в первозданном виде является основным положительным явлением криптомира, приводит к неконтролируемому отмыванию денег[2].

Правовое регулирование криптовалюты в различных странах не однозначно. Так, например, в Китае, где создается три четверти всех

---

[1] URL: https://meduza.io/news/2017/09/01/v-kostromskoy-oblasti-mvd-i-fsb-zaderzhali-treh-chelovek-za-obmen-i-perevody-bitkoinov (дата обращения: 28.03.2018).

[2] Филатова И. В. Криминализация финансовых отношений как стратегическая угроза национальной безопасности // В сборнике: Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности Сборник научных трудов. 2016. С. 143–148.

биткоинов, майнинг официально запрещен на уровне законодательства, так как это приводит к огромным затратам электроэнергии и он содержит в себе финансовые риски. Такая попытка запрета приводит к тому, что китайские майнеры перемещают оборудование в другие страны, где добыча криптовалюты не запрещена. Министерство финансов Южной Кореи также готовит законопроект о запрете совершения операций с криптовалютой, однако пока официально он не принят. В Эквадоре, Тайване, Вьетнаме, Бангладеш (где использование криптовалют грозит лишением свободы на срок до 12 лет), Кыргызстане, Румынии оборот криптовалюты запрещен. В Исландии запрещена покупка криптовалюты на биржах, но разрешен майнинг. В других странах, таких как США и Канада, криптовалюта закреплена законодательством как ценное имущество и облагается налогом. В Японии она является официальным платежным средством и налогом на потребление не облагается, налог существует только лишь на прирост капитала. В Великобритании рассматривается как иностранная валюта, в Швеции приравняли к валюте, в Израиле – к имуществу, в Болгарии – к финансовым активам[1]. В Республике Беларусь криптовалюта признана универсальным средством обмена, где на законодательном уровне урегулированы вопросы активного внедрения цифровых технологий и развития майнинга в финансовой системе страны[2].

Таким образом, по нашему мнению, российской правовой системе также необходимо регулирование такого явления, как криптовалюта на законодательном уровне, в связи с чем ключевым моментом является оценка его статуса – платежное средство, товар или все же денежный суррогат? Анализируя зарубежный опыт и предложенный Минфином и Банком России законопроект, мы приходим к выводу о необходимости поддержания криптовалюты в нашей стране, признания ее правового статуса и введения некоторых мер правового контроля. В связи с этим предлагаем ввести в законопроект понятие криптовалюта – это универсальное средство обмена, представленное в виде цифрового кода, которое может использоваться в качестве платежного средства в сети «Интернет», а также обмениваться на рубли или иностранную валюту», в диспозицию ч. 1 ст. 174 УК РФ внести

---

[1] URL: https://vc.ru/32207-regulirovanie-kriptovalyut-v-raznyh-stranah (дата обращения 28.03.2018).

[2] Декрет президента республики Беларусь № 8 от 21.12.2017 г «О развитии цифровой экономики» // URL: http://president.gov.by (дата обращения 28.03.2018).

следующие изменения: «Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами, криптовалютой или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом».

Петраков С. В.*[1]*,
заместитель начальника кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Политическое назначение уголовного судопроизводства

Уголовный процесс любого исторического периода является политическим инструментом правового воздействия на преступность, так как именно в этой процессуальной форме предполагается существенное, но законное ограничение прав личности и даже временная изоляция личности от общества. «Краеугольным камнем» уголовно-процессуальной политики следует признать вопрос применения принуждения, гарантированности обеспечения прав личности и законности их ограничения. По большому счету речь идет о решении проблемы баланса личных, общественных и государственных интересов в сфере уголовного преследования»[2].

Вместе с тем, политическая ориентированность уголовного судопроизводства может проявляться по-разному на разных исторических этапах развития государства. Так, например, И. Г. Смирнова, придерживаясь мнения, что уголовно-процессуальная политика должна стремиться к стабильности и безопасности общества, а не только придерживаться de jure приватной идеологии[3], обоснованно указывает, что развитие уголовного судопроизводства видится во внедрении в установленных законом случаях альтернативных методов разрешения конфликтов, которые ориентированы на ускорение процесса, упрощение производства, возмещение вреда потерпевшему и напрямую связаны с понятием восстановительного правосудия.[4] Вместе с тем, сложно согласиться с ее утверждением, что традиционная формальная реакция государства на преступление должна быть сведена

---

[1] © Петраков С. В., 2018.

[2] Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2012. С. 25–26.

[3] Смирнова И. Г. Указ. соч. С. 27.

[4] Смирнова И. Г. Указ. соч. С. 33.

до необходимого минимума и может выступать последним, крайним средством соответствующего реагирования[1]. Представляется, что идея восстановительного правосудия может стать крайне либеральной при борьбе с преступностью, так как по большей части преступлений, исходя из статистических данных, ущерб не возмещается даже до вынесения приговора, ряд преступлений представляют собой непосредственную угрозу для общества и государства, а некоторые совершаются организованными группами.

В связи с либерализацией уголовно-процессуальной политики и постепенной трансформации уголовного процесса из механизма в устранении угроз для общества и государства в процедуру защиты личности от возможного незаконного ограничения ее прав научный интерес представляет, насколько сильна была политическая ориентированность уголовного процесса советской России. Исследуем для этого первые кодифицированные акты, УПК 1922 г[2]. и УПК 1923 г[3].

Оба закона допускали, что если следователь признает поступивший к нему материал дознания достаточно полным и дело достаточно разъясненным, то он вправе не производить предварительного следствия или может ограничиться производством только отдельных следственных действий. Обязательными к выполнению являлись только: 1) предъявление обвинения обвиняемому; 2) допрос обвиняемого; 3) составление обвинительного заключения (ст. 111 УПК 1922 г. и ст. 109 УПК 1923 г.).

Явка подсудимого в суд для слушания дела была необязательной и приговор мог быть вынесен без его участия. В этой связи в законодательстве появилось понятие заочного приговора – тот, который постановлен в отсутствии подсудимого (ст. 388 УПК 1922 г. и ст. 351 УПК 1923 г.). Вместе с тем, оба закона уже на тот период содержали определенные процессуальные гарантии указанного участника. Так, по делам, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения свободы свыше шести месяцев, а также по делам, рассматриваемым

---

[1] Смирнова И. Г. Указ. соч. С. 33.

[2] Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. – 1922. – № 20–21, ст. 230.

[3] Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об Утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. – 1923. – № 7, ст. 106.

народным судом с участием шести народных заседателей, явка подсудимого была обязательна. Рассмотрение дела без него допускалось, если тот прямо выразит на это свое согласие или уклонится от вручения повестки о вызове в суд или скроется от суда (ст. 269 УПК 1922 г. и ст. 265 УПК 1923 г.). По УПК 1923 г. обязательное участие подсудимого уже было по всем делам, за которое наказание могло быть в виде лишения свободы (ст. 265).

Закон также допускал вне зависимости от санкции, что если подсудимый согласится с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признает правильным предъявленное ему обвинение и даст показания, то суд может не производить судебного следствия и сразу перейти к выслушиванию прений сторон. Судебное следствие было обязательно в таком случае, только если об этом поступит требование от кого-либо из судей или сторон (ст. 286 УПК 1922 г. и ст. 282 УПК 1923 г.).

Оперативность в реализации процессуальных норм, первостепенной защите интересов государства и общества от преступных элементов заключалась еще и в том, что дела могли быть рассмотрены в дежурной камере. В данной форме рассматривались все дела в отношении задержанных обвиняемых, которые, по мнению органов, задержавших лицо, не требуют особого расследования или по которым обвиняемые признали себя виновными. Вместе с делом доставлялись обвиняемый, вещественные доказательства и по возможности свидетели. Назначение защитника при этом было не обязательно (ст. 398 УПК 1922 г. и ст. 361 УПК 1923 г.).

По ряду статей уголовного закона судья в случаях явной бесспорности нарушения и при отсутствии гражданского иска к обвиняемому постановлял приговор судебным приказом, т. е. без вызова сторон. Но если обвинитель и подсудимый явились, то они допускались к даче показаний в случае их просьбы (ст.ст. 406–407 УПК 1922 г. и ст.ст. 366–367 УПК 1923 г.).

Политические интересы государства, а также превалировании интересов общества над интересами отдельно взятой личности в уголовном процессе особо явно проявлялись в деятельности революционных трибуналов советской России. В законе прямо было указано, что допущение обвинения и защиты в судебном заседании по делам, рассматриваемым в революционных трибуналах, необязательно и разрешается каждый раз ревтрибуналом в распорядительном заседании в зависимости от важности (УПК 1922 г.) либо сложности (УПК

1923 г.) дела, доказанности преступления или особого политического или общественного интереса дела (ст. 415 УПК 1922 г. и ст.ст. 380–381 УПК 1923 г.). Но по всем делам, рассматриваемым в ревтрибуналах, производство предварительного следствия было обязательным (ст. 418 УПК 1922 г. и ст. 384 УПК 1923 г.). Вместе с тем по УПК 1922 г. политическая ориентированность уголовного процесса проявлялась в том, что по делам о продналоговых и некоторых воинских преступлениях, производство предварительного следствия не было обязательным и в этих случаях органы дознания направляли материалы непосредственно в ревтрибунал, не представляя их на предварительное рассмотрение прокурора (ст. 418 УПК РФ). В распорядительном заседании ревтрибунал также определял список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. Ревтрибунал мог не вызывать тех из допрошенных на предварительном следствии или на дознании свидетелей, показания которых не вызывали сомнений в своей достоверности (ст. 424 УПК 1922 г. и ст. 391 УПК 1923 г.).

Экономичность и быстрота процесса в интересах государства и общества на этом не заканчивались. Следователь, состоящий при революционных трибуналах, мог придать актам дознания силу актов предварительного следствия и не производить следствия или ограничиться только производством отдельных следственных действий (предъявление обвинения обвиняемому, допрос обвиняемого и составление обвинительного заключения), если он признает производство предварительного следствия излишним ввиду ясности дела или сознания обвиняемого (ст. 419 УПК 1922 г. и ст. 385 УПК 1923 г.).

В ходе рассмотрения дела ревтрибунал мог прекратить допрос свидетеля или свидетелей в любой момент, если признает, что уже данные показания вполне устанавливают те обстоятельства, для установления которых свидетель был вызван (ст. 427 УПК 1922 г. и ст. 394 УПК 1923 г.). После исследования доказательств ревтрибунал вправе независимо от ранее принятого решения о допуске сторон к участию в судебном заседании постановить о недопущении прений, если признает дело достаточно выясненным на судебном следствии. (ст. 430 УПК 1922 г. и ст. 397 УПК 1923 г.).

Приговоры ревтрибуналов могли быть обжалованы сторонами в кассационном порядке. При этом срок для обжалования составлял 48 часов по УПК 1922 г. и 72 часа по УПК 1923 г. для прокурора с момента провозглашения приговора, а для подсудимого – с момента

вручения ему копии приговора. Копия приговора последнему вручалась в течение 24 часов с момента провозглашения приговора (ст. 433 УПК 1922 г. и ст. 400 УПК 1923 г.).

Слушание дела в ревтрибунале без участия подсудимого допускалось, если тот прямо выразит на это свое согласие или уклонится от вручения повестки о вызове в суд или скроется от суда (ст. 269 УПК 1922 г. и ст. 265 УПК 1923 г.), а также, если подсудимый будет находиться вне пределов РСФСР. Если в последующем он вернется в пределы РСФСР, то при наличии заявления ему должен быть восстановлен кассационный срок. Если дело рассматривалось в ревтрибунале, где кассационное обжалование не допускалось, дело подлежало пересмотру в порядке надзора (ст. 426 УПК 1922 г. и ст. 393 УПК 1923 г.). Кассационному обжалованию не подлежали приговоры ревтрибуналов, действующих в боевой обстановке. Их список утверждался Пленумом Верховного Трибунала по представлению Военной Коллегии Верховного Трибунала (УПК 1922 г.) и Пленумом Верховного Суда (УПК 1923 г.). Приговоры таких ревтрибуналов отменялись и изменялись лишь в порядке надзора (ст. 434 УПК 1922 г. и ст. 407 УПК 1923 г.).

В тех местностях, которые объявлялись на военном положении, ревтрибуналам (по УПК 1923 г. также и губернским судам) в случаях вынесения приговора к высшей мере наказания (расстрел) и при подаче осужденным кассационной жалобы предоставлялось право в течение 24 часов после вынесения приговора выходить с представлением о не пропуске соответствующей жалобе и обращения приговора к немедленному исполнению. Вопрос о пропуске или не пропуске кассационной жалобы подлежал разрешению губернским исполнительным комитетом или его президиумом в течение 24 часов с момента получения представления ревтрибунала. При этом губернский исполнительный комитет не вправе был рассматривать вопрос о доказанности и недоказанности преступления, а рассматривал вопрос исключительно исходя из соображений опасности и распространенности данной категории преступных деяний в данной местности и необходимости принятия экстренных мер к их искоренению (ст. 435 УПК 1922 г. и ст. 406 УПК 1923 г.).

Если же местность не объявлена на военном положении, то ревтрибунал (по УПК 1923 г. и губернский суд) при вынесении приговора, присуждающего к расстрелу, независимо от наличия или отсут-

ствия кассационной жалобы или протеста обязан был немедленно после вынесении приговора сообщить об этом посредством телеграфной связи в Верховный Трибунал (по УПК 1923 г. в Верховный Суд) с указанием часов, минут вынесения приговора, краткого существа обвинения, фамилии и имени, классового происхождения и социального положения, а также возраста осужденного. Приговор мог быть приведен в исполнение только в случае неполучения в течение 72 часов с момента вручения Верховному Трибуналу (Верховному Суду) посланного ему сообщения, распоряжения Верховного Трибунала (Верховного Суда) о приостановке приговора и истребования дела в порядке надзора. По УПК 1923 г. распоряжение о приостановлении приговора могло исходить и от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета или его Президиума. Кроме того, по УПК 1923 г. при подаче кассационной жалобы приговор не приводился в исполнение до рассмотрения жалобы в кассационной коллегии (ст. 450 УПК 1922 г. и ст. 442 УПК 1923 г.).

О политической ориентированности уголовного судопроизводства свидетельствовало и то, что порядок утверждения арестов, производимых органами Государственного Политического Управления, определялся особыми установленными правилами (примечание к ст. 104 УПК 1923 г.).

Несмотря на столь радикальные для настоящего периода меры, законы содержали и ряд правил, ориентированных на защиту личности от необоснованного или незаконного воздействия. Так, следователь не имел права домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер (ст. 139 УПК 1922 г. и ст. 136 УПК 1923 г.). Заключение под стражу в качестве меры пресечения могло быть назначено лишь по делам о преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения свободы, и лишь при наличии опасения, что обвиняемый скроется от следствия и суда, или же при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины. При этом в постановлении о заключении обвиняемого под стражу следователь обязан был указать, какие именно обстоятельства явились основанием к избранию в качестве меры пресечения заключения под стражу (ст. 161 УПК 1922 г. и ст. 158 УПК 1923 г.). Судья или прокурор, до сведений которого дошло, что в пределах его участка или района кто-либо содержится не в надлежащем месте заключения или не

в надлежащих условиях, обязан был принять меры к восстановлению законного порядка (ст. 7 УПК 1923 г.).

Все это нам напоминает о истинном назначении механизма уголовного судопроизводства и его политической ориентированности. А именно ориентированности по защите его средствами интересов в первую очередь общества и государства, а не отдельно взятой личности, как правило, подозреваемого (обвиняемого), а не потерпевшего.

Радченко Т. В.*[1]*,
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
подполковник полиции

Особенности привлечения эксперта к уголовной ответственности за заведомо ложное заключение

Расследование большинства уголовных дел сопровождается назначением и проведением той или иной судебной экспертизы. Заключение эксперта при этом выступает одним из доказательств по уголовному делу. Следовательно, как любое доказательство оно должно соответствовать требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. В целях соблюдения обозначенных критериев эксперт предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, о чем дает соответствующую подписку. Действующий УК РФ в ст. 307 наряду с иными участниками уголовного судопроизводства: свидетелем, специалистом, переводчиком, потерпевшим устанавливает ответственность эксперта за дачу заведомо ложного заключения или показаний.

Анализ судебной практики показывает, что случаи привлечения экспертов к уголовной ответственности носят единичный характер. Так, согласно официальной статистике, количество осужденных за

[1] © Радченко Т. В., 2018.

преступления по ст. 307 УК РФ относительно других составов преступлений против правосудия снижается из года в год: с 20 % в 2011 г.[1] до 7,7 % в первом полугодии 2017 г.[2]

Следует отметить, что указанные показатели свидетельствуют не только о высоком уровне правосознания большинства экспертов, но также и о высоком уровне латентности данного преступления. Доказать вину эксперта в даче ложного заключения невероятно сложно ввиду необходимости установления и доказывания признака «заведомости», т. е. заранее обдуманного, запланированного противоправного характера поведения при проведении экспертного исследования и составлении ложного заключения. По мнению Р. С. Белкина, дача заведомо ложного заключения может выражаться в «сознательном игнорировании или умалчивании при исследовании существенных фактов и признаков объектов экспертизы, в искаженном описании этих фактов и признаков, заведомо неправильной их оценке или заведомо неверных действиях и операциях по их исследованию, умышленно неверному выбору экспертной методики или ее применению»[3].

Добросовестный эксперт, серьезно воспринимающий предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, проведет качественное, полное и объективное исследование с соблюдением всех требований методики и сроков ее проведения. Текст заключения, лишенный внутренних противоречий, будет понятен любому читающему, а при необходимости эксперт сможет дать показания, в которых разъяснит содержание заключения в любой его части.

---

[1] Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2011 г. из формы № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б.м.], 2009–2017 // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 23.03.2017).

[2] Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 1 полугодие 2017 г. из формы № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б.м.], 2009–2017 // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 23.03.2017 г.).

[3] Белкин Р. С. Курс криминалистики: Частные криминалистические теории. В 3 т. Т. 2. М., 1997. С. 322.

Но возможна и ситуация, когда эксперт будучи коррумпирован, реализуя умысел на получение вознаграждения за экспертное заключение определенного рода, находясь в преступном сговоре с лицом, назначившим экспертизу или иным участником процесса, сможет составить экспертное заключение практически любого содержания, не рискуя быть изобличенным в злоупотреблениях. При этом значимость предупреждения об уголовной ответственности будет довольно низка в силу того, что действующая нормативная регламентация назначения и производства экспертиз, судебно-экспертная практика исключают какой-либо внешний профессиональный контроль за качеством проведенных исследований. Даже если впоследствии будет установлена ложность выводов эксперта при проведении, например, повторной экспертизы, доказать факт «заведомости» будет практически невозможно. Эксперт, по сути давший заведомо ложное заключение, всегда сможет объяснить свои действия профессиональной ошибкой и понести в худшем случае лишь дисциплинарную ответственность.

Уходу от ответственности способствует также и примечание к ст. 307 УК РФ, согласно которому эксперт подлежит освобождению от уголовной ответственности, если в ходе предварительного расследования или в суде заявит о ложности данного им заключения или показаний. По мнению ряда исследователей[1], признание экспертом ложности данного им заключения является «существенным, но недостаточным для оказания реальной помощи суду». Поэтому они предлагают дополнить вышеназванное примечание указанием о необходимости дачи правдивого заключения этим же экспертом. Такая позиция, на наш взгляд, представляется достаточно спорной. Более обоснованным, учитывая степень общественной опасности данных деяний и возможные последствия, которые они могут повлечь, было бы исключение из примечания к ст. 307 УК РФ вообще возможности освобождения эксперта от уголовной ответственности в связи с добровольным признанием в совершенном преступлении. Более целесообразным было бы признание подобного поведения одним из смягчающих обстоятельств по делу.

Кроме того, диспозиция ст. 307 УК РФ содержит указание на возможность совершения экспертом преступных действий как на стадии

[1] Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 303.

предварительного расследования, так и в суде. Однако из сферы правового регулирования полностью исключена деятельность эксперта при производстве экспертизы, назначаемой в рамках проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации за время своего действия несколько раз претерпевало изменения в части объема полномочий лиц, проводящих проверку сообщений о преступлениях.

Так, в период с июля 2002 г. по июнь 2007 г. в УПК РФ содержалось положение, позволяющее назначить экспертизу в стадии возбуждения уголовного дела, а точнее, вынести постановление о ее назначении до получения обязательного на тот период согласия прокурора на возбуждение уголовного дела. Однако, в ст. 144 УПК РФ, предусматривающей порядок проверки о свершенном или готовящемся преступлении, о возможности назначения и производства экспертизы не упоминалось. Поскольку промежуток времени между вынесением постановления о возбуждении уголовного дела и назначении экспертизы и получением согласия прокурора на возбуждение уголовного дела был очень незначительным, то в реальности экспертизы проводились по уже возбужденным уголовным делам, а если дело не возбуждалось, то постановления о назначении экспертизы было ничтожно. Таким образом, сколько-нибудь существенных изменений в практику назначения и производства экспертиз принятие нового УПК 2001 г. не внесло. В 2007 г. возможность назначения судебной экспертизы на этапе возбуждения уголовного дела была исключена.[1] Изменения, внесенные в УПК РФ в 2013 г.[2] вновь расширили полномочия лиц, ведущих проверку сообщений о преступлениях в стадии возбуждения уголовного дела. В новой редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ были закреплены все этапы комплексного процессуального действия под

[1] Федеральный закон № 87-ФЗ от 05.06.2007 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24, ст. 2830.

[2] Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9, ст. 875.

названием «назначение и производство экспертизы»[1]. Лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, получило право «назначить судебную экспертизу», «принимать участие в ее производстве», «получать заключение эксперта в разумный срок».

Таким образом, обновленная норма процессуального законодательства заставила обратить внимание на точность формулировки диспозиции ст. 307 УК РФ о заведомо ложном заключении или показании эксперта при производстве предварительного расследования. По смыслу уголовного закона до начала предварительного расследования эксперт не может быть предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения или показаний, и соответственно, его возможная противоправная деятельность лежит вне пределов действия названного законодательства.

В ч. 1^1 ст. 144 УПК РФ предусмотрено разъяснение прав и обязанностей участникам соответствующих процессуальных действий, производимых в ходе проверки сообщения о преступлении. К числу таких участников относится и эксперт, но об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения специально ничего не сказано, поскольку, возможно, по логике законодателя на производство экспертизы до возбуждения уголовного дела должны распространяться все правила обычного назначения и производства экспертиз в порядке ст. 27 УПК РФ. Однако прямо об этом закон не говорит, и имеющие противоречия продолжают оставаться.

В этой связи возникает необходимость в устранении указанного пробела уголовного законодательства и внесении дополнений в ст. 307 УК РФ указанием о привлечении эксперта за дачу заведомо ложного заключения не только при производстве предварительного расследования или в суде, но и при проверке сообщения о преступлении.

---

[1] Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 47; Иванов Д. А. Назначение и производство судебно-психологической экспертизы с целью установления факта преступного причинения морального вреда // В сборнике: Актуальные вопросы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений сборник научных трудов межвузовской конференции / под ред. М. И. Пилякина. 2018. С. 33–35.

Садиокова У. В.*[1]*,
старший преподаватель кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России
подполковник полиции

О продлении срока предварительного следствия

Вносимые в УПК РФ за последнее десятилетие изменения характеризуются совершенствованием регламентации полномочий руководителя следственного органа и прокурора.

Среди наиболее значимых – предоставление Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ руководителю следственного органа полномочия продления срока предварительного следствия (чч. 4 и 5 ст. 162 УПК РФ), что в уголовно-процессуальном законодательстве было сделано впервые.

94,2 % опрошенных следователей и 96,7 % руководителей следственных органов, независимо от ведомственной принадлежности, положительно оценили передачу рассматриваемого полномочия руководителю следственного органа[2]. По их мнению, наделение им последнего обосновано и объективно сократило временные затраты, существенно упростив порядок продления срока следствия.

Между тем в научной литературе высказываются суждения, что влияние ведомственных интересов на ход и результаты расследования не может позволить руководителям следственных органов объективно решать вопрос о продлении срока следствия. Такое утверждение основано на результатах проведенных опросов, согласно которым 90,5 % опрошенных Е. А. Новиковым следователей не встречали случаи отказа в продлении[3].

Однако высокий процент удовлетворения ходатайств о продлении срока следствия объясняется, главным образом, не ведомственными

---

[1] © Садиокова У. В., 2018.

[2] Автором проанкетированы 87 руководителей следственных органов и 232 следователя органов предварительного следствия в системе МВД России, СК РФ, ФСБ России, ФСКН России (упразднена).

[3] Новиков Е. А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты : дис. … канд. юрид. наук. С. 111.

интересами. Обязательность их удовлетворения обусловлена реализацией принципа полного, всестороннего и объективного расследования по уголовному делу независимо от субъективного или объективного характера причин невозможности окончания следствия в установленные законом сроки. Именно поэтому до внесенных изменений в порядок продления срока следствия прокуроры также в подавляющем большинстве обращений удовлетворяли ходатайства следователей (из 766 заявленных ходатайств прокурорами удовлетворено 760)[1].

Одновременно руководителями следственных органов на федеральном уровне приняты меры по усилению ведомственного контроля по уголовным делам, расследуемым свыше двухмесячного срока, предписывающие обязательность рассмотрения фактов продлений на оперативных совещаниях и применения мер дисциплинарного воздействия при установлении нарушений законности, волокиты и других недостатков и т. п. (например, приказ Следственного департамента МВД России от 12 декабря 2012 г. № 64 «Об утверждении инструкции по организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств об установлении и продлении сроков предварительного следствия, содержания обвиняемых под стражей и домашнего ареста по уголовным делам, находящимся в производстве следователей органов внутренних дел»). Это свидетельствует о сохранении особого внимания руководителей следственных органов к проблеме соблюдения процессуальных сроков следствия. Следует иметь в виду и тот факт, что решения, принимаемые руководителем следственного органа, являются объектом процессуального контроля руководителя вышестоящего следственного органа и прокурорского надзора.

Оценивая целесообразность передачи рассматриваемого полномочия руководителю следственного органа, с учетом изложенного и наряду с признанием приведенных выше доводов практических работников об упрощенности порядка продления сроков следствия и сокращении временных затрат (что крайне весомо) важно также отметить следующее:

---

[1] Ведомственный процессуальный контроль в системе предварительного следствия органов внутренних дел / под ред. Н. И. Кулагина, П. В. Лементы. Краснодар, 2001. С. 119; Иванов Д. А. Значение прокурорского надзора за деятельностью следователя, дознавателя по возмещению причиненного преступлением вреда // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 132–135.

во-первых, руководитель следственного органа отвечает за результаты расследования и следственного подразделения в целом, поэтому заинтересован в осуществлении эффективного контроля за соблюдением установленных сроков следствия;

во-вторых, в целях обеспечения объективного подхода и особого внимания к проблеме процессуальных сроков со стороны руководства предварительным следствием, функция контроля за сроками следствия по уголовным делам, находящимся в производстве свыше трех месяцев, законодателем передана руководителям следственных органов на уровне субъектов Российской Федерации;

в-третьих, возложение ответственности на руководителя следственного органа за законность и обоснованность продления сроков следствия и в целом расследования преступлений способствует выполнению одной из задач дифференциации полномочий руководителя следственного органа и прокурора – укреплению процессуальной самостоятельности органов предварительного расследования.

Статистические данные за первые два года после внесенных изменений в уголовно-процессуальный закон свидетельствовали о наметившейся в структуре МВД России тенденции сокращения количества уголовных дел, оконченных в срок свыше двух месяцев (2006 г. – 15,9 %; 2007 г. – 14,5 %; 2008 г. – 14,2 %). Однако стабилизировать сокращение их количества и удельного веса в последующие годы не удалось. Следует отметить, что тенденция ухудшения процессуальных сроков в других ведомствах, согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, наметилась изначально.

В то же время связывать рост количества уголовных дел, оконченных в срок свыше двух месяцев, только с передачей полномочия по их продлению руководителю следственного органа, представляется, неверным. К примеру, резкий рост в 2010 году (МВД) обусловлен значительным увеличением количества возобновленных уголовных дел (на 64,7 % АППГ) и составило 51,9 % от их числа (65580 из 126461). Сформировавшаяся тенденция обусловлена многочисленными факторами, требующими самостоятельного комплексного исследования.

Свидетельством этому также служит и ежегодно проводимый анализ причин длительного расследования уголовных дел руководством следственных органов, согласно которому в большей части оно обусловлено объективными причинами. Так, по данным Следственного департамента МВД России, основными причинами продления сроков следствия свыше 12 месяцев являются: выполнение большого объема

следственной работы; длительное ознакомление обвиняемых с материалами уголовного дела; длительное производство судебных экспертиз; возвращение уголовных дел на дополнительное расследование. Приведенные данные объективно подтверждаются и проведенными в этом направлении научными исследованиями[1].

В современных условиях с учетом существенного усложнения предварительного следствия и увеличения количества находящихся в производстве уголовных дел, а также эпизодов преступной деятельности и соучастников преступлений, с одной стороны, и требований уголовно-процессуального закона о соблюдении разумного срока расследования (ст. 6.1 УПК РФ), Постановления Пленума Верховного суда от 29 марта 2016 г. № 11, определяющего разумный срок производства по уголовному делу в 4 года – с другой, требуется, прежде всего, пересмотр первоначального срока следствия, определяемого в УПК РФ, о чем указывает в своих публикациях профессор Б. Я. Гаврилов[2].

[1] Моругина Н. А. Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения : дис. … канд. юрид. наук. М, 2010. С. 76; Пушкарев В. В. Формирование понятия и концепции уголовного преследования (обвинения) // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 56–59; Арестова Е. Н., Артёмова В. В., Батюк В. И. и др. Предварительное следствие : учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция». М., 2017. С. 534.

[2] Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. 15 лет УПК РФ – мифы и реалии досудебного производства // Академическая мысль. Электронный журнал Академии управления МВД России. – 2017. – № 1. – С. 100–111.

***Нгуен Ван Тиен*[1],**
адъюнкт 3 курса факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве Социалистической Республики Вьетнам: особенности и цели

В уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам (далее – СРВ) одной из действенных мер, предусматривающих обеспечение гражданского иска, является наложение ареста на имущество (ст. 115, 115[1], 116 УПК РФ; ст. 128, 129, 130, 436, 437 УПК СРВ). Как показывает анализ, наложение ареста на имущество в обоих государствах в целом схоже по своей сущности и характеру, осуществляется в установленном законом порядке уполномоченными субъектами и в определенных целях.

Так, деятельность государственных органов и должностных лиц уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество осуществляется в целях обеспечения наказания в виде штрафа, конфискации имущества или возмещения вреда, причиненного преступлением (ст. 128, 129 УПК СРВ). Следует отметить, что, в отличие от Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство СРВ цель данного процессуального действия определяет косвенно, указывая ее в качестве одного из условий применения (ч. 1 ст. 128 УПК СРВ).

[1] © Нгуен Ван Тиен, 2018.

На наш взгляд, особенностью правового института «наложение ареста на имущества» является его многофункциональный, многоотраслевой и комплексный характер[1], определяющий уголовно-процессуальную деятельность по обеспечению возмещения (компенсации) вреда потерпевшему (гражданскому истцу), а также государству, защищающему как частные, так и публичные интересы, в том числе изымающему имущество в собственный доход в качестве уголовно-правового наказания и оплаты судебных издержек.

Анализ указанных целей показывает, что данный правовой институт решает различные задачи уголовного судопроизводства, которые позволяют выделить самостоятельные направления этой деятельности. Так, наложение ареста на имущество является, во-первых, частью правового института, связанного с гражданским иском в уголовном судопроизводстве и, соответственно, с возмещением вреда, причиненного в результате преступления физическому и юридическому лицу. Однако если гражданский иск по каким-либо причинам не заявлен, то должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, не имеют необходимых оснований для производства данного процессуального действия.

Изучение уголовных дел, расследованных органами, осуществляющими уголовное судопроизводство в СРВ, показывает, что наложение ареста на имущество применяется в качестве меры обеспечения гражданского иска в 46 % случаях. О распространенности данного процессуального действия указывают 29,9 % опрошенных лиц. Вместе с тем, следует отметить, что в Российской Федерации наложение ареста на имущество в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, применяется гораздо чаще, чем иные меры

[1] См.: Булатов Б. Б., Дежнёв А. С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 2 (61). – С. 18–24; Иванов Д. А. Арест на имущество – средство борьбы с коррупционными преступлениями и процессуальный инструмент возмещения вреда, причиненного уголовно-наказуемыми деяниями // В сборнике: Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: научное электронное издание. 2017. С. 108–112.

уголовно-процессуального принуждения, и об этом свидетельствуют 78,9 % опрошенных респондентов[1].

Во-вторых, это превентивно-обеспечительная мера, применяемая для ограничения права собственности (иного вещного права) в случаях, когда уголовным законодательством в качестве меры уголовного наказания предусмотрены конфискация имущества или судебный штраф.

Следует отметить, что ст. 104^1, 104^2, 104^3 УК РФ не только определяют перечень имущества, подлежащего конфискации (ч. 1 ст. 104^1 УК РФ), но и условия применения этой меры процессуального принуждения, а также порядок ее применения при возмещении вреда потерпевшему. Уголовно-процессуальное законодательство СРВ, несмотря на то, что также ссылается на положения уголовного закона[2], нуждается в совершенствовании, так как перечень и размер имущества, на которое может быть наложен арест, в случае возможной конфискации, определяется в результате субъективного усмотрения органов (должностных лиц), осуществляющих уголовное судопроизводство. В соответствии со ст. 45 УК СРВ, конфискации подлежит как часть, так и все имущество, принадлежащее осужденному[3]. При этом критерием оценки служат бытовые условия проживания будущего осужденного и его семьи. По нашему мнению, в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство СРВ целесообразно внести положения, запрещающие накладывать арест на то имущество, которое необходимо для проживания одного человека и семьи в целом.

---

[1] Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 125.

[2] Например, ст. 45 УК СРВ определяет конфискацию имущества как изъятие части или всего имущества, принадлежащего осужденному в целях внесения в государственный бюджет. Конфискация имущества применяется только относительно лиц, осужденных за тяжкие преступления или преступления особо тяжести и тяжкие преступления против государственной безопасности, преступления, связанные с наркотиками, коррупционные или другие преступления, предусмотренные
УК СРВ.

[3] Следует отметить, что в Гражданском исполнительном кодексе СРВ отмечается, что запрещено изымать продовольствие, лекарства, рабочие инструменты, предметы общей потребности, ритуальные предметы.

На наш взгляд, направленность на конфискацию имущества или судебный штраф, несмотря на их схожие сущность, имеет существенные различия. Как правило, эти отличия связаны с характером применения наложения ареста на имущество в целях обеспечения уголовного наказания в виде штрафа, отсутствием установленной процедуры принудительного взыскания денежных средств, наличием различных условий при принятии решения о применении данной меры процессуального принуждения[1]. В связи с этим представляется целесообразным в качестве самостоятельного направления наложения ареста на имущество выделить обеспечение применения меры уголовного наказания в виде судебного штрафа.

Самостоятельным направлением наложения ареста на имущество является обеспечение сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу. Реализация данного направления позволяет использовать такой способ возмещения вреда, причиненного преступлением, как возмещение потерпевшему (гражданскому истцу) признанного вещественным доказательством похищенного имущества (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ; п. «а», «б» ч. 3 ст. 106 УПК СРВ).

Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство СРВ, регламентируя вопросы реализации указанной цели, использует положения различных ведомственных актов, регламентирующих порядок изъятия, хранения и реализации изъятого имущества. К таким актам следует отнести межведомственные приказы Верховного Народного Суда, Генеральной народной прокуратуры, Министерства общественной безопасности, Министерства финансов, Министерства юстиции № 6 от 24 декабря 1998 г. «О судебной практике сохранения и обработки имуществ, являющихся доказательствами и имуществом, подлежащих наложению при аресте в процессе расследования и раскрытия преступления»[2] и от 24 апреля 1984 г. «О судебной практике изъятия, сохранения и обработки доказательств и имуществ, подлежащих аресту в уголовном деле»[3].

---

[1] См.: Волынская О. В., Федоров М. И. Правовые особенности применения ст. 115 УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 20.

[2] URL: http://www.moj.gov.vn/pages/vbpq.aspx.

[3] URL: https://thuvienphapluat.vn/.

На наш взгляд, еще одной целью наложения ареста на имущество является обеспечение имущественных взысканий в виде процессуальных издержек[1]. Следует отметить, что осуществление таких имущественных взысканий для обеспечения процессуальных издержек, регулируется ст.ст. 131 и 132 УПК РФ. В уголовно-процессуальном законодательстве СРВ имущественные взыскания в виде процессуальных издержек предусмотрены ст.ст. 135 и 136 УПК СРВ. В связи с этим представляется целесообразным в уголовно-процессуальном законодательстве СРВ при производстве наложения ареста на имущества указать на ограничение имущественных прав собственников или иных лиц в целях обеспечения других имущественных взысканий. Для этого в ч. 1 ст. 128 УПК СРВ после слова «штрафа» поставить запятую и дополнить словами: «других имущественных взысканий».

Уголовно-процессуальное законодательство СРВ выделяет еще одно самостоятельное направление, связанное с применением к юридическому лицу принудительных мер в целях ограничения его права на пользование, владение и распоряжение имуществом. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 436 УПК СРВ, следственный орган, орган, осуществляющий следственные действия, прокурор, суд, при необходимости обеспечения наказания в виде штрафа, конфискации имущества или возмещения вреда, причиненного преступлением, вправе применить к юридическому лицу, в отношении которого возбуждено, расследуется либо рассматривается уголовное дело, осуществляется уголовное преследование, такие принудительные меры, как: 1) опись имущества юридического лица, связанного с преступленным действием (п. «а» ч. 1 ст. 436, ст. 437 УПК СРВ); 2) наложение ареста на имущество юридического лица, связанного преступленным действием (п. «б» ч. 1 ст. 436, ст. 438 УПК СРВ); 3) временное приостановление деятельности, связанной с преступленными действиями юридических лиц (п. «в» ч. 1 ст. 436, ст. 439 УПК СРВ); 4) денежное взыскание в целях обеспечения исполнения приговора (п. «г» ч. 1 ст. 436, ч. 2 ст. 439 УПК СРВ). Во всех случаях полномочия должностных лиц органов уголовного судопроизводства, а также процессуальный порядок их производства регламентируются положениями, предусмотренными ст. 128 УПК СРВ.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве СРВ следует выделить несколько различных целей наложения ареста на

[1] См.: Тутынин И. Б. Наложение ареста на имущество как способ взыскания процессуальных издержек // Законодательство. – 2007. – № 4. – С. 23.

имущество, определяющих разноплановые направления в деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство: 1) возмещение вреда, причиненного в результате преступления, в рамках заявленного гражданского иска; 2) обеспечение возможной конфискации в качестве меры уголовного наказания; 3) обеспечение применения меры уголовного наказания в виде судебного штрафа; 4) обеспечение имущественных взысканий в виде процессуальных издержек; 5) обеспечение сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу; 6) ограничение права юридического лица на пользование, владение и распоряжение имуществом.

Попенков А. В.*[1]*,
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
майор полиции

Регулирование труда адвоката, представляющего интересы по назначению органов предварительного расследования, как гарантия обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту

Изменение государственного устройства, произошедшее после распада Советского союза, привело к кардинальным изменениям многих отраслей общественной жизни, в том числе системы адвокатуры страны. Претерпевая различные изменения, советская система адвокатуры в известном смысле была сформирована лишь к концу 70-х годов. В Конституции 1977 г.[2] содержалась статья о коллегии адвокатов (ст. 161), в которой адвокатура официально признавалась конституционным органом. С другой стороны, в этом качестве она становилась в большей степени государственным делом, нежели независимой профессией. В Законе РСФСР «Об адвокатуре»[3], принятом после одобрения всесоюзного закона в 1979 года, достаточно четко определялись новые права и обязанности адвокатов. Данный документ одновременно не только предоставлял адвокатуре большую легитимность, но и подчеркивал ее зависимость от Министерства юстиции. Коллегии адвокатов рассматривались как «общественные организации», но они могли быть образованы только с одобрения местных государственных органов и республиканского Министерства юстиции. Защита прав подозреваемых и обвиняемых позиционировалась как вспомогательный элемент социалистического строительства. Согласно действовавшим в тот период времени нормам, адвокатура в СССР содействовала охране прав и законных интересов граждан и организаций, осуществлению правосудия, соблюдению и укреплению

---

[1] © Попенков А. В., 2018.

[2] См.: Конституция СССР 1977 г. ст. 161.

[3] См.: Закон «Об адвокатуре в СССР» от 30 ноября 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. – № 49, ст. 846.

социалистической законности, воспитанию граждан в духе точного и неуклонного исполнения советских законов; бережному отношению к народному добру, соблюдению дисциплины труда, уважению к правам, чести и достоинству других лиц, к правилам социалистического общежития[1].

Одним из важных элементов деятельности адвокатов того времени было определенное государственное регулирование, выражавшееся в том числе в государственном определении численности адвокатов на количество населения, контроля и учета ведущихся ими дел, дополнения их профессиональных обязанностей различными видами правовой пропаганды необходимости соблюдения социалистической законности среди населения и пр.

Произошедшие в начале 90-х годов социально-политические изменения, связанные, в том числе с появлением рыночной экономики, не могли не сказаться на деятельности адвокатских образований. Коллегии адвокатов, выведенные из-под «крыла» государства, взяли курс на обогащение посредством оказания платных юридических услуг, руководствуясь в первую очередь своими коммерческими интересами, превратив институт адвокатуры в новой России, по сути, в саморегулируемую организацию.

Безусловно, если речь идет о договорных обязательствах, адвокаты и адвокатские образования вольны в подходе по осуществлению защиты своих клиентов, однако коммерческая составляющая коснулась и осуществления защиты подозреваемых и обвиняемых в порядке ст. 51 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации[2]. Учитывая мизерность оплаты труда адвоката из государственного бюджета, многие из защитников, работающих по назначению органов предварительного расследования, решили перевести свой труд из качественного в количественные показатели. По данным Федеральной адвокатской палаты России[3] за 2017 год, адвокатам, работающим по назначению МВД России, было выплачено 700 млн руб. за участие в уголовных делах по назначению. Эти данные позволяют произвести несложные расчеты, для определения трудозанятости в

---

[1] Закон «Об адвокатуре в СССР» от 30 ноября 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. – № 49, ст. 1.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018). Далее – УПК РФ.

[3] МВД расплачивается за защиту // Коммерсант URL: https://www.kommersant.ru/doc/3181178 (дата обращения: 09.04.2018).

данном направлении. Согласно реестру адвокатской палаты, в Москве зарегистрировано более 6 тыс. адвокатов[1], а в соответствии с законодательством оплата одного дня участия в следственных действиях оплачивается по стандартному тарифу – 550 рублей/день. Количество рабочих дней в 2017 году составило 247. Таким образом, мы получаем следующую формулу: $T = a \div b$, где T – сумма выплат одному адвокату, участвовавшему по назначению органов предварительного расследования за год; a – общая сумма выплат адвокатам за 2017 г; b – количество зарегистрированных в Москве адвокатов; $R = T \div d$, где R – количество следственных дней на одного адвоката; T – сумма выплат одному адвокату, участвовавшему по назначению органов предварительного расследования за год; d – государственная ставка оплаты одного дня участия адвоката по назначению.

Так мы приходим к выводу: все адвокаты города Москвы, чтобы освоить все указанные выше бюджетные деньги, должны работать исключительно по назначению следователя или дознавателя – 210 из 247 рабочих дней в году, т. е. 9/10 своего времени. При этом, что далеко не все из официально заявленных шести тысяч адвокатов имеют действующий статус, а имеющие его, в свою очередь, занимаются не только уголовной, но и гражданской, семейной, земельной и иной специализацией, и, в конце концов, далеко не все адвокаты работают по назначению органов предварительного расследования. В связи с этим можно прийти к выводу, что адвокаты, осуществляющие защиту по назначению, как правило, формально создают видимость своего участия в уголовном деле, не выполняя в полном объеме возложенные на них обязанности по защите граждан. Кроме того, в нашу формулу не вошли аналогичные данные Следственного комитета и следственного аппарата ФСБ России, где все те же адвокаты, также участвуют по уголовным делам.

В изучении ряда уголовных дел[2] принимали участие защитники по назначению следователя (как правило, одни и те же). Адвокат, работающий исключительно по назначению в трех различных следственных органах или подразделениях дознания, способен ежедневно

---

[1] Адвокатская палата Москвы: адвокатские образования // URL: http://www.advokatymoscow.ru/obrazovaniya/reestr_obrazov.php (дата обращения: 09.04.2018).

[2] По данным статистики СУ УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве в 2017 году // Аналитические данные контрольно-методического управления ГСУ ГУ МВД России по г. Москве за 2017 год.

участвовать в 3–4 следственных действиях по различным делам. Такая ситуация слишком негативно сказывается на качественном уровне оказания профессиональной юридической помощи своим подзащитным, поскольку адвокат начинает руководствоваться не интересами подзащитного, а калькуляцией своей материальной выгоды.

В настоящее время количество предельной нагрузки и планирование рабочего времени – личное дело каждого адвоката, в зависимости от его компетентности и профессионализма, но далеко не всегда на деле это обязательно к исполнению. Кроме того, подобный подход адвоката к своим обязанностям ведет к пропускам следственных действий, опозданиям и прочим накладкам, что, в свою очередь приводит к нарушению прав своего подзащитного[1].

Решение данной проблемы видится автору в государственном регулировании максимального количества обязательств, взятых на себя адвокатом. При этом подобные ограничения уже имеют место. Так, например, адвокат не вправе осуществлять защиту по назначению не в своем регионе регистрации[2]. Назначение адвоката органами предварительного расследования является важным элементом государственной защиты граждан и реализации конституционного принципа права на защиту. Следовательно, государство заинтересовано не только в обеспечении самого принципа, но и в качестве его реализации на практике, обеспечивая должный уровень защиты прав и законных интересов всех социальных слоев населения.

---

[1] См.: Клещина Е. Н. О тенденциях развития предварительного следствия // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2016. – № 3 (39). – С. 31–35.

[2] См.: Есина А. С., Жамкова О. Е., Борбат А. В. Как правильно понимать новые правила о вступлении адвоката в уголовное дело? // Российский следователь. – 2017. – № 20. – С. 17–21.

Мозговая Д. А.*[1]*,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
подполковник полиции;
Таранина Е. И.*[2]*,
курсант 336 учебного взвода факультета подготовки
специалистов в области информационной безопасности
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
рядовой полиции

Использование дактилоскопических учетов сотрудниками следственных подразделений

При совершении преступлений ключевую информацию несут материальные следы, к числу которых относятся папиллярные узоры пальцев рук. Впервые в России о дактилоскопии упоминается в 1892 г. в статье «Отпечатки рук и их значение в судебной практике», где описывались свойства папиллярных узоров, способы их выявления и механизм образования. Первая дактилоскопическая экспертиза, проведенная в Санкт-Петербурге по делу об убийстве в Харламовской аптеке, датирована 1912 годом.

Говоря о современном состоянии дактилоскопии, стоит отметить, что в России действует Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», в котором обозначены цели, виды и основные принципы ее проведения, а также установлены требования хранения, использования и обработки криминалистически значимой информации. Анализ нормативного правового акта позволил выделить следующие категории лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации: военнослужащие; представители иных силовых ведомств; граждане, чья профессия связана с риском для жизни; лица,

[1] © Мозговая Д. А., 2018.
[2] © Таранина Е. И., 2018.

не способные по состоянию здоровья сообщить сведения о своей личности; иностранные граждане, неопознанные трупы. В особую категорию следует выделить лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных за совершение преступлений, подвергнутых административному аресту и совершивших административное правонарушение. Нельзя не согласиться с тем, что информация, получаемая в ходе регистрации, является значимой для раскрытия и расследования преступлений. В этой связи обоснована оптимизация процесса установления личности по следам рук. Для этого в органах внутренних дел созданы все условия, осуществляется ведение автоматизированных дактилоскопических учетов. В целом, система криминалистической регистрации состоит из отдельных видов централизованных учётов, в основу которых положены признаки, по которым можно провести идентификацию.

Согласно п. 3 Приложения № 3 к приказу МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», допускается формирование и ведение учета в виде электронных баз данных. При этом автоматизированный режим ведения учета осуществляется с использованием централизованной интегрированной автоматизированной дактилоскопической информационной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (ЦИАДИС-МВД). В п. 9 указанного приказа обозначена информация об объектах, подлежащих обязательной постановке на экспертно-криминалистический учет, где первым пунктом значатся следы рук неустановленных лиц, изъятые с мест преступлений.

В процессе предварительного расследования следователь (дознаватель) зачастую сталкивается со следственной ситуацией, когда личность преступника не установлена, но имеются следы, указывающие на него. Налицо дефицит информации, обеспечивающей полноту и объективность расследования. Содействие в отыскании недостающей информации оказывают криминалистические учеты, в том числе дактилоскопический. В соответствии с п. 4 вышеназванного приказа в число лиц, ответственных за формирование учетов и достоверность указанной в них информации, включены следователи.

В Российской Федерации с начала 2000-х годов применяется «автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система «Папилон» (АДИС «Папилон») – модульная, масштабируемая си-

стема для автоматизации процессов регистрации, обработки, сравнения и отождествления дактилоскопической информации и создания дактилоскопических банков данных любого объема и различной целевой направленности[1]».

Рассматриваемая система позволяет создать и импортировать электронные дактилоскопические карты при помощи установки «Живой сканер» с использованием бескраскового метода, проводить оперативные проверки в режиме реального времени непосредственно с места происшествия, изымать невидимые и слабовидимые следы, исключая возможность их порчи, пополнять массивы дактилокарт.

Подтверждением положительного опыта раскрытия преступлений с использованием криминалистических учетов является уголовное дело 1-497/2015. По результатам проверки папиллярных узоров пальцев рук, изъятых с места происшествия, по дактилоскопическому учету АДИС «Папилон» была установлена причастность гражданина к совершению преступления, предусмотренного п. «а», «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Данное доказательство стало одним из оснований для постановления обвинительного приговора Преображенского районного суда г. Москвы[2].

Анализ статистических данных показывает, что за год в результате осмотров мест происшествия только в Москве в среднем изымается 15 тысяч следов рук.

Несмотря на то, что в настоящее время система дактилоскопических учётов содействует раскрытию преступлений, она нуждается в совершенствовании. Препятствием на пути развития является отсутствие единого новейшего программного обеспечения и различие в версиях установленных операционных систем, что не позволяет оперативно выполнять задачи, возложенные на органы внутренних дел.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин неоднократно выступал с инициативой обязательной

---

[1] Электронный журнал «Системы Папилон». – 2014. – май // URL: http://www.papillon.ru/files/file/booklets/adis_rus_04_2014_small(3).pdf?PHPSESSID=24b49e1b49e5223232e4ae1f78236b07 (дата обращения: 30.01.2018).

[2] РосПравосудие – судебная практика // URL: https://rospravosudie.com/court-preobrazhenskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-495597750/ (дата обращения: 15.02.2018).

дактилоскопической регистрации для всех граждан государства[1]. Препятствием на пути к принятию такого решения, по мнению ряда авторов, является то, что указанный процесс в основном воспринимается гражданами как один из видов уголовной регистрации[2]. Однако целью дактилоскопирования является не только содействие в расследовании и раскрытии преступлений, что, безусловно, является первостепенным, но и идентификация в случае чрезвычайных ситуаций. Мы считаем, что такое решение позволит опознать жертв авиакатастроф, природных и техногенных аварий, которые в современном мире, к сожалению, происходят довольно часто.

В свое время Федеральная миграционная служба[3] подготовила законопроект, в котором предложено установить минимальный возраст – 12 лет для детей иностранных граждан, подлежащих дактилоскопической регистрации. Полагаем, целесообразно проводить данную процедуру по достижении лицом 14 лет, поскольку с этого возраста наступает уголовная ответственность за некоторые составы преступлений. Также предлагается увеличить срок хранения дактилоскопической информации до достижения лицом 100 лет. Согласно действующему законодательству, такая информация подлежит уничтожению по достижению субъектом регистрации 80 лет.

Еще одной эффективной мерой совершенствования дактилоскопического учета, на наш взгляд, является ведение учета следов пальцев рук на федеральном уровне по всем категориям преступлений, не ограничиваясь тяжкими и особо тяжкими, что позволит осуществлять проверку не только в пределах одного субъекта Российской Федерации. Считаем, что такое решение увеличит объем получаемых сведе-

---

[1] Доклад Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ Александра Ивановича Бастрыкина на заседании итоговой коллегии Генеральной прокуратуры РФ // URL: http://www.papillon.ru/rus/169 (дата обращения: 20.03.2018).

[2] Холопова Е. Н., Костовский О. Н. О некоторых проблемах государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений: сб. статей по итогам всерос. науч.-практич. конф., Тюменский государственный университет. Тюмень, 2013. С. 92.

[3] В настоящее время – Главное управление по вопросам миграции. Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции».

ний и повысит число раскрытых преступлений. Кроме того, процедура обращения к криминалистическим учетам должна быть упрощена. За счет этого увеличится число лиц, пользующихся отраженной информацией. Но такое упрощение не должно создавать возможность утечки, несанкционированного копирования, блокирования и модификации информации.

Курилов С. И.*[1]*,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России
подполковник полиции

Проведение практических занятий с целью выработки навыков применения уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния

Подготовка высококвалифицированных юридических кадров для правоохранительных органов – одна из важнейших задач ведомственных образовательных организаций. Качество правоприменительной деятельности сотрудника во многом зависит от профессиональных знаний, умений и навыков, полученных в ходе обучения. На современном этапе правоприменительной деятельности необходимы молодые сотрудники с профессиональным правосознанием, умеющие работать в коллективе, обладающие хорошей теоретической подготовкой и практическими навыками. На приобретение обучающимся таких качеств оказывает влияние ряда факторов, среди которых важное место занимает процесс обучения, который должен быть активным[2]. Активной методикой обучения, на наш взгляд, может являться деловая игра. В качестве примера мы предлагаем методику проведения в

[1] © Курилов С. И., 2018.

[2] См.: Пушкарев В. В. Реализация практико-ориентированного подхода в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя при подготовке специалистов-следователей по расследованию экономических преступлений // В сборнике: Практическая направленность обучения как форма интегрированной подготовки специалистов для органов предварительного расследования. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 32–37; Иванов Д. А., Моисеев С. С., Попенков А. В. Применение комплексного криминалистического полигона в целях формирования практических навыков у курсантов ФПОСП при изучении практико-ориентированной учебной дисциплины «Деятельность оперативного сотрудника уголовного розыска в ходе досудебного производства по уголовному делу» в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя // В сборнике: Практическая направленность обучения как форма интегрированной подготовки специалистов для органов предварительного расследования. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 68–74.

рамках практических занятий деловой игры на тему: «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», которая представляет собой не только воспроизведение деятельности субъектов правоприменения, игровое моделирование ситуаций применения уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, но и позволяет ускорить формирование у обучаемых комплекса теоретических знаний, умений и навыков профессиональной деятельности, работы в коллективе, активизировать их познавательный процесс.

Целью проведения деловой игры на тему: «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» является отработка умений и навыков в применении систематизированных знаний о уголовно-правовых нормах, об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, теоретических и правовых основ их применения и реализации на современном этапе. Так как бесспорным является, то, что данные нормы решают задачу предупреждения преступлений и преследуют цель социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений, то, соответственно, каждый, кто применяет данные нормы, должен знать их условия правомерности, и что они стимулируют общественно полезное, активное, правомерное поведение лиц, совершающих или уже совершивших преступные деяния. Таким образом, на наш взгляд, является оправданным тот факт, что некоторые специалисты уголовного права справедливо относят указанные нормы к поощрительным нормам Общей части УК РФ[1]. Несомненно, хотелось бы отметить, что предупреждение преступлений по средствам применения поощрительных норм правильно считают уголовно-правовым предупреждением преступлений, под которым понимают «предупредительное воздействие уголовной ответственности и наказания и других средств уголовного закона на определенные криминогенные факторы, реализуемое в специальной деятельности ее субъектов»[2]. Одними из таких средств уголовного закона, по нашему мнению, и являются уголовно-правовые нормы, об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

---

[1] Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 592 с.

[2] Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 784 с.

Организация и проведение деловой игры возлагаются на преподавателя практического занятия. В его обязанности входят: подготовка раздаточного материала; общий инструктаж группы (подгрупп); принятие решений по количеству участников деловой игры; координация деятельности группы (подгрупп); осуществление наблюдения и контроля за ходом деловой игры; разрешение разногласий при наличии таковых в группе (подгруппах); подведение итогов деловой игры.

Нами предлагаются следующие правила игры. У руководителя деловой игры находятся материалы, предназначенные непосредственно как для него, так и для участников игры. Они представляют собой 20 листов заданий, содержащих в целом 3 вопроса и 17 утверждений. Каждый участник деловой игры берет по одному заданию (в случае, когда в группе 20 человек) и, соответственно, по 2–3 задания, когда число обучающихся в подгруппе составляет от 7 до 10 человек. Обучаемый может ознакомиться с содержанием листа-задания, озвучить его членам группы (когда она составляет 20 человек) или своей подгруппы (когда обучаемых 7–10 человек), однако не вправе передавать это задание другим обучающимся для ознакомления с ним.

Таким образом, участникам деловой игры в группе (подгруппах) предоставлено право делиться друг с другом информацией, определять количество вопросов в заданиях и их содержание, а также готовить на них ответы. Разрешается (рекомендуется) делать записи при ответах на вопросы, пользоваться Уголовным кодексом Российской Федерации. Тем самым важная роль в проведении деловой игры отводится работе обучающихся непосредственно в игровом коллективе.

Критериями оценки хода и результатов деловой игры будут являться: предметные знания темы; умение эффективно пользоваться Уголовным кодексом; умение выступать публично, излагать свои мысли и отстаивать собственную позицию, достойно себя вести; умение работать в коллективе, представлять его интересы.

На основании изложенного думается, что вышеуказанное направление совершенствования подготовки сотрудников для органов предварительного следствия будет являться эффективным и целесообразным в целях последующего применения полученных знаний в практической деятельности.

***Игнатова О. Н.*[1],**
начальник 1-го отдела Главного следственного управления
Главного управления МВД России
по Московской области
полковник юстиции

Основные тенденции развития института поручения следователя в уголовном судопроизводстве

Институт поручений в уголовном судопроизводстве уже значительный период времени имеет официальное закрепление в законе и на первый взгляд не претерпевает изменений со временем, не имеет проблем ни правового, ни прикладного характера. Однако, являясь инструментом борьбы с преступностью, уголовное судопроизводство в целом, в том числе и каждый его элемент, такой способ реализации полномочий органа предварительного расследования, как поручение, в частности, оттачивается правоприменительной практикой, которая, в свою очередь, трансформируется в условиях меняющейся структуры преступности.

Современное общество, находясь на пороге квантового скачка, достигло не имевшего ранее аналогов уровня развития экономики, науки и техники, чрезвычайно обширных коммуникативных возможностей, связанных с использованием сети Интернет и мобильных средств связи. Однако этот аспект общественной жизни имеет и отрицательные последствия, в том числе в виде появления и развития новых форм и видов преступности. «Являясь подсистемой общества, преступность развивается вместе с ним, усложняясь в структурном и качественном отношении», – отмечал Ю. И. Скуратов.[2]

Так, последние пять лет характеризуются прогрессивным ростом различного вида мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи, сети Интернет, в том числе в виде хищения безналичных денежных средств.

---

[1] © Игнатова О. Н., 2018.

[2] Развитие организованной преступности в России: системный анализ // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 638–648.

Курс нашего государства на обеспечение свободы экономической деятельности послужил причиной, безусловно, положительного появления многообразия бизнес-моделей, которое, однако, повлекло за собой развитие преступлений экономической направленности.

При изучении тенденций развития института поручений следователя представляет интерес классификация поручений по категории их исполнителя и содержанию поручения.

В соответствии с УПК РФ, следователь:

– уполномочен давать поручения органу дознания о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий (п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ);

– вправе поручить производство следственных действий следователю в случае необходимости производства следственных действий в другом, отличном от места совершения преступления, месте (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

По содержанию поручения подразделяются законодателем на следующие виды:

– о проведении оперативно-разыскных мероприятий;

– о производстве отдельных следственных действий;

– об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, т. е. поручения, содержащие обеспечительные задания.

Собственная следственная практика и последующий опыт изучения уголовных дел автора позволяет сделать вывод о том, что еще лет 20 назад достаточно широко применялись условно названные в данной статье «обеспечительными» отдельные поручения следователей органу дознания: участковым уполномоченным и подразделениям по делам несовершеннолетних о сборе характеризующих данных на подозреваемого-обвиняемого (получении характеристики с места жительства и работы, сведений о судимости).

Развитие коммуникативных технологий, в том числе создание разнообразных онлайн баз данных и обеспечение доступа к ним правоохранительных органов, фактически изжило необходимость направления таких поручений. Трудозатраты следователя на составление такого поручения аналогичны направлению собственноручного запроса, а временные затраты и срок ожидания результатов при пору-

чении существенно увеличиваются. Кроме того, существенное изменение общественного устройства, широкое распространение внутренней и внешней миграции населения, а также коренное изменение форм трудоустройства (распространение индивидуальной предпринимательской деятельности, фриланса) исключили из следственной практики целесообразность изучения личности путем запроса характеристик с места жительства и работы.

Пожалуй, к претерпевшим со временем минимальные трансформации следует отнести поручения о проведении разыскных мероприятий: установлении лиц, совершивших преступление, обстоятельств его совершения и местонахождение похищенного. Направление таких поручений и получение ответа входят в алгоритм обязательных мероприятий по уголовным делам о неочевидных преступлениях.

Поручения следователя о проведении конкретных следственных действий, напротив, серьезно изменились в настоящее время. Всеобщая тенденция к глобализации, развитие информационного пространства, с одной стороны, породили новые формы преступности, с другой – вывели преступность за пределы не только одного субъекта Российской Федерации, но и, порой, за ее территорию. В этих условиях институт поручения следователя (в частности, о проведении конкретных следственных действий) приобрел особую актуальность.

Так, повсеместное использование малоизвестных еще 20 лет назад средств мобильной связи в настоящее время является источником получения доказательств при расследовании каждого третьего преступления, и по каждому факту, когда мобильный телефон является предметом хищения или преступление совершено с его использованием. В соответствии со ст. 186.1 УПК РФ, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами является следственным действием, проведение которого допускается на основании судебного решения. Ч. 4 указанной статьи УПК РФ предусматривает возможность проведения данного следственного действия в срок до шести месяцев, при этом на организацию, осуществляющую услуги связи, возлагается обязанность предоставлять следователю информацию не реже одного раза в неделю. В соответствии с ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ представленные документы должны быть осмотрены следователем. Очевидно, что большое количество таких следственных действий и, зачастую, значительный объем полученной информации, подлежащей тщательному анализу, влечет за собой суще-

ственные временные затраты. Кроме того, создание в системе правоохранительных органов специальных подразделений, обладающих техническими возможностями и владеющих методикой анализа такого рода информации, предоставляет органам предварительного расследования возможность, с одной стороны, сократить сроки получения информации, а также работать лишь с информацией, представляющей интерес для расследования конкретного преступления. Таким образом, поручение следователя в данном случае можно рассматривать как некий эффективный способ разделения труда, при котором следователь освобожден от выполнения длительного по времени и объемного по количеству анализируемой информации следственного действия в пользу возможности заниматься процессуальной деятельностью, а орган дознания в ходе исполнения поручения осуществляет свои непосредственные полномочия.

Отмеченный выше фактор глобализации преступности, расширение ареала совершения преступлений послужили причиной существенного увеличения количества поручений, связанных с производством следственных или разыскных действий в другом месте. Отдельно необходимо отметить тот факт, что даже конкретное единичное преступление в настоящее время с объективной стороны зачастую имеет обширную географию. Так, в случае мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи, сети Интернет, а также хищений безналичных денежных средств, потерпевший в момент совершения преступления может находиться на расстоянии нескольких сотен или тысяч километров от лица, совершившего преступление. Более того, банковский счет, с которого произошло снятие денежных средств, может быть открыт в третьем месте, а снятие наличных произведено в четвертом. Очевидно, что в такой ситуации в настоящее время только институт поручений может обеспечить необходимую наступательность и эффективность расследования.

Количественное и качественное изменение практики поручения проведения следственных и иных процессуальных действий выявило некоторые проблемные вопросы, связанные, например, с пределами такого делегирования полномочий следователя. Круг процессуальных полномочий, которые следователь может поручить органу дознания или другому следователю, ограничен законом и не включает в себя принятие процессуального решения. Однако в результате легитимно проведенного следственного действия по поручению следова-

теля может возникнуть необходимость срочного принятия процессуального решения, например, задержания подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ. Анализ следственной практики свидетельствует о неоднозначном подходе к решению таких ситуаций. Совсем нередки случаи, когда в случае установления местонахождения на территории другого субъекта РФ, находящегося в розыске подозреваемого инициатор розыска делегирует своим коллегам из другой части России путем направления поручения свои полномочия по его задержанию в порядке ст. 91 УПК РФ и возбуждению перед судом ходатайства об избрании в отношении задержанного меры пресечения в виде заключения под стражу. Данный пример является ошибкой правоприменителя и нарушением пределов делегирования полномочий или вынужденной, обоснованной и легитимной мерой?

Рассматривая вопрос о тенденциях изменения института поручений следователя, связанных с необходимостью проведения следственных и иных процессуальных действий в отличном от места расследования преступления месте, нельзя оставить без внимания предусмотренную статьей 453 УПК РФ возможность внесения органом предварительного расследования запроса об их производстве на территории иностранного государства соответствующим компетентным органом или должностным лицом.

Несмотря на то, что законодателем по этой причине данный способ реализации полномочий следователя выделен в отдельную часть 5 УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», не отнеся такие запросы к поручениям следователя, по своей природе, сущности и цели эти институты имеют много общего.

В настоящее время направление компетентным органам иностранного государства запросов о производстве отдельных, перечисленных в УПК РФ, следственных и иных процессуальных действиях, уже не ограничивается кругом уголовных дел о трансграничных преступлениях. Увеличение количества преступлений, совершенных мигрантами, количества граждан РФ, совершивших преступление на территории нашего государства и скрывшихся от следствия и суда за его пределами, а также расширение возможностей для вывода полученных в результате совершения преступлений денежных средств за рубеж, развитие оффшорных территорий являются причиной ежегодного увеличения количества таких запросов.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что эффективность института поручений следователя как инструмента распределения нагрузки, соблюдения разумных сроков расследования, повышения качества следствия положительно зарекомендовала себя как на практике, так и в научных исследованиях[1]. Однако данный способ реализации полномочий следователя в условиях его развития, трансформации целей и задач, требует переоценки, дополнительного научного изучения и совершенствования регулирования законодателем.

[1] Захарова В. О. «Использование инструментов делегирования в следственной деятельности (на примере развития института следственных поручений)» // «Расследование преступлений: проблемы и пути их решения» // Московская академия Следственного комитета Российская Федерации. – 2015. – № 1(7). – С. 178.

Рыжаков А. П.*[1]*,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Тульского филиала Международного юридического института,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Заливин А. Н.*[2]*,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел
Российской Федерации
полковник полиции

Необходимость совершенствование статуса руководителя следственного органа

Более семи лет назад внесены изменения в правовое положение руководителя следственного органа[3]. Последнему разрешено «отменять по находящимся в производстве подчиненного следственного органа уголовным делам незаконные или необоснованные постановления руководителя, следователя (дознавателя) другого органа предварительного расследования» (п. 2.1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Данная законодательная формулировка вряд ли может быть признана безупреч-

[1] © Рыжаков А. П., 2018.
[2] © Заливин А. Н., 2018.

[3] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1, ст. 16.

ной. На это обстоятельство мы уже обращали внимание в своих публикациях[1]. Между тем до сих пор ничего не изменилось. Законодатель не отреагировал на наши критические замечания. Формулировка заложенной в п. 2.1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ идеи осталась несовершенной.

Идея законодателя заключалась в том, чтобы позволить руководителю следственного органа собственным постановлением отменять незаконные и (или) необоснованные постановления любого органа предварительного расследования, если эти документы являются частью уголовного дела, принятого к производству подчиненным ему следователем либо самим руководителем следственного органа.

Между тем формулировка данного правила все еще нуждается в корректировке. Названный пункт дозволяет руководителю следственного органа «отменять по находящимся в производстве подчиненного следственного органа уголовным делам незаконные или необоснованные постановления руководителя, следователя (дознавателя) другого органа предварительного расследования». С позиции уголовно-процессуальной науки он пестрит уголовно-процессуальными неточностями.

Во-первых, уголовное дело не может находиться в производстве следственного органа. Даже если в подчинении у руководителя следственного органа находится всего один следователь, все равно следственный орган и в этой ситуации состоит из двух должностных лиц, каждый из которых в уголовном процессе выступает в качестве самостоятельного органа предварительного следствия. Соответствующими органами предварительного следствия будут как следователь, так и руководитель следственного органа. «Следственный орган» в отрыве от термина «руководитель следственного органа» – не процессуальное, а скорее организационно-штатное (административно-управленческое) понятие. Нет такого участника уголовного процесса, как следственный орган. Не предусмотрел УПК РФ прав и обязанностей такового. Тем более в законе не закреплено право следственного органа принимать уголовные дела к своему производству.

---

[1] См.: Рыжаков А. П. Комментарий к ст. 20 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» / А. П. Рыжаков // СПС «КонсультантПлюс», 2011; Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд. перераб. / А. П. Рыжаков // Система ГАРАНТ, 2014. и др.

Дело, по которому руководитель следственного органа вправе принять предусмотренное п. 2.1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ процессуальное решение, находится в производстве не подчиненного следственного органа, а подчиненного следователя, либо следственной группы, которой он, руководитель следственного органа, ранее поручил производство предварительного следствия. Думается, руководитель следственного органа вправе отменить также незаконные и (или) необоснованные постановления, находящиеся в уголовном деле, принятом им к своему производству. Конечно, он сам себе не подчинен. Однако он является одним из лиц, составляющих возглавляемое им следственное подразделение – «подчиненный следственный орган».

Во-вторых, не основано на общепринятых в уголовно-процессуальной науке представлениях и использованное законодателем в п. 2.1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ выражение «руководитель, следователь (дознаватель) другого органа предварительного расследования». Дознаватель другого органа предварительного расследования еще может быть, исходя из того, что в УПК РФ предусмотрен статус органа дознания, а орган дознания является органом предварительного расследования. Но что это за субъект – «следователь другого органа предварительного расследования»?

Не может быть следователя какого-то органа предварительного расследования, так как органом предварительного расследования является сам следователь. Следователь может быть одним из субъектов, составляющих самостоятельный орган предварительного расследования, только в ситуации производства предварительного расследования следственной группой. Но и в этой ситуации его правильнее именовать руководителем или членом следственной группы, а не следователем другого органа предварительного расследования. Следователем в такой ситуации он является лишь по должности, а в уголовном процессе у него иной статус. Статус следователя в уголовном процессе равнообъемен статусу органа предварительного следствия. А орган предварительного следствия наряду с органом дознания является разновидностью органа предварительного расследования.

В уголовно-процессуальной науке устоялись термины: *начальник органа дознания*, а равно *руководитель следственной группы* (группы дознавателей). Именно только они и могут именоваться руководителями органа предварительного расследования. Начальник органа дознания возглавляет орган дознания (ст. 40 УПК РФ); руководитель

следственной группы – следственную группу (ст. 163 УПК РФ) и, соответственно, руководитель группы дознавателей – группу дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ).

Хотелось бы к числу «руководителей органа предварительного расследования» отнести и руководителя следственного органа. Однако буквальное толкование наименования данного участника уголовного процесса, как, впрочем, его место и назначение в уголовном процессе, сделать это не позволяют. Руководитель следственного органа не является руководителем следователя. Обычно он является начальником нескольких следователей, и поэтому если уж именовать его соответствующим руководителем, то не органа предварительного расследования, а органов предварительного расследования. Но и данная его характеристика остается сделанной с большой натяжкой. Руководитель следственного органа является начальником следственного отдела (управления и т. п.). Его назначение – не руководить следователем, а организовать и контролировать работу всех следователей возглавляемого им подразделения. В то же время любой руководитель следственного органа одновременно сам может быть органом предварительного расследования.

Произведенный анализ перечня субъектов, чьи незаконные и (или) необоснованные постановления вправе отменять руководитель следственного органа, привел нас к мысли, что не стоит здесь пытаться перечислить всех тех, кто может таковые вынести. Достаточно упомянуть, что речь идет о постановлениях (решениях) другого органа предварительного расследования. В этом случае у руководителя следственного органа появится право отменить и постановление начальника подразделения дознания, и решение члена следственной группы (группы дознавателей), и даже следователя-криминалиста.

Именно поэтому мы настаиваем на необходимости совершенствования редакции п. 2.1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ. Полагаем, его новая формулировка в большей степени отразила бы заложенную в него законодателем идею. Последняя должна звучать так: «Руководитель следственного органа уполномочен: … отменять незаконные и (или) необоснованные постановления другого органа предварительного расследования, если эти документы являются частью уголовного дела, находящегося в его производстве, в производстве созданной им следственной группы, либо подчиненного ему следователя».

Сейчас же мы можем лишь рекомендовать соответствующее толкование п. 2.1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ.

Махова И. В.*[1]*,
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
подполковник полиции
Ежова В. В.*[2]*,
курсант 4 курса «В» 408 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
рядовой полиции

Способы подготовки к торговле людьми в виде подыскания потенциальных потерпевших

В настоящее время торговля людьми является одной из тяжелейших форм международной преступности. Она посягает на самоопределение человека, его достоинство и неприкосновенность, вследствие чего человек опускается до уровня простого «товара» на черном рынке.

В российском уголовном праве понятия «вербовка» нет, а в Модельном законе стран СНГ о противодействии торговле людьми под ней понимается «комплекс действий, который направлен на поиск, незаконный отбор и прием на работу людей, для выполнения различного рода работ, оказания услуг или осуществления иной деятельности»[3].

Вербовка направлена на то, чтобы жертва дала свое добровольное и вынужденное согласие на якобы предложенную работу[4].

---

[1] © Махова И. В., 2018.

[2] © Ежова В. В., 2018.

[3] Модельный закон о противодействии торговле людьми. Принят в г. Санкт-Петербурге 3 апреля 2008 г. Постановлением 30-11 на 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – 2008. – № 42. – С. 301–353.

[4] Писарев Ю. А. Дискуссия об объективной стороне торговли людьми / А. Ю. Писарев // Общество и право. – 2009. – № 3. – С. 133–135.

Анализ 20 приговоров, вынесенных судами различных субъектов Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что подготовка к совершению преступления, направленная на подыскание жертв, подразделяется на действия:

– размещение рекламы в СМИ, газетах, электронных журналах, в сети Интернет (35 %);

– поиск жертв среди своих знакомых (20 %);

– знакомство с жертвами в общественных местах, таких как: бары, клубы, на улице (15 %).

Через средства массовой информации, в том числе печатные издания, преступники находят свою жертву двумя способами:

1) с помощью размещения рекламы;

2) с помощью синтеза рекламных объявлений.

В первом способе преступники привлекают возможных жертв с помощью средства массовой информации для дальнейшего трудоустройства. Наиболее распространены печатные издания и расклеенные на остановках рекламные объявления. Как правило, в них не указывается характер предстоящей работы, но подробно перечислены требования, предъявляемые к претендентке (рост от 180 сантиметров, вес до 55 килограмм, возраст 20–25 лет, внешняя привлекательность и др.). Чаще всего предлагается неквалифицированная работа: танцовщицы, няни, бармены, официантки и т. п.

Так, Н. и Э. являлись организаторами фирмы интим-досуга, где девушки оказывали сексуальные услуги за денежное вознаграждение. В 2013 году указанные граждане в поиске потенциальных жертв начали размещать рекламные объявления в газетах и вести со своими знакомыми соответствующие разговоры[1].

Второй способ заключается в анализе преступниками уже опубликованных в электронных или печатных изданиях объявлений. Этот способ привлекает к себе меньше внимания со стороны правоохранительных органов, поэтому преступники, как правило, выбирают его. Схема поиска подходящей жертвы такова: преступник выбирает такую рубрику в газете, как «Ищу работу», анализирует данные объявления.

Частично вербовщики знакомы с будущими потенциальными жертвами. Они могут быть соседями по дому, совместно обучаться в

[1] Приговор по уголовному делу № 1-74 – Архив Яранского районного суда Кировской области за 2015 год.

школе или вузе, в некоторых случаях являются родственниками. В таких случаях преступнику уже известны о будущей жертве минимальные сведения, которые характеризуют личность жертвы – ее материальное обеспечение, наличие родственников, моральные ценности. Эти сведения изначально помогают преступнику определиться с возможностью вовлечения этого человека, а также выбрать наиболее целесообразную тактику по его вербовке.

Набирает обороты и непосредственный поиск жертвы самим вербующим. Знакомство может проходить в ресторанах, клубах, дискотеках, на вокзалах, в гостиницах, в местах скопления женщин легкого поведения и в других общественных местах. Преступник в основном ориентирован на девушек, у которых нет постоянного источника дохода, и поэтому возникают материальные трудности, ведущих аморальный образ жизни и склонных к легкомысленному поведению. Может показаться, что при случайном знакомстве преступник почти не владеет сведениями о потенциальной жертве, однако это не так. Вербовщик «считывает» информацию, ориентируясь на поведение и манеры девушки, стиль ее одежды, места пребывания и делает определённые выводы для выбора стратегии вербовки.

Следует выделить виды прямой непосредственной вербовки: 1) вовлечение без обмана или с частичным обманом; 2) вовлечение с обманом; 3) похищение человека.

Первый вид вовлечения предполагает, что преступник не скрывает своего намерения по трудоустройству девушек, а они, в свою очередь, идут на это осознанно и добровольно.

Так, гр-ка Л. по приглашению гр-на З. приехала в ресторан «Львиное сердце», который сообщил, что нашел для нее мужчину, который будет её содержать и материально помогать за оказываемые ею сексуальные услуги. В один из дней гр-ка Л. приехала в ресторан, где гр-н З. познакомил ее с помощником государственного чиновника. Л. было сообщено, что сначала помощник отвезет ее для осмотра к врачу, а после поедут домой. Гр-ка Л. согласилась на данное предложение. После того, как Л. и ее спутники сели в машину, гр-н З. был задержан сотрудниками полиции, а гр-ка Л. узнала, что ее продали в рабство[1].

Второй вид вовлечения более опасен, чем первый. Девушки вводятся в заблуждение по поводу их будущей работы. Им предлагаются

[1] Приговор по уголовному делу № 22и-724 – Архив Ростовского областного суда за 2014 г.

работы официанток, продавщиц, танцовщиц, обещается высокий заработок. Человек, желающий вовлечь потенциальную жертву, как правило, рассказывает о поездках за рубеж других людей. При этом преступник показывает различные фотографии, видеозаписи о том, как жизнь этих людей пошла в «гору».

Так, гр-ка Б. для привлечения молодых девушек подобрала фотографии с видами пляжей, архитектуры, природы Республики Мальта, чтобы показывать вербуемым лицам. Изучила порядок получения заграничного паспорта, оформления виз, приобретения путевок, авиабилетов и порядок пересечения границы Российской Федерации[1].

Третий вид вовлечения наименее распространен. При похищении человека может применяться обман. Только при вербовке он заключается в характере работы, и потенциальная жертва дает свое согласие и следует на свое место работы добровольно. При похищении жертва относительно своей работы вводится в полное заблуждение и подвергается принуждению уже на самом этапе перемещения.

При использовании преступниками сети Интернет осложняется установление их личности и задержание. Как правило, рассматриваемые преступления имеют транснациональный характер. Ежегодно увеличивается число пользователей Интернета, технологии становятся доступнее, преступники обрабатывают жертв дистанционно, оставаясь при этом анонимными. Повышенная общественная опасность вербовки при торговле людьми заключается еще и возможности быстро привлекать большое количество потенциальных жертв.

[1] Приговор по уголовному делу № 2-10 – Архив Ростовского областного суда за 2013 г.

Угольникова Н. В.*[1]*,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Дискреционные полномочия следователя

Современный курс совершенствования уголовного судопроизводства имеет вектор на дифференциацию процессуальных форм. Примером того служат появление упрощенных производства по разрешению уголовного дела; специальных оснований прекращения уголовного дела; норм, дифференцирующих порядок применения мер процессуального принуждения, и др. Дифференциация процессуальной формы не может охватить динамику развития правоотношений, поэтому немыслима без дискреционных полномочий правоприменителя, которым на определяющим этапе предварительного расследования является следователь. Законодатель не может регламентировать каждый шаг правоприменителя в конкретной жизненной ситуации, иначе уголовно-процессуальный закон потеряет свою актуальность и не будет соответствовать динамике развития правоотношений. Большинству состязательных уголовных процессов и смешанных процессов с сильно развитыми состязательными началами предварительного производства свойственна дискреционность.

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство термин *«дискреционные полномочия следователя»* не содержит. Однако дискреционные полномочия определяются в других нормативных актах.

«Дискреционные полномочия – совокупность прав и обязанностей органа государственной власти, должностных лиц, предоставляющих возможность органу государственной власти или должностному лицу по своему усмотрению определить вид и содержание (полностью или частично) принимаемого управленческого решения, либо предоставляющих возможность выбора по своему усмотрению

[1] © Угольникова Н. В., 2018.

одного из нескольких предусмотренных ведомственным актом вариантов управленческих решений. Дискреционные полномочия являются неотъемлемой частью публичной правоприменительной деятельности, поскольку при применении норм права к конкретному делу позволяют учитывать его индивидуальные особенности, реализовать принцип соразмерности мер управленческого воздействия, учесть многочисленные нюансы управленческой среды...»[1].

Это определение имеет узкоправовой источник, однако на его основе можно разобрать основные необходимые элементы теоретической составляющей дискреционных полномочий.

Итак, дискреционные полномочия представляют собой специфическую совокупность прав и обязанностей, предоставленную на основе закона следователю правоприменителю для решения по собственному усмотрению возникающих в процессе правоприменения вопросов в целях повышения эффективности расследования. При этом следственное усмотрение выступает как субъективное мнение следователя, на основании которого он делает вывод в конкретной ситуации, осуществляет выбор варианта поведения в процессе расследования конкретного дела. Из этого следует, что следственное усмотрение и дискреционные полномочия не являются тождественными. Следственное усмотрение выступает как элемент дискреционных полномочий следователя, как механизм их реализации.

Анализ уголовно-процессуального закона позволяет выделить несколько групп дискреционных полномочий следователя, сконструированных законодателем разными способами юридической техники.

Первая группа норм прямо предусматривает возможность выбора следователем своего поведения. В текстах этих нормах закреплено применение полномочий «по усмотрению следователя» (например, ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Вторая группа норм определяет полномочие следователя как право принятия решения при наличии правовых предпосылок. В этих нормах усматривается конструкция «следователь вправе» (например, ст. 25; ч. 1 ст. 28; ч. 1. ст. 91; ч. 1 ст. 97; ст. 181; ч. 1 ст. 427 УПК РФ и др.), «следователь может» (например, ч. 1 ст. 193 УПК РФ) и т. п.

---

[1] П. 7 Приказ ФМС РФ от 22 января 2009 г. № 3 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению экспертизы проектов нормативных правовых актов в Федеральной миграционной службе на коррупциогенность» // URL: http://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/diskrecionnye_polnomochiya.

Третья группа связывает полномочия со следственной ситуацией по уголовному делу и предлагает формулу: «в случае необходимости» (например, ч. 1 ст. 152, ч. 7 ст. 162 УПК РФ) и др.

Дискреционные полномочия, которые являются содержанием института следственного усмотрения, традиционно являлись дискуссионными в юридической науке. Например, еще Г. Б. Виттенберг в 70-х годах прошлого века утверждал: «…было бы нелогично и неправильно, если бы закон, с одной стороны, давал подробную регламентацию оснований и предпосылок освобождения от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия, а с другой – осуществлял решение этого вопроса всецело на усмотрение следственных органов, наделяя их в этой части только правом без обязанностей»[1]. Сторонники этой точки зрения настаивали на замене в законе слов «может быть», «вправе» на категоричное «подлежит, «обязаны» «подлежит рассмотрению в порядке» обосновывают свое мнение тем, что это позволило бы избежать злоупотреблений и ошибок со стороны органов власти в процессе применения норм права и обеспечить гарантию прав лиц[2].

Противоположная точка зрения тоже имеет свою историю[3] и состоит в признании необходимости следственного усмотрения и наделения его (следователя) дискреционными полномочиями, без которых право будет оторвано от реалий жизни.

В настоящее время эта дискуссия возродилась с новым вектором приложения. Национальная стратегия противодействия коррупции РФ обусловила формирование комплекса правовых и организационных механизмов для устранения коррупции во всех сферах деятельности, в том числе и в уголовно-процессуальной. Одним из таких механизмов является антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. Методика проведения указанной экспертизы содержит

---

[1] Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания при применении мер общественного воздействия. Иркутск, 1970. С. 218. Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Иркутск, 1970. С. 218.

[2] Аликперов Х. Д. Преступность и компромисс. Баку, 1982. С. 132–189; Кашанина Т. Усмотрении судьи при назначении наказания // Сов. юстиция. – 1992. – № 13-14. – С. 15.

[3] См., например, Дубривный В. А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Саратов, 1987. С. 7; Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 49–50.

определенные маркеры коррупциогенных факторов, среди которых и дискреционные полномочия правоприменителей.

Уголовно-процессуальное также может выступить объектом антикоррупционной экспертизы. Такие экспертизы уже проводились. К примеру, экспертизе на коррупциогенность подвергся Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», в результате которой эксперты категорически и обоснованно отклонили весь Проект – выявлено слишком много коррупциогенных факторов[1]. Законодатель под коррупциогенными факторами понимает «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции»[2]. Касательно норм УПК РФ, такие факторы можно выявить на основе предложенной законодателем методики, где одним из основных видов коррупциогенных факторов выступает определение компетенции по формуле «вправе»[3].

Анализ норм УПК РФ на предмет выявления норм, содержащих формулировок «вправе», выявляет, что таких норм содержится более ста. Является ли каждая из таких норм потенциально коррупциогенной?

Если исходить из буквального толкования криминогенных факторов, можно предположить, что все нормы, содержащиеся дискреционные полномочия следователя, содержат коррупционные риски.

---

[1] Крупский М. А., Гурьев А. А. Заключение на Проект № 440058-6 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // URL: http://vscorruption.ru/?p=969.

[2] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Российская газета. – 2009. – 22 июля.

[3] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Российская газета. – 2010. – 5 марта.

Современные исследователи придерживаются противоположных мнений. Одни считают, что «конструирование правовых норм с использованием формулы «вправе» при установлении компетенции должностных лиц заключает повышенные коррупционные риски. Поэтому изменение такого рода норм необходимо, тем более это касается норм уголовно-процессуального доказательственного права, в ходе применения которых разрешается уголовно-правовой спор»[1]. Другие считают, что всякие попытки снизить диспозитивные начала правоприменения «иссушает» уголовно-процессуальное законодательство и отрывает его от реальных ситуаций принятия решений[2]; проблема не в коррупциогенных факторах, заложенных в нормах УПК РФ, а в корыстных устремлениях правоприменителей[3].

Категоричность в законе может только повредить производству предварительного расследования, ограничит право выбора при решении вопросов о порядке расследования. Что же касается возможного злоупотребления следователем в процессе применения норм права, то следует помнить о наличии института процессуальных гарантий, представленных институтами обжалования и процессуального контроля. На случаи принятия ошибочного или противоречащего закону решения предусмотрена соответствующая процедура обжалования, которая гарантирует проверку законности и обоснованность решения, а также его отмену или изменения. В качестве превентивной гарантии выступает процессуальный контроль руководителя следственного органа посредством дачи согласия на процессуальные решения при реализации дискреционных полномочий следователя (см., например, ст. 25 УПК РФ).

---

[1] Афанасьев А. Ю. Экспертиза уголовно-процессуального законодательства на коррупциогенность: некоторые вопросы проявления культуры // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2015. – № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertiza-ugolovno-protsessualnogo-zakonodatelst-va-na-korruptsiogennost-nekotorye-voprosy-proyavleniya-kultury.

[2] Андрусенко С. П. Антикоррупционная экспертиза в российской уголовной юстиции // Журнал российского права. – М. : Норма, 2013. – № 4. – С. 51–58.

[3] Афанасьев А. Ю. Корыстные устремления в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. – 2015. – № 14. – С. 335–337.

П. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов[1] коррупциогенными факторами указывает необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил для правоприменителя. Одним из критериев широты усмотрения указано отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения.

В уголовно-процессуальной регламентации дискреционных полномочий следователя в пределах следственного усмотрения определены принципы права, процессуальная форма. Определяющими принципами являются принцип законности, и свободы оценки доказательств и разумного срока уголовного судопроизводства. Принятие решения следователем основывается на внутреннем убеждении, основанном на совокупности доказательств, руководствуясь законом и совестью. Субъективной основой следственного усмотрения является правосознание, формируемое знанием доктринальных правовых позиций, правил толкования. Его решение должно находиться в зависимости от очевидности дела (т. е. от полноты и достаточности собранных доказательств для принятия процессуальных решений и сложившейся следственной практики) и соответствовать процессуальной форме.

Таким образом, можно утверждать, что нормы права, определяющие дискреционные полномочия следователя, не содержат коррупциогенных рисков.

По-нашему мнению, дискреционные полномочия являются неотъемлемой необходимостью правовой системы. Каждое реальное расследование столь индивидуально, что законодатель не сможет предусмотреть порядок, одинаково эффективный для всех производств, и условия на каждую следственную ситуацию. Для института полномочий следователя дискреция является гарантией их правового статуса и обеспечивает возможность следователя самостоятельно направлять ход расследования с учетом дифференциации следственной ситуации.

---

[1] Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=220113&fld=134&dst=100026,0&rnd=0.37049515968966373#03778461382869909.

***Гриненко А. В.*[1],**
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист Российской Федерации

К вопросу об использовании результатов оперативно-разыскной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам

Уголовное судопроизводство представляет собой строго регламентированную законом деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц, в ходе которой происходит обнаружение признаков преступления, возбуждается уголовное дело, производится предварительное расследование, судебное рассмотрение и разрешение дела с тем, чтобы лицо, действительно совершившее преступление, было привлечено к уголовной ответственности и подвергнуто справедливому наказанию, а непричастные к преступлению лица были ограждены от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Понятием «уголовное судопроизводство» охватывается деятельность, осуществляемая непосредственно не только в суде, но и на досудебных стадиях, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем оперативно-разыскная деятельность, будучи неофициальной, осуществляется лишь до того времени, пока уголовное дело не поступило в суд, поскольку в суде рассматривается уголовное дело, по которому позиция стороны обвинения полностью сформировалась и нашла свое документальное выражение в обвинительном заключении (обвинительном акте, обвинительном постановлении).

Основным содержанием предварительного расследования является доказывание и формирование на этой основе итогового процессуального решения – о направлении уголовного дела прокурору для последующей передачи в суд или о прекращении уголовного дела. В свой черед основным способом собирания доказательств в силу ч. 1

[1] © Гриненко А. В., 2018.

ст. 86 УПК РФ является именно производство следственных действий.

Оперативно-разыскная деятельность[1], согласно ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2], определена как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями уполномоченных государственных органов, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Задачами ОРД, согласно ст. 2 этого же акта, являются: 1) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; 2) осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; 3) добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации; 4) установление имущества, подлежащего конфискации. Таким образом, основное приложение ОРД происходит именно в сфере уголовного судопроизводства.

Оперативно-разыскная деятельность имеет иную правовую природу, нежели деятельность уголовно-процессуальная. Она направлена на получение оперативной информации, позволяющей разрешать задачи по раскрытию преступления. Информация, полученная оперативным путем, не может непосредственно использоваться в доказывании, в связи с чем законодатель предусмотрел возможность преобразования результатов ОРД в доказательства путем производства следственных действий или рассекречивания информации и предоставления ее в орган предварительного расследования.

С целью разъяснения положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» принята Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (утверждена совместным приказом

---

[1] Далее также – ОРД.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33, ст. 3349.

МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС, СВР России, ФСИН, ФСКН России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68)[1].

В частности, в п. 20 Инструкции указано, что результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

Некоторые оперативно-разыскные мероприятия так же, как и следственные действия, производятся на основании судебного решения. Вместе с тем сам факт наличия такого решения не снимает требования об обязательности проверки результатов ОРД в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством[2].

При оценке материалов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий, если они были надлежащим образом представлены следователю или дознавателю, тот должен руководствоваться не только уголовно-процессуальным законом, но и положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[3]. Если до возбуждения уголовного дела оперативно-розыскное мероприятие (например, оперативный эксперимент) было проведено надлежащим образом, то его результаты могут быть помещены в уголовное дело для разрешения вопроса о доказанности того либо иного обстоятельства из числа указанных в ст. 73 УПК РФ[4].

---

[1] Российская газета. – 2013. – 13 дек.

[2] См.: п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // БВС РФ. – 1996. – № 1. – С. 5–6.

[3] Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования): монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 197.

[4] См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2004 г. № 47-О04-75 (гр-н Т.) // БВС РФ. – 2005. – № 5. – С. 23–24.

Из вышеуказанного можно сделать вывод, что оперативно-розыскные мероприятия по отношению к официальному предварительному расследованию носят обеспечительный характер. Этот вывод в целом применим и для определения соотношения между следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями. Вместе с тем такое соотношение не является «прямолинейным», имеется несколько направлений, в ходе реализации которых следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия осуществляются как поочередно, так и параллельно.

К примеру, на стадии возбуждения уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия осуществляются как самостоятельно и инициативно по отношению к официальному уголовному судопроизводству, так и по поручению следователя, дознавателя.

В первом случае речь идет об отыскании первоначальной информации о совершенном или готовящемся преступлении, которая впоследствии может быть использована для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела.

В ч. 1 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что результаты этой деятельности в числе прочего могут служить «поводом и основанием для возбуждения уголовного дела». Вместе с тем заметим, что такая формулировка не соответствует правилам логики, ведь одно и то же явление не может быть одновременно и причиной (поводом), и следствием (основанием) для какого-либо вывода (в нашем случае – о возбуждении уголовного дела).

Во втором случае следователь, действуя на стадии возбуждения уголовного дела, в силу ч. 1 ст. 144 УПК РФ вправе инициировать оперативно-розыскные мероприятия для получения информации, которую впоследствии можно использовать при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела. Соответствующие оперативно-розыскные мероприятия производятся наряду с иными закрепленными в законе способами проверки поступившего повода, но отнюдь не подменяют их. Более того, они так же, как и иные результаты, подлежат проверке и оценке следователем, в результате чего они превращаются в процессуальные доказательства.

Весьма обстоятельно процесс превращения результатов оперативно-розыскных мероприятий исследует профессор С. А. Шейфер. В частности, ученый указывает, что «…следователь признает собран-

ную информацию доказательством, если она соответствует требованиям относимости и допустимости… В своем первоначальном виде, до придания им процессуальной формы, результаты оперативно-разыскных мероприятий доказательствами считаться не могут, а сами мероприятия, не соответствуя познавательной и процессуальной характеристике следственных действий, не являются таковыми»[1].

В целом позитивно оценивая позицию С. А. Шейфера, все же отметим, некоторой спецификой обладает ряд следственных действий, которые по своему содержанию весьма схожи с аналогичными оперативно-разыскными мероприятиями. Так, в одной из своих основных работ уважаемый профессор настаивает на том, что такое следственное действие, как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) является якобы излишним, ведь оно имеет типично оперативно-розыскной характер[2].

Однако прослушивание телефонных переговоров как оперативно-разыскное мероприятие (п. 10 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») от вышеуказанного следственного действия существенно отличается. Прежде всего, отметим, что в ходе следственного действия права и законные интересы вовлеченных в его производство лиц соблюдаются в гораздо большей степени, поскольку осуществляется многогранный контроль за его ходом и результатами.

Кроме того, результаты проведенного контроля и записи переговоров как следственного действия имеют непосредственное доказательственное значение, а их проверка происходит лишь в общем порядке (ст. 87 УПК РФ).

Приведем ряд негативных примеров, связанных с производством оперативно-разыскных мероприятий.

Так, уголовное дело было направлено Верховным Судом Российской Федерации на новое рассмотрение, поскольку Европейским Судом по правам человека установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с тем, что суд не осуществил эффективной проверки доводов о провокации при проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» в

---

[1] Шейфер С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex russica. – 2015. – № 10. – С. 121.

[2] См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2008. С. 191, 193.

отношении осужденного, результаты которого были использованы в качестве доказательства при обосновании его виновности[1].

В следственной практике имел место и еще более интересный случай, когда потерпевшему предложили участвовать в проведении оперативного эксперимента, а затем в связи с существенным нарушением прав лица, в отношении которого проводились проверочные действия, должностные лица полиции были привлечены к уголовной ответственности за похищение человека и злоупотребление должностными полномочиями (ст. 126, 285 УК РФ). Несмотря на то, что потерпевший был уверен в официальном характере этих действий и не был осведомлен о противоправности оперативного эксперимента, он был привлечен в качестве обвиняемого за соучастие в совершении указанных деяний.

Можно в целом поддержать выработанный уголовно-процессуальной наукой тезис о том, что сведения, полученные оперативно-розыскным путем, сами по себе еще не доказательства по уголовному делу. Вместе с тем современные правоприменительные реалии таковы, что нет сколь-либо серьезного барьера, ограничивающего использование результатов ОРД непосредственно в процессе доказывания по уголовным делам.

В частности, весьма широкие возможности для использования таких результатов предоставил правоприменителям Верховный Суд Российской Федерации, указав в постановлении Пленума «О судебном приговоре»[2], что использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно только в том случае, когда полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий. Примерами такого закрепления указаны: осмотр и приобщение к уголовному делу носителей аудио- и видеозаписи, предметов и документов, производство судебных экспертиз в отношении обнаруженных веществ, допросы в качестве свидетелей

---

[1] См.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2016 г. № 140П16 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2018).

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. – 2016. – 7 дек.

лиц, участвовавших в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Однако само по себе процессуальное приобщение и последующее исследование материалов отнюдь не исключает того, что в ходе оперативно-розыскных мероприятий могут быть нарушены требования действующего законодательства. На практике же это производится следующим образом. После производства того либо иного оперативно-разыскного мероприятия руководитель органа, осуществляющего ОРД, выносит постановление о рассекречивании материалов, которые впоследствии передаются следователю и приобщаются к материалам уголовного дела. При этом ход и результаты самого такого мероприятия никто не подвергает сомнению.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным существенно расширить перечень следственных действий, которые производятся без предварительного уведомления об этом фигуранта по уголовному делу, а также расширить последующий процессуальный контроль за ходом и результатами оперативно-розыскных мероприятий, передаваемых из органа, осуществляющего ОРД, следователю.

Григорьева Н. В.*[1]*,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Вопросы усиления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия

Изменения, внесенные в УПК в последние годы, повлекли известное перераспределение полномочий в досудебном производстве между прокурором и руководителем следственного органа в пользу последнего, что вызвало дискуссию в юридической литературе. Одни авторы полагают, что ведомственный процессуальный контроль, осуществляемый руководителем следственного органа, не может служить равноценной заменой прокурорскому надзору[2]. Другие считают позитивным передачу руководителю следственного органа части полномочий прокурора по руководству деятельностью следователей и негативным лишение прокурора его надзорных функций[3]. Третьи пришли к выводу, что принятые изменения способствовали повышению процессуального статуса и самостоятельности следователя, улучшились показатели законности в деятельности следственного аппарата[4].

---

[1] © Григорьева Н. В., 2018.

[2] Буланова Н. Правовая регламентация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Уголовное право. – 2009. – № 3. – С. 73.

[3] Татьянина Л. Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Российское право в Интернете. – 2009. – № 5 (Спец. вып.). URL: http:// www.rpi.msal.ru/prints/200905_42tatya-nina.html (дата обращения: 4.04.2018).

[4] Гаврилов Б. Я. О восстановлении процессуальных и надзорных полномочий прокурора на предварительном следствии // Юрид. консультант. – 2008. – № 9. – С. 5–11.

По нашему мнению, перераспределение надзорных полномочий прокурора в пользу процессуального контроля руководителя следственного органа объективно вызывает определенные трудности в возможностях прокурора по незамедлительному устранению нарушений закона со стороны следователя, руководителя следственного органа и восстановлению прав участников уголовного судопроизводства и иных лиц, чьи права были нарушены (ограничены) незаконным действием (бездействием) или решением указанных должностных лиц.

По официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации[1] в 2017 г. прокурорами было выявлено 5 156 665 (+1,8 %) нарушений законов в досудебном производстве по уголовным делам, при этом на стадии возбуждения уголовного дела – 3 793 667 (+0,4 %); при производстве дознания и следствия – 1 362 998 (5,7 %). Кроме того, в 2017 г. прокурором рассмотрено 415 575 (+2,5 %) жалоб на действия (бездействие) и решения органов расследования при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении и 247 211 (–3,5 %) жалоб по вопросам следствия и дознания. Данные показатели свидетельствуют о том, что защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения остается приоритетным направлением деятельности прокуратуры[2].

Выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 15 февраля 2018 г., Президент Российской Федерации подвел итоги работы контрольно-надзорного ведомства за 2017 год и обозначил приоритетные задачи на ближайшую

---

[1] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2017 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : http://genproc.gov.ru-/stat/data/1336134/ (дата обращения: 04.04.2018).

[2] См. п. 1.2. Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 826 от 28 декабря 2016 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. – № 3. – 2017.

перспективу. Глава государства прямо указал на необходимость существенно усилить надзор за следствием, причем на всех его уровнях[1].

Основные направления совершенствования прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия выражаются в следующем.

Во-первых, думается возможным дополнить УПК полномочием прокурора получать копию постановления об избрании следователем любой меры пресечения, а не только избранной по судебному решению. В этой связи в УПК необходимо предусмотреть обязанность следователя направлять прокурору копию постановления об избрании меры пресечения, не требующей судебного решения.

Во-вторых, в юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости возвращения прокурору полномочия по согласованию следователю постановления о возбуждении перед судом ходатайства по вопросам досудебного производства. В процессе рассмотрения в суде ходатайства следователя об избрании меры пресечения, применении меры принуждения или производстве следственного действия всегда должна быть достигнута единая позиция стороны обвинения.

В соответствии со ст. 108 УПК, п. 1.6 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 826, прокурорам предписано обязательное участие в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайств об избрании, продлении мер пресечения и иного процессуального принуждения, таких как заключение под стражу, домашний арест, залог, наложение ареста на имущество и других ходатайств о даче согласия на производство следственных действий, которые допускаются на основании судебного решения. Кроме того, прокурор, участвующий в судебном заседании, составляет письменное заключение об обоснованности заявленного ходатайства об избрании меры пресечения, которое согласовывается с соответствующим руководителем либо его заместителем.

Соответственно, необходимо особое внимание уделять вопросу взаимодействия самостоятельных участников уголовного процесса со стороны обвинения, чтобы избежать ситуации столкновения проти-

---

[1] Заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 15 февраля 2018 г. // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56863 (дата обращения: 04.04.2018).

воположных мнений следователя и прокурора, что является недопустимым для участников уголовного процесса со стороны обвинения. В данной связи полагаем возможным осуществлять процедуру согласования при обращении в суд по вопросам избрания мер пресечения, а в остальных ситуациях обязать следователя направлять прокурору копию постановления о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства.

В-третьих, Генеральный прокурор Российской Федерации предписал наладить действенный надзор за исполнением законов в части соблюдения сроков предварительного следствия и своевременного принятия процессуальных решений по уголовным делам. Обеспечивая надзор за соблюдением положений, предусмотренных ст. 6.1 УПК, о разумном сроке уголовного судопроизводства[1], прокурор должен ориентировать руководителей следственных органов на незамедлительное представление копий постановлений о продлении срока предварительного расследования, а также принятых по делу процессуальных решений. В необходимых случаях прокурору следует запрашивать соответствующие сведения.

В этой связи предложение Генерального прокурора Российской Федерации, высказанное еще в 2013 г.[2], направленное на соблюдение разумных сроков предварительного следствия, которое нами полностью поддерживается, касается совершенствования УПК в части внесения изменений, обязывающих следователя уведомлять о продлении срока предварительного следствия по уголовному делу прокурора, которому должно быть предоставлено право проверять законность и обоснованность такого решения и оперативно пресекать нарушения.

В-четвертых, при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью следователей Следственного комитета Российской Федерации, осуществляющих производство по уголовному делу в форме

---

[1] См. п. 1.15. Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 826 от 28 декабря 2016 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://genproc.gov.ru/genpro-kuror/appearances/document-82459.

[2] Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации 27 апреля 2013 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-82414.

дознания, следует исходить из того, что полномочия прокурора определяются процессуальным положением следователя, а не формой предварительного расследования. Исключение составляет порядок рассмотрения уголовного дела, представленного с обвинительным актом или постановлением, поскольку по результатам его изучения прокурор вправе в соответствии со ст. 226 УПК принять решение о его прекращении, а также исключении из обвинительного акта или постановления отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое.

В-пятых, в соответствии с положениями УПК (ст. 37, 119, 122) прокурор в настоящее время исключен из круга должностных лиц, уполномоченных рассматривать ходатайства в ходе досудебного производства. Вопрос о необходимости возвращения прокурору полномочия по рассмотрению ходатайств в сфере уголовного судопроизводства не раз высказывался в литературе[1] и нами полностью поддерживается.

Таким образом, направления усиления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия заключаются в организации непрерывной надзорной деятельности за законностью производства предварительного следствия, осуществляемой на основе предоставленных прокурору законом полномочий, в том числе властно-распорядительного характера, чтобы действия и решения органов предварительного следствия и их должностных лиц соответствовали требованиям уголовно-процессуального законодательства, что, в свою очередь, обеспечивает успешную реализацию назначения уголовного судопроизводства.

[1] Белоковыльский М. С. Ходатайства в уголовном судопроизводстве: проблемы право применения и совершенствования правового регулирования // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – № 2. – С. 119–124; Любишкин Д. Е. Полномочия прокурора по рассмотрению и разрешению ходатайств в досудебном производстве // Законность. – 2011. – № 5. – С. 48–51.

Григорьев В. Н.*[1]*,
профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ФГКОУ ДПО «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России»,
доктор юридических наук, профессор

О недопустимости произвольного фрагментирования при установлении следователем обстоятельств совершенного преступления

Приписывая следователю быть только на одной стороне – обвинения (гл. 6 УПК РФ), современное законодательство порождает негуманистические тенденции в развитии российского уголовного процесса, которые находят конкретное проявление в односторонности деятельности лиц, в производстве которых находится уголовное дело.

Выполняя свое предназначение участника уголовного судопроизводства, действующего в соответствии с предписанием закона исключительно со стороны обвинения, следователи изыскивают тактические приемы, позволяющие эффективно выполнить свою процессуальную функцию. В современной системе нормативно-бюрократических ценностей эффективно – значит выполнить функцию быстро и ресурсонезатратно, с положительным результатом. Для действующего со стороны обвинения функционера положительный результат – это обвинительный.

Одним из таких приемов ресурсонезатратного выполнения обвинительной функции является многократно замеченный в практической деятельности прием фрагментации обстоятельств происшествия. Суть его заключается в том, что из всего хода события преступления произвольно выбираются отдельные фрагменты, которые: 1) очевидны; 2) просты в силу этого свойства для доказывания и 3) содержат состав преступления, а другие фрагменты, в особенности противоречащие выбранным, игнорируются путем элементарного замалчивания либо голословного отрицания.

---

[1] © Григорьев В. Н., 2018.

Следователи, а вслед за ними и суд, прибегают к произвольной фрагментации обстоятельств происшествия, в результате которой эти обстоятельства рассматриваются не в хронологической последовательности с определением юридически значимых свойств каждого следующего действия и обстоятельства, а выборочно, с произвольной фиксацией одних действий и игнорированием других.

Особенно наглядно применение приема фрагментирования обстоятельств происшествия при расследовании обстоятельств преступлений, связанных с противоборством (побои, причинение вреда здоровью, хулиганство, грабеж, разбой, убийство), предполагающих оборонительные действия, сопротивление нападающему.

Внешне все это может выглядеть как драка, расследование которой осложняется тем, что трудно установить, кто конкретно нанес те или иные удары, причинил те или иные повреждения[1]. В результате к ответственности привлекают того, кто «победил» в драке либо, в крайнем случае, всех ее участников. Между тем, с правовой точки зрения, оценка драки неоднозначна. Обычно она представляет собой противоправное поведение и расценивается как административное правонарушение (хулиганство) или как преступление той или иной степени тяжести в зависимости от последствий (побои, причинение вреда здоровью, неосторожное причинение смерти, убийство). Однако нередки случаи, когда драка – это не хулиганство, а просто проявление неспособности законопослушного гражданина быстро и эффективно справиться с правонарушителем (грабителем, причинителем вреда здоровью, просто хулиганом), в результате чего его правомерное сопротивление преступному посягательству, попытки задержать лицо, совершившее преступление, предстают в глазах очевидцев как неправомерное насилие. Внешне такие ситуации выглядят как драка с обоюдной виной, хотя на самом деле один из ее участников – уголовный преступник, а другой – правомерно обороняющийся от преступления законопослушный гражданин.

В современной правоохранительной практике подвергшийся нападению и сумевший оказать какие-либо значимое сопротивление этому нападению, запросто может поменяться в глазах Фемиды местами со своим обидчиком. Для этого и служит специальный прием – фрагментация обстоятельств происшествия, в результате которой эти

[1] Драка // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 10.03.2018).

обстоятельства рассматриваются не в хронологической последовательности с определением юридически значимых свойств каждого следующего действия и обстоятельства, а по усмотрению следователя, а вслед за ним и судьи выборочно, с произвольной фиксацией действий одного участника драки и игнорированием действий другого.

Приведем для наглядности характерный, хотя далеко не единственный, пример такой фрагментации, который усматривается в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого по уголовному делу по обвинению С. В. и С. Д. в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (умышленное убийство, совершенное группой лиц)[1].

По версии следствия, как это следует из постановления от 1 сентября 2011 г., 28 августа 2010 года около 03 часов 30 минут в помещении ночного клуба «Шадринский Андеграунд», расположенном по адресу: Курганская область, г. Шадринск, ул. Пролетарская, д. 7, у находившихся в состоянии алкогольного опьянения Соколова В. В. и Симакова Д. А. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений возник преступный умысел, направленный на убийство Алиева Р. Х., связанный с участием последнего в обоюдной драке с их знакомым Аксёновым Д. А.

С этой целью 28 августа 2010 года около 03 часов 30 минут в помещении ночного клуба «Шадринский Андеграунд», расположенном по адресу: Курганская область, г. Шадринск, ул. Пролетарская, д. 7, Соколов В. В. и Симаков Д. А., действуя совместно, группой лиц, реализуя преступный умысел, направленный на убийство Алиева Р. Х., каждый умышленно нанес потерпевшему не менее пяти ударов ногами, обутыми в обувь, в область головы и тела. После этого Соколов В. В. поднял с пола обломок доски и умышленно, действуя в продолжение своего умысла, направленного на убийство Алиева Р. Х., нанес потерпевшему обломком доски не менее двух ударов в область головы и тела.

Затем Симаков Д. А., действуя совместно и согласованно группой лиц с Соколовым В. В., умышленно, с целью убийства Алиева Р. Х., нанес взятой на месте происшествия тепловой пушкой не менее одного удара в область головы лежащему на полу потерпевшему Алиеву Р. Х.

---

[1] Драка // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 10.03.2018).

В свою очередь, Соколов В. В., находясь на месте происшествия, действуя совместно и согласованно группой лиц с Симаковым Д. А., умышленно, с целью убийства Алиева Р. Х., прыгнул обеими ногами на его голову. После этого Соколов В. В. поднял с пола тепловую пушку, которой ранее Симаков Д. А. нанес удар по голове потерпевшего, и, действуя в продолжение своего умысла, направленного на убийство Алиева Р. Х., умышленно нанес ею не менее одного удара в область головы лежащему на полу потерпевшему Алиеву Р. Х.

Далее, продолжая реализацию умысла, направленного на убийство Алиева Р. Х., находясь на месте происшествия, Соколов В. В. и Симаков Д. А., действуя совместно, группой лиц, каждый нанес потерпевшему не менее 3-х ударов руками и ногами, обутыми в обувь, в область головы, после чего Симаков Д. А. взятым на месте происшествия выдвижным ящиком стола нанес Алиеву Р. Х. не менее одного удара в область головы.

Своими умышленными совместными преступными действиями Соколов В. В. и Симаков Д. А. группой лиц причинили Алиеву Р. Х. тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни в момент причинения.

Смерть Алиева Р. Х. наступила 29 августа 2010 г. в МУ «Шадринская городская больница скорой медицинской помощи» от закрытой тупой черепно-мозговой травмы в виде ушибов головного мозга и ствола, обширного субарахноидального кровоизлияния, закрытого перелома костей носа, множественных ушибленных ран, ссадин и кровоподтеков головы, в результате умышленных совместных преступных действий Соколова В. В. и Симакова Д. А[1].

В описанной ситуации фрагментация обстоятельств происшествия выразилась в игнорировании начальной стадии событий, в основе которых лежит факт неправомерного применения Алиевым огнестрельного оружия в отношении посетителя ночного клуба Аксенова, а вслед за этим – в отношении осужденного Соколова. И в приговоре суда (л. 2–3 приговора), и в постановлении следователя о привлечении Соколова в качестве обвиняемого (т. 11, л.д. 71–72) изложение событий начинается с внезапно возникшего на почве личных неприязненных отношений преступного умысла Соколова и Симакова, направленного на убийство Алиева. Между тем, как установлено в ходе судебного следствия, противоправные действия в ночном

[1] Архив Курганского областного суда. 2012. Дело № 2-04/2012.

клубе начались без участия подсудимых, которые в тот момент находились в другом помещении здания. Вначале Алиев неправомерно применил огнестрельное травматическое оружие в отношении одного из посетителей клуба Аксенова, и лишь после этого, в этом помещении появились подсудимые, привлеченные звуком выстрела, которые, еще не успев ничего предпринять, подверглись нападению со стороны Алиева: тот неправомерно применил огнестрельное травматическое оружие в отношении Соколова, целясь ему в голову. И лишь благодаря тому, что Соколов успел закрыться рукой, пуля попала ему в предплечье. Только после этого Соколов и Симаков, как установлено в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2012 года, по данному уголовному делу[1] предприняли оборонительные действия.

Указанные обстоятельства являются существенными и для определения побудительных мотивов в поведении осужденных, и для установления механизма события преступления, и для квалификации действий его участников. Игнорирование следователем начальной стадии событий, в основе которых лежит факт неправомерного применения Алиевым огнестрельного оружия в отношении Аксенова, а вслед за этим – в отношении осужденного Соколова, лишило его возможности установить обстоятельства совершенного преступления в соответствии с тем, как они происходили в действительности.

Изложенное убеждает, что на уровне экспертной оценки в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого в результате фрагментирования обстоятельств происшествия проигнорирована начальная стадия событий, в основе которых лежит факт неоднократного неправомерного применения потерпевшим огнестрельного оружия, что привело к диаметрально противоположному действительным обстоятельствам выводу о том, кто на кого напал – Алиев на Соколова или Соколов и Симаков на Алиева. Данные обстоятельства, воспроизведенные в приговоре суда по этому делу, в соответствии с пп. 1–4 ст. 389.16 УПК РФ являются признаками несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела.

В подобных случаях потерпевший в драке нуждается не только в физической, но и в юридической защите. Это особенно актуально в

[1] Архив Верховного Суда Российской Федерации, 2012. Дело № 82-О12-33.

условиях, когда должностные лица органов уголовного преследования заведомо поставлены законодателем в одностороннюю позицию. Выполняя свое предназначение участника уголовного судопроизводства исключительно со стороны обвинения, следователи, а вслед за ними и суд прибегают к произвольной фрагментации обстоятельств происшествия, результатом которой являются выводы, не соответствующие действительным обстоятельствам происшествия. Такой подход, конечно, существенно облегчает труд служителей Фемиды, однако он противоречит назначению уголовного судопроизводства, в силу чего должен своевременно диагностироваться и последовательно устраняться из следственной практики.

Кротова Л. Е.*[1]*,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Некоторые вопросы взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений

Успех раскрытия, расследования и предупреждения преступлений зависит, в числе прочих факторов, от организации взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных и экспертно-криминалистических подразделений ОВД. Без использования специальных знаний сегодня невозможно расследование ни одного преступления. Практика расследования диктует необходимость введения новых форм использования специальных знаний. Примером является законодательное закрепление новых видов доказательств: заключение и показания специалиста. Следовательно, в криминалистике мы говорим о новых процессуальных формах взаимодействия, которое происходит при обращении к специалисту для дачи заключения или при его вызове на допрос.

Существенной новеллой явилась возможность взаимодействия в стадии возбуждения уголовного дела не только со специалистом, но и с экспертом в форме назначения и производства экспертиз.

Рассмотрим подробно некоторые формы взаимодействия. Участие специалиста при проведении следственных действий объясняется отсутствием специальных знаний у следователя (дознавателя), оперативных сотрудников и необходимостью технико-криминалистического обеспечения деятельности следственных и оперативно-разыскных органов[2]. Следователю в каждом конкретном случае приходится решать вопрос о целесообразности и необходимости такого участия, планируя и экономя как свое рабочее время, так и время специалиста. Бесспорным является следующее: в большинстве случаев работы с

---

[1] © Кротова Л. Е., 2018.

[2] См.: Волынский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1999. 64 с.

материальными следами преступления или применения технико-криминалистических средств должно быть обеспечено участие специалиста.

Перечень задач специалиста на месте производства следственного действия довольно обширен, и все они вытекают из норм уголовно-процессуального законодательства и ведомственных нормативных правовых актов. К ним относятся: содействие в обнаружении, фиксации и изъятии материальных следов; техническая фиксация его хода и результатов; полное и правильное отражение в протоколе криминалистически значимой информации; достоверное отражение данных о применении криминалистических средств и методов; предварительное исследование материальных следов.

Исходя из анализа практики расследования преступлений, отметим, что следователями специалисты привлекаются для участия во многих следственных действиях, таких как осмотр места происшествия, проверка показаний на месте, предъявление для опознания, следственный эксперимент, получение образцов для сравнительного исследования, обыск, осмотр предметов (документов), выемка, допрос. Нами перечислены следственные действия в порядке убывания частоты встречаемости привлечения специалиста к участию в них.

На наш взгляд, наблюдается чрезвычайно редкое присутствие специалиста при отборе образцов для сравнительного исследования. Необходимость его участия в данном следственном действии обусловлена существованием ряда факторов, которые следователь самостоятельно не всегда может учесть, – это и условия, при которых требуется отбирать образцы (источник освещение, наличие посторонних шумов и т. д.), и особенности, относящиеся к анатомическим или функциональным признакам личности исполнителя того или иного образца, и требования методики производства экспертизы.

При этом ряд авторов в своих работах приводят неутешительные цифры, сами следователи (дознаватели) недооценивают роль участия специалиста в проведении следственных действий. Только 45 % респондентов на вопрос: «Приглашали ли они для участия в следственных действиях специалистов?» – ответили положительно[1].

[1] См.: Мозговая Д. А. Участие специалиста в следственных действиях при расследовании подлога документов // Вестник Московского университета. – 2012. – № 9. – С. 117.

При расследовании преступлений необходимо добиться того, чтобы специалисты были постоянными участниками таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, отбор образцов для сравнительного исследования и осмотра документов (предметов), исходя из его задач.

Следующей важной формой взаимодействия является назначение и производство экспертиз. Почти в каждом случае расследования преступлений возникают вопросы, требующие специальных исследований. Принятый Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» позволяет назначать экспертизы до возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о преступлении. По делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, оружия, боеприпасов, поддельных документов, после поступления заявления или сообщения в максимально короткие сроки назначаются криминалистические экспертизы, носящие диагностический характер.

Анализ уголовных дел показал, что практическими сотрудниками по-прежнему допускаются ошибки при назначении экспертиз. Наиболее распространенными из них являются:

1. В постановлении о назначении экспертизы излагаются не все значимые для эксперта сведения об обстоятельствах обнаружения и изъятия следов. Так же зачастую отсутствует информация о состоянии следа или объекта-следоносителя на момент осмотра.

2. Неверная формулировка вопросов, постановка вопросов, выходящих за пределы компетенции эксперта, или для решения которых не требуется производства исследований. Например, для ответа на вопрос: «Имеются ли на представленном предмете повреждения, каков их характер?» – достаточно провести такое следственное действие, как осмотр предмета с участием специалиста.

3. Формальный подход следователя к оценке качества и количества материалов, предоставляемых на экспертизу. В заключениях эксперта встречаются указания на несопоставимость образцов или их недостаточность. Особую сложность здесь представляют образцы почерка и подписей. Вне зависимости от вида исследуемого документа, экспериментальные образцы выполняются на стандартных листах формата А4 пишущими приборами, отличными от тех, которыми вы-

полнялся исследуемый документ. Сведения об условиях их выполнения не отражаются в представленных на исследование материалах[1]. Много нареканий высказывается по качеству свободных образцов, их достоверности.

Из непроцессуальных форм взаимодействия наиболее эффективной и востребованной остается консультативная помощь следователю (дознавателю) по уголовному делу. К консультативной помощи следователь может прибегнуть на любом этапе расследования. Наиболее распространенными являются консультации, проводимые перед следственным действием, когда возникают вопросы о способах изъятия тех или иных материальных следов, об условиях их хранения, о возможностях современных технических средств по обнаружению или фиксации следов.

Положительным примером рассматриваемой формы взаимодействия является консультация, проводимая до вынесения постановления о назначении экспертизы. Такие консультации связаны со следующими вопросами: возможности конкретного экспертно-криминалистического подразделения по исследованию материальных следов; перечень вопросов, разрешаемых экспертизой по изъятым объектам; разъяснения пределов экспертной компетенции.

Полагаем, что консультирование является не только наиболее эффективной, но и оперативной формой использования специальных знаний по конкретному уголовному делу. В результате такого взаимодействия следователь получает важную для расследования информацию в кратчайший срок.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что отдельные правовые и организационные проблемы взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений до настоящего времени не решены.

---

[1] Мозговая Д. А. К вопросу о судебных экспертизах по делам о подлогах документов // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность: теория и практика: материалы V Всероссийской науч.-практ. конф. (19 мая 2017 г.) / редкол.: С. В. Пахомов, А. В. Гусев, А. С. Данильян, В. И. Еремченко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2017. – С. 278.

Валов С. В.*[1]*,
начальник кафедры управления органами
расследования преступлений Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Правовые основы управления органами предварительного следствия в системе МВД России

Управление и право, как два общественных явления, находятся в состоянии постоянного взаимного воздействия, формы выражения которого всегда привлекали внимание и юристов, и представителей теории управления. Упорядочивающий потенциал каждого из них используется для организации коллективной деятельности людей во всех сферах социума. Право, выступая элементом нормативной подсистемы общества, в отличие от иных ее представителей (морали, нравственности, религиозных догм), неразрывно связано с государством, что наряду с другими, присущими ему признаками (всеобщностью, общеобязательностью, специфической формой выражения), повышает его значение в упорядочении общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности всех членов социума.

Значение права повышается в сфере уголовной юстиции, в которой действуют органы предварительного следствия, уполномоченные при наличии указанных в законе оснований ограничивать права и свободы участников уголовно-процессуальных отношений и применять меры государственного принуждения. При этом общеобязательность установленного на территории Российской Федерации порядка уголовного судопроизводства в равной степени распространяется и на протекающие в процессуальной форме управленческие отношения между руководителем следственного органа и следователем, руководителем следственной группы и членами следственной группы.

Вместе с тем, практика убедительно доказывает, что в данной сфере потенциала одного права явно недостаточно для упорядочения общественных отношений во всем многообразии их проявлений. Согласованность действий сотрудников органов предварительного

[1] © Валов С. В., 2018.

следствия, выполняющих схожие по своему содержанию и основанные на праве обязанности реагирования на любое преступное нарушение закона, но в разных географических, экономических, социально-политических и иных условиях оперативной обстановки, достигается посредством управления. Рассматривая управление как сознательное воздействие субъекта управления на сознание и волю объекта управления при помощи определенным образом выраженных и оформленных правил, норм и требований для согласования и упорядочения их коллективных действий по удовлетворению определенной общественной потребности, заметим, что субъекты управления, предпринимая усилия по упорядочению повседневной деятельности подчиненных, не могут игнорировать модели их поведения, содержащиеся в правовых нормах. Правовая обусловленность действий объектов управления определяет аналогичный характер полномочий и правоприменительных действий со стороны их руководителей. Субъект управления, оказывая воздействие на подчиненных, использует исходное и основополагающее свойство права, придающее ему качество специфического регулятора (координатора коллективной деятельности людей) и состоящее в способности оказывать на них информативное и ценностно-мотивационное воздействие посредством согласования их специфических интересов и поддержания динамического равновесия между личным интересом и общественной необходимостью[1].

Повседневная практическая деятельность органов предварительного следствия в системе МВД России в зависимости от решаемых в ходе нее задач и правовых оснований может быть подразделена на два вида: процессуальную и служебную. С учетом указанной специфики все виды управляющих воздействий, реализуемых в системе управления ими, подразделяются на две группы: процессуальные и непроцессуальные по признаку указания на правомерность их применения в УПК РФ или в других законах и иных нормативных правовых актах, определяющих полномочия конкретного субъекта управления на соответствующем уровне системы органов предварительного следствия. При этом субъекты управления должны уметь выделять из всей совокупности общественных отношений, в которые вступают между собой руководители и подчиненные, те, которые объективно могут, должны быть и уже урегулированы правом. Правильное определение

[1] Государственно-правовые основы управления органами внутренних дел: аналитический обзор. М. : Академия управления МВД России, 2011. С. 13.

границ правового регулирования управленческих отношений повышает эффективность юридического воздействия субъектов управления, осуществляемого посредством установления для объектов управления общих правил поведения. Общественные отношения, возникающие в системе МВД России между субъектами и объектами управления органами предварительного следствия, образуют, по нашему мнению, особый предмет правового регулирования, характеризующийся взаимосвязью и взаимообусловленностью всех видов деятельности, которые выполняют образующие их элементы (сотрудники, федеральные государственные гражданские служащие, работники, организационно объединенные в подразделения и органы, расположенные на разных уровнях ведомства) при согласованном достижении поставленной перед ними общей цели. Все элементы предмета правового регулирования объединяют следующие признаки: во-первых, обязательным участником вышеназванных отношений выступает руководитель органа предварительного следствия или уполномоченное им лицо; во-вторых, отношения возникают в результате реализации руководителем предоставленных ему полномочий с целью упорядочения деятельности подчиненных сотрудников (служащих, работников), подразделений или органов.

Основной структурной единицей права выступает норма права, отличающаяся от других признанных в социальной среде установлений, своим общеобязательным, всеобщим характером и содержащимся в ней и обращенным к воле и сознанию участников общественных отношений установлением следовать заложенному в ней образцу (эталону, масштабу) поведения, признаваемому и обеспечиваемому государством. В силу разнообразия управленческих отношений, возникающих между субъектом и объектом управления органами предварительного следствия в системе МВД России, нормы права имеют различную отраслевую принадлежность (уголовно-процессуальные, финансовые, административные, трудовые и т. д.), а правовой институт управления органами предварительного следствия в системе МВД России является по своему составу комплексным правовым образованием.

Нормы права устанавливаются, вводятся в действие, изменяются или отменяются уполномоченными государственными органами или должностными лицами посредством принятия специальных решений – нормативных правовых актов. В современном классификаторе правовые акты, содержащие нормы, регулирующие в системе МВД России правоотношения, возникающие в системе управления органами

предварительного следствия, относятся к нескольким рубрикам: 160.020.080 «Органы внутренних дел»; 180.060.020 «Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие»; 160.080.000 «Взаимодействие государственных органов обеспечения безопасности между собой и с правоохранительными органами иностранных государств» и ряду других[1]. Заметим, что применительно к иным федеральным органам классификатор предусматривает отдельную рубрику[2], объединяющую в себе нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения, возникающие при формировании системы органов, организации их деятельности, руководстве подчиненными подразделениями и сотрудниками (федеральными государственными служащими).

Относимость обозначенных выше правовых норм к различным отраслям права; направленность их на регулирование различных по своей природе общественных отношений, возникающих как между руководителями и подчиненными им сотрудниками (работниками, служащими) в составе одного подразделения (органа), так и между подразделениями и органами, расположенными на различных уровнях системы МВД России; включение данных норм в нормативные правовые акты различной юридической силы представляется достаточной системой аргументов, позволяющих использовать для определения их совокупности термин «правовые основы». Заметим, что научной литературе и законодательной технике отсутствует терминологическая определенность относительно данного понятия, высказаны две точки зрения относительно его содержательного наполнения. Согласно одной из них, термин должен быть изложен исключительно в единственном числе: «правовая основа», поскольку «в стране действуют единая (одна) нормативно-правовая система, единая (одна) законность и устанавливается единый (один) правопорядок»[3]. В соответствии с иной точкой зрения использование термина

---

[1] О классификаторе правовых актов : Указ Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 г. № 511 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 12, ст. 1260.

[2] См., например, рубрики: 190.020.030 – Руководство деятельностью уголовно-исполнительной системы; 190.010.020 – Система и организация прокуратуры; 190.020.020 – Система и организация органов юстиции.

[3] Жилинский С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности). М. : Норма, 2008. С. 101.

во множественном числе («правовые основы») указывает на неоднородность правовых норм и содержащих их нормативных правовых актов различной юридической силы, объединенных в одну группу по признаку общности предмета правового регулирования[1].

Таким образом, правовые основы управления органами предварительного следствия в системе МВД России – это совокупность имеющих различную отраслевую принадлежность правовых норм, регулирующих объединенные в обособленную группу управленческие общественные отношения, возникающие в процессе формирования, оформления и реализации субъектами управления или уполномоченными ими лицами управляющих воздействий в отношении состоящих на штатных должностях сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников, объединенных в постоянные или временные организационные образования в целях упорядочения их процессуальной и иной связанной с ней служебной (трудовой) деятельности, направленной на обеспечение реализации законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве по уголовным делам, подследственным следователям органов внутренних дел.

[1] Мандрица В. М., Касьянов В. В. Правовые основы управления. М. : Высшее образование, 2002.

***Алонцева Е. Ю.*[1],**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
полковник полиции

Исторические аспекты процессуальной самостоятельности следователя

В период проведения судебной реформы 1864 г. в Царской России следствие из полиции было передано в судебные органы. Должностные лица, проводившие расследование, которое считалось предварительным по отношению к судебному, назывались судебные следователи, что являлось вполне справедливым, так как процессуальная деятельность следователя и суда схожа и связана с осуществлением правосудия. В указанный период времени судебные следователи назначались и увольнялись министром юстиции по представлению губернатора и с согласия губернского прокурора. Этот порядок определял положение следователей в системе государственных органов власти Царской России. Контроль за деятельностью судебных следователей осуществляли судебные органы. В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства на суды возлагалось право прекращения предварительного следствия, они могли давать указания следователю и рассматривать жалобы на их действия[2]. С 1864 г. судебные следователи стали несменяемы, что определяло их самостоятельность. В 1917 г. судебные следователи в соответствии с Декретом о Суде № 1 от 24 ноября 1917 г. были упразднены[3]. На смену им созданы следственные комиссии из трех человек, которые, в свою очередь, в 1920 г. были расформированы, и следователи получили право единоличного расследования уголовных дел. В органах прокуратуры следователи появились с 1922 г. и стали осуществлять предварительное

---

[1] © Алонцева Е. Ю., 2018

[2] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // URL: http://base.garant.ru/57791498/.

[3] Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.

следствие по всем делам. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. правом производства предварительного следствия наделялись органы внутренних дел, а значительно позже появились должности начальников следственных отделов в органах внутренних дел. Контроль за деятельностью следователя осуществлялся со стороны начальника следственного отдела и прокурора.

В указанный период времени, когда прокурор и начальник следственного отдела получили право вмешиваться в деятельность следователя и оказывать влияние на производство предварительного следствия, в юридической литературе стал появляться термин «процессуальная самостоятельность». Фактически следователь оказался в процессуальном и ведомственном подчинении. Законодатель понимал, что необходимо было оградить следователя от излишнего влияния прокурора и начальника следственного отдела, и предпринял попытку сделать это на законодательном уровне, внеся понятие процессуальной самостоятельности в ст. 30 Основ уголовного судопроизводства 1958 г.[1] и впоследствии в УПК РСФСР 1960 г.[2] Так, закон предписывал следователю право самостоятельного принятия решений и направления хода расследования. Вместе с тем, УПК РСФСР 1960 г. определил и полномочия прокурора по руководству предварительным следствием. Кроме того, в УПК РСФСР 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были внесены изменения, касающиеся полномочий начальника следственного отдела. Они были расширены, и начальник следственного отдела получил право давать следователю письменные указания относительно хода расследования и других процессуальных решений, которые были обязательны для исполнения.

Основы уголовного судопроизводства 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. отдаленно содержали положения, наделяющие следователя процессуальной самостоятельностью. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. существенным образом не изменил ситуацию в лучшую сторону. В соответствии с принятым законом следователь также был самостоятелен в принятии решений, но их круг стал значительно уже. Следователь становился исполнителем не

---

[1] Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик» // URL: http://www.consultant.ru.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС СССР от 27 октября 1960 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275.

своих решений. Очевидно, что ограничение в процессуальной самостоятельности следователя влияет на качество предварительного следствия и приводит к ненадлежащему обеспечению прав участников уголовного судопроизводства. И если с момента введения в действие УПК РФ 2001 г. многие решения следователя определялись или согласовывались с прокурором, лишь впоследствии, с внесением изменений в уголовно-процессуальное законодательство в 2007 г. подобное согласование действий следователя стало осуществляться с руководителем следственного органа, который, в свою очередь, пришел на смену начальника следственного отдела. Тем не менее, если следователем не получено согласие руководителя следственного органа для производства процессуальных действий, указанных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, он не может самостоятельно обратиться в суд с ходатайством и получить разрешение суда. Суд не вправе принять ходатайство следователя к рассмотрению, если руководитель следственного органа не дал следователю своего согласия. На наш взгляд, подобная ситуация требует законодательного решения в пользу следователя. В качестве положительной стороны последних изменений является то обстоятельство, что круг процессуальных действий, по которым руководитель следственного органа дает письменные указания следователю, в случае несогласия с которыми следователь, не выполняя их, может обжаловать вышестоящему руководителю следственного органа, значительно расширился по сравнению с УПК РСФСР 1960 г. Также были значительно уменьшены надзорные полномочия прокурора по отношению к следователю. Следователь вправе не согласиться с некоторыми решениями прокурора в соответствии с ч. 4 ст. 221 УПК РФ, обжаловать их вышестоящему прокурору с согласия руководителя следственного органа, и в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений закона, допущенных в ходе предварительного следствия, вправе предоставить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора (ч. 3 ст. 38 УПК РФ). Тем не менее, собственный опыт практической работы следователем и изучение следственной практики позволяет с уверенностью утверждать, что данным правом следователи пользуются крайне редко. Кроме того, УПК РФ не устанавливает механизм рассмотрения и разрешения подобных несогласий с указаниями руководителя следственного органа и рассмотрения возражений на требования прокурора об устранении нарушений закона. Несовершенство и непродуманность закона в этой

части правоотношений следователя с руководителем следственного органа и прокурором оказывает влияние на процедуру и полноту расследования. Для надлежащего обеспечения прав и интересов личности при производстве расследования следователь должен быть освобожден от какого-либо внешнего воздействия. Важным условием в формировании процессуального статуса следователя является процессуальная самостоятельность следователя. Этому будет способствовать повышение престижа работы следователя.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. До 1917 года следователи принадлежали к судебному ведомству, и законность их решений проверялась исключительно судом. Следователи были несменяемы, независимы и в принятии решении обладали большей процессуальной самостоятельностью.

2. В период 1917–1960 гг. процессуальное положение следователей и соответственно его процессуальная самостоятельность динамично изменялись. Для уголовно-процессуального законодательства характерно отдельное упоминание о процессуальной самостоятельности следователя, несмотря на его ведомственную принадлежность к различным государственным органам.

3. После принятия УПК РФ 2001 г. процессуальная самостоятельность в лучную сторону не изменилась, некоторые решения он по-прежнему не может принимать, минуя согласия руководителя следственного органа, что снижает активность следователя. Каждое процессуальное действие следователя должно основываться на законе и внутреннем убеждении.

Алимамедов Э. Н.*[1]*,
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
майор полиции

Структура и содержание обвинительного заключения как властно-распорядительного документа

Действующий УПК РФ не устанавливает формально закрепленного разграничения содержания обвинительного заключения на части, но при этом четко требует от правоприменителя необходимости использования в его содержании указанных в Кодексе отдельных элементов. В случае неукоснительного соблюдения данных предписаний, можно, констатировать, что обвинительное заключение автоматически достигает необходимых ему качеств: законности, обоснованности и мотивированности.

Инициатива законодателя отказаться от «жестких рамок», предъявляемых к разграничению содержания обвинительного заключения (как пример требования к составлению приговора суда), на наш взгляд, является вполне обоснованной. Следователю, участвующему в составлении обвинительного заключения, дается возможность творческой вариативности. Не нарушая буквы закона, он может строить обвинительное заключение, исходя из непосредственных обстоятельств, окружающих весь процесс расследования. Например, дифференцировать несколько типичных моделей обвинительных заключений в зависимости от возможных судебных процедур, которые предполагаются по конкретному уголовному делу и о которых следователь знает заблаговременно[2]. В данном случае следователь исходит из обстоятельств, которые необходимо учитывать при подготовке обвинительного заключения.

---

[1] © Алимамедов Э. Н., 2018.

[2] К таким возможным судебным процедурам относятся: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40); особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1); при производстве по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей (гл. 42 УПК РФ).

Анализ положений УПК РФ и материалов 174 уголовных дел, по которым было вынесено обвинительное заключение, позволяет констатировать наличие в данных итоговых документах предварительного следствия трех взаимообусловленных структурных частей: вводной, описательно-мотивировочной и заключительной. Вместе с тем в структуре обвинительного заключения резолютивная часть выделяется нечетко. В период действия УПК РСФСР в ст. 205 было установлено, что обвинительное заключение состоит из двух частей – описательной и резолютивной. Недостатком данной нормы было то, что в ней не выделялась вводная часть. Что же касается обвинительного заключения в том виде, в котором оно закреплено в ст. 220 УПК РФ, то отметим, что в ней вообще не раскрывается его структура, а наличие вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной части констатируется, исходя лишь из общей структуры документов властно-распорядительного характера.

При этом вводная часть обвинительного заключения включает три элемента. Первым элементом являются установочные данные: *наименование документа, номер уголовного дела, фамилия, имя, отчество обвиняемого (обвиняемых)*, как того требуют положения п. 1 ч. 1 ст. 220 УПК РФ. Вторым элементом, входящим в содержание вводной части обвинительного заключения, являются *данные о каждом из обвиняемых* (п. 2 ч. 1 ст. 220 УПК РФ). Третьим же элементом вводной части обвинительного заключения выступает *квалификация деяния*, что нарушает общепринятую практику вычленения в подобных документах резолютивной части.

Отмечая важность и значимость обвинительного заключения, согласимся с мнением А. А. Поперечного, который отмечает, что обвинительное заключение является окончательным документом предварительного следствия, содержание которого изучается прокурором и судом, а от качества составления этого документа зависит успешность судопроизводства[1]. Отсутствие же в законе норм, регламентирующих структуру составления обвинительного заключения, порождает ряд разногласий у ученых и практиков. Так, в ходе проведенного автором изучения обвинительных заключений было установлено, что структура и содержание этого документа зависят от сложившейся су-

[1] См.: Поперечный А. А. Значение и содержание обвинительного заключения // Эпоха науки. – 2017. – № 9. – С. 77–81. (78).

дебной практики региона. По нашему мнению, такое положение недопустимо, ведь разнобой практики отрицательно сказывается на всем уголовном судопроизводстве.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости приведения в соответствие норм, регламентирующих структуру обвинительного заключения. Как представляется, обвинительное заключение логически взаимосвязано с двумя основными властно-распорядительными документами уголовного судопроизводства. Исходя из последовательности вынесения процессуальных документов, в качестве первого необходимо отметить постановление о привлечении в качестве обвиняемого; вторым логически взаимосвязанным документом, который выносится после обвинительного заключения, является приговор. Именно проведение сравнительно-правового анализ обвинительного заключения и этих документов поможет определить оптимальную структуру обвинительного заключения.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого – это процессуальный документ, без которого вынесение обвинительного заключения невозможно. В ст. 171 УПК РФ, как и в случае со ст. 220 УПК РФ, по отношению к обвинительному заключению не раскрывается структура постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Проведенный анализ ст. 171 УПК РФ указывает на то, что структура данного документа содержит вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части. Более того, в ранее действовавшей ст. 476 УПК РФ был приведен бланк постановления о привлечении в качестве обвиняемого, который отвечал всем требованиям властно-распорядительного документа и содержал вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части. Необходимо отметить, что ст. 476 УПК РФ также содержала и бланк обвинительного заключения, который, нарушая установленные правила оформления документов властно-распорядительного характера, фактически содержал лишь вводную и описательно-мотивировочную части.

В качестве логической основы для структуры обвинительного заключения необходимо рассмотреть документ, который составляется по итогам судебного разбирательства. Таким документом является приговор суда. Исследование ст. 299 УПК РФ, регламентирующей вопросы, подлежащие разрешению при постановлении приговора, позволяет нам утверждать о взаимосвязи содержания приговора суда и обвинительного заключения. Основная часть вопросов, разрешаемых

судом в порядке ст. 229 УПК РФ, отражается следователем при составлении обвинительного заключения. Это позволяет констатировать, что обвинительное заключение является своеобразным «проектом приговора». Сравнительно-правовой анализ ст. 221 и 229 УПК РФ лишь подтверждает наши выводы. В приговоре суда количество вопросов, подлежащих рассмотрению, больше, и они полностью охватывают всю информацию, изложенную в обвинительном заключении.

Учитывая это, считаем необходимым сравнить структуру этих документов. Как было отмечено выше, ст. 220 УПК РФ не раскрывает структуру обвинительного заключения, а наличие вводной, описательно-мотивировочной и заключительной части констатируется, исходя лишь из общей структуры документов властно-распорядительного характера. В свою очередь, ч. 1 ст. 303 УПК РФ предусматривает наличие вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной части при составлении приговора. После чего законодатель раскрывает требования к содержанию вводной (ст. 304 УПК РФ), описательно-мотивировочной (ст. 305, 307 УПК РФ) и резолютивной частей (ст. 306, 308, 309 УПК РФ). Учитывая последовательность движения уголовного дела с обвинительным заключением, а также процедуру судопроизводства с составлением приговора, предлагаем предусмотреть аналогичную структуру содержания и для обвинительного заключения.

В результате сравнительного изучения положений уголовно-процессуального законодательства РСФСР и Российской Федерации, а также по результатам сравнительно-правового анализа ст. 171, 303 и 220 УПК РФ, обоснованы следующие предложения законодательного плана: выделить в ст. 220 УПК РФ три составных части обвинительного заключения – вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную; сгруппировать информацию, которая должна быть изложена в каждой из указанных статей; приблизить структуру обвинительного заключения к иным документам властно-распорядительного характера.

На основании вышеизложенного автором предлагается следующая структура обвинительного заключения:

В водной части должны быть указаны: кем (должность, классный чин, Ф.И.О. прокурора) принято решение «утверждаю» в отношении обвинительного заключения; кем (должность, звание, Ф.И.О. руково-

дителя следственного органа) дано согласие о направлении обвинительного заключения прокурору; наименование документа (обвинительное заключение), дата и место его составления; кем составлено обвинительное заключение; фамилия, имя и отчество обвиняемого или обвиняемых, число, месяц, год и место его (или их) рождения.

В описательной части излагается сущность уголовного дела: место и время совершения преступления, его способы, мотивы, последствия и другие существенные обстоятельства; перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания; перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением; данные о гражданском истце и гражданском ответчике.

В резолютивной части приводятся сведения о личности обвиняемого или обвиняемых и излагается формулировка предъявленного обвинения с указанием статьи или статей уголовного закона, предусматривающих наказание за данное преступление.

***Агутин А. В.*[1],**
профессор кафедры международного сотрудничества
в сфере прокурорской деятельности
университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

К вопросу о понятии полномочий прокурора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности

В науке прокурорского надзора имеется самый многообразный спектр подходов понимания полномочий прокурора[2]. В настоящей работе мы не будем останавливаться на их анализе, а представим научной общественности уже адаптированную к прокурорскому надзору за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности дефиницию полномочий прокурора. В контексте наименования настоящего параграфа – это обусловленная системой принципов уголовного судопроизводства и «древом» целей предварительного расследования при производстве по уголовным делам экстремистской направленности система прав и обязанностей прокурора.

---

[1] © Агутин А. В., 2018.

[2] См.: Агутин А. В., Куликова Г. Л., Агеев А. Н. Организация прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела : монография. М., 2010. С. 76–78.

Обусловленность полномочий прокурора в ходе осуществления надзора за исполнением законов уголовного судопроизводства принципами уголовного судопроизводства[1] и «древом» целей предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности предполагает их взаимосвязь и взаимообусловленность с культурной системой российской общности и системой традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. Культурная система российской общности оказывает существенное влияние на смыслообразование полномочий прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Со своей стороны, система традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа придает надзорным полномочиям прокурора при расследовании преступлений экстремистской направленности внутреннюю силу и обеспечивает их ясность, устойчивость и определенность.

К сожалению, в ходе реформирования отечественного уголовного судопроизводства культурная система и система традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа рассматривались в качестве второстепенных и факультативных образований. В результате доктрина, воплощенная в УПК РФ, оказалось оторванной от культурной системы и системы духовно-нравственных ценностей. На авансцену истории явилась, а в УПК РФ проявилась либеральная доктрина уголовного судопроизводства[2] в форме концепции «должной

---

[1] На обусловленность полномочий прокурора принципами уголовного судопроизводства в ходе осуществления надзора указывает и профессор В. В. Дорошков. По его мнению, несмотря на отдельные изменения в УПК РФ, которыми ограничены полномочия прокурора, при определении процессуального положения прокурора суды зачастую вынуждены исходить из общих принципов уголовного судопроизводства (статьи 7, 9, 11, 15 УПК РФ), в соответствии с которыми прокурор остается блюстителем законности в любой стадии уголовного процесса. Поддерживая государственное обвинение в суде первой инстанции, давая заключения в апелляционной, кассационной или надзорной инстанции, прокурор остается представителем органа, осуществляющего надзор за точным и единообразным исполнением законов. Лишь изменяются формы надзора и средства прокурорского реагирования на обнаруженные нарушения закона. См.: Дорошков В. В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 13–19.

[2] См.: Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: социокультурные основания и сложившиеся концепции / И. Е. Адаменко. Краснодар, 2014. С. 138–163.

правовой процедуры»[1] с ее правами и свободами человека и гражданина. Подобное реформирование уголовного судопроизводства не могло не сказаться отрицательно и на действенности прокурорского надзора в уголовно-процессуальной сфере, включая надзорные полномочия прокурора. Либерализм своим отрицанием самого бытия жизни нашего народа нейтрализовал наиболее действенные надзорные полномочия. Мы не одиноки в своих мыслях.

На вредоносное влияние либерализма на полномочия прокурора указывает также авторитетный ученый и солидный практик В. В. Дорошков. «В последние годы в отечественной уголовно-процессуальной политике и, соответственно, в юридической науке, – пишет В. В. Дорошков, – получили поддержку либеральные правовые доктрины, произошла имплементация отдельных общепризнанных принципов и норм международного права в отечественное процессуальное законодательство и судебную практику, повысилась роль решений Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации, носящих прецедентный характер. Положения, определяющие роль прокурора в уголовном процессе, постоянно уточнялись, корректировались. При этом все реже упоминались термины «законность» и «правопорядок». В результате активных попыток реализации примитивно толкуемого принципа состязательности сторон в уголовном процессе и формального подхода к ее сущности форма, как философская категория, зачастую реально становилась важнее самого содержания»[2].

Со своей стороны, мы не только согласны, но и солидарны с суждениями и выводами В. В. Дорошкова. В условиях идеологического господства либерализма в отечественном уголовном судопроизводстве особую значимость приобретает реализация прокурором своих надзорных полномочий в целом, включая и тех из них, которые относятся к прокурорскому надзору за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. В ходе осуществления прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности имеются

---

[1] См.: Агутин А. В., Трошкин Е. З., Губжоков Р. Х. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве : монография. М., 2016. С. 6–61.

[2] Дорошков В. В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 13–14.

две относительно самостоятельные системы полномочий прокурора[1]. Первая система полномочий в этой сфере непосредственно связана с осуществлением прокурором прав в ходе надзора при расследовании преступлений экстремистской направленности. Этой системой надзорных полномочий прокурора дадим наименование «процессуальные полномочия прокурора».

Вторая система полномочий прокурора не имеет непосредственной связи с осуществлением прокурорского надзора при расследовании преступлений экстремисткой направленности. В юридической литературе второй системе полномочий дано наименование «общие полномочия прокурора». Так, часть 2 статьи 5 Закона о прокуратуре[2] «Недопустимость вмешательства в осуществление прокурорского надзора» предоставляет прокурору право, согласно которому он не обязан давать каких-либо объяснений по существу находящихся в его производстве дел и материалов, а также предоставлять их кому бы то ни было для ознакомления. Кроме того, требования прокурора, вытекающие из его полномочий, перечисленных в статьях 9.1, 22, 27, 30 и 33 Закона о прокуратуре, подлежат безусловному исполнению в установленный срок. Статистическая и иная информация, справки, документы и их копии, необходимые при осуществлении возложенных на органы прокуратуры функций, представляются по требованию прокурора безвозмездно. Неисполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, а также уклонение от явки по его вызову влечет за собой установленную законом ответственность (статья 6 Закона о прокуратуре).

В соответствии с статьей 22 Закона о прокуратуре прокурор при осуществлении возложенных на него функций вправе: 1) по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на тер-

---

[1] В науке прокурорского надзора имеются и иные классификации надзорных полномочий прокурора. Например, профессор А. Ю. Винокуров надзорные полномочия прокурора классифицирует на три группы: 1) проверочные полномочия (полномочия, направленные на выявление нарушений законов); 2) полномочия по реагированию (направленные на устранение нарушений законов); 3) профилактические полномочия (направленные на предупреждение нарушений законов). См.: Винокуров А. Ю. Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры. Избранные статьи. 2-е изд., доп. М., 2012. С. 186.

[2] Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8, ст. 366.

ритории и в помещения органов, указанных в пункте 1 статьи 21 Закона о прокуратуре; 2) иметь доступ к их документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона; 3) требовать от руководителей и других должностных лиц органов, указанных в пункте 1 статьи 21 Закона о прокуратуре, представления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений; 4) требовать от руководителей и других должностных лиц органов, указанных в пункте 1 статьи 21 Закона о прокуратуре, выделения специалистов для выяснения возникших вопросов; 5) требовать от руководителей и других должностных лиц органов, указанных в пункте 1 статьи 21 Закона о прокуратуре, проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций; 6) вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов.

В отличие от общих полномочий прокурора система процессуальных полномочий прокурора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности предметна (специализирована). Она не ограничивается сугубо правами и включает в себя обязанности. Включение в слово «полномочия» обязанностей представляет собой определенный компромисс между правами и обязанностями прокурора при осуществлении надзора при расследовании преступлений экстремистской направленности. В УПК РФ данная мысль была воспринята частью 1 статьи 37 УПК РФ. В соответствии с данной нормой прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Составной частью прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия является прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. При этом системообразующее место в полномочиях прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности принадлежит обязанностям. Системообразующее место обязанностей в надзорных полномочиях прокурора по анализируемому виду уголовных дел объясняется нами

двумя обстоятельствами: первое (ментальное) и второе (мировоззренческо-правовое).

Первое обстоятельство. Оно взаимосвязано с менталитетом самих российских прокуроров. Российские прокуроры являются представителями нашего (российского) народа. В менталитете российского народа превалирует не идея права, а идея обязанностей, вследствие чего наш народ рассматривает органы государственного управления сквозь призму исполнения ими обязанностей. Российскому менталитету присущ дух «государства правды».

Второе (мировоззренческо-правовое) обстоятельство. Согласно ему, системообразующее место обязанностей в надзорных полномочиях прокурора объясняется статусом самого прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности в механизме правового воздействия на уголовно-процессуальную деятельность выступает в качестве одного из общих условий предварительного расследования[1]. Будучи таковым, прокурорский надзор является элементом системы уголовно-процессуальной деятельности, которая расположена на нижележащем иерархическом уровне по отношению как к системе принципов уголовного судопроизводства, так и цели производства по уголовному делу. В этом смысле он обусловлен системой принципов уголовного судопроизводства и целью, а точнее, «древом» целей уголовного процесса. Так, одним из принципов уголовного судопроизводства является принцип публичности уголовного процесса. По своей природе он является проявлением менталитета, мировоззрения и права российского народа. В этом смысле принцип публичности является своеобразным каналом, посредством которого элементы российского менталитета, мировоззрения и права воплощаются в законодательстве и правоприменительной практике. Например, к элементу принципа публичности относится положение уголовно-процессуального закона, согласно которому прокурор является одним из субъектов уголовно-процессуальной деятельности, на которого возлагается процессуальная обязанность. Так, в соответствии с частями 1 и 2 статьи 21 УПК РФ «Обязанность осуществления уголовного преследования», на прокурора

[1] См.: Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 201.

возлагается обязанность осуществления от имени государства уголовного преследования и принятие предусмотренных УПК РФ мер по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Анализ нормы уголовно-процессуального закона, закрепляющего процессуальное правило о возложении процессуальной обязанности уголовного преследования на прокурора говорит в пользу того, что совокупность прав прокурора в ходе надзора при расследовании преступлений экстремистской направленности обусловлена обязанностями. В ходе осуществления надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности на прокурора, например, возлагаются обязанности: 1) принимать предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, в каждом случае обнаружения признаков преступления экстремистской направленности (ч. 2 ст. 21 УПК РФ); 2) разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11; ч. 2 ст. 16 УПК РФ); 3) немедленно освободить своим постановлением каждого в нарушение закона подвергнутого задержанию или лишенного свободы, либо незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар, либо содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного УПК РФ (ч. 2 ст. 10 УПК РФ; ч. 2 ст. 33 Закона о прокуратуре); 4) не реже одного раза в год проверять состояние и условия хранения вещественных доказательств, правильность ведения документов по их приему и учету; о результатах проверки составлять акт и др.

В ч. 1 ст. 37 УПК РФ законодатель употребляет термин «уполномочен». Он его использует в значении: *возложить обязанность на прокурора осуществлять прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.* Сказанное в полной мере имеет отношение и прокурорскому надзору за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Отсюда вывод: полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности включают в себя не только права, но и обязанности. Причем последние являются не ре-

зультатом лингвистических исследований основных постулатов теории прокурорского надзора, а следствием более серьезных причин. Главной из них является обусловленность прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности системой уголовно-процессуальных отношений и целью производства по рассматриваемому виду уголовных дел.

Полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности не отличаются от надзорных полномочий прокурора по иным делам. Они направлены на обеспечение законности и обоснованности предварительного расследования по анализируемым уголовным делам. «Процессуальные полномочия прокурора должны позволять ему, – отмечает О. С. Капинус, – влиять на сбор, проверку и оценку доказательств по уголовным делам, квалификацию содеянного, результаты расследования. Следует также учитывать исторический опыт России, систему и структуру органов предварительного расследования, уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов и правовой грамотности населения. Все это позволяет констатировать: надзорная деятельность прокурора в досудебном производстве призвана быть действенным средством выявления и пресечения нарушений закона»[1].

В самом общем плане полномочия прокурора при расследовании преступлений экстремистской направленности перечислены в части 2 статьи 37 УПК РФ. В соответствии с этой нормой прокурор, осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия в ходе предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, уполномочен:

1) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

2) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия;

3) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;

---

[1] Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. – 2013. – № 2. – С. 50–58.

4) давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;

5) истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ;

6) рассматривать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, выносить постановление об удовлетворении такого ходатайства либо об отказе в его удовлетворении, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, выносить постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения в порядке и по основаниям, предусмотренным УПК РФ, а также выносить представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве;

7) отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в порядке, установленном УПК РФ;

8) рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение;

9) участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ;

10) при наличии оснований возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, направляемому в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом;

11) разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы;

12) отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ;

13) изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;

14) передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными статьей 151 УПК РФ, изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи;

15) утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу;

16) утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу;

17) возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков;

18) осуществлять иные полномочия, предоставленные прокурору УПК РФ, например, во-первых, по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ); во-вторых, при соединении в одном производстве уголовных дел, подследственных разным органам предварительного

расследования, подследственность определяется прокурором с соблюдением подследственности, установленной ст. 151 УПК РФ (ч. 7 ст. 151 УПК РФ); в-третьих, разрешать споры о подследственности (ч. 8 ст. 151 УПК РФ).

Помимо перечисленных полномочий по осуществлению надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности прокурор уполномочен: 1) при необходимости проведения документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов продлевать срок производимой дознавателем проверки заявления (сообщения) о преступлении до 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ); 2) знакомиться с документами, на основании которых лица задержаны или заключены под стражу, а также требовать от администрации создания условий, обеспечивающих права задержанных и (или) заключенных под стражу (ч. 1 ст. 33 Закона о прокуратуре); 3) в случаях, перечисленных в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, признать доказательство недопустимым (ч. 2 ст. 88 УПК РФ); 4) узнать от руководителя следственного органа о том, что следователь, которому прокурором предъявлены требования об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, не согласен с таковыми и в этой связи представил названному руководителю свои письменные возражения (ч. 3 ст. 38 УПК РФ); 5) получать от руководителя следственного органа, рассмотревшего требование прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства, а также возражения подчиненного ему следователя, сообщение об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении допущенных нарушений либо мотивированное постановление о несогласии с требованиями прокурора (ч. 4 ст. 39 УПК РФ); прекратить уголовное дело, поступившее к нему с постановлением о применении мер медицинского характера (п. 3 ч. 5 ст. 439 УПК РФ); рассматривать и разрешать ходатайства подозреваемых и обвиняемых о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст.ст. 317.1–317.5 УПК РФ).

Попов А. М.*[1]*,
заведующий кафедрой «Безопасность и правопорядок»
Тамбовского государственного технического университета,
кандидат юридических наук, доцент;
Бабенко В. И.*[2]*,
магистрант Тамбовского государственного
технического университета

Следствие – каким оно могло быть…

Одним из направлений Концепции судебной реформы, провозглашенной в 1991 году, явилось реформирование следственного аппарата. Данная идея не стала новеллой, она рассматривалась как в советский период развития нашего государства, так и остается актуальной на протяжении этих 27 лет.

Обращаясь к истории, можно отметить, что следственные подразделения ранее существовали при судах, в вооруженных силах, в органах налоговой полиции и Федеральной службе по контролю за незаконным оборотом наркотических средств. Сегодня следственные аппараты действуют в трех ведомствах: Министерстве внутренних дел России, в органах Федеральной службы безопасности России и Следственном комитете России, в которых сотрудники занимают должности следователей, старших следователей, следователей по особо важным делам и старших следователей по особо важным делам. При этом общеизвестно, что во всех вышеперечисленных ведомствах следователи наделены одинаковыми процессуальными полномочиями, предусмотренными УПК России (ст. 38).

Главная идея реформирования следственных органов – это наделение следователя полноценной независимостью и самостоятельностью в принятии процессуальных решений, т. е. так, как это подразумевает уголовно-процессуальный закон[3].

---

[1] © Попов А. М., 2018.
[2] © Бабенко В. И., 2018.

[3] Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы (см., например, Горленко С. В. Влияние системы организации следственного аппарата на права и интересы личности // Следователь. – 2000. – № 8. – С. 48).

Однако в действительности это далеко не так, и думаю, что со мной согласится подавляющее большинство практических работников. Особенно беспомощность следствия стала наиболее ярко выражена с принятием УПК России.

В процессе расследования по уголовному делу следователь зависит от начальника следственного подразделения, прокурора, судьи и даже, в определенном аспекте, от руководства правоохранительного органа, в котором проходит службу следователь. И следователь из лица независимого и самостоятельного превращается в простого «оформителя» уголовного дела, от которого ничего не зависит. Это одна из проблем следственного аппарата России.

Вторая проблема заключается в том, что, имея даже одни и те же полномочия, выполняя одну и ту же работу, следователи МВД России, ФСБ России и СК РФ находятся в неравном положении. Это прослеживается в социальном и материальном обеспечении, нагрузке, режиме работы и пр. При средней заработной плате среди трех ведомств следователи СК России выполняют наибольший объем нагрузки, расследуют наиболее сложные уголовные дела, от чего зависит мера ответственности в принятии процессуальных решений, а режим работы требует постоянной мобилизации сил и энергии. Неудивительно, что в СК России по отдельным субъектам присутствует проблема с кадровым обеспечением, и даже не каждый следователь МВД России соглашается переходить в Следственный комитет России.

И третья, возможно, наиболее важная проблема, заключается в том, что при сегодняшней разобщенности следственных подразделений по трем ведомствам, на наш взгляд, трудно противостоять тому уровню организованной преступности, который существует в современной России. При этом, мало того, что правоохранительным органам противостоят не только хорошо организованные и материально обеспеченные преступные группы, но и между следственными органами трех ведомств существуют определенные противоречия, касающиеся чаще всего подследственности.

Все эти обстоятельства, на наш взгляд, и обуславливают необходимость создания единого Следственного органа Российской Федерации, объединяющего все следственные подразделения.

Теоретиками и практиками предлагаются различные пути решения этой проблемы. Так, одни авторы выход из сложившейся ситуации видят в возрождении в уголовном процессе России должности

судебного следователя (следственного судьи), появившуюся в отечественном уголовном судопроизводстве с вступлением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г., наделив их, в частности, полномочиями по санкционированию арестов и обысков, а также производству некоторых других процессуальных действий до судебного разбирательства дела[1]. Другие предлагают объединить весь следственный аппарат в структуре МВД России[2]. Третьи считают возможным создание службы расследования преступлений за счет слияния следственного аппарата и штатного дознания[3]. И четвертый вариант, на наш взгляд, наиболее приемлемый – это создание Федеральной службы расследования при Правительстве Российской Федерации[4].

Ограниченный объем настоящего доклада не позволяет высказать свое отношение к каждому из вышеперечисленных путей реформирования следственных органов, поэтому нам хотелось бы остановиться лишь на последнем варианте.

«Впервые идея создания единого следственного аппарата получила реальное развитие в материалах XIX партийной конференции и во многом была обусловлена получившими широкое общественное звучание событиями, связанными с расследованием уголовных дел о хищениях и коррупции в Узбекистане и ряде других республик бывшего СССР.

В 1988–1989 гг. МВД проведен эксперимент по самостоятельному функционированию следственных подразделений в ряде краев, областей, однако реальных положительных результатов достигнуто не было.

---

[1] Махов В. Н. Предварительное следствие по уголовным делам должно осуществляться судьями // Следователь. – 2000. – № 6. С. 47; Рощина Ю. Судебный следователь гарантирует объективность // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 60–61 и др.

[2] Картохина О. А. Следствие: вчера, сегодня, завтра // Российский следователь. – 2005. – № 1. – С. 3–4.

[3] Гирько С. И., Скударева Н. И. Об органах предварительного расследования системы МВД России // Российский следователь. – 2004. – № 6. – С. 24.

[4] Соловьев Н. Реформа следственного аппарата: от перераспределения подследственности до модернизации УК // Российская юстиция. – 2000. – № 12. – С. 2; Картохина О. А. Указ. раб. С. 4; Гирько С. И., Скударева Н. И. Указ. раб. С. 26–27; Володина Л. М. О статусе следователя и функциях уголовного процесса // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Международ. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. : в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 152–153 и др.

Идея единого следственного аппарата наиболее полно была реализована в 1995 г. в Казахстане, где одномоментно был образован Государственный следственный комитет (ГСК), который обеспечивал расследование всех категорий уголовных дел. Но поспешность в создании ГСК привела к частичному разрушению существовавшей системы расследования преступлений и снижению уровня контроля государства над осуществлением единой уголовной политики»[1].

Противники создания единого следственного органа и приводят в качестве аргумента неудачный пример Казахстана. При этом нам представляется, что главными критиками такой реорганизации выступали прокурорские работники, а значительная часть сторонников данной реформы находится в следственных подразделениях МВД России, так как, свыше 80 % всего следственного аппарата страны сосредоточено в ОВД.

В 1990 г. межведомственная рабочая группа в составе известных ученых и практиков вплотную подошла к реализации идеи об образовании единого следственного органа. Ими был разработан пакет законопроектов о «Следственном комитете РСФСР». В него вошли проекты законов «О Следственном комитете РСФСР», «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР», «Об ответственности за неуважение к следователю и воспрепятствование его деятельности» и др. В документе, содержащем обоснование предлагаемой реорганизации, говорилось о том, что «несовершенство нынешней структуры и противоречащая закону ведомственная подчиненность и разобщенность следственного аппарата стали серьезным препятствием для коренного улучшения его деятельности. Высокие психофизиологические перегрузки, неудовлетворительная материально-техническая оснащенность, отсутствие юридических гарантий процессуальной независимости и социальной защищенности следователей не позволяют всесторонне, полно и объективно расследовать совершенные преступления, нередко влекут серьезные нарушения конституционных прав и законных интересов граждан»[2]. В соответствии с принятой в

---

[1] Соловьев Н. Реформа следственного аппарата: от перераспределения подследственности до модернизации УК // Российская юстиция. – 2000. – № 12. – С. 2.

[2] О Следственном комитете РСФСР (проекты законодательных и нормативных актов, связанных с реорганизацией органов предварительного следствия). Комитет Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. М., 1990. С. 3.

1991 г. Концепцией судебной реформы на рассмотрение Верховного Совета Российской Федерации в 1993 г. был внесен несколько измененный и дополненный вариант проекта Закона РФ «О Следственном комитете РФ»[1].

С тех пор прошло более 20 лет, но идея эта не умерла и продолжает волновать умы ученых и практиков, о чем свидетельствуют многочисленные публикации на эту тему.

В заключение хотелось бы отметить, что в современных условиях развития государства и наметившихся тенденциях изменения преступности создание единого независимого следственного органа, по нашему убеждению, является одним из реальных направлений противодействия преступности в России. Кроме того, новая структура будет, в частности, способствовать укреплению авторитета правоохранительных органов и всего государства в целом.

[1] Проект Закона РФ «О Следственном комитете РФ» // Сов. юстиция. – 1993. – № 11. – С. 24–31.

Галкина У. В.*[1]*,
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
майор полиции

Актуальные вопросы расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий

Неправомерный доступ к компьютерной информации, выступает одним из наиболее популярных компьютерных преступлений. При этом он является довольно сложным в расследовании, поскольку следователи сталкиваются с определенными трудностями в квалификации этого преступления, так как незаконный доступ к компьютеру часто выступает в качестве средства совершения других преступлений. По данным ГИАЦ МВД России в 2011 году, количество преступлений, расследуемых по ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации за отчетный период – 5741; число уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением, – 4147; количество преступлений, уголовные дела по которым были приостановлены – 274; в 2012 году было расследовано 2077 уголовных дел, в суд было отправлено 1689 уголовных дел, приостановлено 247 уголовных дел; в 2013 году это: 1745, 1374, 206 уголовных дел, соответственно; в 2014 – 1643, 1507, 174 уголовных дел; в 2015 году – 858, 769, 216 уголовных дел; в 2016 году было расследовано 717 уголовных дел; 652 уголовных дела привлечены к суду, 350 уголовных дел были приостановлены; в 2017 году число возбужденных уголовных дел составило 529; 454 уголовных дела были направлены в суд (с обвинительным заключением), 454 приостановлены по разным причинам[2].

В связи с усилением криминогенной ситуации в стране, вызванной ростом количества компьютерных преступлений, созданием все более изощренных способов их осуществления, а также использованием

---

[1] © Галкина У. В., 2018.

[2] Статистика. 2011–2017 гг. // URL: http://www.mvd.ru/stats/ (дата обращения: 09.03.2018).

компьютерных технологий и при совершении многих других преступлений, в том числе террористического и экстремистского характера, вопрос о повышении эффективности деятельности следователя по расследованию данного вида преступлений и выработке методик производства отдельных следственных действий весьма актуальный. При расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации в качестве места совершения преступного деяния выступает местонахождение компьютерно-технических средств, с которых происходит отправление команд. Поскольку природа признаков рассматриваемого преступного деяния обусловлена его двойственным объектом, то объектами посягательства в рассматриваемых преступлениях являются базы и банки данных компьютерных сетей и систем, отдельные компьютеры и файлы, программное обеспечение, содержащие информацию, интересуемую преступников. Следует отметить, что способы неправомерного доступа к компьютерной информации можно разделить на способы прямого доступа и удаленного доступа, т. е. с помощью глобальной сети и локальной. В ходе расследования уголовных дел данной категории следователем могут быть установлены как традиционные следы, так и виртуальные. К традиционным относятся материальные и идеальные следы. Это рукописные заметки, напечатанные записи, показывающие подготовку преступления. По компьютерной технологии, на компьютерных носителях, периферийных устройствах могут оставаться следы пальцев рук, микрочастиц. Идеальными следами преступления являются размышления о событии преступления и элементы механизма его совершения в сознании и памяти людей, имеющие психофизиологическую природу образования и появляющиеся в форме умственных образов преступления в целом, его отдельные моменты и участники данного акта. Концепция виртуальных следов в науке криминалистике была введена не просто так, потому что традиционное понимание следов, разработанных в теории, не в полной мере относится к преступлениям, связанным с неправомерным доступом к компьютерной информации. Виртуальное следообразование не имеет физических и химических характеристик, кроме того, разделение не применимо к ним в зависимости от механизма формирования следов на поверхностные и объемные, местные и периферийные. Цифровое следообразование по своей сути является материальным. Оно представляет преобразование компьютерной информации, сопряженное с событием преступления. Этот тип следов остается на машинных носителях и является

процессом изменения файлов, реестра операционной системы и т. д. В отличие от традиционных следов, цифровое следообразование очень просто ликвидировать, как преднамеренно, так и случайно. Такие следы зачастую подделываются, эта фальсификация выявляется либо смысловым содержанием информации, либо компьютерными следами, оставленными в других местах. Цифровые доказательства воспринимаются через систему аппаратного и программного обеспечения, и поэтому их трудно продемонстрировать прокурору, судье, следователю. Также не всегда возможно обеспечить их неизменность, так как существуют методы хранения информации, обеспечивающей постоянное изменение носителей; кроме того, никто не застрахован от программных и технических ошибок и сбоев. Запись на диск производится с использованием кода Рида-Соломона с исправлением массовых ошибок, т. е. данный процесс сознательно рассчитан для возникновения ошибок на этапе считывания информации со среды. Из-за недостаточного финансирования следственные органы используют эти средства информации для хранения физических доказательств. Для несанкционированного удаленного доступа следы находятся в разных местах одновременно и на большом расстоянии. Таким образом, их можно оставить не только на рабочем месте, но и в месте хранения или хранения информации

Вся деятельность неправомерного доступа начинается с компьютера субъекта, совершающего преступное деяние, и завершается в виде последствий, регламентированных ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, на компьютере пострадавшей стороны. В этом случае провайдер (сервер провайдера) является промежуточным звеном в этой цепочке, на котором остаются цифровые следы и которое будут иметь значение для расследования: компьютеры-посредники при передаче данных – шлюзы, через которые проходит информация. При проверке компьютерного программного обеспечения нарушителя, можно обнаружить данные о соединении с провайдером, времени и продолжительности соединения, истории посещений и программ кэша, используемых для просмотра интернет-ресурсов, специализированного программного обеспечения, операционная система лог-файлы и другие операционные программы, данные, оставшиеся в кэш-памяти аппаратного обеспечения. Также необходимо изучить со специалистом браузеры, установленные на компьютере, и веб-программы, которые помогут следственным органам определить, какие сайты посещал нарушитель, а именно: папка «cookies», журнал

«История», проводник, интернет-закладки, окно поиска, в котором отражается запрос истории. С компьютера, идущего в Интернет, в автоматическом режиме автоматически поддерживается интернет-протокол, количество дней хранение которых определяется пользователем. Следы, обнаруженные в лог-файлах, не всегда могут считаться неопровержимыми доказательствами, поскольку такие данные могут быть изменены не только самими преступниками, но и сотрудниками фирмы поставщика или третьими лицами, в том числе случайно. Тем не менее, с помощью них может быть проведена идентификация и справочная информация, которая позволит исследователю создавать версии о том, где и какие следы искать дальше. На компьютерах, выступающих в качестве посредников для передачи данных, не может быть никаких следов. В редких случаях только короткое время может храниться информация, например, в направлении пакета данных.

Орудиями неправомерного доступа к компьютерной информации выступают компьютеры, компьютерное оборудование (базовые и периферийные), включая специальное программное обеспечение. Должны быть определены средства прямого и косвенного (удаленного) доступа. Инструменты прямого доступа включают в себя компьютерные носители, а также все средства для преодоления информационной безопасности. Средства удаленного доступа включают сетевое оборудование, телефонную связь, модем, мобильные телефоны, сетевые карты и т. д., а также Интернет и локальные сети.

Обстановка совершения неправомерного доступа к компьютерной информации имеет важное значение для анализа данного преступления и обычно определяется обстоятельствами, характеризующими пространственные, временные, материальные, технические и психологические характеристики события преступления. Обстановка определена тем, что преступное деяние, регламентированное ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, может осуществляться как непосредственно, так и с удаленного места, а на современном этапе развития и посредством передвигающего терминала.

Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации требует разработки тактики проведения такого следственно-оперативного действия, как поиск фактического места совершения преступления. Зачастую нельзя вычислить, откуда совершалось преступление при условии использования удаленного доступа, поскольку в группе преступников, одно из лиц, как правило, отвечает за сокрытие следов преступления, создавая помехи и препятствия для

осуществления обратной связи. Поэтому следует учитывать, что виртуальное пространство находится за пределами материального мира, а первоначальный поиск места совершения преступления и задержание лица, его совершившего, приходится осуществлять с использованием специальных технических средств.

***Копылов И. Н.*[1],**
помощник судьи
в Белозерском районном суде Курганской области

Возвращение судом уголовного дела на доследование в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных стран ближнего зарубежья

Уголовно-процессуальное законодательство различных стран представляет собой сложный правовой механизм взаимодействия множества органов и систем на различных стадиях осуществления уголовного преследования. Мы не говорим здесь о возбуждении уголовного дела, характерного для уголовно-процессуального законодательства нашей страны, в качестве момента, определяющего начало уголовного преследования. Для уголовно-процессуального закона других стран этот момент может быть иным, например задержание подозреваемого на месте совершения преступления, момент обнаружения признаков совершения преступления и т. д. Несмотря на различные подходы к пониманию момента начала осуществления уголовного преследования, уголовно-процессуальное законодательство многих государств имеет общие цели, такие как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Одним из элементов, обеспечивающих полноценное достижение этих целей, является институт возвращения судом уголовного дела для устранения недостатков, наличие которых влечет невозможность рассмотрения дела в судебном заседании.

Этот институт имеет различные наименования в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в Республике Армения процедуру устранения недостатков дела именуют направлением на дополнительное предварительное расследование. В Эстонии эту процедуру называют дополнительным расследованием дела. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации называет это же явление – *возвращением уголовного дела прокурору.* Несмотря на различные названия,

[1] © Копылов И. Н., 2018.

суть этого правового явления одна – устранение недостатков уголовного дела с целью последующего рассмотрения в судебном заседании.

Нами будет проведено сравнение существующих процедур устранения недостатков уголовного дела в законодательстве стран ближнего зарубежья, что позволит сделать выводы о степени их эффективности в достижении поставленных перед ними целей по защите прав участников уголовного судопроизводства. Сравнение будет проведено путем выборочного исследования элементов уголовно-процессуального законодательства отдельных стран. Следует сказать, что под термином *ближнее зарубежье* автор статьи подразумевает существующий в настоящее время союз стран СНГ и ряда других государств, ранее входивших в состав СССР (Грузия, страны Прибалтики). Образцом для сравнения будет являться отечественный институт возвращения судом уголовного дела.

Ответим на вопрос: почему же объектом нашего исследования является законодательство России и прилегающих к ней стран? Ответ на него скрыт в историческом прошлом наших государств, а именно: в имперском периоде истории нашей (общей на тот момент) страны. Так, появление в законодательстве Российской Империи такого документа, как Устав Уголовного Судопроизводства, стало отправной точкой для формирования большинства уголовно-процессуальных институтов в законодательстве этих стран. Следы этого общего правового прошлого присутствуют в нем до настоящего времени. Можно сказать, что доследование в УПК стран ближнего зарубежья является эволюционным изменением формы одного правового явления. Проследив данное изменение, мы сможем ответить на вопрос о том, какое из этих направлений развития является, по нашему мнению, наилучшим.

Первым из анализируемых объектов для нас будет являться Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армении (далее – УПК РА). Поскольку ранее мы уже упоминали данный документ, то не будет лишним остановиться на нем более подробно.

Процедуре возвращения судом уголовного дела посвящены ст. 296 и 297 УПК РА. По своему смысловому содержанию эти статьи значительно отличаются от аналогичных норм в УПК РФ. Для того чтобы понять сущность отличий этой процедуры от ее аналога в российском законодательстве, приведем формулировку ее положений: «Постановление о возвращении дела обвинителю судья выносит в

случае, когда обвинительное заключение не соответствует требованиям настоящего Кодекса. В постановлении о возвращении дела обвинителю, помимо оснований принятия такого постановления, указывается срок, в течение которого прокурор должен устранить недостатки в обвинительном заключении. Если обвиняемый находится под стражей, указанный срок не должен быть больше трех, а в остальных случаях семи суток»[1].

Как видим, процедура возвращения судом уголовного дела обвинителю в национальном праве Республики Армения существенным образом отличается от механизма возвращения уголовного дела прокурору, предусмотренного российским законодательством. Проведем краткий анализ этих отличий для формирования правильного представления о существующих инструментах устранения недостатков уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Армении.

Статья 296 УПК РА не содержит в себе перечня оснований возвращения судом уголовного дела обвинителю, в отличие от ст. 237 в российском УПК, где данный перечень определен и не подлежит расширительному толкованию. Подобная ситуация предоставляет стороне обвинения большие возможности по исправлению недостатков обвинительного заключения. Здесь следует сказать, что возвращение судом уголовного дела, в порядке ст. 296 УПК РА, предусматривает внесение исправлений в строго определенный документ – обвинительное заключение. Законодателем был установлен ограничительный срок для устранения государственным обвинителем недостатков обвинительного заключения, не более семи суток с момента возвращения судом уголовного дела. Внесение изменений в само уголовное дело, возвращенное в порядке ст. 296 УПК РА, не допускается, поскольку процесс внесения изменений в доказательную базу уголовного дела регламентирован ст. 297 УПК РА.

Разграничение оснований возвращения уголовного дела с их делением на недостатки обвинительного заключения и следственные недостатки преследует цель уменьшения сроков рассмотрения уголовных дел. В процессе подготовки к рассмотрению дела судья Армении должен сделать вывод: является ли просчет следователя одной лишь неточностью формулировок обвинительного заключения, либо

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (утв. Национальным Собранием Республики Армения от 1 июля 1998 г.) // URL: http//www.gpntb.ru/ru/win/search/help/el-cat.html.

ошибка была допущена в результате неполноты проведенного расследования, что исключает возможность ее быстрого исправления. По итогам рассмотрения выносится решение с указанием допущенных ошибок и сроков их устранения.

Российское уголовно-процессуальное законодательство такого разделения не предусматривает, что существенно затягивает процедуру устранения недостатков уголовного дела. Статья 237 УПК РФ содержит лишь обобщенные формулировки причин возвращения судом уголовного дела прокурору, не устанавливая сроков устранения недостатков, а также не разграничивая нарушения, исходя из их значимости для процесса рассмотрения дела по существу. Подобная недоработка позволяет недобросовестным правоохранителям затягивать процесс устранения недостатков дела, что нарушает права как обвиняемых, так и потерпевших на разумные сроки производства по уголовному делу. Нередки случаи невозвращения в суд уголовных дел после их направления на процедуру устранения недостатков, что является попыткой избежать вынесения оправдательных приговоров по «некачественным» делам.

Можно сказать, что законодатель Армении, проводя процедуру разделения нарушений, исходя из критерия их значимости для существа уголовного дела, сделал достаточно смелый шаг. Фактически он отрезал для стороны обвинения возможность необоснованного возвращения уголовных дел, когда под прикрытием устранения ошибок обвинительного заключения совершаются иные процессуальные действия (прекращение по нереабилитирующим основаниям, приостановление дел). Обвинение поставлено перед выбором: либо признавать факт того, что расследование по делу проведено с нарушениями, либо вносить исправления только в строго определенный документ – обвинительное заключение в установленный судом срок.

Коснемся теперь процедуры устранения следственных недостатков, осуществляемой через возвращение судом уголовного дела, в уголовно-процессуальном законодательстве Армении. Процедура возвращения судом уголовного дела для устранения недостатков предварительного расследования, выраженных в форме некачественного проведения следственных действий, предусмотрена статьей 297 УПК Армении, где указано следующее: «Постановление о возвращении уголовного дела для дополнительного предварительного следствия с целью производства необходимых процессуальных действий судья выносит в случае, когда органами дознания и предварительного

следствия допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые невозможно устранить в ходе судебного разбирательства».

Из содержания статьи видно, что она не содержит конкретных причин возвращения уголовного дела для проведения дополнительного следствия. Формулировка содержит лишь размытое понятие наличия в уголовном деле нарушений уголовно-процессуального закона, не устранив которые, нельзя рассмотреть дело по существу[1]. Таким образом, вынесенное судом постановление о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования должно содержать ссылки на нарушенные статьи УПК Армении. Кроме того, в нем должна быть мотивировка невозможности рассмотрения судом дела, с указанием причин невозможности получения тех или иных доказательств в судебном разбирательстве. При выполнении этих требований уголовное дело возвращается обвинителю.

Следует отметить, что, наполняя подобным смысловым содержанием статью, законодатель Армении предоставил суду чрезмерно большую вариативность в выборе оснований возвращения дела, что не могло положительно сказаться на качестве подобных возвращений. Отсутствие четко сформулированных критериев для понятия следственного недостатка, не позволяющего рассмотреть дело по существу, является серьезным нарушением уголовно-процессуального законодательства Армении. Нехватка ориентиров, при определении участниками уголовного процесса, какое же из действий следователя следует считать проведенным с нарушением действующего законодательства, порождает неопределенность в этом вопросе.

Статья 237 УПК РФ более последовательно разъясняет основания возвращения уголовного дела прокурору, конкретизируя понятие ошибки, наличие которой влечет невозможность рассмотрения дела. Пространное понятие следственной ошибки эта статья расчленяет на ряд самостоятельных недоработок, встречающихся в материалах уголовного дела. Всего ч. 1 ст. 237 УПК РФ предусматривает шесть причин возвращения уголовных дел, предусматривающих разнообразные нарушения требований уголовно-процессуального закона. Иные по-

[1] Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 223.

ложения ст. 237 УПК РФ регламентируют уже саму процедуру возвращения уголовного дела судом (вынесение определения о возвращении дела, применение мер пресечения).

Кроме ст. 237 УПК РФ, основания возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения недостатков содержатся также в главе 51.1 УПК РФ (введена в действие в июле в 2016 года), регламентирующей производство по делам о назначении мер уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности. В числе правовых норм, содержащихся в этом разделе УПК РФ, имеется и свое собственное основание для возвращения уголовного дела прокурору или руководителю следственного органа (п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ).

Содержание этого пункта позволяет говорить о том, что возвращение уголовного дела в подобном порядке фактически приравнивалось к вынесению оправдательного приговора по делу либо прекращению дела по реабилитирующим основаниям. Однако, не желая отходить от принципа обвинительного уклона построения уголовно-процессуальных норм, российский законодатель, не предоставляя суду возможности самостоятельного прекращения подобных дел, говорит лишь о возвращении дел с отказом в вынесении постановления о применении мер уголовно-правового характера.

Приведем здесь его текст для наиболее наглядного осмысления причин возвращения дела: «об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с возвращением ходатайства и материалов уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору, если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства, либо уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям» (п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ).

Все вышеперечисленные основания возвращения судами уголовных дел создают существующую в российском уголовно-процессуальном законодательстве систему устранения недостатков уголовного дела.

Проводя сравнение процедур возвращения судом уголовного дела, для устранения его недостатков в законодательстве России и Армении следует отметить, что каждый из этих процессуальных инструментов имеет свои сильные и слабые стороны. Сильной стороной варианта УПК РА устранения недостатков является то, что, разделив нарушения на недостатки обвинительного заключения и собственно следственные недостатки, законодатель Армении существенно ускорил и упростил процедуру их устранения. Судья оценивает сущность допущенных следователем недостатков по поступившему в суд уголовному делу. При этом оценивается их значительность и время, необходимое для их устранения. В случае малозначительности недостатков исключительно обвинительного заключения суд возвращает уголовное дело обвинителю с указанием на допущенные нарушения и устанавливает срок для их исправления. Максимальный срок устранения – до семи дней с момента вынесения судом определения, после чего дело подлежит возвращению в суд для рассмотрения по существу. Такая форма исправления ошибок дела не дает стороне обвинения возможности возвращать дела по малозначительным предлогам, с целью совершения иных процессуальных действий (прекращение, приостановление дел). Ограничение сроков исправления недостатков обвинительного заключения исключает возможность необоснованного затягивания производства по уголовному делу путем заявлений ходатайств о возвращении дела по малозначительным поводам, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, что служит защитой прав потерпевших и обвиняемых на судопроизводство по делу в разумный срок.

При выявлении судом Армении необходимости осуществления длительной процедуры исправления ошибок уголовного дела принимается решение о возвращении дела для устранения недостатков предварительного расследования без указания сроков устранения ошибок. Эта процедура не доработана, поскольку кроме указания на присутствие в деле ошибки, которую необходимо исправить путем проведения дополнительных следственных действий, законодателю следовало установить критерии того, что следует считать данной ошибкой. Подобное упущение является слабым местом УПК Армении и позволяет говорить о том, что УПК РФ занимает более сильную позицию в данном вопросе, поскольку критерии возвращения уголовного дела в нем определены более четко.

На этом сравнение институтов возвращения судами Армении и России уголовных дел для устранения недостатков будет нами завершено. Однако оценка состояния анализируемых процедур в законодательстве только двух государств не дает более-менее полного представления о состоянии дел в исследуемом нами вопросе. Для более полного освещения выбранной темы проведем оценку состояния института возвращения судом дел в законодательстве Эстонии. Выбор уголовно-процессуального законодательства этой страны обусловлен тем обстоятельством, что институт возвращения судом уголовного дела Эстонии содержит в себе черты ранее рассмотренных нами процедур возвращения уголовных дел в законодательстве России и Армении.

Процедура возращения судом уголовного дела в УПК Эстонии регламентирована ст. 174; ст. 195; ст. 219; ч. 2 ст. 215; ч. 2 ст. 216 этого документа. При этом непосредственное описание процедуры возвращения судом уголовного дела содержат лишь ст. 195, 219 УПК Эстонии, а ст. 174 содержит в себе требования к содержанию обвинительного заключения и подлежит применению во взаимосвязи с положениями статьи 195 УПК Эстонии. Аналогичным образом положения ч. 2 ст. 219 УПК Эстонии содержат в себе отсылочные нормы к ч. 2 ст. 215 и ч. 2 ст. 216 Кодекса. В ч. 2 ст. 216 прописаны действия суда в случае невозможности раздельного рассмотрения уголовного дела и выделенных из него материалов. Часть 2 статьи 215 УПК Эстонии содержит требование о необходимости возвращения судом уголовного дела при поступлении ходатайства прокурора о необходимости изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого.

Статья 195 УПК Эстонии поименована как возвращение уголовного дела прокурору для составления нового обвинительного заключения. Из названия этого законодательного положения следует, что его возвращение дела возможно лишь в случае, если обнаруженные судом ошибки содержатся в строго определенном документе – обвинительном заключении, составленном по итогам предварительного расследования. При этом статья не содержит в себе условий о неустранимости этих нарушений как обязательного условия возвращения дела (в отличие от российского УПК). Текст статьи носит отсылочный характер с опорой на положения статьи 174 УПК Эстонии, содержащей требования к форме и содержанию обвинительного заключения по делу, что уже упоминалось нами ранее.

Сам факт деления оснований возвращения дела с подразделением на недостатки обвинительного заключения и собственно следственные недостатки является, безусловно, положительным моментом эстонского законодательства, что отмечалось нами ранее при анализе УПК Армении. Подобное структурирование ошибок, исходя из принципа их значимости, ускоряет процедуру рассмотрения уголовного дела, что защищает права участников уголовного судопроизводства от необоснованного затягивания уголовного процесса.

Отсылочный характер статьи также можно отметить как положительное обстоятельство, поскольку через применение отсылочной нормы законодатель вводит в институт критерии, по которым уголовное дело может быть возвращено для устранения недостатков обвинительного заключения. Установление четких рамок при определении того, что следует считать недостатком обвинительного заключения (влекущим возвращение уголовного дела), позволяет сторонам более четко формулировать свою позицию при заявлении соответствующих ходатайств в суде. Кроме того, это способствует защите прав участников уголовного судопроизводства, поскольку ограничивает суд в вопросе того, что можно рассматривать в качестве ошибки обвинительного акта.

В качестве отрицательного момента ст. 195 УПК Эстонии можно отметить, что она не содержит ограничений сроков устранения недостатков уголовного дела. Отсутствие четко определенных временных интервалов для устранения ошибок обвинительного заключения оставляет лазейку для недобросовестных обвинителей, которая позволяет им приостанавливать либо прекращать уголовные дела (без их фактического возвращения в суд). Для устранения этого пробела эстонскому законодателю следует внести изменения в ст. 195 УПК, возложив на обвинителя обязанность по возвращению уголовного дела в суд, после устранения выявленных недостатков, в разумные сроки. Примером может служить ранее рассмотренная нами ст. 296 УПК Армении, где эта обязанность уже возложена на сторону обвинения, с установлением максимального срока возвращения дела в суд не более семи дней.

Возвращение судом уголовного дела с применением процедуры устранения недостатков предварительного расследования, совершенных в форме производства следственных действий с процессуальными нарушениями либо непроизводство действий (в случаях, когда их производство было необходимо), регламентировано ст. 219 УПК

Эстонии. Анализ смыслового наполнения этой статьи говорит о том, что понятие следственной ошибки (наличие которой влечет невозможность рассмотрения дела судом) весьма размыто. Формулировка, содержащаяся в ч. 1 ст. 219, выглядит следующим образом: «Если во время судебного разбирательства выявляется неполнота материалов предварительного следствия, которая не может быть устранена судебным следствием, или нарушение требований настоящего Кодекса во время предварительного расследования, препятствующее судебному разбирательству уголовного дела, суд выносит мотивированное определение о направлении уголовного дела для производства дополнительного расследования».

Как видно из текста статьи, следственная ошибка имеет наименование «неполноты материалов расследования», что влечет соответствующие процессуальные последствия в процессе ее практического применения. Суду, для возвращения уголовного дела, достаточно констатировать то обстоятельство, что доказательств, собранных следователем, недостаточно для вынесения решения по делу. При этом критерии неполноты расследования, а также того обстоятельства, что допущенные нарушения являются препятствием для рассмотрения по существу, отданы законодателем в полном объеме на усмотрение суда. Эстонскому законодателю следовало более детально подойти к вопросу о том, что является ошибкой предварительного расследования, и перечислить возможные нарушения в тексте статьи, поскольку произвольное толкование любого понятия неизбежно влечет его различное правоприменение.

Иные основания возвращения судом уголовного дела перечислены в ч. 2 ст. 219 УПК Эстонии. Ее положения регламентируют процедуру возвращения уголовного дела при изменении обвинения в сторону ухудшающую положение подсудимого. Сама норма ч. 2 ст. 219 УПК Эстонии является отсылочной и направляет нас к ч. 2 ст. 215 УПК Эстонии, где сформулирован порядок возвращения уголовного дела и действия участников процесса, являющихся необходимым условием для осуществления этого возвращения. Главной фигурой в этом процессе является личность государственного обвинителя, поскольку именно от его решений зависит, будет возвращено дело для устранения недостатков или нет. Полномочия прокурора изложены в тексте ч. 2 ст. 215 УПК Эстонии следующим образом: «Изменение обвинения или предъявление нового обвинения в суде допускается,

если в ходе судебного разбирательства прокурор сочтет необходимым изменить предъявленное обвинение или предъявить новое обвинение, ухудшающее положение подсудимого или существенно отличающееся по своему содержанию от ранее предъявленного обвинения, он предъявляет его в письменном виде через суд. Копии измененного или нового обвинения суд вручает защитнику и подсудимому».

Как видим, процесс изменения обвинения уголовного дела в сторону, ухудшающую положение подсудимого, целиком зависит от действий прокурора в уголовном процессе. Суд в данных обстоятельствах не является органом, уполномоченным на оценку полноты предъявленного обвинения, что отличает рассматриваемую нами процедуру от ее аналога в российском законодательстве (ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ). В рамках ст. 237 УПК РФ суд рассматривает ходатайство стороны (прокурора либо потерпевшего) о возвращении уголовного дела при наступлении новых общественно опасных последствий совершенного преступления (после направления дела в суд) либо в случае отмены вынесенных по делу решений вышестоящими судебными инстанциями.

То есть полномочия российского суда значительно шире, чем у суда Эстонии, поскольку перед возвращением уголовного дела судья проверяет обоснованность заявленного стороной ходатайства о возвращении дела. В случае, если факт наступления новых общественно-опасных последствий не подтвержден либо ранее вынесенное по делу решение остается в силе, российский суд отказывает стороне в удовлетворении заявленного ходатайства.

Судья Эстонии более ограничен в вопросе оценки обоснованности заявления стороной ходатайства о возвращении дела. Сразу следует оговориться, что эстонское законодательство не содержит понятия стороны, в статье упомянуто только одно лицо, наделенное правом заявлять ходатайства о возвращении дела – прокурор. Остальным участникам процесса, в том числе потерпевшему, этого права не дано. У суда отсутствует и сама возможность оценивать обоснованность заявленного прокурором ходатайства. Суд Эстонии обязан вернуть уголовное дело, вне зависимости от того, насколько необходимым будет являться данное возвращение для существа рассматриваемого дела. Подобное построение законодательной нормы, безусловно, предоставляет стороне обвинения большие возможности по злоупотреблению правовым институтом возвращения уголовного дела. Не имея

ограничений по срокам и основаниям возвращения уголовного дела, органы уголовного преследования Эстонии зачастую нарушают права участников процесса путем затягивания сроков производства по уголовным делам, незаконного приостановления и рассмотрения дел, возвращенных судами для устранения недостатков.

Подводя итоги нашего краткого обзора состояния института возвращения судами уголовных дел в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных стран «ближнего зарубежья», отмечаем, что все рассмотренные нами примеры доказывают однородность основных признаков этой законодательной процедуры в России, Армении и Эстонии. Эта схожесть обусловлена общим историческим прошлым, в том числе правовым, стран, являвшихся объектами нашего исследования. Имеются также и индивидуальные особенности институтов в каждом из рассмотренных нами случаев. Поскольку целью нашего исследования является выявление пробелов в законодательстве, то в качестве главной из ошибок законодательства всех стран является отсутствие сроков устранения ошибок уголовного дела, возвращенного судом для устранения недостатков. Сразу оговоримся, что это касается только вопроса устранения следственных недостатков, поскольку некоторые из стран все же устанавливают сроки устранения недостатков обвинительного заключения. В нашем обобщении примером такого законодательного ограничения является УПК Армении, где установлен семидневный срок исправления недостатков обвинительного заключения. Установление ограничительных сроков для исправления недостатков уголовного дел, а также иные отмеченные нами положительные моменты в законодательстве стран «ближнего зарубежья» следует активнее внедрять в уголовно-процессуальное право нашей страны.

Пушкарев В. В.*[1]*,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Субъектный состав уголовно-процессуальных отношений в начале уголовного преследования: проблемы и пути решения

В соответствии с нормативным положением п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Исходя из буквального толкования данного законоположения, а также Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июля 2000 г. № 11-П[2] можно предположить:

1) уголовное преследование представляет собой обвинительную процессуальную деятельность уполномоченных должностных лиц и органов, направленную против конкретного лица, которая может подтверждаться вынесенным процессуальным решением о возбуждении уголовного дела, проведением в отношении него следственных и процессуальных действий по доказыванию его причастности к совершенному преступлению посредством установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со ст. 51 (ч. 1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого);

---

[1] © Пушкарев В. В., 2018.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Российская газета. – 2000. – 4 июля. – № 128.

2) уголовное преследование начинается с момента, когда при производстве по уголовному делу появляется лицо, наделенное соответствующим уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого.

Совершенно очевидно, как Конституционный Суд Российской Федерации абстрагировался от текста УПК РФ в определении содержательных свойств и выявлении существенных признаков момента начала уголовного преследования, указав, что, в первую очередь, должно учитываться фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, а уголовно-процессуальная терминология – понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» – должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР более узком смысле[1].

В науке уголовно-процессуального права различные авторы менее последовательно подходят к определению вопроса о моменте начала уголовного преследования[2].

Причин такому положению дел несколько. Они носят комплексный характер, оказывают сущностное взаимовлияние друг на друга, поэтому их частные основания условны по рецентному признаку, но позволяют раскрыть квинтэссенцию исследуемого правового феномена посредством описания его конструктивных признаков, в рамках которых будет обнаружена корреляция, позволяющая определить вектор процессуальной науки в решении его основного вопроса о начальном моменте уголовного преследования.

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Российская газета. – 2000. – 4 июля. – № 128.

[2] См.: Гаврилов Б. Я. Современное досудебное производство и меры по его деформализации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 11; Гирько С. И. О мерах по оптимизации досудебного производства в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 183; Гриненко А. В. Механизм возбуждения уголовного дела : монография. М., 2016. Сер. Уголовный процесс. С. 202; Иванов Д. А. Актуальные вопросы определения характера и размера имущественного вреда, причиненного преступлением при проверке поводов для возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 121–122.

Первая причина носит ретроспективный характер. В целом и наиболее ярко она связана с известной полемикой М. С. Строговича[1] и М. А. Чельцова[2] по данному принципиальному вопросу уголовного судопроизводства, тезисы которой до сих пор кладутся в основу рассуждений о сущности уголовного преследования.

Вторая (юридическая) причина определяется несовершенством действующего уголовно-процессуального закона, в том числе по факту различного нормативного выражения сущности уголовного преследования в п. 55 ст. 5 УПК РФ и ч. 2 ст. 21 УПК РФ.

Третья причина – философско-правовая. Ее игнорирование и, как следствие, неразрешенность лежат в основе отсутствия научного единства в понимании истинного момента начала уголовного преследования, неудовлетворительного выражения соответствующих положений в действующем уголовно-процессуальном законе и, как итог, серьезных нарушений допускаемых в правоприменительной практике.

Размышляя в ее канве, М. С. Строгович мировоззренчески верно подошел к определению субъектно-объектных доминант в исследуемом институте, справедливо отказавшись от атрибуции признаков объекта уголовного преследования у неопределенного круга лиц, («всякий предполагаемый совершитель преступления – по М. А. Чельцову)[3]. Он правильно указал на необходимую первичность субъектно-субъектных отношений при осуществлении уголовного преследования, что служит основанием его начала, а также на субъектно-объектные отношения, как познавательную активность лица или органа, осуществляющего уголовное преследование, в отношении деятельности обвиняемого, в их диалектической взаимосвязи[4]. Однако он не разрешает вопрос о моменте начала уголовного преследования при описании положения подозреваемого в совершении преступления и лиц, чья деятельность проверяется в связи с поступившим сообщением о преступлении.

Утверждение же о том, что лицо, изобличаемое в совершении преступления (субъект преступления в уголовно-правовом смысле), тем

---

[1] См.: Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 15.

[2] См.: Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 348.

[3] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 193.

[4] См.: Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 348.

более неопределенный круг лиц, есть объект уголовного преследования – суть инквизиционной формы уголовного процесса, не предполагающей наличия серьезных оснований для ее начала, свойственной своими методами неизбирательного отношения к субъектам.

Также применение категорий субъектного и объектного подходов актуально при решении вопроса о соотношении производства по уголовному делу и уголовного преследования.

Анализируя известные изменения, которые последовательно претерпел УПК РФ, можно утверждать, что они существенным образом повлияли на стадию проверки сообщения о преступлении, в которой появились новые субъекты и, как следствие, новые уголовно-процессуальные отношения, регламентируемые действующим законодательством. В первую очередь, сказанное касается лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), регулирования и охраны их прав и свобод в сфере уголовного судопроизводства. Отсутствие надлежащего регулирования стадии возбуждения уголовного дела относительно определения круга и содержания процессуальных статусов ее участников, а также порядка производства отдельных процессуальных действий приводит к неосновательному стеснению прав сторон, нарушению, как следствие, охранительной функции уголовного процесса.

Ключевым правом таких лиц является конституционное право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции Российской Федерации), нашедшее свое отражение в п. 6 ч. 3 ст. 49 и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, при изложении нормативных положений, касающихся стадии возбуждения уголовного дела. Несомненно, что столь значимое право должно реализовываться в уголовном судопроизводстве в полном объеме в отношении всех категорий лиц, однако не представляется возможным, как это полагают отдельные авторы, раскрыть проблему начала уголовного преследования в связи с моментом появления у лица права на юридическую помощь[1], поскольку производному фактору общего характера ошибочно придается первичное значение: именно начало уголовного преследования конкретного лица предполагает возникновение у него вышеприведенного конституционного права и определяет момент начала защиты от уголовного преследования.

---

[1] См.: Федулов А. В. Начало публичного уголовного преследования в современном уголовном процессе России // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 3. – С. 71–72.

При этом правовое положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в том числе явившегося с повинной, по-прежнему остается неурегулированным, а вопрос о его уголовно-процессуальном статусе – неразрешенным. Складывающаяся правоприменительная практика подтверждает необходимость расширения прав участников уголовно-процессуальных отношений на стадии проверки сообщения о преступлении, расширения системы гарантий их соблюдения.

Таким образом, современное состояние уголовно-процессуального законодательства, предполагающее признание новых субъектов уголовно-процессуальных отношений в стадии проверки сообщения о преступлении, актуализирует научно-практическую дискуссию и требует теоретико-правового разрешения вопроса о моменте начала уголовного преследования с учетом данных законоположений, ранее неизвестных отечественной практике нормативно-правового регулирования, и практики их применения.

Кадников Н. Г.*[1]*,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации

К вопросу о значении понятий и категорий уголовного права в деятельности следователей и дознавателей МВД России

Прежде всего, хотелось бы поздравить всех следователей органов внутренних дел с 55-летием образования следствия в МВД. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года право производства предварительного следствия было передано Министерству охраны общественного порядка, позднее переименованному в МВД СССР. Введение Указа в действие и положило начало официальной деятельности следственного аппарата органов внутренних дел.

В настоящее время следственный аппарат МВД России является одним из крупнейших в системе правоохранительных органов (43,5 тысяч сотрудников – 65 % следственного корпуса страны), силами которого ежегодно расследуется свыше 1,5 миллионов уголовных дел, а это почти 84 % всех дел, возбужденных по стране. В среднем на одного следователя приходится 38 уголовных дел, а это самые высокие нагрузки в правоохранительных органах[2]. Следователями МВД России расследуется более 80 % всех уголовных дел в стране.

Мои воспоминания о периоде работы следователем (а это почти 9 лет) разнообразные: печатали по пять копий обвинительного заключения на машинке, использовали самодельные станки для подшивания материалов уголовного дела, хвастались лучшими модификациями, где главным инструментом было шило. Конечно, работа специ-

---

[1] © Кадников Н. Г.

[2] Сайт МВД России //История предварительного расследования преступлений в России (дата обращения: 26.03.2013).

фическая, следователь в одном лице является криминалистом и криминологом, психологом и немного актером. Он должен быть прекрасным собеседником, уметь общаться с представителями разных социальных слоев, разбираться в искусстве, литературе и т. д. и т. п. Есть воспоминания исключительно положительные, но, с другой стороны, я практически «отсидел» в Бутырской тюрьме и Матросской тишине длительный период времени, работая следователем по линии уголовного розыска, что не всегда было связано с положительными эмоциями, а именно: постоянные сроки, их продление, давление начальников, нервные встречи с адвокатами, прокурорами, судьями. Одно только продление срока по многоэпизодному делу, в котором было 12 обвиняемых, у Генерального прокурора СССР навсегда останется в памяти.

Мой первый начальник в следствии – Борзов Лев Алексеевич – Заслуженный юрист РСФСР, начальник следственного отдела Кунцевского РУВД г. Москвы, принимавший участие в разработке УК РФ 1996 г. Именно он привил мне уважение к профессии, уважение к закону. Он всегда убеждал нас в необходимости тщательного изучения уголовного права и точного знания процессуальных законов.

Хочу вспомнить добрым словом и начальника СУ ГУВД Москвы, Поташова Ивана Михеевича, который требовал, чтобы у следователя по-чеховски все было с иголочки (профессиональные знания, душа и мысли, костюм и обувь).

Уголовное право, несомненно, имеет приоритет в работе следователя. Это фундамент для понятия следователем преступности деяния, таких фундаментальных понятий, как состав преступления, вина, уголовная ответственность. Все начинается с изучения уголовного права, где вокруг его основных понятий в конечном итоге строятся нормы и институты уголовного процесса.

Это не означает умаления процессуальной деятельности и науки уголовного процесса. Наша история богата примерами, когда забвению предавались основные принципы уголовного процесса, хотя с уголовным правом все было в порядке. Мы помним, что признавалось царицей доказательств, и какие человеческие жертвы это повлекло. Нельзя отрицать и самостоятельного значения уголовного процесса, принципы которого четко и точно позволяют сделать вывод о содержании типа и процессе и его видов (состязательный или розыскной). Забвение основного постулата – презумпции невиновности, имею-

щего первостепенное значение для уголовного процесса, может негативно повлиять и на нормы и институты уголовного права (например, применение аналогии закона).

Существуют и сейчас проблемы в системности понимания и применения норм уголовного и уголовно-процессуального отраслей права и законодательства. Таких проблем больше на досудебных этапах расследования уголовного дела (неточное применение уголовного закона при возбуждении уголовного дела и избрании меры пресечения, несоблюдение правил квалификации при формулировании обвинения, вынесении приговора или иного решения о применении иных мер уголовно-правового характера, неверная оценка форм соучастия). Следует помнить: если не соблюдена системность и приоритеты при оценке общественно опасного деяния, неверно применены уголовно-правовые нормы и институты, наступают весьма негативные последствия, в том числе причиняется вред охраняемым правам и свободам граждан, общества и государства. Например, в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159–159^3, 159.5, 159^6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности. На это особо указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» и разъяснил, когда указанные преступления будут считать совершенными в сфере предпринимательства.

Более категорично Пленум Верховного Суда Российской Федерации вынужден был об этом напомнить еще раз в постановлении от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». В частности, разъяснено, что ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ устанавливает запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении указанных преступлений, при условии, что эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности. При этом особо указано о том, что содержащиеся в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и других нормах, касающихся запрета на применение ареста как меры

пресечения, требования должны неукоснительно соблюдаться как при осуществлении судом полномочий в досудебном производстве по уголовным делам названной категории, так и на всех стадиях их рассмотрения судами первой и вышестоящих инстанций. На практике правоохранители часто пытаются обойти это правило, утверждая, что либо обвиняемый не предприниматель, либо преступление не такое уж экономическое. В этом случае явно не соблюдены правила, установленные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Неверное понимание общественных отношений, охраняемых уголовным законом, особенностей экономических преступлений, в особенности в сфере предпринимательства, приводит к весьма негативным последствиям.

Если говорить о значении уголовного закона для процессуальной деятельности, то можно рассмотреть это на примере предмета доказывания по уголовному делу. Во-первых, требуется установить наличие либо отсутствие события и состава преступления, но понятие и признаки преступления указаны в УК РФ, в науке уголовного права сформулировано понятие состава преступления, содержание его элементов и признаков). Во-вторых, при определении виновности лица следователь исходит из форм вины, мотива и цели, эмоционального состояния человека, понятия которых сформулированы в уголовном законе и теории уголовного права (умышленно либо по неосторожности и направленности действий). В-третьих, важно в кратчайшие сроки получить информацию об обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого (возраст, психическое состояние и др.), вид и размер причиненного вреда (в большинстве своем они определены в УК РФ). В-четвертых, следователь устанавливает наличие либо отсутствие обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния (необходимая оборона и др. определены в УК РФ), смягчающих и отягчающих обстоятельств (определены в УК РФ), условия и основания для освобождения от уголовной ответственности (деятельное раскаяние, давность, примирение – определены в УК РФ). Вместе с тем лишь нормы уголовного процесса определяют судьбу лиц, не являющихся субъектами преступлений в силу возраста или психического состояния, совершивших общественно опасные деяния.

Однако и нормы уголовного закона не могут быть реализованы иначе, как в рамках уголовного процесса. Поэтому важно соблюдать системность в применении этих отраслей законодательства. В этом смысле, видимо, есть объективная необходимость появления в вузах

МВД России кафедры предварительного расследования, где обучение строится уже комплексно, с учетом знаний уголовного права, процесса, криминалистики и других отраслей права и науки.

Вместе с тем нельзя забывать, что при криминализации деяний одним из важнейших признаков является возможность доказуемости такого деяния. Однако законодатель часто не учитывает этот признак и дополняет УК нормой, которая по сути является мертворожденной. Например, ст. 263[1] УК, которая предусматривает ответственность за неисполнение требований в области транспортной безопасности, если повлекло по неосторожности указанные в законе последствия. Квалифицированный состав этого преступления предполагает ответственность за то же деяние, совершенное в соучастии (неосторожное преступление, совершенное в соучастии) как его доказывать, если признаки преступления на законодательном уровне определены ошибочно?

В настоящее время нельзя не учитывать, что мир изменился, и требуются знания новейших информационных технологий, Интернет-ориентирование, чтобы правильно и своевременно применять закон. Это касается процедуры расследования (при проведении конкретных следственных действий), при установлении элементов и признаков преступлений, сопряженных с использованием высоких технологий, знания и умения найти нужные справочные системы в Интернете, которые помогают отыскать нормативные акты при бланкетных диспозициях.

Если посмотреть УК РФ, то более 60 % бланкетных диспозиций требуют изучения иных нормативных актов. В первую очередь, это – Гражданский, Земельный, Налоговый, Семейный, Трудовой кодексы РФ, КоАП РФ, сотни федеральных законов (в предпринимательской сфере, по процедуре банкротства, по обороту оружия, наркотических средств и психотропных веществ, в сфере экологии, по информационным технологиям, транспортной безопасности и пр.) и подзаконных нормативных актов.

Нельзя не сказать о значении понятий и категорий науки уголовного права для осуществления монографических, в том числе диссертационных исследований. При написании подобных работ аспирантами и молодыми учеными в рамках таких специальностей, как криминалистика, уголовный процесс, четко просматриваются пробелы знаний по уголовному праву. Соискатели пишут о методике рассле-

дования преступлений, применении норм уголовного процесса к лицам, совершившим преступления в определенной сфере, но весьма поверхностно владеют знаниями о составе этих преступлений, об особенностях объективной и субъективной сторон. Исследователи порой не знают, что закон изменен, либо УК РФ дополнен новыми статьями об ответственности за деяния в той или иной сфере. Многие пробелы связаны с незнанием межотраслевых связей и недостаточным пониманием приоритетов в расследовании уголовного дела. Это касается новелл уголовного процесса и постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Следователи и дознаватели должны четко осознавать, что расследование направлено на установление наличия либо отсутствия состава преступления, виновности или невиновности лица, подозреваемого в совершении преступления, обнаружения иных обстоятельств, предусмотренных уголовным законом. Уже при первичном осмотре места происшествия можно предполагать о наличии либо отсутствии признаков преступного деяния, дальнейшие следственные действия должны проводиться строго в рамках уголовного процесса, с соблюдением криминалистических методик (обнаружение и изъятие следов, использование специальных знаний), но для одной цели – установление или неустановление СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, обнаружение лица (лиц), совершившего преступление (СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ).

Учитывая изложенное, можно говорить о приоритете уголовного права и необходимости уделения изучению этой дисциплины и науки уголовного права большего внимания, чем в настоящее время.

Терехов М. Ю.[1],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
подполковник полиции;
Леченкова А. Д.[2],
курсант 4 «Л» курса 425 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
рядовой полиции

К вопросу о производстве следственных действий при возбуждении уголовного дела

Стадия возбуждения, как самостоятельный институт отечественного процесса, является важным этапом формирования уголовного дела. Содержательную часть рассматриваемой стадии составляет процессуальная деятельность должностных лиц по проверке сообщения о преступлении, которая необходима для установления наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела. В связи с этим Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[3] наделяет следователя большим объемом полномочий необходимых для осуществления проверки сообщения о преступлении и в итоге принятия соответствующего процессуального решения. Так, например, ст. 144 УПК РФ устанавливает требования о том, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее трех суток со дня поступления указанного сообщения.

---

[1] © Терехов М. Ю., 2018.
[2] © Леченкова А. Д., 2018.
[3] Далее – УПК РФ.

Следует отметить, что российский уголовный процесс достаточно долгий промежуток времени устанавливал нерушимое правило о возможности производства следственных действий исключительно после возбуждения уголовного дела. Но с течением времени, учитывая тот факт, что на практике принятию решения о возбуждении уголовного дела во многих случаях предшествует осмотр места происшествия, законодатель внес поправку, которая и по сей день допускает производство этого следственного действия на этапе проверки поступившего сообщения о преступлении. Ведь его результаты и дают основания для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Проанализировав нормы, регламентирующие проверку сообщения о преступлении, нам представляется, что орган дознания по поручению следователя вправе производить отдельные следственные действия как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования.

Однако ст. 144 УПК РФ, регламентирующая деятельность следователя по проверке сообщения о преступлении, допускает дачу органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение лишь о проведении оперативно-розыскных мероприятий. То есть при проверке сообщения о преступлении по поручению следователя орган дознания следственные действия производить не может.

Подобная ситуация стала камнем преткновения и в следственной практике. Нам встретилась жалоба, поступившая в городскую прокуратуру г. Выкса от сотрудника СК «Югория» на нарушение уголовно-процессуального законодательства при изъятии компьютерной техники, в связи с рассмотрением сообщения по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ (незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну).

По предварительным данным сотрудница страховой компаний «Югория» использовала клиентскую базу, к которой имела доступ, работая ранее в страховой компании «Росгосстрах». В результате этого данные из клиентской базы, у которых заканчивается срок действия договоров страхования на имущество, стали известны третьему лицу.

Исходя из содержания жалобы, в рамках проверки сообщения о преступлении следователь вынес отдельное поручение о производстве следственных действий (оперативно-разыскных мероприятий), в

котором попросил сотрудников органа дознания осмотреть компьютерную технику, принадлежащую страховой компании «Югория», и при необходимости провести исследование данной техники со специалистом, а также установить и опросить страховых агентов, которых привлекали к деятельности СК «Югория». На основании данного поручения сотрудники органа дознания провели осмотр (составив протокол осмотра места происшествия) с участием понятых, специалиста и представителей страховой компании «Югория» и в результате осмотра изъяли системный блок.

В своей жалобе сотрудники СК «Югория» указывают, что поручение противоречит нормам УПК РФ, так как ч. 1 ст. 152 УПК РФ регламентирует место производства предварительного расследования по возбужденному уголовному делу и не может служить руководством для производства сотрудниками правоохранительных органов следственных действий по доследственным материалам и полагают, что изъятие компьютера произведено незаконно.

В результате рассмотрения данной жалобы городская прокуратура г. Выкса вынесла постановление о частичном удовлетворении жалобы и указала, что оснований для признания действий следователя незаконными не имеется, ссылаясь на п. 4. ч. 2 ст. 38 УПК РФ, согласно которому следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных, от исполнении постановлений о задержании, об аресте, производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

Вместе с тем, поясняют, что сотрудниками органа дознания при производстве следственного действия – осмотра предметов – допущены нарушения положений ч. 2.1 ст. 82, ч. 2, 3 ст. 177 УПК РФ. Данные нарушения выразились в незаконном изъятии компьютерной техники при наличии возможности копирования информации в процессе осмотра. Вместе с тем, отказали в удовлетворении жалобы в части признания незаконными действия следователя и отмены отдельного поручения.

В связи с этим возникают, на наш взгляд, вопросы, требующие научного анализа: во-первых, возможно ли изъятие в ходе проверки сообщения о преступлении предметов и документов под видом осмотра места происшествия; во-вторых, возможно ли проведение

следственных действий на этапе проверки сообщения о преступлении.

В юридической литературе нам встретились мнения о том, что в последнее время органами предварительного расследования в целях проверки сообщений о преступлениях проводятся обыски и выемки. Так, М. П. Перякина считает, что на данный момент законно изъять предметы и документы до возбуждения уголовного дела можно только путем производства осмотра места происшествия. Но нередко на доследственной проверке отсутствуют фактические основания производства такого осмотра, однако, несмотря на это, следователям и дознавателям приходится их проводить в связи с необходимостью изъятия предметов и документов с целью установления основания для возбуждения уголовного дела[1].

В ходе проверки сообщений о преступлениях обстоятельства происшедшего устанавливаются путем получения объяснений; истребования документов и предметов; проведения документальных проверок и ревизий; исследования документов, предметов, трупов. Следственные действия на стадии возбуждения уголовного дела производятся в порядке исключения. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ допускается проведение только следующих следственных действий: получение образцов для сравнительного исследования; выемка документов и предметов; производство судебной экспертизы и получение заключения эксперта в разумный срок; осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов; освидетельствование. Следственные и иные действия по проверке сообщения о преступлении, согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, охватываются понятием «процессуальные действия». Для оказания помощи в выполнении отмеченных проверочных действий допустимо привлечение специалистов. Лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, вправе направлять органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий[2].

В юридической литературе при определении значения проверки, некоторые ученые отождествляют деятельность, осуществляемую на

---

[1] Перякин М. П. Некоторые процессуальные вопросы изъятия предметов и документом до возбуждения уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 4. – С. 71.

[2] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под науч. ред. Г. И. Загорского. М. : Проспект, 2016. Ст. 144.

стадии возбуждения уголовного дела, с проверкой сообщений о преступлениях[1], что, на наш взгляд, недопустимо. В связи с этим мы поддерживаем ученых, считающих: «… сказанное свидетельствует об особом месте проверочных действий, которые и по времени, и по объему более значительны, нежели другие действия, совершаемые на данном этапе уголовного судопроизводства[2]».

Идеей написания данной научной статьи послужила необходимость законодательного и научного комментария некоторых вопросов, касающихся производства в ходе проверки сообщения о преступлении следственных действий органом дознания, а также проведение выемки предметов и документов под видом осмотра. Немаловажным также является рассмотрение вопроса о допущении производства следственных действий на основании отдельного поручения органом дознания на этапе проверки сообщения о преступлении, который будет проанализирован нами в последующих научных исследованиях.

[1] Рыжаков А. П. Уголовный процесс: возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. Тула, 1996. С. 8.

[2] Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела : учебное пособие / В. Н. Григорьев, А. В. Новиков, Е. А. Прохорова, Д. Н. Слабкая. М. : Московский университет МВД России имения В.Я. Кикотя, 2016. С. 65.

Шумский А. Ю.*[1]*,
старший инспектор отдела профессиональной служебной
и физической подготовки управления
по работе с личным составом
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
майор полиции

Актуальные вопросы взаимодействия следователя и органа дознания в досудебном производстве по уголовным делам

Исследуя вопросы взаимодействия следователя с органами дознания, следует сказать, что гносеологическое понятие «взаимодействия» подразумевает согласованность и непротиворечивость положений, выводов, результатов деятельности человека в различных сферах[2]. Следует дополнить мнение А. С. Данильяна, утверждающего, что в «каждом конкретном случае взаимодействие следователя с оперативным работником должно обеспечивать достижение нужного результата»[3], положением относительно фиксации полученных результатов сведений. Здесь следует дополнить, что все сведения, имеющие значение для доказывания обстоятельств расследуемого деяния, полученные в ходе взаимосвязанных и согласованных действий указанных субъектов, должны быть в обязательном порядке зафиксированы документально.

Классически выделяют две формы органов предварительного расследования с органами дознания: процессуальная и непроцессуальная.

Самой яркой формой процессуального взаимодействия является поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий и отдельных следственных действий. Значение такого рода поручений в

---

[1] © Шумский А. Ю., 2018.

[2] См.: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. С. 241.

[3] Данильян А. С. О взаимодействии следователя и оперуполномоченного при решении задачи по установлению места нахождения похищенного имущества // Общество и право. – 2011. – № 1 (33). – С. 193.

деятельности следователя нельзя недооценивать, так как лишь взаимная ежедневная и грамотно спланированная работа, в том числе и по реализации отдельных совместных мероприятий, приведет к ожидаемому результату. Следствием такого взаимодействия станет достижение целей уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 УПК РФ.

Должностное лицо органа предварительного следствия, руководствуясь п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ, может поручать органам дознания проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Поручение должно выноситься в письменной форме на имя начальника органа дознания. Поручение должно содержать обоснования необходимости проведения необходимых оперативно-розыскных мероприятий и отдельных следственных действий[1].

Относительно содержания подобного поручения видится сомнительной позиция Д. Ю. Манцурова, который утверждает, что, «давая поручение о производстве розыскных действий, следователь ставит перед ними только задачу, а способы ее решения определяет сам орган дознания, исходя из особенностей поручения и своих возможностей»[2]. Следует уточнить, что и задачи, и способы решения поставленных задач определяет именно должностное лицо, от которого исходит данное поручение. В то же время арсенал мероприятий, как гласного, так и негласного характера, которые следует провести для решения поставленных задач, определяет сотрудник органа дознания, которому адресовано поручение в соответствии с полномочиями, предоставленными ему законом.

Извечной проблемой в данном вопросе является качество представленных следователю материалов, что особенно актуально исходя из заявленной тематики настоящей статьи.

Говоря о качестве материалов, получаемых следователями, дознавателями от оперативных подразделений по итогам работы в ходе ис-

---

[1] См.: Иванов Д. А. Взаимодействие органов предварительного расследования с органами дознания в ходе реализации мероприятий, направленных на возмещение вреда, причиненного преступлением // В сборнике: Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 47–50.

[2] Манцуров Д. Ю. Возмещение вреда потерпевшему в уголовном процессе. Дальневосточный юридический институт МВД России. Хабаровск. 2008 г. С. 55–56.

полнения поручения при расследовании преступлений, следует сказать, что большинство из таких материалов оцениваются неудовлетворительно. Для выхода из сложившейся ситуации следователям, дознавателям рекомендуется предоставлять в качестве приложений к направляемым ими поручениям копии различных процессуальных документов, которые будут хорошим подспорьем оперативному сотруднику для качественного производства оперативно-разыскных мероприятий и производства отдельных следственных действий.

Необходимо также отметить, что результаты качественно выполненных поручений могут быть в дальнейшем использованы следователем при принятии определенных процессуальных решений, направленных в том числе и на изобличение лиц, совершивших преступление, обеспечение возмещения причиненного преступлением вреда (наложение ареста на имущество, избрание меры пресечения, не связанной с лишением свободы и обеспечивающей возможность обвиняемому (подозреваемому) еще на стадии предварительного расследования добровольно возместить причиненный вред).

Взаимодействие следователя с сотрудниками органов дознания осуществляется также посредством совместного планирования их деятельности: участия сотрудника органа дознания в производстве следственных действий; взаимного обмена оперативно значимой информацией; обеспечения прямого и постоянного оперативного сопровождения всего хода расследования; использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания. Следует отметить, что все вышеприведенные нами формы и виды взаимодействия должны комплексно применяться в деятельности органов предварительного расследования и органов дознания, особенно учитывая специфику данного направления и оперативно-разыскной уголовно-процессуальной деятельности.

Продолжая исследовать вопросы взаимодействия следователя с органом дознания, нельзя оставить без внимания и непроцессуальные аспекты указанного направления деятельности.

Непроцессуальные мероприятия, проводимые следователями с органом дознания, также должны давать результат в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Он должен достигаться совместными и согласованными действиями должностных лиц, проводящих предварительное расследование и различных подразделений (служб) правоохранительных органов в их практической деятельности.

Однако из-за отсутствия оперативности и слаженности действий оперативных служб и органов предварительного расследования зачастую несвоевременно проводятся мероприятия по розыску денежных средств и имущества, на которое возможно обратить взыскание, обыски у подозреваемых лиц с целью обнаружения имущества и материальных следов, указывающих на его местонахождение, не составляется опись имущества, несвоевременно налагается арест на счета по денежным вкладам обвиняемых (подозреваемых)[1].

С учетом вышеуказанного, автором предлагается комплекс мер, проводимых совместно такими службами, как уголовный розыск, службой участковых уполномоченных полиции, следственные подразделения, подразделения дознания, подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями, подразделениями специальных технических мероприятий, и других подразделений. В данный комплекс мер, проводимых совместно указанными подразделениями можно включить следующие мероприятия:

– ежемесячные заслушивания руководителей и сотрудников заинтересованных подразделений о результатах взаимодействия следователей с органами дознания в досудебном производстве по уголовным делам;

– проведение занятий с сотрудниками органов дознания и следователями в системе профессиональной и служебной подготовки с рассмотрением актуальных вопросов их взаимодействия;

– обеспечение своевременного и качественного исполнения поручений следователей;

– проведение оперативно-разыскных мероприятий, направленных на раскрытие и расследование совершенных преступлений;

– личный контроль руководителей следственных подразделений и подразделений органа дознания за качеством взаимодействия подчиненных им сотрудников;

---

[1] Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М., Юрлитинформ, 2018. С. 121; Филатова И. В. Меры по предупреждению преступлений в сфере безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт // В сборнике: Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции: научное электронное издание. 2017. С. 546–554.

– подготовка методических рекомендации, касающихся разработки алгоритма взаимодействия следователей с органом дознания;

– разработка совместно с оперативными подразделениями алгоритма следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на принятие своевременных мер по раскрытию и расследованию преступлений.

Таким образом, следователь и орган дознания в пределах предоставленных им полномочий, осуществляя уголовное преследование на всех этапах досудебного производства, обязаны осуществлять эффективное взаимодействие и принимать надлежащие меры, направленные на достижение целей уголовного судопроизводства.

Макаренко М. М.*[1]*,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Вопросы расследования мошенничеств, совершенных в сфере получения выплат

Судебно-следственная практика часто сталкивается с незаконным получением гражданами обманным путем государственных пенсий в повышенном размере, различных пособий и иных разовых или регулярных выплат. Нередко указанные противоправные деяния совершаются при содействии должностных лиц государственных органов, что в конечном итоге причиняет многомиллионные убытки и подрывает престиж государства, призванного гарантировать обеспечение прав и свобод человека и гражданина во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и социальной.

Вместе с тем по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России по итогам 2017 года, было квалифицировано как мошенничество в сфере получения выплат всего 1706 преступлений (–13,4 %), большая часть которых совершена в крупном и особо крупном размере (1324). Большинство указанных фактов зарегистрировано на территории Центрального федерального округа(196, рост на 41 %, больше всего в Москве (50), Воронежской ((30) и Курской (25) областях), Северо- Кавказском федеральном округе (225 фактов (–7 %), около половины этих преступлений составляют деяния, имевшие место в Республике Дагестан (122, рост на 38,6 %); Приволжском федеральном округе – 300 фактов (рост на 19 %), Сибирском федеральном округе – 360 фактов (–41,6 %), большая часть преступлений имела место в Иркутской (144) и Омской (100) областях.

При доле мошенничеств в общем массиве преступлений в среднем 10 %, причиняемый ими ущерб составляет более трети от общего размера ущерба от всех учтенных преступлений. Общая сумма ущерба по уголовным делам о мошенничествах в сфере получения выплат в

[1] © Макаренко М. М., 2018.

2017 году составила 8 млрд 672 млн 243 тыс. рублей. Однако причиненный ущерб был возмещен только на 7 %. При этом в ходе расследования было изъято имущества, денег и ценностей на сумму 141 млн 112 тыс. рублей, наложен арест на имущество на общую сумму 17 млн 775 тыс. рублей, добровольно погашен материальный ущерб на сумму 411 млн 809 тыс. рублей.

Расследование уголовных дел по фактам совершения мошенничества в сфере получения выплат представляет особую сложность в силу того, что лица, совершившие эти преступления, хорошо осведомлены о порядке получения выплат, досконально знают и используют пробелы в социальном законодательстве. Совершая преступление, направленное на незаконное завладение бюджетными средствами, они при этом используют преступные схемы, позволяющие придать им вид законных действий. Выявить и доказать данные преступления сложно, поскольку лица, занимающиеся этим, должны обладать таким же высоким уровнем знаний законодательства в различных областях, разбираться в нюансах, касающихся оснований, условий и порядка получения и использования указанных выплат[1].

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что совершение данного преступления возможно исключительно в сфере получения всевозможных выплат, осуществляемых за счет средств бюджетов федерального и местного уровня. В этой связи принципиальное значение для правильной квалификации общественно опасного деяния имеет установление предмета преступления рассматриваемого состава. Основная сложность заключается в том, что понятия пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат законодательно не закреплены в действующем УК РФ. Это отсылает правоприменителя к огромному количеству нормативных правовых актов с целью установления условий назначения, источников финансирования, определения видов и размеров компенсационных выплат в законодательстве, а не в договорном порядке.

Законодатель в диспозиции ст. 159.2 УК РФ четко ограничивает форму объективной стороны данного преступления. Оно может быть совершено только посредством представления заведомо ложных и

[1] Филатова И. В. Криминализация финансовых отношений как стратегическая угроза национальной безопасности // В сборнике: Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности. Сборник научных трудов. 2016. С. 143–148.

(или) недостоверных сведений, умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. То есть как путем активных действий по предоставлению любой информации, оговоренной регламентом назначения и получения выплат, официально переданной лицом, претендующим на выплаты, уполномоченному на их назначение и производство органу, так и путем бездействия, выражающегося в сокрытии информации, сообщение которой влечет немедленное прекращение выплат.

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 159.2 УК РФ, может быть действующее с прямым умыслом лицо, обладающее необходимыми общими признаками (физическое лицо, возраст уголовной ответственности, вменяемость), как не имеющее соответствующего права на получение социальных выплат, так и обладающее таким правом (например, в случае введения в заблуждение относительно фактов, влияющих на размер выплат).

К основным элементам криминалистической характеристики мошенничества в сфере получения выплат следует относить:

– способ получения, характеризующийся активными действиями в виде предоставления подложных документов, регистрации в зоне с льготным социально-экономическим статусом, с фактическим проживанием в другом регионе, незаконным обналичиванием бюджетных средств лиц, которые по закону имеют право на получение этой выплаты и др., так и бездействием путем умолчания о факте, влекущем прекращение осуществления выплаты;

– типичные следы, к которым относятся объекты, используемые для изготовления подложных документов (печатные формы, клише печатей и штампов), специфические следы в виде электронных записей в компьютерных устройствах, используемых преступниками, а также имеющиеся в компьютерах различных органов и организаций (муниципальных органов, провайдеров, кредитных организаций и т. п.). В качестве подложных, как правило, выступают различные документы, содержащие недостоверные или ложные сведения о личности претендента на выплаты (об установлении инвалидности, наличии иждивенцев, особом статусе гражданина) и иных юридически значимых для назначения выплаты фактах (наступлении чрезвычайного случая, отсутствии возможности трудоустройства, осуществленных затратах и др.);

– личность преступника. В большинстве случаев это женщины в возрасте 30 лет и старше, обладающие высшим либо средним профессиональным или средним (полным) общим образованием, имеющие постоянный источник доходов, гражданки Российской Федерации, как правило, жительницы того же региона, где совершаются мошенничества в сфере получения выплат;

– причины и условия совершаемого преступления. Основными из них являются: несовершенство законодательного урегулирования порядка проверки сведений, предоставляемых мошенниками; недостаточная компетентность лиц, связанных с принятием решений о получении выплат; большой массив предоставляемых документов, среди которых лишь некоторые содержат недостоверные сведения, либо о каких-то сведениях умалчивается.

Считаем, что главным в устранении вышеперечисленных причин и условий является не столько профилактика и предупреждение данного вида преступлений, сколько тотальное усиление контроля государства за распределением денежных средств, предназначенных для выплат. Для этого необходимо досконально проработать и закрепить законодательно механизм и процедуру проверки достоверности сведений, предоставляемых получателями выплат и субсидий.

Выявление фактов мошенничества при получении выплат и проведение дальнейшего объективного расследования по данным составам зависят в первую очередь от степени владения сотрудниками правоохранительных органов знаниями соответствующего законодательства, регулирующего ту или иную выплату. Материалы предварительной проверки по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, должны содержать:

– документы, свидетельствующие о переплате денежных средств, в содержании которых отражаются: вид социальной выплаты и ее размер, та сумма бюджетных средств, которая фактически была выплачена подозреваемому, а также период, охватывающий его преступные действия;

– копии документов, поданных подозреваемым в орган социального обеспечения на получение той или иной выплаты. В их числе: заявление подозреваемого лица о назначении соответствующей выплаты; его личный паспорт, свидетельства о браке, рождении детей, материалы, подтверждающие право подозреваемого претендовать на получение искомой денежной суммы;

– объяснения лиц, заявлявших о своем праве на получение социальной выплаты либо получивших ее; государственных служащих, которые в силу должностного положения причастны к распределению данных социальных выплат и принятию решений на их получение; возможных свидетелей и очевидцев произошедшего.

Результатом исследования указанного массива материалов должно стать выявление признаков преступления, прямо указывающих на то, что действия подозреваемого надлежит квалифицировать как мошенничество в сфере получения выплат и принятие процессуального решения об отказе либо возбуждении уголовного дела в виде вынесения соответствующего постановления в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить следующие факторы, напрямую влияющие на эффективность выявления и расследования данного преступления: несовершенство законодательных процедур за распределением социальных выплат и контролем их освоения, многообразие предмета преступного посягательства, влекущего за собой проблемы при квалификации мошенничества в сфере получения выплат, высокий уровень профессионализма лиц, совершающих данные преступления, недостаточная профессиональная подготовка оперативных сотрудников, следователей и дознавателей, отсутствие необходимых методических разработок.

Шишков А. А.*[1]*,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции

Органы предварительного следствия в системе государственной власти

По сложившейся традиции в юбилейные даты принято оценивать результаты определенного вида процесса, будь то жизнедеятельность человека, законодательная или правоприменительная деятельность, научная либо учебная деятельность коллектива и т. п.

Для сотрудников органов внутренних дел, выбравших профессию следователя, 2018 год является юбилейным – 55 лет образования следствия в системе органов внутренних дел. Решение о создании следственных подразделений было вызвано объективной необходимостью, поскольку следователи прокуратуры уже не могли охватить весь объем подлежащих преступлений расследованию. Дифференциация следствия по различным органам государственной власти не являлась открытием для правоохранительной системы. Общемировой опыт также говорит о существовании органов следствия в различных конкурирующих правоохранительных органах.

Несмотря на сложившуюся межведомственную модель предварительного следствия в теории уголовно-правовых наук и в среде практических работников, озвучиваются предложения о реформировании органов предварительного следствия. И варианты реформирования предлагаются разные.

Например, несколько лет назад активно (сейчас менее активно) обсуждалось предложение о создании единого органа предварительного следствия. Другие призывают вспомнить опыт второй половины XIX и начало XX веков и возродить институт судебных следователей. Третьи не столь радикальны и предлагают искать внутриведомственные резервы совершенствования предварительного следствия. При этом в

[1] © Шишков А. А., 2018.

пылу дискуссии зачастую забывают обсудить вопрос (возможно, основной) о месте органов предварительного следствия в системе существующей государственной власти. Какую власть должно представлять лицо, устанавливающее в досудебном производстве обстоятельства преступления: исполнительную, судебную или какую-либо иную?

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции Российской Федерации).

По действующему законодательству органы предварительного следствия, в том числе органы внутренних дел, представляют исполнительную ветвь государственной власти. Единственным исключением из этого правила является Следственный комитет Российской Федерации, место которого в системе государственной власти не определено[1].

Законодатель неоднократно в УПК употребляет термин «исполнительная власть». Первоначально наличие уголовно-процессуальных полномочий у органов исполнительной власти увязывалось с правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность (ст. 40 УПК РФ). Поэтому более пяти лет исполнительная власть в уголовном судопроизводстве формально отождествлялась с органами дознания. В последующем Федеральным законом от 5 июня 2007 г. принадлежность к исполнительной власти была приписана и следственным органам. В ряде положений уголовно-процессуального закона прямо упоминается следственный орган федерального органа исполнительной власти или при федеральном органе исполнительной власти (ст. 37, 162 и др.).

УПК РСФСР 1960 г., определявший более 40 лет порядок уголовного судопроизводства, не содержал указаний о принадлежности органов предварительного следствия к той или иной ветви власти. Сам принцип деления государственной власти на самостоятельные ветви в этот исторический период не был официальной доктриной Советского государства. При этом, безусловно, и Конституция СССР, и иные законодательные акты предусматривали органы исполнительной власти.

---

[1] Статья 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О следственном комитете Российской Федерации» относит его к федеральному государственному органу без конкретизации ветви власти.

УПК 1960 г. – не первый кодифицированный уголовно-процессуальный закон Советской России. Его предшественниками были УПК 1922 г. и УПК 1923 г. В них органы предварительного следствия частично представляли судебную власть, частично – исполнительную. Например, народные следователи и старшие следователи состояли при губернских судах. Следователи по важнейшим делам могли состоять при наркомате юстиции и при Верховном Суде РСФСР. Кроме того, закон говорил о следователях военных трибуналов.

Нужно заметить, что двойственное положение следователей длилось недолго. В сентябре 1928 года следователи были выведены из подчинения судов и переданы в ведение прокуроров. А поскольку прокуратура находилась в структуре наркомата юстиции, и решения прокуроров о назначении и увольнении следователей утверждались губернскими исполнительными комитетами, поэтому утверждение о том, что следователи представляли в уголовном судопроизводстве исполнительную власть, вполне правомерно. Позднее – в январе 1929 года – в ведение военных прокуратур были переданы и следователи военных трибуналов.

В нашей истории был период, когда расследование преступлений осуществлял коллегиальный орган. Первые нормативные акты революционной России определили таким органом следственные комиссии в составе Военно-революционных комитетов при Советах Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов (ст. 21 Декрета о суде № 2)[1]. Комиссия состояла из трех человек, избираемых соответствующим исполкомом. Действовала она в пределах следственного участка, на которые делилась территория города или уезда. Следственные комиссии в полном составе возбуждали и прекращали уголовные дела, избирали и изменяли меру пресечения, выносили постановление о предании суду. Отдельные следственные действия могли производиться комиссией в полном составе или одним из ее членов. Между тем по отдельным преступлениям, как правило, незначительным, расследование в случаях, не терпящих отлагательства, суд мог поручить постоянному народному судье.

До известных октябрьских событий 1917 года история отечественного уголовного судопроизводства знакома с опытом расследования преступлений, где могли участвовать как представители судебной

[1] Декрет СНК РСФСР «О суде» от 7 марта 1918 года (№ 2) // Собрание узаконений. – 1918. – № 26, ст. 347.

власти, так и исполнительной. Институт судебных следователей, созданный во второй половине XIX века, приостановил период всевластия административных органов при расследовании преступлений. Судебная реформа отчасти реализовала цель отделения судебной власти от власти исполнительных органов. Предварительное следствие как форма установления обстоятельств преступления по своему характеру считалось исключительно судебной деятельностью. Поэтому судебный следователь был включен в штат судебных органов. Начиная с 1860-х годов, кандидат в судебные следователи обязан был иметь, как и судья, высшее юридическое образование и прослужить по судебной части не менее трех лет. В 1870 году были учреждены должности судебных следователей по важнейшим делам, а 1875 году – следователей по особо важным делам окружных судов.

Однако органы исполнительной власти позднее вернули казалось бы безвозвратно утраченные полномочия. В августе 1880 года в составе МВД был образован департамент полиции, в который помимо общей полиции вошли полиция политическая и корпус жандармов. Последние проводили предварительное следствие по политическим делам, изъятым из ведения судебных следователей.

Надо сказать, что полиция имела значительный опыт в расследовании преступлений. 8 сентября 1802 года в России образовано Министерство внутренних дел. С августа 1810 года по 1819 год существовало также Министерство полиции. Все это время, вплоть до 1860 года, городская и земская полиция осуществляла расследование всех общеуголовных преступлений. В уездах его проводили становой пристав, земский исправник и уездный стряпчий, а также отделение земского суда, состоявшее из этих должностных лиц. В городах преступления расследовались частными или следственными приставами.

А вообще первые специализированные органы расследования появились в период централизацией Русского государства. Согласно Судебнику 1550 года, Боярская дума «по государеву приказу» рассматривала наиболее важные дела. Расследование, судебное рассмотрение и исполнение приговоров по таким делам осуществлял один орган – Расправная палата, состоящая при Думе, а также Разбойный приказ. В середине XVII века создается орган, специализирующийся на расследовании государственных преступлений – Тайный приказ. В эпоху петровских реформ Расправная палата была ликвидирована, а расследование наиболее важных (в первую очередь политических)

преступлений поручалось Тайной канцелярии, переименованной при Петре III в Тайную экспедицию при Сенате.

Таким образом, история отечественного уголовного судопроизводства показывает, что предварительное следствие могло относиться к компетенции различных органов государственной власти. Незначительные по времени периоды включения в эту деятельность судебной власти заканчивались полным отказом от идеи производства предварительного следствия представителями третьей власти.

Как представляется, место органов предварительного следствия в системе государственной власти необходимо рассматривать в аспекте независимости следователя от административных органов. Переживаемый сегодня исторический этап развития уголовного судопроизводства не демонстрирует последовательность изъятия функции предварительного следствия из компетенции традиционных правоохранительных органов.

Законодатель довольно часто использует формулу «при», чтобы усилить степень зависимости одного органа, структурно входящего в состав другого. В случае с прокуратурой и Следственным комитетом эта формула носила временный характер, очевидно, как подготовительный этап создания независимого следственного органа. Интересно, что законодатель уже в упомянутом законе так прямо и написал, что одним из принципов Следственного комитета Российской Федерации является их независимость от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, иных органов (ст. 5).

Органы предварительного следствия системы МВД России и ФСБ России не могут похвастаться аналогичной правовой нормой о независимости. Следственные подразделения этих ведомств являются их составной структурной частью, а руководители следственных подразделений по должности являются заместителями начальников соответствующих органов. Например, в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации начальники следственных органов (Следственный департамент МВД России, Главные управления (управления, отделы) министерств внутренних дел по республикам,

главных управлений, управлений по иным субъектам Российской Федерации, а также по районам и городам) являются заместителями соответствующих руководителей органов внутренних дел[1].

Интересно отметить, что в первоначальной редакции Указа № 1422 следственные органы системы МВД России функционировали при соответствующих органах внутренних дел (МВД, ГУВД, УВД, ОВД). Именно это их положение, как представляется, законодатель и использовал при изложении соответствующих норм в УПК РФ. И хотя по должности начальники следственных органов так же, как в настоящее время, являлись заместителями руководителей органов внутренних дел, тем не менее, формула «при» хоть и формально, но привносила элемент разделения следственных и административных функций.

Почти никто не оспаривает тезис о том, что суд должен быть независимым. Однако когда речь заходит об органах предварительного следствия, следователи которых также, как и суд, устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию, то здесь уже разворачивается дискуссия.

В УПК РФ термин «независимость» применительно к следователю или органам предварительного следствия не применяется. Вместо этого законодатель говорит о «самостоятельности» следователя, который в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа.

В этой связи возникает вопрос о соотношении «независимости» и «самостоятельности» участников уголовного судопроизводства. По смыслу ст. 8.1 УПК РФ независимость судей – это состояние защищенности от постороннего, т. е. внешнего воздействия, вмешательства в их деятельность по рассмотрению и разрешению уголовных

[1] Положение об органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утверждено Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 года № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 214). Далее – Указ 1422.

дел, в целом в осуществление правосудия как со стороны государственных, так и иных органов и организаций, а также граждан. «Самостоятельность» следователя или, как принято в теории уголовного процесса, – процессуальная самостоятельность следователя – возможность осуществлять предоставленные ему законом полномочия по собственному внутреннему убеждению. Хотя надо заметить, что единства взглядов на понятие «процессуальная самостоятельность следователя» в теории уголовного судопроизводства не существует.

Реже употребляют термин «независимость» следователя, когда характеризуют его процессуальное положение. Некоторые авторы отождествляют эти два понятия. По мнению других, процессуальная самостоятельность следователя имеет более узкое содержание, чем независимость, так как последняя – это категория, которая охватывает не столько уголовно-процессуальную, сколько иную – организационно-управленческую сферу деятельности. Третьи, – считают, что независимость следователя – это система правовых норм, обеспечивающая возможность обжаловать решения должностных лиц органов, осуществляющих контроль и надзор за процессуальной деятельностью следователя. А часть авторов вообще отрицают какую-либо независимость следователя в силу его подконтрольности руководителю следственного органа.

Не погружаясь в дискуссию о соотношении независимости и самостоятельности в общепринятом понимании и уголовном судопроизводстве, представляется, что действующие нормы уголовно-процессуального законодательства термин «независимость» участника уголовного судопроизводства толкуют однозначно как состояние защищенности от внешнего воздействия, вмешательства в деятельность и принятие решений. Под внешним воздействием надо понимать вмешательство в виде указаний, распоряжений, приказов, просьб от должностных лиц или граждан, органов и учреждений, не являющихся составной частью системы того или иного органа (например, вышестоящим органом).

Прямого внешнего воздействия органов исполнительной власти на деятельность следователя уголовно-процессуальный закон, конечно же, не предусматривает. Орган дознания или начальник органа дознания не вправе давать указания следователю о направлении расследования, но учитывая, что следственное подразделение (управление, отдел) – одно из частей органа внутренних дел, можно предполо-

жить, что его начальник может, например, по линии оперативно-служебной деятельности оказывать воздействие на своего подчиненного-следователя и тем самым хоть и косвенно, но влиять на ход и результаты расследования. Вопросы материального, социального и иного обеспечения следственных органов и их сотрудников тоже входят в компетенцию руководителя органа внутренних дел.

Кстати, в своих решениях Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) неоднократно формулировал свою правовую позицию относительно независимости расследования, суть которой заключается в том, орган расследования (следователь) не должен быть подвержен влиянию со стороны органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в том числе быть коллегами по службе[1].

В этой связи вновь возникает вопрос о целесообразности реализации одним государственным органом разных правоохранительных функций (предварительное расследование, оперативно-разыскная деятельность, охрана общественного порядка и др.). Возможно, стоит вновь актуализировать вопрос о месте органов предварительного следствия в системе государственных органов.

При создании единого следственного органа важно опираться не только на отечественный опыт развития уголовного судопроизводства, но и учитывать зарубежные модели взаимоотношений органов предварительного расследования. Полагаем, что конструкция, где следователь не включен в число органов уголовного преследования, наиболее прогрессивная, отвечает современным представлениям о месте следователя в досудебном производстве. Следователь, как представляется, не должен реализовывать функцию обвинения, которая традиционно присуща исполнительной власти. Его предназначение – предварительно исследовать обстоятельства дела. Подобная модель заставит законодателя найти органам предварительного следствия место вне исполнительной ветви власти. Сторону обвинения (уголовного преследования) в таком случае должны представлять органы дознания и прокурор. Именно на них закон должен возложить обязанность возбуждения уголовного дела и его расследование до установления лица, совершившего преступление.

---

[1] Например, Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2015 г. Дело «Алексей Борисов против Российской Федерации» (Жалоба № 12008/06) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2016.

Григорьев Д. А.*[1]*,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

О неотложных следственных действиях по уголовному делу

Несмотря на то, что производство неотложных следственных действий в российском уголовном судопроизводстве известно давно, впервые это понятие появилось в УПК РСФСР 1960 г. В последнем указывалось, что «при наличии преступлений, по которым производство предварительного следствия обязательно, орган дознания возбуждает уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно-процессуального закона, производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей» (ч. 1 ст. 119).

Определение «неотложные следственные действия» закреплено в УПК РФ. Под ними подразумеваются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (п. 19 ст. 5).

Анализ двух вышеуказанных понятий показывает, что в УПК РСФСР список неотложных следственных действий был строго ограничен, в УПК РФ не регламентирован перечень следственных действий, которые осуществляет орган дознания.

Общим для этих понятий является то, что орган дознания проводит эти действия после возбуждения уголовного дела.

В толковых словарях термин «неотложное» трактуется как безотлагательное, спешное, настоятельное, необходимое действие.

Помимо термина «неотложный», законодателем используются такие смысловые конструкции, как «случай, не терпящий отлагательства», «исключительный случай», «в случае необходимости».

---

[1] © Григорьев Д. А., 2018.

По мнению В. В Хатуаевой и Е. В. Рябцевой, безотлагательность и исключительность – это детерминирующие признаки неотложных следственных действий.

О производстве неотложных следственных действиях также говорится в ч. 5 ст. 152 и ст. 157 УПК РФ. Анализ статей УПК РФ, посвященных указанным действиям, показывает, что есть противоречия в их правовых нормах. В частности, их определение, изложенное в п. 19 ст. 5 УПК РФ, не отвечает процедуре их производства, регламентированными в иных нормах данного закона. В частности, эти противоречия имеют отношение к субъекту проведения неотложных следственных действий. Так, положения, изложенные в п. 19 ст. 5 УПК РФ указывают лишь об органе дознания. В ч. 2 ст. 157 УПК РФ конкретизирован перечень органов дознания, в полномочиях которых указано производство неотложных следственных действий.

Однако, согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ, эти действия могут осуществлять как дознаватель, так и следователь.

Таким образом, законодатель установил, что неотложные следственные действия могут осуществлять орган дознания, дознаватель и следователь. В связи с этим возникает вопрос: можно ли назвать неотложными следственные действия, которые производят дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, в ходе осуществления так «называемой» доследственной проверки на стадии возбуждения уголовного дела? К этому надо добавить, что ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает, что в ходе проверки сообщения о преступлении, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа могут производить такие следственные действия, как: осмотр места происшествия; осмотр предметов; осмотр документов; осмотр трупа; освидетельствование; назначение и производство экспертизы.

Здесь налицо расширение перечня следственных действий по сравнению с УПК РСФСР, где на стадии возбуждения уголовного дела предусматривалось только одно следственное действие – осмотр места происшествия. В УПК РСФСР по этому поводу указывалось, что «в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. В этих случаях, при наличии к тому оснований, уголовное дело возбуждается немедленно после проведения осмотра места происшествия (ч. 2 ст. 178)».

В прежних редакциях УПК РФ указывалось, что «в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 176); при необходимости осмотр трупа может быть произведен до возбуждения уголовного дела (в ч. 4 ст. 178). Только редакция ч. 1 ст. 179 УПК РФ осталась неизменной, где указано, что «в случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела».

Это означает, что законодатель все-таки делает различие между понятиями – «случаи, не терпящие отлагательства», «при необходимости» и между основаниями производства неотложных следственных действий.

Если дословно воспринимать содержание п. 19 ст. 5, ч. 5 ст. 152 и ч. 3 ст. 157 УПК РФ, то выходит, что указанные действия осуществляются в рамках тех уголовных дел о преступлениях, которые не подследственны органу дознания, дознавателю и следователю. Здесь речь идет о том, что органу дознания, дознавателю, следователю по уголовным делам, которые согласно ст. 150, 151 УПК РФ им подследственны, нет необходимости проводить следственные действия в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

При этом анализ правовых норм позволяет прийти к выводу о том, что под не терпящими отлагательства случаями подразумевается такие, которые обусловлены вероятностью утери доказательств подлежащего аресту имущества, совершения преступления, и тому подобные обстоятельства, разрешающие производство процессуальных действий: в ночное время; без получения согласия суда на производство следственного действия в случае, если такое согласие необходимо, с последующим извещением указанного субъекта расследования о полученных результатах[1].

Сущностью же производства неотложных следственных действий является то, что орган дознания в возникшей неотложной обстановке вместо следователя возбуждает уголовное дело и выполняет все необходимые процессуальные действия, а также оперативно-разыскные мероприятия в целях установления лиц, совершивших преступление, и незамедлительного закрепления следов преступления.

---

[1] См.: Гриненко А. В. Механизм возбуждения уголовного дела : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 98.

На основании вышеизложенного, мы полагаем, что в ч. 5 ст. 152 УПК РФ нужно внести изменения, исключив из нее положения о полномочиях следователя по осуществлению неотложных следственных действий. Мы исходим из того, что орган дознания обладает более широким инструментарием по сравнению со следователем в ходе производства этих действий.

Кондрат И. Н.*[1]*,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД РФ,
доктор юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации

О некоторых проблемах обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту

Подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя (ч. 1 ст. 16 УПК РФ).

В соответствии со ст. 46, 47 УПК РФ подозреваемый (обвиняемый) вправе знать, в чем он подозревается (обвиняется), представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет; бесплатно пользоваться помощью переводчика; участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника либо законного представителя, знакомиться с протоколами этих действий и подавать на них замечания; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом и др.

Представляется, что столь существенный объем процессуальных прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, с одной стороны, позволяет прийти к выводу о том, что указанным выше участникам уголовного судопроизводства предоставлены достаточно широкие возможности по осуществлению своей защиты от уголовного преследования. С другой стороны, возможность воспользоваться этими правами должна обеспечиваться соответствующей обязанностью органов предварительного расследования, прокурора и суда.

В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 16 УПК РФ суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными

[1] © Кондрат И. Н., 2018.

уголовно-процессуальным законом способами и средствами. В случаях, предусмотренных УПК РФ, обязательное участие защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.

Как верно подчеркивает М. В. Парфенова, «реализация права подозреваемого (обвиняемого) на защиту не только обеспечивает охрану его законных интересов, но и создает определенный баланс с уголовным преследованием, что позволяет успешно реализовать назначение уголовного судопроизводства».

Права подозреваемого, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, во многом совпадают с правами обвиняемого, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, что является оправданным, поскольку указанные лица являются участниками уголовного процесса со стороны защиты.

Отметим, что Конституционный Суд Российской Федерации указал на возможность обеспечения прав подозреваемого по аналогии с правами обвиняемого. Так, рассматривая жалобу гражданина А. А. Бадиловского на нарушение его конституционных прав ч. 8 ст. 162 УПК РФ, поскольку она не возлагает на следователя обязанность уведомлять подозреваемого и его защитника (как это имеет место в отношении обвиняемого и его защитника, а также потерпевшего и его представителя) о продлении срока предварительного следствия, Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из принципов состязательности и равноправия сторон, на основе которых осуществляется судопроизводство, а также из того, что подозреваемый и его защитник, равно как и обвиняемый и его защитник, являются участниками уголовного процесса на стороне защиты, противостоящей стороне обвинения, пришел к выводу, что ч. 8 ст. 162 УПК РФ не препятствует подозреваемому и его защитнику в ознакомлении с постановлением следователя о продлении срока предварительного следствия и не исключает необходимость их уведомления следователем в письменном виде о продлении срока следствия.

Рассмотрим следующий актуальный вопрос защиты прав подозреваемого и обвиняемого на защиту. В случае, когда подозреваемый, обвиняемый в силу возраста не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту, помимо обязательного участия защитника закон предусматривает и участие в деле законного представителя.

Участие в уголовном деле законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) способствует полноте и

объективности исследования всех обстоятельств дела, личности подозреваемого, обвиняемого, условий его жизни и воспитания. По справедливому мнению Николаевой Т. Г., законный представитель не только вправе, но и обязан участвовать в уголовном деле в той мере, в какой это необходимо для защиты прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, и участие в деле защитника не освобождает законного представителя от выполнения им этой функции.

Для обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) законный представитель наделяется весьма существенным объемом процессуальных прав.

При этом следует отметить дискуссионность вопроса относительно весьма категоричной формулировки законодателя о присутствии законного представителя при предъявлении обвинения и его участия в допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Ряд авторов считают подобный подход нецелесообразным. Так, по мнению Э. Б. Мельниковой, интересы несовершеннолетнего могут не совпадать с интересами его законного представителя. Суть таких возможных противоречий не обязательно в обстоятельствах конкретного дела, а в двойственном положении законного представителя. Ведь фактически он защищает не только интересы несовершеннолетнего, но и свои собственные.

В целом признавая допустимость указанных Э. Б. Мельниковой противоречий, полагаем, что автор не сочла возможным уточнить, в чем конкретно могут заключаться собственные интересы законного представителя в рассматриваемой ситуации.

Однако следует отметить, что на существование данных противоречий указывают и другие авторы. Так, в научной литературе обозначена позиция, согласно которой проявлением самостоятельности законного представителя как участника судопроизводства является его независимость от несовершеннолетнего и защитника; законный представитель может разойтись с ними во мнениях по тем или иным вопросам дела, поэтому вполне возможна коллизия взглядов между несовершеннолетним и его законным представителем.

Полагаем, что суть упомянутых противоречий заключается в специфике процессуального положения законного представителя в уголовном судопроизводстве, поскольку он действует не столько вместо несовершеннолетнего, сколько наряду с ним. Являясь самостоятельным участником уголовного процесса, наделенным предусмотренными законом процессуальными правами и обязанностями, законный

представитель наряду с интересами несовершеннолетнего отстаивает и защищает собственные интересы. Так, согласно п. 2 ст. 1074 ГК РФ, родители, усыновители, попечители несут субсидиарную ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, могут нести и родители, лишенные родительских прав, если поведение подростка, повлекшее причинение вреда, явилось следствием ненадлежащего осуществления родительских прав. Обязанность родителей или попечителей по возмещению вреда прекращается, если лицо, причинившее вред: достигло совершеннолетия; приобрело полную дееспособность до достижения совершеннолетия; у него появились доходы или иное имущество до достижения совершеннолетия.

Учитывая двойственный характер заинтересованности законного представителя в уголовном процессе, законодатель допускает возможность его отстранения от участия в уголовном деле при наличии оснований полагать, что действия представителя наносят ущерб интересам несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ).

Принимая во внимание изложенное, полагаем целесообразным отнести решение вопроса об участии законного представителя при предъявлении обвинения, а равным образом в допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) на усмотрение следователя с учетом мнения несовершеннолетнего и исходя из обстоятельств уголовного дела. При этом основными условиями, обуславливающими решение этого вопроса должны являться не только чувства (отношение), испытываемые несовершеннолетним к законному представителю, но и возможность отрицательного влияния последнего на несовершеннолетнего при производстве следственных действий.

В заключение подчеркнем, что «права отдельной личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства, должны быть обеспечены; в противном случае уголовный процесс как деятельность перестанет соответствовать своему назначению».

Клещина Е. Н.*[1]*,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

О некоторых вопросах предварительного следствия

Предварительное следствие является основной формой предварительного расследования, поскольку обязательно по всем уголовным делам, за исключением уголовных дел о преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ.

Предварительное следствие представляет собой систему процессуальных действий и решений следователя, которые состоят в принятии уголовного дела к производству, выполнении следственных и иных процессуальных действий, предъявлении обвинения, принятии мер процессуального принуждения, приостановлении и окончании предварительного следствия, а также исполнении итоговых решений по уголовному делу.

Если рассматривать предварительное следствие как функциональную систему, то оно предстает в виде целостной упорядоченной совокупности следующих элементов: 1) цель; 2) ряд взаимосвязанных задач, решение которых обеспечивает достижение поставленной цели; 3) система органов (субъектов), решающих эти задачи; 4) функции, выполняемые органами; 5) конкретные полномочия (действия и решения), посредством которых реализуются функции, решаются задачи, достигается цель; 6) начала (или принципы), которые составляют фундамент системы. Очень важно, чтобы все элементы системы работали слаженно, без внутренних противоречий, в направлении цели и на основе определенных начал.

Характеризуя предварительное следствие, Н. А. Якубович отмечает, что данная форма предварительного расследования является исследовательской, познавательной по своему характеру деятельностью, обусловленной тем, что ее объектом является предусмотренное уголовным законом деяние, которое исследуется в формах и с помо-

[1] © Клещина Е. Н., 2018.

щью средств, установленных уголовно-процессуальным законом. Поэтому в современный период чрезвычайно важное значение имеет стабильный, четко урегулированный уголовно-процессуальным законом порядок производства предварительного следствия.

Важно отметить, что в целом модель уголовного судопроизводства, установленная в УПК РФ в 2001 г., в ряде случаев оказалась противоречивой, не в полной мере отвечающей потребностям правоприменительной практики, следствием чего явились многочисленные поправки, вносимые в закон на протяжении всего срока его действия.

Посредством внесений законодателем изменений и дополнений в УПК РФ оптимизируется и порядок предварительного следствия. Так, за период его действия существенно изменился порядок производства различных процессуальных действий, порядок приостановления и возобновления предварительного следствия, порядок окончания предварительного следствия.

Очевидно, что изменения коснулись всей системы производства предварительного следствия. Рассмотрим наиболее существенные из них.

Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» существенно изменился предмет ведомственного контроля и прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Этим законом изменились редакции ст. 37, 38, 39 УПК РФ, в которых регламентировано процессуальное положение прокурора, следователя, руководителя следственного органа. В последующие годы в перечисленные статьи также неоднократно вносились изменения и дополнения.

Так, руководитель уполномочен продлевать срок предварительного следствия; давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу. До внесения изменений в УПК этими полномочиями обладал прокурор.

Очевидно, что этими изменениями законодатель усиливает ведомственный процессуальный контроль, повышает ответственность органов предварительного следствия за эффективностью производства по уголовным делам[1].

По нашему мнению, необходимо дальнейшее совершенствование ст. 39 УПК РФ, регламентирующей полномочия руководителя следственного органа.

В частности, сформулированное в п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ право руководителя следственного органа носит весьма общий характер, а потому открывает возможность для отстранения следователя от осуществления расследования по уголовному делу независимо от того, какое нарушение требований УПК РФ им нарушено – формальное или фундаментальное. Кроме того, для реализации следователем в полном объеме его процессуальной независимости необходимо установить ответственность руководителей следственных органов за незаконные (необоснованные) указания, данные ими по уголовным делам, в случае их отмены вышестоящим руководителем.

В последние годы существенные изменения коснулись подследственности уголовных дел. В соответствии с действующей редакцией УПК РФ предварительное следствие производится следователями Следственного комитета РФ, следователями органов Федеральной службы безопасности РФ, следователями органов внутренних дел Российской Федерации.

Следует отметить, что самый широкий круг преступлений отнесен ст. 151 УПК РФ именно к подследственности следователей органов внутренних дел. Поэтому важна эффективная организация деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России. При этом отметим, что следственный аппарат органов внутренних дел за последние десятилетия неоднократно подвергался организационно-структурным изменениям, что следовало из изменения практических целей и задач, стоящих перед ним.

В современный период продолжаются острые диспуты по вопросам оптимизации порядка производства предварительного следствия,

---

[1] См.: Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 223.

совершенствования процессуального положения прокурора, руководителя следственного органа и следователя[1].

Еще одним обсуждаемым на современном этапе вопросом является вопрос о системе органов предварительного следствия.

При этом одни специалисты предлагают создать единый федеральный следственный орган; другие, напротив, считают, что такая модель не соответствует научной концепции эффективности производства предварительного следствия. Высказывались предложения о концентрации предварительного следствия в Следственном комитете Российской Федерации и ФСБ России, передачи уголовных дел подследственных следователям органов внутренних дел о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких в ведение Следственного комитета РФ.

Обозначена позиция о необходимости введения должности следственного судьи (как во Франции) или судебного следователя (как в дореволюционной России), который имел бы статус судьи и проводил расследование объективно, всесторонне и полно, т. е. не являлся бы стороной обвинения в процессе. Однако законодатель эту идею не поддержал.

По нашему мнению, сложившаяся система органов предварительного следствия наиболее оптимальна, апробирована десятилетиями.

В заключение подчеркнем, что реформа уголовного судопроизводства продолжается. Важен системный подход законодателя к оптимизации уголовного судопроизводства, в том числе и предварительного следствия.

---

[1] Гриненко А. В. Механизм возбуждения уголовного дела : монография. М., 2016. С. 198.

Кузнецова Е. И.*[1]*,
профессор кафедры экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук, профессор;
Филатова И. В.*[2]*,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук
подполковник полиции

Организация межведомственного взаимодействия в национальной системе ПОД/ФТ

Опыт становления и развития современной экономики России показывает, что за последние десятилетия возрастает несовершенство мировой и национальных финансовых систем противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма. Основными факторами влияния на данные процессы являются бегство (вывод) капитала за рубеж, незаконная предпринимательская деятельность, растущая коррупция, использование офшорных юрисдикций для сокрытия источников возникновения нелегальных доходов. Все это в совокупности создает угрозу не только стабильности экономической системы, но и национальной безопасности страны.

В современных условиях глобализации финансовых рынков необходимость борьбы с легализацией нелегальных доходов и финансированием терроризма путем использования эффективных, инновационных инструментов становится крайне актуальной для России и зарубежных стран[3].

---

[1] © Кузнецова Е. И., 2018.
[2] © Филатова И. В., 2018.

[3] Филатова И. В. Криминализация финансовых отношений как стратегическая угроза национальной безопасности // В сборнике: Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности. Сборник научных трудов. 2016. С. 143–148.

Следует отметить, что проблема противодействия отмыванию денег в России не решена, как и во многих развитых странах мира. Об этом свидетельствуют огромные суммы денег и другие активы, отмываемые по всему миру, крупномасштабная деятельность организованной преступности, использование легализованных средств террористами для покрытия расходов и координации действий, связанных с проведением террористических актов.

В современном развитии теории и практики в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, можно проследить влияние и наличие тесной взаимосвязи между российским и зарубежным национальным, уголовным и смежным законодательством в этой области, что подтверждает научную и практическую значимость, а также определяет предпосылки для совершенствования инструментов борьбы с отмыванием денег.

В настоящее время формирование и развитие системы финансового мониторинга приобретают особое значение. Сегодня Россия является полноправным участником системы противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (сокращенно – ПОД/ФТ). Национальная система ПОД/ФТ четко структурирована и включает два основных блока:

– блок «финансовый мониторинг»;

– «правоохранительный блок».

В состав функциональных обязанностей первого блока входит выявление, сбор, анализ и направление информации о подозрительных сделках и операциях в правоохранительные органы (рис. 1)[1].

[1] Ревенков П. В. Финансовый мониторинг: управление рисками отмывания денег в банках / П. В. Ревенков, А. Б. Дудка, А. Н. Воронин. М. : КНОРУС, 2012. 280 с.

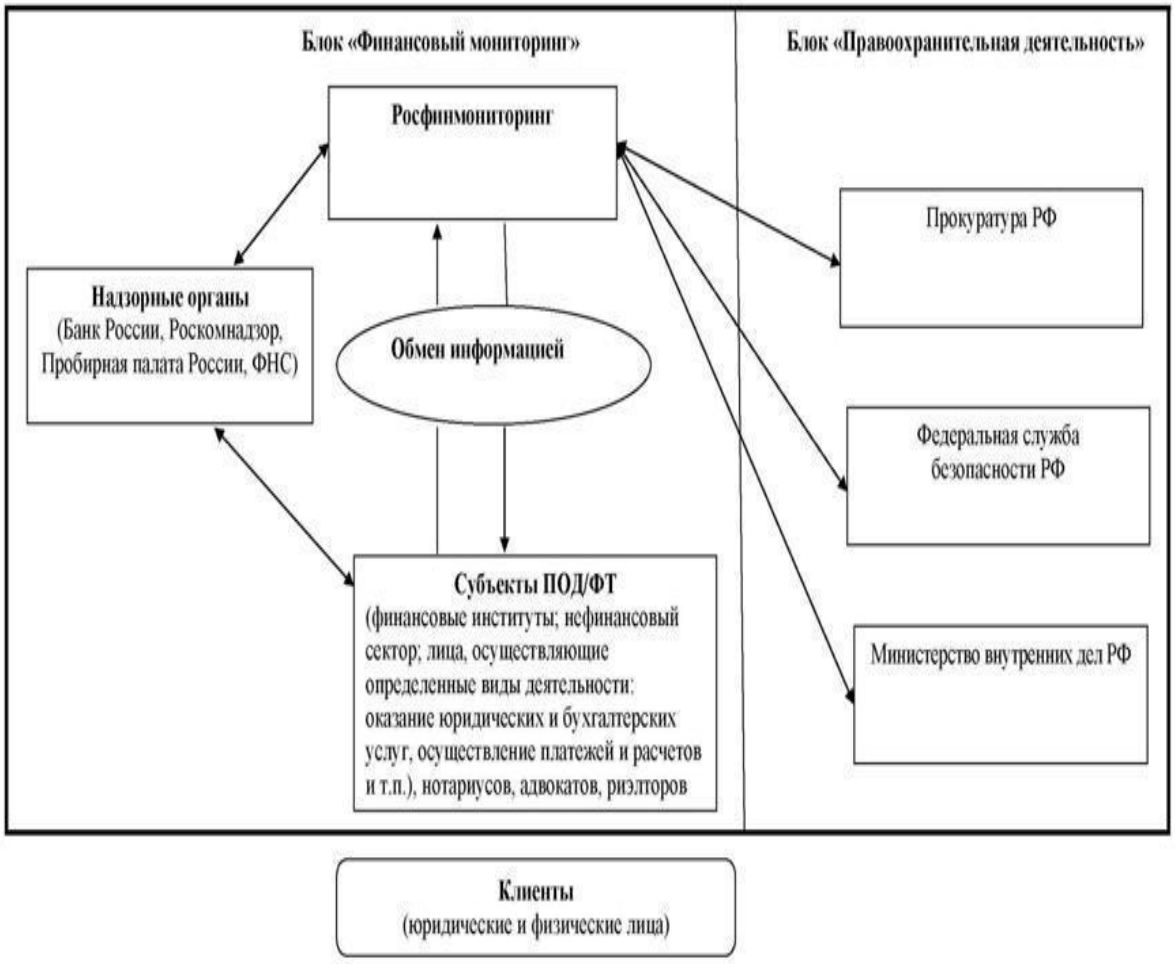

Рис. 1. Национальная система противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

В составе блока «Финансовый мониторинг» выделяют три уровня:

1) Федеральная служба по финансовому мониторингу;

2) надзорные органы (Банк России, Роскомнадзор, Пробирная палата России, ФНС России)[1];

3) субъекты ПОД/ФТ, в том числе юридические и физические лица, осуществляющие операции с денежными средствами и иным имуществом.

[1] Кузнецова Е. И., Бахметьева Е. С. Повышение конкурентоспособности банков в рамках реализации клиентоориентированной стратегии // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 10. – С. 40–46.

К субъектам ПОД/ФТ относят:

1) финансовые институты (кредитные организации, профессиональные участники рынка ценных бумаг, страховые организации, лизинговые организации, кредитные потребительские кооперативы и т. п.)[1];

2) лиц, осуществляющих определенные виды деятельности: оказание юридических и бухгалтерских услуг, нотариусов, адвокатов, риэлторов, осуществление платежей и расчетов и т. п.[2];

3) нефинансовые организации.

К субъектам правоохранительного блока относят правоохранительные органы, в том числе: Прокуратуру Российской Федерации, ФСБ России, МВД России, в компетенцию которых входит расследование преступлений в сфере отмывания преступных доходов и финансирования терроризма.

Национальная система ПОД/ФТ четко определила взаимодействие агентов финансового мониторинга и надзорных органов.

Основополагающее место в системе финансового мониторинга занимает Федеральная служба по финансовому мониторингу[3], которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в этой сфере, по координации соответствующей деятельности других федеральных органов исполнительной власти, других государственных органов и организаций, а также функции национального центра по оценке угроз национальной безопасности, возникающих в результате совершения операций (сделок) с денежными средствами или иным имуществом, и по выработке мер противодействия этим угрозам.

---

[1] Прошунин М. М. Финансовый мониторинг как обязательное условие обеспечения финансовой безопасности государства // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2016. – № 3. – С. 133–144.

[2] Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. 312 с.

[3] Далее по тексту – Росфинмониторинг.

Росфинмониторинг, при наличии достаточных оснований связи финансовой операции с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или финансированием терроризма[1] направляет информацию в правоохранительные органы в соответствии со ст. 8 Федерального закона № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма»[2] (рис. 2).

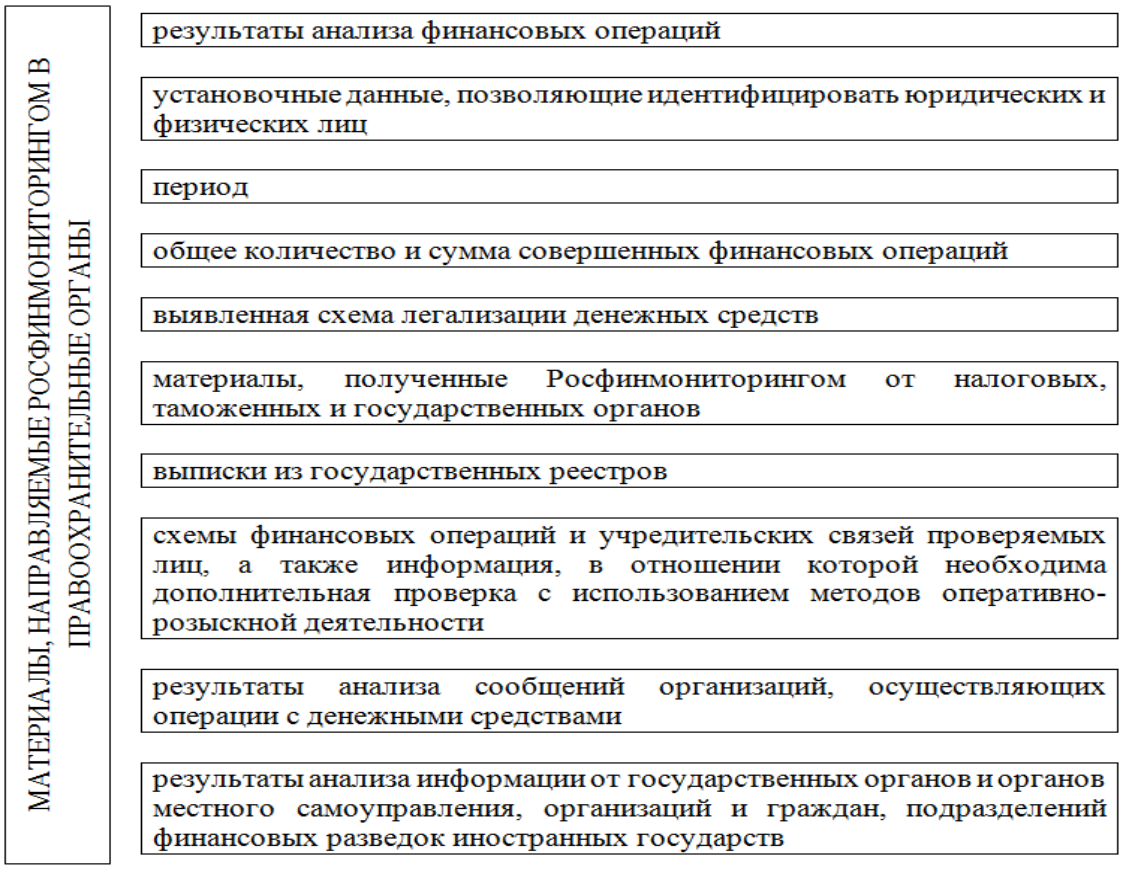

Рис. 2. Содержание материалов, направляемых Росфинмониторингом в правоохранительные органы

[1] Филатова И. В. Противодействие финансированию терроризма как ключевое направление обеспечения экономической безопасности // В сборнике: Финансовая политика государства: современные тенденции и перспективы. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: ФКОУ ВО Академия ФСИН России Кафедра бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения, ФГКОУ ВО Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя Кафедра экономики и бухгалтерского учета, ФГБОУ ВО Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина Кафедра учета и аудита. 2016. С. 222–228.

[2] Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.07.2018) // URL: http://www.consultant.ru.

Особое значение в современных условиях развития финансовых отношений приобретает одно из перспективных направлений системы финансового мониторинга – управление рисками и минимизация их последствий, что предполагает активное взаимодействие Росфинмониторинга с правоохранительными органами.

В целях повышения качества организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и иного имущества создан единый порядок информационного взаимодействия между правоохранительными органами и Росфинмониторингом. При этом в состав первых входит Генеральная прокуратура Российской Федерации, МВД России, ФСБ России, ФТС России, Следственный комитет Российской Федерации.

Информационное взаимодействие между правоохранительными органами и Росфинмониторингом в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, осуществляется с целью:

– профилактики, предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования таких преступлений, а также предикатных преступлений, т. е. тех, которые предшествуют легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества;

– обеспечения конфискации денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений (ст. 174, 174.1 УК РФ), связанных с ними предикатных преступлений, а также доходов от этого имущества, в том числе в которые были частично или полностью превращены, или преобразованы в деньги, ценности и иное имущество.

Информационное взаимодействие осуществляется в следующих формах:

– взаимное предоставление информации и документов, необходимых для установления связи операций (сделок) с легализаций (отмыванием) денежных средств или иного имущества, а также с предикатными преступлениями;

– принятие органом предварительного расследования мер по обеспечению возможной конфискации путем наложения ареста на денежные средства или иное имущество, полученные в результате совершения преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, предикатных по отношению к ним преступлений, а также на доходы

от этого имущества в виде соответствующих запросов и ответов на них либо инициативное предоставление такой информации;

– исполнение запросов Росфинмониторинга, предоставление информации, содержащейся в базах данных правоохранительных органов, обеспечение автоматизированного доступа Росфинмониторинга к базам данных правоохранительных органов в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

– обеспечение доступа правоохранительных органов к Единой информационной системе, создаваемой Росфинмониторингом, в порядке, определяемом двусторонними соглашениями между Росфинмониторингом и правоохранительными органами;

– информирование Росфинмониторингом правоохранительных органов о выявленных фактах нарушения законодательства Российской Федерации, а также причинах и условиях, им способствующих;

– обмен статистическими, аналитическими и справочными материалами, методическими рекомендациями, представляющими взаимный интерес.

Информационное взаимодействие может осуществляться в электронной форме, механизм которого определяется межведомственным соглашением, заключаемым Росфинмониторингом с заинтересованными правоохранительными органами.

Также необходимо отметить, что в современных условиях развития в соответствии с Рекомендациями ФАТФ страны должны на постоянной основе проводить оценку рисков легализации (отмывания) денег и финансирования терроризма с целью формирования адекватного понимания на национальном уровне рисков и угроз финансовой системе и экономике, а также негативных последствий, которые несут в себе эти деяния, и принятия адекватных мер реагирования. В связи с этим Министерство внутренних дел Российской Федерации является главным субъектом взаимодействия с Росфинмониторингом, предотвращающим данные риски.

В целях их недопущения проводится активная работа по реализации правоохранительными органами материалов Росфинмониторинга, полученных по международным каналам, с целью выявления и ареста выведенных за рубеж преступных активов[1].

---

[1] Филатова И. В., Скрынникова К. Ю. Характеристика легализации преступных доходов и внедрение международных принципов ПОД/ФТ в российскую банковскую практику // В сборнике: Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности. Сборник научных трудов. 2016. С. 103–110.

В целях дальнейшего совершенствования мер по борьбе с кибермошенничеством и киберворовством в апреле 2018 года был принят Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Законом усилена уголовная ответственность за хищение чужого имущества, совершенное с банковского счета, а равно электронных денежных средств (лишение свободы на срок до шести лет). Так, внесены изменения в статью УК РФ, предусматривающую наказание за мошенничество с использованием платежных карт. Уточнено наименование. Речь идет о мошенничестве с использованием электронных средств платежа. Введен новый квалифицирующий признак – «с банковского счета, а равно электронных денежных средств». Скорректированы санкции за мошенничество в сфере компьютерной информации. Вместо ареста на срок до четырех месяцев за мошенничество с использованием ЭСП предусмотрено лишение свободы на срок до трех лет. Снижены пороговые суммы крупного и особо крупного размеров в целях применения соответствующих статей УК РФ. Кроме того, в настоящее время на рассмотрении Государственной Думой Российской Федерации находится законопроект № 296412-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части противодействия хищению денежных средств)» в сфере электронных платежей. Так, операторов по переводу денежных средств обяжут при выявлении ими признаков перевода денежных средств без согласия клиента приостанавливать выполнение такой операции на срок до двух рабочих дней. Планируется законодательно запретить получение физическими лицами наличных денег с использованием неперсонифицированных ЭСП.

МВД России и Росфинмониторингом в рамках Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) проводится типологическое исследование по установлению трансграничных схем наркорасчетов и легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотических средств с использованием электронных платежных систем и криптовалют. В рамках исследования обобщаются данные правоохранительных органов и подразделений финансовой разведки государств – членов ЕАГ о способах криминальных расчетов такого рода

и моделях правового регулирования электронной платежной сферы в различных странах[1].

Повышена эффективность системы государственного управления и контроля в сферах деятельности, подверженных коррупционным рискам. Ужесточена уголовная ответственность за коррупционные преступления: признается преступлением даже факт передачи денег не самому должностному лицу, а по его указанию другому физическому или юридическому лицу; введена уголовная ответственность за посредничество в коммерческом подкупе, а также за обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе; ответственность за коммерческий подкуп дифференцирована в зависимости от размера предмета подкупа; уточнен круг лиц, в отношении которых возможна провокация коммерческого подкупа или взятки; предусмотрены альтернативные виды наказаний за коммерческий подкуп и взяточничество (в виде штрафа в абсолютных величинах с назначением дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности/заниматься определенной деятельностью на длительный срок). На завершающей стадии находится согласование проекта Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы.

Таким образом, можно сделать вывод, что только совместная работа по национальной оценке рисков ОД позволяет выявить ключевые риски, угрозы и уязвимости, характерные для системы ПОД в Российской Федерации на текущий момент. По результатам этой работы готовится межведомственный План мероприятий по минимизации выявленных рисков и угроз и повышению эффективности российской «антиотмывочной» системы.

Указанный План содержит перечень предупредительных, регулирующих, правоприменительных, организационных мер, а также мер, направленных на повышение эффективности межведомственного и

---

[1] Филатова И. В. Противодействие финансированию терроризма как ключевое направление обеспечения экономической безопасности // В сборнике: Финансовая политика государства: современные тенденции и перспективы. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: ФКОУ ВО Академия ФСИН России Кафедра бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения, ФГКОУ ВО Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя Кафедра экономики и бухгалтерского учета, ФГБОУ ВО Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина Кафедра учета и аудита. 2016. С. 222–228.

международного сотрудничества и взаимодействия с частным сектором.

Правоохранительным, контрольно-надзорным и иным государственным органам – участникам системы ПОД/ФТ, рекомендовано выстраивать свою дальнейшую работу, с учетом пунктов Плана в целях противодействия основным рискам и угрозам, повышения защищенности национальной финансовой системы и повышения эффективности работы российской «антиотмывочной» системы.

Филатова И. В.*[1]*,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук
подполковник полиции

Современные проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности

Экономические преступления представляют одну из самых сложных категорий в уголовном законодательстве России как с точки зрения формулировки норм материального права, так и доказывания факта совершения преступления.

Актуальность рассматриваемой тематики в современных условиях развития экономики заключается в том, что проблемы расследования экономических преступлений представляют значительную трудность для следственной практики. Это непосредственно проявляется в квалификации преступных деяний, особенностях возбуждения уголовных дел, производстве следственных действий, экспертиз, установлении потерпевших и т. д. Несовершенство нормативно-правовой базы позволяет не только чиновникам, но и физическим и юридическим лицам осуществлять свои корыстные интересы.

С каждым годом под воздействием развития экономической системы постоянно видоизменяются и совершенствуются преступные схемы экономических преступлений.

Уголовные дела о преступлениях вышеуказанных категорий, как правило, не возникают по факту задержания преступника с поличным[2]. В связи с этим отсутствие элемента внезапности ведет к определенным трудностям, связанным с тем, что зачастую уже в ходе

---

[1] © Филатова И. В., 2018.

[2] См.: Гриненко А. В. Особенности возбуждения и первоначального этапа расследования уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности // В сборнике: Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н. М. / отв. ред. Ю. С. Харитонова. 2015. С. 666–667.

предварительной проверки и сбора первичного материала подозреваемые начинают активно скрывать свои следы преступления, уничтожать соответствующую документацию, вступать в сговор с соучастниками преступления и т. д.

На стадии следствия изымается, в том числе и в других регионах Российской Федерации, значительный объем документов, по которым назначаются и проводятся судебные экспертизы; осматривается и анализируется большое количество объектов и документов; предпринимаются меры к установлению всех соучастников преступлений, обнаружению и изъятию похищенного.

Таким образом, эффективное противодействие злоупотреблениям в сфере экономики невозможно без активного использования института специальных экономических знаний.

По итогам 2017 года одним из самых часто совершаемых экономических преступлений в России стало мошенничество – количество возбужденных уголовных дел по соответствующим статям превысило 200 тысяч, уступая пальму первенства только традиционно распространённым в нашей стране кражам и преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств. Сумма уголовных дел, возбужденных по ст. 159, а также по смежным ст.ст. 159.1–159.6 УК РФ, превышает общее количество уголовных дел, возбужденных по более чем пятидесяти статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за совершение преступлений в сфере экономической деятельности.

При анализе статистических данных по уголовным делам по ст. 159 и смежным статьям 159.1–159.6 УК РФ бросается в глаза тот факт, что большая часть возбужденных уголовных дел не доходит до суда; кроме того, значительная часть дел возбуждается в отношении предпринимателей, причем далеко не всегда законно. На практике все еще выявляются случаи, когда правоохранительные органы используют уголовное судопроизводство, в частности статьи УК РФ по преступлениям в сфере экономики в незаконных целях.

Не лучшим образом обстоят дела и при проведении проверок сообщений о совершении преступлений в сфере экономики: сроки проверок нарушаются, нередко фактически составляя от нескольких месяцев до года, выносятся незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или направлении по подследственности, а злоумышленники тем временем уничтожают доказательства, успе-

вают скрыться, выполнить иные действия, которые впоследствии препятствуют производству по делу при его возбуждении. Все это подрывает доверие предпринимателей и простых граждан к органам, призванным защищать их права, препятствует реализации основных назначений уголовного судопроизводства, а именно защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Еще одной из назревших проблем в современных условиях развития является крайне низкий уровень специальной подготовки сотрудников следственных органов, занимающихся расследованием экономических преступлений, что не позволяет им корректно выполнять свою работу.

В связи с вышеперечисленными проблемами многие эксперты поддерживают позицию о заимствовании положительного опыта создания спецслужб, например, Италии и Казахстана. Такая служба могла бы помочь решить сразу две задачи. Во-первых, снизить давление на бизнес, поскольку расследование экономических преступлений будет независимым, а, во-вторых, повысить качество расследования преступлений в сфере экономической деятельности.

На наш взгляд, создание спецслужбы по расследованию экономических преступлений в нашей стране будет аналогом существующей ныне УЭБиПК (ОЭБиПК) МВД России с наделением ее дополнительными полномочиями по осуществлению предварительного следствия и созданием еще одного вида следственных подразделений. Тем более, для реализации данной задачи необходимо принять не только новый закон, но и изменить десятки уже действующих нормативных правовых актов, начиная с УПК РФ и заканчивая ФЗ «О полиции». В результате такой перестройки может возникнуть множество нестыковок и пробелов в законодательстве.

Между тем необходимо вспомнить, что подобный опыт уже имел место быть в нашей правовой системе. Так, с 1992 г. по 2003 г. в России существовала Федеральная служба налоговой полиции, у которой были свои оперативные подразделения и самостоятельный следственный аппарат. Сотрудники налоговой полиции были ориентированы на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование налоговых преступлений, а также ряда специальных составов, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере экономики. После выполнения стратегической задачи по

наполнению бюджета налогами, воспитания бизнеса в духе необходимости уплаты налогов посредством реализации превентивной функции уголовного судопроизводства, эффективность работы сотрудников налоговой полиции снизилась, аппарат закостенел, оброс коррупционными связями с теневым бизнесом, в результате чего руководством государства было принято решение о прекращении деятельности данного специализированного правоохранительного органа.

Полагаем, что любой вновь созданный отдельный орган по раскрытию и расследованию экономических преступлений ждет судьба упраздненной Федеральной службы налоговой полиции.

На наш взгляд, более эффективными мерами могут стать совершенствование структуры и работы существующих подразделений по борьбе с экономическими преступлениями (УЭБиПК, ОЭБиПК МВД, СЭБ ФСБ), корректировка действующего законодательства и налаживание более эффективного взаимодействия оперативных подразделений со следственными органами. Например, в современных условиях уже давно возникла необходимость обеспечения более оперативного доступа сотрудников ОЭБиПК к различным базам финансовых и кредитных учреждений, налоговых и регистрирующих органов, в целях повышения уровня квалификации следователей, расследующих преступления в сфере экономики. Необходимо проводить их регулярное обучение в части новых методов расследования экономических преступлений, пересмотреть правила о подследственности данной категории дел.

Имеет смысл продолжить работу в части изменения уголовных норм, устанавливающих ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, таких как распространение ответственности по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ на любые действия в сфере предпринимательской деятельности, не связанные исключительно преднамеренным неисполнением договорных обязательств.

Следует законодательно определить в примечании к ст. 159 УК РФ формулировку: «…действия, совершенные в сфере предпринимательской деятельности», так как определения предпринимательской деятельности, закрепленного в гражданском законодательстве и разъяснений Верховного суда Российской Федерации на практике оказывается недостаточным.

В своих процессуальных решениях органы следствия и суды зачастую определяют деятельность, обладающую всеми признаками

предпринимательской, как не связанную с осуществлением таковой. Это ведет к неправильной квалификации, более суровой уголовной ответственности, а также незаконному избранию такой меры пресечения, как заключение под стражу.

Еще немаловажной проблемой в современных условиях является нарушение процессуальных сроков проверки сообщения о преступлении по делам в сфере экономики. Анализ следственной практики показывает, что проверки зачастую проводятся в срок до года, при том, что установленный максимально возможный с учетом продления срок составляет 30 суток.

В целях формального соблюдения процессуальных сроков сотрудниками полиции используется прием повторной регистрации материала в КУСП, вынесения необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, незаконного направления по подследственности.

И хотя в УПК РФ был внесен ряд поправок, направленных на защиту бизнесменов, следственные органы по-прежнему изыскивают незаконные способы возбуждения уголовных дел, расследование которых может тянуться месяцами и годами. Один из ярчайших примеров – двухлетнее расследование по делу предпринимателя Валерия Чабанова, который на протяжении всего этого периода находился в СИЗО. Естественно, ни о каком сохранении бизнеса в этом случае речь идти не может.

Однако следует отметить, что в законодательстве касаемо данной проблемы в полной мере закреплены процессуальные нормы. Для соблюдения закона в части сроков проверки, на наш взгляд необходимо повысить внимание как с позиции прокуратуры, так и со стороны руководства МВД России.

Макеева Н. В.*[1]*,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции;
Макеев А. В.*[2]*,
старший преподаватель кафедры организации
деятельности ОВД ЦКШУ Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук

Алгоритм действий следователя и органа дознания на этапе возбуждения уголовного дела о незаконном сбыте наркотических средств бесконтактным способом с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

В соответствии со ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена ответственность за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Такой способ сбыта на практике и в юридической литературе принято называть «бесконтактным способом сбыта наркотических средств». Под этим подразумевается сбыт наркотиков новым способом, когда сбытчик и незаконный приобретатель не встречаются лично, а договариваются о приобретении наркотических средств, оплачивают их получение, получают сведения о местонахождении тайника с использованием мобильной связи или сети Интернет. Появляющиеся новые способы сбыта заставляют сотрудников органов внутренних дел менять способы фиксации сбыта, в том числе с использованием материалов оперативно-разыскной деятельности.

Чаще всего при поступлении информации о факте совершения противоправных действий, связанных с незаконным оборотом нарко-

[1] © Макеева Н. В., 2018.
[2] © Макеев А. В., 2018.

тических средств или психотропных веществ, осуществляется проверочная закупка. Соблюдение законности в рамках проведения и фиксации результатов проверочной закупки позволит в дальнейшем использовать материалы ОРМ при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, что подтверждается следующим алгоритмом действий лиц, участвующих в ее проведении:

1. Проведение проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ возможно лишь на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность (ч. 7 ст. 8 ФЗ «Об ОРД»), которое является основанием для начала ее проведения.

2. Перед проверочной закупкой «покупатель» обязательно досматривается в присутствии понятых на предмет отсутствия у него наркотических средств, что фиксируется в протоколе досмотра. В качестве покупателя могут участвовать лица, решившие на добровольной основе сотрудничать с оперативными подразделениями, а также оперативные сотрудники (их досмотр не производится). Весь ход проверочной закупки фиксируется с помощью аудио- или видеосредств фиксации.

3. По результатам проверочной закупки составляется протокол добровольной выдачи наркотических средств, лицом, участвовавшим в качестве покупателя. Также составляется протокол выдачи технических средств в том случае, если они ему выдавались.

4. При задержании лица, осуществлявшего закладку наркотических средств, в рамках производства проверочной закупки составляется протокол личного досмотра в соответствии с требованиями КоАП РФ (ст.ст. 27.1, 27.7, 27.9, 27.10) и принимаются меры, предупреждающие возможное сокрытие или уничтожение наркотических средств, электронных носителей информации (SIM-карты, флэш-карты и т. д.).

5. У задержанного лица, участвовавшего в качестве «покупателя», понятых (представителей общественности), берутся объяснения.

У «покупателя» выясняется:

– где, когда и при каких обстоятельствах производилась проверочная закупка;

– каким образом он связывался с продавцом (указывает все имеющиеся у него о нем сведения: абонентские номера телефонов, в том числе в котором используются Viber, WhatsApp Messenger, номер ICQ, ник в Skype, Brosix, Jabber);

– где обнаружил тайник с наркотическими средствами или где происходила их передача;

– какое количество наркотических средств было приобретено и по какой цене;

– каким образом осуществлялась оплата (через какие системы оплаты).

У задержанного, осуществлявшего закладку наркотических средств, выясняется:

– принадлежность изъятых наркотиков;

– кто еще участвовал в сбыте наркотиков;

– где осуществлялось приобретение, изготовление, перепродажа наркотических средств, в каком количестве, когда и по какой цене;

– кто поставщик наркотиков;

– каким образом осуществлялась доставка наркотических средств;

– кто вручал НС, присутствовал ли кто-нибудь при этом;

– в каком количестве и какой упаковке были получены наркотики;

– где осуществлялась расфасовка;

– кому реализовывались наркотические средства и каким способом и т. д.

6. Изъятые наркотические средстве направляются на судебную экспертизу (или предварительное исследование), в ходе которой устанавливается, является ли изъятое вещество наркотическим, и его вид и объем.

7. При привлечении специалистов оперативно-технических подразделений ими устанавливаются: процесс общения покупателя с оператором посредством средств сотовой связи или интернета, как осуществлялась «оплата» за приобретаемое наркотическое средство через терминал самообслуживания (мультикассу). При использовании технических средств фиксации с видеоносителей может быть получена информация о непосредственном приобретении наркотических средств в тайнике.

8. Собранные в ходе проведения проверочной закупки материалы вместе с рапортом об обнаружении признаков преступления передаются начальником оперативно-разыскного подразделения, проводившего разработку, руководителю следственного органа.

В перечень документов, предоставляемых оперативно-разыскными подразделениями органам предварительного следствия, как правило, входят:

– постановление о предоставлении результатов ОРД с перечнем документов, подлежащих направлению;

– постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, подписанное начальником соответствующего территориального органа;

– постановление о проведении ОРМ, подписанное начальником оперативно-разыскного подразделения;

– согласие о добровольном оказании содействия;

– протокол досмотра вещей, принадлежащих участнику проверочной закупки, при необходимости – его автомобиля;

– протоколы вручения денежных средств, предметов, ценностей;

– протоколы вручения технических средств видео- и звукозаписи;

– протокол добровольной выдачи приобретенных средств и веществ;

– протоколы выдачи технических средств;

– заключение эксперта или справки специалиста о принадлежности выданных веществ к наркотикам;

– объяснения понятых (представителей общественности), «покупателя», очевидцев преступной деятельности и лица, осуществлявшего закладку наркотических средств;

– акт проведения ОРМ (к акту прилагается фототаблица со скриншотами или фотографиями экранов компьютеров, смартфонов, телефонов, на которых изображена переписка с оператором, фотографии с мест нахождения закладок);

– рапорта сотрудников оперативных подразделений о ходе и результатах проведенных ОРМ;

– рапорт об обнаружении признаков преступления.

Как показывает практика, выявление преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенных бесконтактным способом с помощью осуществления ОРМ проверочная закупка, остается самым эффективным на сегодняшний день. Так, в 2017 году сотрудниками Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в ходе проведения проверочной закупки была выявлена и пресечена деятельность группы лиц, осуществляющих сбыт наркотических средств бесконтактным способом (с помощью закладок и тайников на территории г. Санкт-Петербурга) после получения денежных средств на электронный кошелек.

Получив вышеперечисленные документы, следователь осуществляет проверку результатов оперативно-разыскной деятельности на предмет их соответствия требованиям закона, после чего принимает меры к приданию им доказательственного значения. Результаты ОРМ в дальнейшем в случае их законного происхождения служат поводом и основанием для возбуждения уголовного дела и используются в доказывании по уголовным делам. Если в материалах проверки есть сведения, указывающие на использование информационно-телекоммуникационных сетей, то следователь должен квалифицировать действия по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Несмотря на существующие явные проблемы, связанные со сложным процессом выявления и фиксирования преступлений, совершенных бесконтактным способом, на сегодняшний день такого рода преступления успешно расследуются органами предварительного следствия, и в судах по ним выносятся обвинительные приговоры.

Лаврова О. Н.*[1]*,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
полковник полиции;
Горач Н. Н.*[2]*,
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук
подполковник полиции

К вопросу о процессуальном руководстве предварительным следствием

От организаторских качеств и компетентности руководителя следственного органа во многом зависит эффективность взаимодействия подчиненных ему следователей и органа дознания.

При производстве предварительного следствия следователь, испытывая противодействие со стороны заинтересованных в исходе уголовного дела лиц, работая в условиях сильного физического и психического напряжения, не всегда может объективно оценить качество своей работы и ее результатов, в связи с чем вырастает роль руководителя следственного органа, осуществляющего процессуальное руководство и процессуальный контроль за деятельностью подчиненных ему сотрудников .

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальной науке представлено большое количество работ, посвященных проблемам процессуального руководства, данное понятие теория не выработала.

А. В. Победкин и Е. А. Новиков утверждают, что процессуальное руководство осуществляется руководителем следственного органа и состоит в организации наиболее эффективного производства предва-

---

[1] © Лаврова О. Н., 2018.
[2] © Горач Н. Н., 2018.

рительного расследования по уголовным делам подчиненными следователями (как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в стадии предварительного расследования). Оно осуществляется путем использования полномочий, предоставленных уголовно-процессуальным законом.

По мнению И. А. Насоновой и Н. А. Моругиной, сущность процессуального руководства заключается в направлении руководителем следственного органа деятельности следователя, связанной с возбуждением и расследованием уголовных дел.

Т. Ю. Попова писала о процессуальном руководстве как о деятельности руководителя следственного органа, посредством которой реализуются его уголовно-процессуальные полномочия, включая в это понятие и процессуальный контроль.

В. М. Савицкий рассматривал процессуальное руководство расследования как специфический метод надзора, считая, что грань между процессуальным руководством и прокурорским надзором провести нельзя.

По мнению А. М. Ларина, направлять предварительное расследование, давать поручения и указания, предъявлять обязывающие требования, выносить постановления, определять правовой статус конкретных лиц, вызывать их для участия в следственных и иных действиях, означает процессуальное руководство предварительным следствием. По мнению данного автора, как следователь, так и руководитель следственного органа также осуществляет процессуальное руководство.

Уголовно-процессуальный закон относит руководителя следственного органа к стороне обвинения. Следовательно, он, используя свои процессуальные полномочия, наряду с другими участниками уголовного процесса реализует функцию обвинения, выполняя при этом специфическую роль по процессуальному руководству предварительным следствием. Таким образом, процессуальное руководство – средство осуществления функции обвинения.

Объектом процессуального руководства со стороны руководителя следственного органа является деятельность подчиненных ему следователей. Она осуществляется с целью обеспечения надлежащего качества предварительного следствия по всем уголовным делам, находящимся в производстве вверенного ему подразделения, а также с целью обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

На наш взгляд, прав А. В. Образцов, утверждающий, что процессуальное руководство предварительным следствием – это средство осуществления функции обвинения руководителем следственного органа, упорядочивающее деятельность по расследованию уголовных дел подчиненными ему следователями с целью обеспечения надлежащего расследования уголовных дел и обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В заключение отметим, что, осуществляя процессуальное руководство, руководитель следственного органа, в соответствии с ч. 3 ст. 39 УПК РФ, дает следователю обязательные для исполнения письменные указания. Как правило, они содержат рекомендации о производстве следственных и иных процессуальных действий и срок их исполнения. При этом уголовно-процессуальное законодательство не содержит требований о необходимости приобщения данных указаний к материалам уголовного дела.

В связи с обозначенными проблемами, на наш взгляд, законодателю целесообразно выработать понятие процессуального руководства руководителя следственного органа за деятельностью подчиненных следователей, а также включить в действующее уголовно-процессуальное законодательство требование о приобщения письменных указаний руководителя следственного органа к материалам уголовного дела.

Клещёв С. В.[1]**,**
заместитель начальника кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
Трынко Д. С.[2]**,**
преподаватель-методист учебного отдела Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования как повод для возбуждения уголовного дела: проблемы реализации в правоприменительной практике

Современная уголовно-процессуальная форма отечественного судопроизводства неотделима от такого элемента, как возбуждение уголовного дела. Именно эта первоначальная стадия обоснованно является базисом уголовного судопроизводства в целом. В действительности же практикующие сотрудники при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела сталкиваются с некоторыми очевидными проблемами, что является, по нашему мнению, следствием правового несовершенства со стороны действующего законодательства.

Ярким примером данного тезиса являются изменения, внесенные в ст. 140 УПК РФ, содержащую закрытый перечень поводов для возбуждения уголовного дела, а именно: введение 28 декабря 2010 года Федеральным законом № 404-ФЗ «прокурорского» повода – постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, который до сих пор является предметом споров и дискуссий как со стороны ученых-процессуалистов, так и практикующих работников.

Анализируя указанную новеллу в системе поводов, можно сделать вывод о том, что законодатель посчитал нужным укрепить процессуальный статус прокурора, расширив его полномочия в осуществлении

[1] © Клещёв С. В., 2018.
[2] © Трынко Д. С., 2018.

надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия на стадии возбуждения уголовного дела.

Как мы помним, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации вплоть до 2007 г. также уполномочивал прокурора, возбуждать уголовное дело и поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору либо принимать его к своему производству.

Данная компетенция в полной мере позволяла прокурору приводить в исполнение возложенные на него функции и свидетельствовала о его ведущей роли в осуществлении уголовного преследования.

Как известно, изменения, внесенные в УПК РФ в 2007 году, лишили ключевого места в досудебном производстве такой значимой фигуры, как прокурор, оставив ему лишь малую, на наш взгляд, часть полномочий, которые в полной мере не решают закрепленных за прокуратурой целей и задач, в том числе прокурор, как участник уголовного судопроизводства, лишился права возбуждать уголовное дело.

Как мы полагаем, расширение системы поводов объясняется желанием законодателя укрепить позиции прокурора в осуществлении своих функций по надзору за деятельностью органов предварительного расследования, однако это нововведение нельзя назвать равнозначной альтернативой имевшимся у него ранее полномочиям.

Ведь прежде расследование возбужденного прокурором уголовного дела являлось безапелляционной обязанностью следователя (дознавателя), поскольку редакция ст. 38 УПК РФ до 2007 года не содержала возможности обжалования данного решения.

В настоящее же время следователь (дознаватель), получив от прокурора постановление и собранные им материалы для решения вопроса об уголовном преследовании, регистрирует их в книге учета сообщений о преступлениях и имеет право провести по ним проверку, как бы сомневаясь в законности уже по сути принятого прокурором процессуального решения.

Такой процессуальный порядок совпадает с деятельностью должностных лиц ОВД по проведению дополнительной проверки по материалам, поступившим из прокуратуры с постановлением об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, имея единственное отличие: в случае принятия решения следователем (дознавателем) об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам,

направленным прокурором для решения вопроса об уголовном преследовании, они обязаны согласовать его с руководителем следственного органа, что указано в ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ.

По мнению работников прокуратуры, факт получения согласия руководителя следственного органа при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела абсолютно не гарантирует принятия законного и обоснованного решения, в то же время он превозносит его статус на один уровень со статусом прокурора, что само по себе, на наш взгляд, недопустимо, поскольку последний является представителем надзирающего органа.

Очевидно, что прокурор при вынесении властно-распорядительного акта мотивирует свое решение совокупностью той информации и тех материалов, которые собрал в ходе осуществления профессиональных компетенций в результате прокурорской проверки.

То есть, полагаем, собранные прокурором материалы уже содержат достаточные основания для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Далее остановимся на категориях материалов, которые направляются в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Анкетирование работников прокуратуры свидетельствует об особенном характере направляемых ими материалов, что обусловлено спецификой возложенных на них задач, изложенных в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации».

А именно: это материалы по нарушению законодательства по охране труда на предприятиях, в сфере жилищно-коммунального хозяйства, налогообложения, миграции и т. д.

Реализуя свои полномочия по надзору за соблюдением законодательства, в том числе в указанных выше сферах, прокурор правомочен проводить так называемые проверочные мероприятия, а именно: опросы, исследования и т. д., после чего выносит соответствующее постановление и направляет материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

В данном случае речь идет о фактах, требующих проверки; в случае же, если прокурору стало известно о происшествии, содержащем явные признаки преступления (к примеру, гражданин обратился с заявлением о краже), оно незамедлительно регистрируется в Книге, ведущейся в органе прокуратуры, после чего передается по подследственности в орган предварительного следствия или дознания для

проведения проверки и принятия решения в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ.

В такой ситуации направление прокурором материалов в орган предварительного следствия или дознания не реализует его полномочия, указанные в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, а будет расценено, как повод – заявление о преступлении.

***Стацюк Д. Н.*[1],**
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России
майор полиции

Роль и значение процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как нового участника уголовного процесса

Целью реформирования действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства является создание надежных гарантий прав и свобод личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальных отношений, реализацию ее законных интересов, а также на изобличение лиц, виновных в совершении преступления, и назначение им справедливого наказания.

Реализацию назначения уголовного судопроизводства обеспечивает уголовно-процессуальное доказывание, состоящее из сбора, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет порядок уголовного судопроизводства, а также исключает возникновение правовых коллизий, препятствующих выполнению задач, поставленных перед органами, осуществляющими предварительное расследование; указанное положение относится в том числе и к институту досудебного соглашения о сотрудничестве, а, в частности, до недавнего времени правовой неопределенности лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

После появления в 2009 году в УПК РФ нового института досудебного соглашения о сотрудничестве в научном сообществе активному обсуждению подверглись нормы, регламентирующие процессуальное положение подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого уголовное дело было выделено в отдельное производство после заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, который согласился сотрудничать в отношении остальных соучастников преступления.

---

[1] © Стацюк Д. Н., 2018.

К освещению вопросов заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве обращались многие видные российские ученые, такие как Л. В. Головко, К. Б. Калиновский, И. Л. Петрухин, М. А. Пешков, М. С. Строгович, И. Я. Фойницкий и др[1]. Отдельные вопросы, посвященные процессуальному статусу лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве внимание уделяли С. У. Дикаев, А. В. Гарусов, О. В. Качалова, А. В. Пиюк и др.[2]

Однако необходимо отметить, что вопрос правовой неопределенности подозреваемого (обвиняемого), с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве по основному уголовному делу в отношении соучастников подвергался научному обсуждению не в достаточном объеме и результативности.

В свою очередь, в практической деятельности неопределенность данного лица вводила в заблуждение относительно его процессуального положения, процессуального порядка участия в основном уголовном деле в отношении соучастников, а также участия данного лица в судебном разбирательстве. При этом отсутствие законодательного закрепления процессуального статуса данного лица, закрепления его прав и обязанностей, процессуального порядка участия в следственных и иных процессуальных действиях, вынуждало правоприменителей, как полагаем, к неправильному применению норм уголовно-процессуального законодательства, вследствие чего сторона обвинения выстраивала свое обвинение на доказательствах, которые

---

[1] Фойницкий И. Я. Курс Уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб. : Альфа, 1996. 607; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017.

[2] Гарусов А. В. Об определении процессуального статуса лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве и дающих показания против своих соучастников по основному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России – 2017. – № 2 (74). – С. 94–96; Иванов Д. А. Актуальные вопросы определения характера и размера имущественного вреда, причиненного преступлением при проверке поводов для возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. –№ 2. – С. 121–126; Качалова О. В. Когда суд может использовать показания «специального свидетеля» // Уголовный процесс – 2017. – № 2. – С. 39; Пиюк А. В. О процессуальном статусе лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве со следствием // Уголовная юстиция. – 2015. – № (1) 5. – С. 56–59.

по своему виду не относились к таковым. Так, например, в ряде регионов России следственная практика поступает следующим образом: обвиняемый по основному уголовному делу находился в данном статусе до окончания предварительного расследования, при этом в обвинительном заключении данное лицо указывалось как обвиняемый, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Также показания лица, которые он давал в качестве обвиняемого по основному делу в обвинительном заключении, указывали как протоколы следственных и судебных действий. В других регионах России, перед окончанием следственных действий в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, выделяется уголовное дело в отдельное производство, по которому он привлекается в качестве обвиняемого, а по основному уголовному делу он непонятно каким образом, в разрез действующего законодательства, приобретает статус свидетеля.

В связи с чем назрела парадоксальная ситуация, когда по одному обвинению в совершении преступления лицо приобретает несколько процессуальных статусов. Кроме того, в Конституционный Суд Российской Федерации обратился с жалобой гражданин Д. В. Усенко, который потребовал рассмотреть конституционность положений ч. 2 и 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и главы 40.1 УПК Российской Федерации, на предмет неопределенности в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Так, рассмотрев жалобу гражданина Д. В. Усенко Конституционный Суд Российской Федерации 20 июля 2016 г. вынес Постановление № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко»[1], согласно которому обязал внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменения, касающиеся участия обвиняемого по уголовному делу, выде-

[1] Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко» // СПС «КонсультантПлюс».

ленному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, в судебном разбирательстве по основному уголовному делу, в целях дачи показания в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним.

Во исполнение требований изложенных в вышеуказанном постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, законодателем Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] были внесены изменения, согласно которым действующий уголовно-процессуальное закон дополнен ст. 56^1 УПК РФ «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве», тем самым был введен новый участник уголовного судопроизводства. Кроме того, введена ст. 281^1 УПК РФ, устанавливающая порядок его допроса и оглашения показаний в ходе судебного разбирательства; также несущественным изменениям подверглись ст. 113, 164, 264, 287, 288, 389^{13} УПК РФ. Как следует из Пояснительной записки к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка участия лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в уголовном деле в отношении соучастников преступления», внесенные Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» соответствующие изменения должны были привести положения УПК РФ в соответствие с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации. Однако представляется, что принятые законодателем новшества должны быть подвергнуты более тщательной и глубокой проработке, поскольку не совсем понятно, позволят ли внесенные законодателем изменения разрешить возникающие проблемы в целях эффективного применения института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Таким образом, логичным видится совершенствование уголовно-процессуального законодательства в части расширения полномочий

---

[1] См.: Федеральным законом от 30 октября 2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2018).

руководителя следственного органа и прокурора по согласованию постановления привлечения в качестве обвиняемого, что, в свою очередь, выступит дополнительным гарантом прав и законных интересов заинтересованных участников уголовного судопроизводства, обеспечив своевременный доступ к правосудию.

Сидоров Ю. В.*[1]*,
старший преподаватель кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
подполковник полиции

Актуальные вопросы согласования постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого по уголовному делу

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), основанный на принципах, закрепленных в Конституции Российской Федерации, призван одновременно решать две задачи – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Процессуальные нормы УПК РФ как раз и направлены на реализацию указанных задач. Исходя из этого, правоприменители обязаны на всех этапах уголовного судопроизводства соблюдать и обеспечивать права и интересы задействованных в уголовном преследовании участников.

Привлечение в качестве обвиняемого является важнейшим этапом в расследовании преступления и так называемым «промежуточным итогом», на котором на основе собранных доказательств следователь (дознаватель) реализует свою функцию уголовного преследования по изобличению лица, виновного в совершении преступления, реализуются права участников, вовлеченных в уголовный процесс, при этом уполномоченными предъявлять обвинение лицами могут ограничиваться, а иногда и нарушаться права и законные интересы многих лиц путем неверной формулировки обвинения, что, как следствие, ведет к затягиванию процессуальных сроков расследования.

Прокурорский надзор и процессуальный контроль за деятельностью лиц, уполномоченных принимать решение о привлечении лица в качестве обвиняемого, – действенная и необходимая мера. Необходимость данной меры обусловлена особым значением привлечения

[1] © Сидоров Ю. В., 2018.

лица в качестве обвиняемого, когда от имени государства осуществляется один из этапов уголовного преследования, выражающий отношение государства к совершенному преступному деянию. Придание лицу процессуального статуса обвиняемого влечет существенное ограничение его прав и свобод и, вместе с тем, рождает у государства моральную и материальную ответственность в случае необоснованного обвинения лица в совершении преступления. При этом принципиально важно установить именно виновное лицо, не допустив необоснованного и незаконного обвинения.

Приобретение лицом статуса обвиняемого позволяет ему защищаться от предъявленного обвинения, реализуя свое право на защиту. Необоснованное либо несвоевременное предъявление обвинения влечет за собой нарушение не только процессуальных, но и конституционных прав граждан.

Видится, что процессуальный контроль и прокурорский надзор за привлечением в качестве обвиняемого должен быть нацелен не только на устранение допущенных нарушений, но и на их недопущение.

По нашему мнению, отсутствие в УПК РФ нормы и четкого механизма, регулирующих вопросы согласования постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, закономерно приводит к вынесению новых постановлений, жалобам на нарушение прав и свобод граждан, затягиванию процессуальных сроков расследования и другим негативным последствиям.

Так, руководитель следственного органа, наделенный властными полномочиями по отмене незаконных или необоснованных постановлений подчиненных ему по службе следователей и руководителей, а также следователей (дознавателей) и руководителей других органов расследования, в своей практической деятельности использует свое право по отношению к постановлению о привлечении лица в качестве обвиняемого лишь в редких случаях. Например, при наличии жалоб со стороны обвиняемого, его защитника или потерпевшего, несогласных с уголовно-правовой квалификацией вмененного деяния, требований прокуроров об устранении нарушений федерального законодательства, выявленных при изучении направленных им копий постановления о привлечении в качестве обвиняемого, частных определений или постановлений суда с указанием на нарушения закона, допущенные при производстве расследования уголовного дела. Деятель-

ность руководителя следственного органа при изложенных обстоятельствах в большей степени направлена не на восстановление прав вовлеченных в уголовный процесс лиц, а на активизацию следователя по устранению выявленных участниками уголовного судопроизводства конкретных нарушений закона.

Помимо указанных выше полномочий, руководитель следственного органа имеет установленную законом возможность дать подчиненному следователю письменное указание о привлечении лица в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и об объеме обвинения. Данный процесс нельзя отнести к формальному, ведь здесь необходимо детальное изучение и анализ собранных доказательств, их оценка с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а главное, – достаточных для обвинения лица в совершении преступления. Вместе с тем, на практике руководители следственного органа зачастую дают указания о производстве следственных и процессуальных действий, в том числе о привлечении лица в качестве обвиняемого, носящих формальный характер, без указания конкретных лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, формулировок обвинения, квалифицирующих признаков и статей УК РФ, тем самым снимая с себя ответственность за принятие одного из важнейших процессуальных решений по уголовному делу.

Здесь же отметим, что участником уголовного судопроизводства, уполномоченным от имени государства осуществлять уголовное преследование, является прокурор, наделенный в том числе полномочием требовать от органов следствия и дознания устранения нарушений действующего законодательства, принимая меры по обеспечению соблюдения прав и законных интересов других участников уголовного процесса. При отсутствии у прокурора права на отмену незаконных и необоснованных постановлений руководителя следственного органа и следователя, прокурор обладает процессуальными полномочиями относительно решений следователя и его руководителя, выраженными в возврате уголовного дела следователю с указанием о проведении дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых. Обжалование постановлений прокурора о возвращении уголовных дел для производства дополнительного следствия, в том числе по вопросам предъявленного обвинения, достигает своей цели лишь в незначительной степени, что можно связать с «корпоративной этикой» в рядах проку-

рорских работников, придерживающихся в большинстве случаев позиции своих коллег. Но производства дополнительного следствия, затрагивающего права участников уголовного судопроизводства, в том числе для предъявления нового обвинения, возможно избежать, предусмотрев в УПК РФ механизм согласования привлечения лица в качестве обвиняемого руководителем следственного органа и прокурором.

Совместным указанием Генпрокуратуры России от 3 июня 2015 года № 275/36 и других правоохранительных органов РФ «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства»[1] последним предлагается с целью соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства по уголовным делам, представляющим особую сложность в расследовании, при необходимости инициировать перед надзирающим прокурором проведение совместных обсуждений для выработки согласованного решения по вопросам привлечения в качестве обвиняемого, объема обвинения и квалификации содеянного и другим. Хотелось бы указать на осторожность высшего органа прокуратуры, содержащуюся в изложенной формулировке. Данное предложение можно понимать либо как нежелание вмешиваться в процессуальную самостоятельность следователя и его руководителя, либо как возложение на прокуроров дополнительных обязанностей.

Подводя итог сказанному, предлагаем следующие меры правовой регламентации процессуального порядка согласования постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого:

– дополнение ч. 2 ст. 37 УПК РФ в части расширения полномочий прокурора «рассматривать ходатайство руководителя следственного органа о согласовании по уголовному делу, представляющему особую сложность в расследовании, постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого с приложением материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства, в срок не позднее 20 суток»;

---

[1] См.: Указание Генпрокуратуры России №275/36, СК России 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России № 195, ФССП России № 1-у, ФСБ России № 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 3 июня 2015 г. «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // ГАРАНТ URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 19.11.2018).

– дополнение ч. 1 ст. 39 УПК РФ в части расширения полномочий руководителя следственного органа «давать согласие следователю о привлечении лица в качестве обвиняемого», «в случае особой сложности уголовного дела направлять прокурору ходатайство о согласовании постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого с приложением материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства»;

– дополнение ч. 1 ст.ст. 172 УПК РФ «…следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление…»;

– дополнение примечанием 1 ч. 1 ст. 172 УПК РФ «…в случае особой сложности уголовного дела следователь с согласия прокурора выносит постановление …».

Таким образом, логичным видится совершенствование уголовно-процессуального законодательства в части расширения полномочий руководителя следственного органа и прокурора по согласованию постановления привлечения в качестве обвиняемого, что, в свою очередь, выступит дополнительным гарантом прав и законных интересов заинтересованных участников уголовного судопроизводства, обеспечив своевременный доступ к правосудию.

***Мартынов А. М.*[1],**
следователь следственного управления УВД
по ЦАО Главного управления
МВД России по г. Москве
старший лейтенант юстиции

Уголовно-правовые привилегии добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением

В свете заявленной темы наибольший интерес вызывает разъяснительная деятельность следователя о позитивных последствиях, связанных с добровольным возмещением вреда, причиненного преступлением, в ходе производства предварительного следствия[2]. Неоднократно указывалось, что следователь должен уделять пристальное внимание решению данного вопроса начиная с момента возбуждения уголовного дела и установления лиц, виновных в причинении вреда.

В свою очередь, следователю важно уяснить важность и его особую роль в разъяснительной работе на протяжении всего хода предварительного следствия, заключающуюся в умении и способности сформировать у лица, привлекаемого к уголовной ответственности, желание добровольно возместить или иным способом загладить причиненный вред. При этом главным аргументом и решающим фактором для обвиняемого является уголовно-правовое значение добровольного возмещения вреда, причиненного в результате совершенного преступления, которое является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

---

[1] © Мартынов А. М., 2018. Научный руководитель: Иванов Д. А., заместитель начальника кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России полковник полиции.

[2] См.: Иванов Д. А. Добровольное возмещение вреда, причиненного подозреваемым (обвиняемым) в результате совершения преступления, как основание для отмены наложения ареста на имущество // В сборнике: Третьи академические чтения по актуальным вопросам юриспруденции. Сборник материалов Общероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 310–312; Парфенова М. В. Возмещение морального вреда и материального ущерба в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 11. – С. 60–66.

Говоря непосредственно о самом процессе разъяснительной деятельности, следует выделить ряд ключевых особенностей и привести конкретные факты и примеры.

В частности, положительным примером в данном направлении деятельности является изученный автором опыт работы следственных подразделений Главного управления МВД России по г. Москве. Так, согласно данным соответствующего аналитического обзора, в 2017 году следователями чаще и своевременнее проводилась работа с обвиняемыми и их родственниками, направленная на разъяснение положений ст.ст. 61–62, 75 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, в целях мотивации на добровольное возмещение причиненного имущественного вреда. В результате принятых мер обвиняемыми и их родственниками по окончании расследованиям уголовных дел добровольно погашен имущественный вред на сумму более 1,5 млрд рублей.

В качестве позитивного примера можно привести также материалы уголовного дела, расследованного в 2017 году следователем следственного отдела ОМВД России по Можайскому району Московской области. Так, при расследовании уголовного дела, возбужденного по ч. 3 ст. 158 УК РФ, в рамках разъяснительной работы с обвиняемым последним в полном объеме возмещен причиненный имущественный вред на сумму 37 500 рублей.

Здесь же отметим, что по преступлениям небольшой и средней тяжести следователь должен разъяснить обвиняемому, что возмещение причиненного вреда или иное его заглаживание, если лицо впервые совершило преступление, создает основания для освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в соответствии с положениями ст. 75 УК РФ, ст.ст. 25, 25^1, 28, 28^1 УПК РФ. При этом следует учитывать, что некоторые обвиняемые находятся под воздействием советов родственников и близких лиц, поэтому следователь должен устанавливать такие обстоятельства и принимать меры к устранению негативного влияния на обвиняемых со стороны указанных лиц.

Следует сказать, что данная форма возмещения вреда, причиненного преступлением, относится к так называемому добровольному возмещению. Подчеркнем, что непосредственно само возмещение может определяться различными способами: непосредственной передачей потерпевшему соответствующей денежной суммы, перечислением денежных средств на его счет, передачей аналогичного имуще-

ства взамен похищенного или уничтоженного, с последующей фиксацией факта возмещения вреда в протоколе допроса потерпевшего либо протоколе выемки документов, подтверждающих перечисление денежных средств в адрес потерпевшего.

В то же время весьма обоснованные варианты заглаживания морального вреда и вреда деловой репутации, которые не выражаются в конкретной имущественной оценке потерпевшим, предлагают Г. П. Химичева, О. В. Мичурина и О. В. Химичева. По мнению указанных ученых, заглаживание может иметь и другую форму, вид и размер которой может определяться потерпевшим и признаваться им достаточным[1].

Однако приходится констатировать факт достаточно редкого применения данных форм компенсационных процедур в практической детальности следователей в настоящее время. Связано это, прежде всего, с позицией надзирающих прокуроров, которые видят в данной работе коррупционный аспект и негласно предписывают направлять уголовные дела в суд, несмотря на свершившийся факт добровольного возмещения вреда и примирение сторон.

Некоторые руководители органов предварительного следствия пытаются придать данному виду деятельности нормативный характер путем издания локальных нормативных правовых актов, что само по себе является положительным аспектом, если не идет вразрез с действующим уголовно-процессуальным законодательством и не нарушает прав участников уголовного судопроизводства. Так, распоряжением начальника следственного управления при УВД Мурманской области от 10 февраля 2010 г. № 5/5 р утвержден образец расписки о разъяснении подозреваемому (обвиняемому) правил назначения наказания при добровольном возмещении причиненного вреда, в связи с чем следователям рекомендовано строго руководствоваться данным распоряжением и по всем уголовным делам на самых ранних этапах расследования разъяснять виновным преимущества, предоставляемые уголовным законом при наличии указанного смягчающего наказание обстоятельства.

Исходя из сущности данной расписки, можно сделать вывод о том, что должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, в обязательном порядке должно ознакомить подозреваемого

---

[1] См.: Химичева Г. П., Мичурина О. В., Химичева О. В. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела : монография. Рязань: Узорочье, 2001. С. 52.

(обвиняемого) с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ. При этом важно разъяснить, что добровольное возмещение вреда, причиненного в результате совершенного преступления, является смягчающим обстоятельством, которое учитывается судом при назначении наказания. Сделать это следователь должен с момента возбуждения уголовного дела и принятия его к производству.

При этом подозреваемому (обвиняемому) обязательно разъясняются положения ч. 1 ст. 62 УК РФ, согласно которым при наличии указанного смягчающего обстоятельства и отсутствии отягчающих обстоятельств назначенные судом срок и размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного определенной статьей УК РФ.

Резюмируя вышесказанное, логичным видится вывод о том, что следователь обязан лично удостовериться посредством производства следственных действий в том, что причиненный преступлением вред потерпевшему возмещен добровольно подозреваемым (обвиняемым) в полном объеме. Важно также достоверно установить факт того, что потерпевший не возражает против прекращения уголовного дела либо уголовного преследования конкретного лица, возместившего вред.

Мишин И. В.*[1]*,
слушатель 2 факультета
Академии управления МВД России
подполковник полиции

Инновации в управлении органами внутренних дел

В системе органов внутренних дел инновации осуществляются через взаимосвязанную научную организацию труда и научную организацию управления. Эти направления являются продуктом научной деятельности, а также основываются на одних и тех же принципах и в равной степени подчинены задачам правоохранительной деятельности.

Стоит отметить, что научные формы управленческой деятельности являются не столько практическими рекомендациями, сколько обязательными для выполнения нормами. Если данный принцип не будет выполняться, может быть нарушен принцип верховенства закона над технологичностью, тем самым технология управления может стать самоцелью.

В связи с этим, инновационная деятельность в органах внутренних дел осуществляется на основе требований законодательства и главной целью определяет направления решения проблем, возникающих в процессе управления.

Отличительной чертой законодательства, регулирующего деятельность органов внутренних дел, полиции, является то, что в нем прямо предусмотрена необходимость использования инноваций и инновационных технологий.

Статья 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» так и называется: «Использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем»[2]. Эта норма предусматривает следующее.

1. Полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также

---

[1] © Мишин И. В., 2018.

[2] См.: Федеральный закон «О полиции» от 2 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру.

2. Полиция в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, применяет электронные формы приема и регистрации документов, уведомления о ходе предоставления государственных услуг, взаимодействия с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями и организациями.

3. Полиция использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности.

4. Федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел обеспечивает полиции возможность использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, автоматизированных информационных систем, интегрированных банков данных.

Таким образом, внедрение достижений науки и техники в деятельность полиции является одним из нормативно закрепленных принципов ее деятельности в современных условиях.

Инновационная деятельность в органах внутренних дел показывает качественное состояние процессов управления, обеспечивающих наиболее эффективное решение правоохранительных задач, и включающее в себя оптимизацию деятельности аппаратов управления, в том числе управленческих отношений.

В управлении органами внутренних дел можно выделить четыре фактора управленческих инноваций.

1. Способность поддерживать и сохранять устойчивое функционирование органов внутренних дел, заключающееся в недопущении внесения противоречий и нарушений в установленный порядок системы управления органов внутренних дел, ее субординации и координации.

2. Подконтрольность, выражающаяся в необходимости проверки и оценки нововведения, обусловленная принципом ответственности руководителя органа внутренних дел за его внедрение.

3. Ресурс управленческой инновации, предполагающий оценку эффективности, обоснованности затратности и функциональности нововведения.

4. Последствия внедрения управленческой инновации, оценивающие изучение прикладного значения новшества.

Анализ аспектов внедрения управленческого нововведения показал, что при осуществлении данного процесса необходимо учитывать такие характеристики, как:

– изменение информационных и документационных потоков;

– нормативно-методическое обеспечение;

– квалификационные требования к работникам управления;

– возможное изменение штатной численности, а также управленческих структур;

– перераспределение зон ответственности руководителей.

Направлениями внедрения результатов инновационной деятельности в систему управления в органах внутренних дел являются преобразования, обусловленные изменяющимися современными условиями в стране. В числе приоритетных можно выделить следующие:

1. *Структурные преобразования,* ограниченные законодательством. Они могут проводиться в рамках установленной структуры, утвержденной штатной численности и выделенного объема (источников) финансирования.

2. *Технологические преобразования*, заключающиеся в существенном совершенствовании управления и регламентированные законодательством по вопросам защиты прав, свобод, жизни и здоровья человека.

3. *Социальные преобразования,* направленные на решение социально значимых задач.

В системе Министерства внутренних дел Российской Федерации научные принципы лежат в основе формирования организационной структуры органов внутренних дел.

Наряду со строгой специализацией обеспечивается согласованность их деятельности для решения как общих задач, носящих межотраслевой характер, так и частных. При этом обязательно определяются полномочия руководителей органа и его отдельных звеньев с обязательным учетом нормы управляемости, предусматривающей достаточную степень ее эффективности.

Стоит отметить, что форма внедрения результатов инновационной деятельности должна соответствовать задачам, решаемым в деятельности органов внутренних дел[1]. Каждый способ обладает своей спецификой и организационно-правовым содержанием.

Необходимо учитывать, что механизм управления развитием в органах внутренних дел должен учитывать направления минимизации риска, на основе обоснованных оценок (экономических, социальных, специальных и др.) результативности научных исследований и разработок.

Таким образом, можно сделать вывод, что инновационная деятельность органов внутренних дел неразделимо связана с процессом управления.

Только определив основные задачи и опираясь на современные достижения, разработки науки и практики, возможно, эффективно решать проблемы, связанные с достижением целей самой системы.

[1] См.: Угольников А. В. Правовые последствия неисполнения предписаний следователя об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 155–158.

Гаврилов Б. Я.*[1]*,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Следственный аппарат России: история и современное состояние. Роль уголовно-процессуального законодательства в повышении эффективности деятельности следователя

Вопрос места и роли следственного аппарата как одного из государственных органов в борьбе с преступностью, эффективности процессуальной деятельности следователей, активно обсуждается среди практических работников правоохранительных органов и ученых. Но прежде, чем ответить на него, представляется необходимым обратиться к его генезису и перспективам развития.

Расследование преступлений в дореволюционной России. До 1860 года расследование преступлений в России входило в круг обязанностей полиции. 8 июня 1860 г. Указом Императора Александра II «следственная часть» была отделена от полиции. В 44 губерниях России были учреждены должности судебных следователей и созданы 993 следственных участка. Нагрузка на каждого следователя составляла от 120 до 200-400 дел. Обслуживаемые участки достигали 16 тысяч квадратных верст, что не позволяло своевременно производить осмотр места происшествия и выполнять другие неотложные следственные действия.

Существенно изменила положение следователей судебная реформа 1864 года. Согласно ст. 212 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 года его по должности были приравнены к членам окружного суда; была введена несменяемость судебных следователей; их назначение смешение отнесено к компетенции императора по представлению министра юстиции. На должность судебного следователя могли претендовать лица, имеющие высшее юридическое образование и прослужившие по судебной части не менее трех лет, присяжные поверенные (адвокаты) при стаже работы не менее 10 лет

[1] © Гаврилов Б. Я., 2018.

и кандидаты на судебные должности, если они занимались судебной практикой не менее четырех лет.

Становление советского следственного аппарата (1917-1924). Первым законодательным актом, регламентирующим работу следственных органов, стал Декрет о суде №1 от 22 ноября 1917 года, который установил, что «впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично». В соответствии со ст. 8 этого Декрета при Советах были образованы особые следственные комиссии для производства коллегиального предварительного следствия по делам о контрреволюционных преступлениях, подлежащих юрисдикции рабоче- крестьянских революционных трибуналов. Положением о народном суде РСФСР от 2 октября 1920 года были учреждены должности народных следователей по важнейшим делам при губернских отделах и Наркомате юстиции.

Постановлением третьей сессии ВЦИК 25 мая 1922 года был утвержден первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Хотя он и не содержал перечня органов предварительного следствия, но в ст. 23 Кодекса говорилось, что под словом «следователь» разумеются народные следователи, следователи, состоящие при советах народных судей и революционных трибуналах, военные следователи и следователи по важнейшим делам при Наркомате юстиции. Принятые в 1924 году Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик установили, что «органами, производящими предварительное расследование преступлений, являются органы дознания, следователи и иные должностные лица, коим это предоставлено общесоюзными законами и законами союзных республик» (ст. 7), но вопросов ведомственной принадлежности следователей органам прокуратуры и милиции Основы не затрагивали.

Образование и становление следствия в прокуратуре (1924-1963). В 1924 году на Пятом съезде деятелей советской юстиции А. Я. Вышинский поднял вопрос о передаче следственного аппарата в полное административное и оперативное подчинение прокуроров. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 года были внесены изменения в Положение о судоустройстве РСФСР, следователи были выведены из подчинения судов и подчинены прокурорам. Тем не менее, подконтрольность следователей Наркомюсту и местным Советам еще сохранялась, поскольку прокуратура оставалась в Структуре

Наркомата юстиции, а губисполкомы устанавливали число лиц и границы следственных участков, а также утверждали решения прокуроров о назначении и увольнении народных следователей.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 года была учреждена Прокуратура СССР как самостоятельный орган, независимый от Верховного суда СССР. Однако в союзных республиках прокуроры и следователи по-прежнему оставались в системе наркомюстов. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 года (об образовании Наркомата юстиции СССР) предусматривалось «выделить из системы народных комиссариатов юстиции союзных и автономных республик органы прокуратуры и следствия, подчинив их непосредственно Прокурору Союза ССР».

Как и при любой значительной реформе в этот период происходит резкое падение образовательного уровня следственных работников: число сотрудников следственного аппарата с высшим образованием с 17,5 % в 1923 году сократилось к 1931 году до 4 %; в 1934 году оно составляло 7,4 %, в 1937 году – 9,3 % и лишь в 1953 году достигло 30,3 %. Подобная тенденция вряд ли была случайной, поскольку нарушения законности гораздо проще было совершать руками людей, не блещущих образованностью, в том числе и юридической.

Сведения о состоянии работы по расследованию преступлений (1959–1962)

Состояние работы	**1959**	**1960**	**1961**	**1962**
Всего окончено уголовных дел, в т. ч.	490 558	429 701	535 248	535 276
следователями прокуратур	195 388	184 405	244 280	256 123
органами дознания	295 170	245 296	290 296	276 153
Всего направлено в суд уголовных дел, в т. ч.	317 252	244 628	372 213	375 521
следователями прокуратуры	125 004	109 363	160 893	170 831
органами дознания	192 248	135 265	211 320	204 690
Всего возвращено судом уголовных дел для дополнительного расследования, в т. ч.			8 572	8 362
следователями прокуратуры			5 341	5 642

уд. вес от направленных в суд (в %)	2,9	2,5	3,3	3,3
органами дознания			3 231	2 720
уд. вес от направленных в суд (в %)	1,5	1,3	1,5	1,3
Всего окончено уголовных дел в срок свыше двух месяцев, в т. ч.		17 203	35 626	40 763
следователями прокуратуры		9 196	18 486	23 052
уд. вес от направленных в суд (в %)	6,2	4,9	7,4	8,8
органами дознания		8 007	17 140	17 711
уд. вес от направленных в суд (в %)	5,0	3,2	5,9	6,4

Сведения о состоянии работы по расследованию преступлений (1963–1964)

Состояние работы	**1963**	**1964**
Всего окончено уголовных дел, в т. ч.	451 084	
следователями прокуратур	194 219	
следователями органов МООП	256 865	227 491
Всего направлено в суд уголовных дел, в т. ч.	311 650	
следователями прокуратуры	127 444	
следователями органов МООП	184 206	170 420
Всего возвращено судом уголовных дел для дополнительного расследования, в т. ч.	7 631	
следователями прокуратуры	4 991	
уд. вес от направленных в суд (в %)	3,9	
следователями органов МООП	2 640	5 366
уд. вес от направленных в суд (в %)	1,4	3,1
Всего окончено уголовных дел в срок свыше двух месяцев, в т. ч.	32430	
следователями прокуратуры	19 419	
уд. вес от направленных в суд (в %)	10,0	
следователями органов МООП	12 921	10 309
уд. вес от направленных в суд (в %)	5,0	4,5

Следственный аппарат органов охраны общественного порядка, а в дальнейшем – министерства внутренних дел за сравнительно короткий срок превратился в структуру правоохранительных органов, осуществляющую расследование большинства совершенных в стране преступлений, о чем свидетельствуют представленные ниже цифры.

	1964	**1974**	**1984**	**1994**	**1999**
Количество расследованных уголовных дел	256 815	457 173	976 123	1913461	1815518
Количество оконченных уголовных дел	227 491	389 011	744 853	809 677	966 242

Если в 1964 году следственным аппаратом органов внутренних дел было окончено 61,4 % уголовных дел, в 1966 году – 67 %, в 1978 году – 76 %, то в 1999 году – 89,2 % от общего числа оконченных всеми правоохранительными органами уголовных дел, по которым предварительное следствие обязательно.

При этом значительно возросла численность следственного аппарата (на 1 января 1978 года она составила 13,7 тыс. штатных единиц против 8,5 тыс. в 1964 году). Улучшился и качественный состав следователей, около 85 % которых имели высшее юридическое образование, а более 60 % – стаж работы свыше трех лет.

Это дало основания законодателю передать в подследственность органов внутренних дел уголовные дела от так называемых «хозяйственных» преступлениях (хищения, должностные злоупотребления, взяточничество и ряд других), а с 1 сентября 1978 года – все без исключения преступления, совершенные несовершеннолетними или с их участием, в том числе такие наиболее сложные для доказывания составы, как убийства и изнасилования.

В течение последующих десяти лет (до 1989 года) следственный аппарат органов внутренних дел обеспечивал расследование 70 % совершаемых в стране преступлений и 90 % уголовных дел об экономических преступлениях. Доля следователей с высшим юридическим образованием на 1 января 1989 года составила 87,4 % а и 69,2 % со стажем работы свыше трех лет. Однако начиная с 1989 года ситуация коренным образом стала ухудшаться.

Во-первых, увеличилось с 1,2 млн в 1988 году до 2,5–3 млн в 1999–2002 гг. количество зарегистрированных преступлений и, несмотря на увеличение за этот период в 2,1 раза штатной численности, нагрузка

на следователей в 1990–1993 годы составляла в среднем 70 дел на одну штатную единицу, а в отдельных регионах доходила до 120–130 дел. Увеличение штатной численности обеспечило снижение к 1999 году средней нагрузки до 50 дел, однако с учетом отпусков, дежурств, учебы реальная нагрузка в тот период в 2–2,5 раза превосходила нормативно-установленную (30 находящихся в производстве одного следователя уголовных дел в год).

Во-вторых, увеличилась организованность преступной среды, более изощренными и жестокими стали формы и методы совершения преступлений и одновременно все большее распространение получает противодействие преступников раскрытию и расследованию преступлений. Так, число выявленных за указанный период преступлений с квалифицирующим признаком «совершено организованной группой» возросло в 10 раз (с 3,3 тысячи в 1989 году до 33,5 тысячи в 2001 году). Следователями органов внутренних дел расследовано несколько сотен уголовных дел о финансовых мошенничествах (финансовых «пирамидах»), число потерпевших по которым составило более пяти миллионов граждан.

В-третьих, значительным изменениям подверглось и законодательство. С 1 января 1997 года вступил в действие УК РФ, в который включены 63 новых состава преступлений, расследование основной массы которых осуществляли следователи органов внутренних дел.

Количество сотрудников, оставивших следственную работу

	1993	**1994**	**1995**	**1996**	**1997**	**1998**	**1999**	**2000**	**2001**	**2002**
Уволено сотрудников	2978	4 134	4478	4 595	4 333	4 027	3 916	4 658	5 891	6 614
Перешло в другие службы	1407	1 441	1590	1 786	1 836	1 958	2 111	2 065	2 368	2 475
Всего ушло из органов предварит. следствия	4385	5 575	6068	6 381	6 169	5 985	6 027	6 723	8 349	9 089
Доля сотрудников с высшим юрид. обр. (в %)	59, 8	49,1	46,0	43,6	44,5	46,7	50,9	55,6	58,2	60,0
Доля сотрудников со стажем следственной работы до трех лет (в %)	55,2	62,5	60,6	55,4	47,7	44,1	41,5	39,4	42,2	43,2

Основные статистические показатели работы следственных аппаратов прокуратуры, МВД

	1997	**1998**	**1999**	**2000**	**2001**
Прекращено дел (с повторными) (в % к оконченным) МВД	20,9	20,9	19,2	19,9	17,7
Прокуратура	27,2	26,8	24,9	25,6	23,6
Удел. вес дел, возвращенных для доп. расследования (в % к направленным в суд)					
МВД	7, 8	8,2	6,4	6,0	6,8
Прокуратура	10,8	11,5	8,5	7,7	8,5
Удельный вес уголовных дел, оконченных в срок, свыше установленного УПК (в % к оконченным)					
МВД	16,7	16,3	15,5	14,2	15,2
Прокуратура	42,8	42,8	41,0	39,0	39,7
Число оправданных и реабилитированных (на 1 тыс. привлеченных к уголовной ответственности)					
МВД	4,4	3,9	3,2	2,9	3,3
Прокуратура	34,4	29,2	25,6	25,3	25,8

В качестве вступления к следующему этапу развития следственного аппарата считаем возможным отметить, что анализ современного уголовного судопроизводства позволяет утверждать, что Россия, приняв в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс, сделала существенный шаг к построению правового государства, где права и свободы человека и гражданина, его честь и достоинство являются высшей ценностью, что закреплено как в международных правовых актах, так и в национальном законодательстве и что следует из содержания ст. 2 и других норм Конституции Российской Федерации.

Теперь о проблемных вопросах. Прежде, чем перейти к их изложению хотел бы уточнить, что 70 % внесенных в УПК РФ изменений обусловлены, в первую очередь, введением вновь или совершенствованием ряда институтов УПК РФ. Так, с 1 января 2013 г. действует принципиально измененное апелляционное, кассационное и надзор-

ное производство. С 1 июня 2018 г. грядут изменения в суде присяжных. Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ[1] в УПК введена норма-принцип (ст. 6[1]) «Разумный срок уголовного судопроизводства» с внесением в нее изменений в последующие годы четырьмя Федеральными законами (№ 273-ФЗ от 21 июля 2014 г.; № 190-ФЗ от 29 июня 2015 г.; № 440-ФЗ от 30 декабря 2015 г. и № 331-ФЗ от 3 июля 2016 г.).

Существенные шаги законодателем предприняты и по совершенствованию досудебного производства. Они касаются:

1) вывода следователей из состава органов прокуратуры (Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ[2]);

2) дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа (указанный ФЗ-87 от 5 июня 2007);

3) введения в УПК РФ за 95 лет его существования такого участника уголовного судопроизводства, как начальник подразделения дознания[3], а сегодня – и начальник органа дознания[4];

4) введения в УПК РФ досудебного соглашения о сотрудничестве (Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ[5]);

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2010. – № 18, ст. 2145.

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 №87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ, 2007. №24. ст. 2830.

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2007. №24. ст. 2833

[4] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федеральный закон от 30.12.2015 №440-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2016, №1. ст. 60.

[5] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июня 2009 г. №141-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2009. – № 26, ст. 3139.

5) в досудебное производство возвращена сокращенная форма дознания и ряд других нововведений (Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ[1]).

Кстати, о необходимости многих из этих законов автор высказывался еще в конце 1990-х в период подготовки УПК РФ ко второму чтению.

В ответ на продолжающуюся критику оппонентов о низком качестве УПК РФ, вывод о чем делается на основании внесения за 15 лет его действия изменений более, чем 200-ми федеральными законами, следует обратить внимание практикующих юристов и коллег по научному сообществу и на то обстоятельство, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ принимался в условиях компромисса в решении наиболее сложных вопросов, начиная с этапа проверки сообщения о преступлении.

Так, Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ[2] предусматривал переходные положения, несмотря на нормы Конституции Российской Федерации, действующей с 1993 года согласно которым:

- производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыска и (или) выемки в жилище; выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях и ряд других должны были вводится в действие с 1 января 2004 года (и это через 10 лет после принятия Конституции Российской Федерации);
- Федеральным законом от 29.12.2001 №183-ФЗ[3] фактически сохранялись положения УПК РСФСР о заключении под стражу без судебного решения (с согласия прокурора) и др.

---

[1] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2013. – № 9, ст. 875.

[2] О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (ред. от 23 июня 2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. – № 52, ст. 4924.

[3] О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29 декабря 2001 г. №183-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. – № 53, ст. 5019 (утратил силу с 1 июля 2002 года (Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ).

Это привело к тому, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6-П[1] была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации ст. 96 УПК РСФСР, в части, предусматривающей заключение подозреваемого, обвиняемого под стражу с санкции прокурора. И, соответственно, Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ[2], когда УПК еще не вступил в силу, законодатель был вынужден внести в него первые изменения, предусматривающие единый судебный порядок ограничения конституционных прав и свобод участников уголовного процесса, а также и ряд других по первым результатам мониторинга действия УПК РФ.

Компромиссом законодателя являлась и редакция ст. 146 УПК РФ, предусматривающая получение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, для пересмотра которого потребовалось 5 лет (Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ). Кстати, члены рабочей группы были категорически против. А по поручению руководства Министерства внутренних дел автор докладывал эту проблему Д. Н. Козаку.

Однако уже сегодня развитие научной мысли, складывающаяся следственная и судебная практика, признание Конституционным Судом Российской Федерации отдельных положений УПК РФ несоответствующими Конституции Российской Федерации, происходящие в уголовно-процессуальном законодательстве государств бывшего СССР значительные изменения и, в целом, затратность и забюрократизированность уголовного процесса требуют научного обоснования и новых законодательных решений.

Если кратко, то отдельные положения УПК РФ: не отражают в полной мере реалии развития российского общества; содержат в себе ряд положений, перешедших из уголовно-процессуального законодательства 1922, 1960 гг.; законодатель уже в период действия УПК РФ неоднократно допускал принятие поправок, носящих характер контр-

---

[1] По делу о проверке конституционности ст.ст. 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П // СПС «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ (ред. от 29 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. – № 22, ст. 2027.

реформ (например частичное возвращение института судебного доследования, необоснованное расширение изложения в обвинительном заключении доказательств), которые, кстати, были для России всегда характерными.

Говоря о необходимости дальнейшего совершенствования, но не создания нового УПК РФ, автор хотел бы остановиться на необходимости конкретных изменений:

1. Процессуальной нормы о 2-х месячном сроке предварительного следствия (ч. 1 ст. 162 УПК РФ):

- она воспроизводит аналогичное положение ст. 119 УПК РСФСР 1922 г. при том, что по значительному количеству уголовных дел уровень их сложности сегодня многократно выше, чем 95 лет тому назад;
- правовое содержание ч. 1 ст. 162 УПК РФ не соответствует и введенной в УПК РФ норме-принципу (ст. 6.1 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 29.03.2016 № 11-П[1] по уголовным делам не должен превышать 4 лет, что, безусловно, требует изменений в ст. 162 УПК РФ. Соответственно продление срока следствия следует предусмотреть по истечении хотя бы 6-ти месяцев расследования, а дознания – 3-х месяцев расследования.

2. Еще более одиозная ситуация сложилась с первоначальным сроком содержания обвиняемого под стражей (2 месяца), в который входят:

- от 10 до 30 суток для принятия прокурором решения о дальнейшем движении дела (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ);
- 14 суток для принятия судом (судьей) решения в соответствии с ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Что тогда остается делать следователю? Готовить ходатайство в суд о продлении срока содержания под стражей? Или все же расследовать уголовное дело?

Как следствие, на 1 января 2018 г. под стражей содержались с продленным сроком более 10 тыс. обвиняемых из 75 тыс. содержащихся под стражей обвиняемых или 15 %. На подготовку ходатайств следо-

[1] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. №11 // СПС «КонсультантПлюс».

вателю перед судом о продлении срока содержания под стражей следует отметить, что на это затрачен труд порядка 2 тыс. следователей только системы МВД России. В государствах Европы первоначальный срок содержания под стражей составляет от 100 до 120 суток.

Выше озвучивался тезис о заформализованности уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи требует принципиального пересмотра процессуальный институт обвинения. Несмотря на достаточность на наш взгляд аргументов, часть научного сообщества не приемлет данные предложения, мотивируя возможными нарушениями прав обвиняемого на защиту. Давайте еще раз посмотрим на этот и другие аргументы за исключение из УПК РФ института предъявления обвинения:

- решение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 г. № 6-П[1] о том, что «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)»;
- исключение института предъявления обвинения частично уже реализовано при расследовании в форме дознания. За 15 лет действия УПК РФ без предъявления обвинения направлено в суд более 4,5 млн уголовных дел;
- позиция Европейского Суда по правам человека (гр. Экли против Германии) о том, что термину «обвинение» должно придаваться содержательное, а не формальное (как в настоящее время по УПК РФ) значение;
- «обвинение» определено как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно-наказуемое правонарушение[2].

В этой же связи нами на протяжении ряда лет предлагается реализовать в УПК РФ опыт абсолютного большинства зарубежных госу-

---

[1] По делу о проверке конституционности положений ст.ст. 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 г. №6-П // Собрание законодательства Российской Федерации, 2007. – № 22, ст. 2686.

[2] Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания к его реорганизации? // Труды Академии управления МВД России, 2017. – № 4. – С. 51–56.

дарств, предусматривающих в своем процессуальном законодательстве возможность изменения в суде обвинения. Подобное ходатайство может быть заявлено стороной в любое время.

Так, согласно ч. 2 ст. 301 УПК Республики Беларусь, если в ходе судебного следствия возникнет необходимость в дополнении расследования, или изменения обвинения на более тяжкое либо в предъявлении нового обвинения, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок до 10 суток, который может быть продлен до 30 суток и предлагает прокурору устранить выявленные недостатки и даже перепредъявить обвинение.

Считаю необходимым обратиться к еще одному аспекту в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. На протяжении уже 10 лет продолжаются научные баталии о результатах реализации Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ.

Еще в 2010 г. Н. Н. Ковтун по этой проблеме высказался, по сути, так, что «хватит лить крокодиловы слезы»[1]. Анализ позволяет заявить о положительной роли этого закона в обеспечении прав и свобод участников процесса.

Период	Число оправданных судом лиц, в т. ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2007	1191– 1,8	364	1417 – 11,9	742
2010	878 – 1,8	639	801 – 8,0	534
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2014	378 – 1,0	163	446 – 3,9	321
2015	347-0,92	126	399-3,4	230
2016	324-0,84	208	422 – 3,6	193
2017	402 – 1,1	164	539 – 4,8	219

[1] Ковтун Н. Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссии? // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 29–34.

Продолжая вышеизложенное утверждение о положительном воздействии ФЗ-87 на качество расследования уголовных дел хотел бы особо обратить внимание на повышение роли прокурора в надзорной деятельности.

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом прокурору в порядке ст. 237 УПК (судом для доследования)	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокурат. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В том числе следователям/ удельный вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2009	17652	3,8	3664	3,5	12163	8952 – 1,6%
2011	18560	4,8	3118	3,5	7689	5962 – 1,3%
2013	15104	4,3	4029	3,9	5992	4689 – 1,1%
2014	14412	4,3	3559	3,4	5979	4582 – 1,06%
2015	14120	4,1	3459	3,2	6063	4517 – 1,01%
2016	15 195	4,4	3727	3,4	6479	4443 – 1,0%
2017	16753	5,0	3420	3,3	6448	4655 – 1,1

Ну, и наконец, учитывая, что 40 % дел расследуются дознанием следует отметить улучшение его качества с введением Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ впервые за 85 лет действия в России УПК начальника подразделения дознания

С принятием данного Закона:

- с одной стороны, улучшились показатели законности. Так, за период с 2006 по 2017 гг. уменьшилось более чем в 2 раза число оправданных (с 330 лиц в 2006 г. до 147 – в 2017 г.) и, соответственно, их доля на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд делам (с 0,73 – в 2006 г. до 0,36 – в 2017 г.), в том числе незаконно, необоснованно содержащихся под стражей (с 18 до 10 лиц);
- с другой стороны, повысился уровень прокурорского надзора. Так, почти в 2 раза (с 6810 дел в 2006 г. до 12517 дел в 2017 г.) увеличилось количество уголовных дел, возвращенных прокурором дознавателям для дополнительного расследования и соответственно сократилась доля таких дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (до 1793 уголовных дел в 2017 г.).

Это позволяет поставить перед законодателем вопрос о приравнивании процессуального положения начальника подразделения дознания к руководителю следственного органа.

Одновременно с этим возможно будет сформировать в УПК РФ процессуальный статус органа дознания и его должностных лиц, кроме дознавателя, его руководителей, и начальника органа дознания.

Автор предлагает включить в УПК РФ протокольную форму предварительного расследования, включающий в себя следующие положения:

- расследование должно производиться в отношении конкретного лица, признавшего факт совершения преступления;
- при этом обстоятельства преступления должны быть очевидны и не требовать производства всего комплекса следственных действий;
- начало производства по уголовному делу не должно обусловливаться постановлением о возбуждении уголовного дела;
- должно быть предусмотрено ограничение перечня следственных действий допросом подозреваемого и потерпевшего;
- экспертиза должна производиться лишь в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 196 УПК РФ;
- к материалам уголовного дела подлежит приобщению справка о судимости для определения судом вида уголовного наказания.
- суть другой составляющей в том, что:
- подозреваемые (порядка 150 тыс. в год) подлежат, за исключением отдельной категории (возраст, болезнь), задержанию в порядке ст. 91, 92 УПК РФ (для сравнения, в 1998-1999 гг. ежегодно заключалось под стражу 450-480 тыс. подозреваемых, обвиняемых, а сегодня – 130 тыс.);
- в течение 48 часов уголовное дело предлагается направлять прокурору для утверждения обвинительного протокола и передачи его в суд;
- судья в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 108 УПК РФ, с учетом внесения в нее в будущем изменений, продлевает срок задержания до 72 ч, в течение которых рассматривает уголовное дело;
- в случае невозможности рассмотрения уголовного дела, расследованного в протокольной форме, суд возвращает его прокурору для расследования в общем порядке;
- расследование по протокольной форме производится как дознавателем, так и иным должностным лицом органа дознания (полиции);

- в 1995–1996 гг. по протокольной форме досудебной подготовки материалов в суд их направлялось 250–300 тыс. ежегодно.

Среди других проблем современного УПК – избрание меры пресечения в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск, поскольку ежегодно их число достигает 150 тыс., а действующий порядок избрания меры пресечения, не допускающий заочного вынесения судом решения о заключении под стражу, за исключением обвиняемого, объявленного в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ), соответствуя тем самым положениям Конституции Российской Федерации и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предоставляющим задержанному лицу право предстать перед судом незамедлительно после задержания.

С учетом изложенного автором предлагается: предоставить суду по месту расследования уголовного дела возможность заочного заключения объявленных в федеральный розыск подозреваемых, обвиняемых под стражу; при задержании вне места производства предварительного расследования в течение 48 час. это лицо должно предстать перед судом по месту фактического задержания, которым устанавливается его личность и проверяется не отменено ли решение суда о заключении под стражу. А после доставления к месту производства предварительного расследования – в течение 48 час. задержанный должен предстать перед судом (судьей), избравшим меру пресечения, для решения вопроса об оставлении ее в силе либо изменении.

И последнее, по поводу чего сегодня активизировалась дискуссия на различных площадках (от Общественной палаты – до Совета Федерации)-это неэффективность стадии возбуждения уголовного дела, результатом чего является сокращение уровня уголовно-процессуального реагирования. Так, несмотря на сохранение количества заявлений, сообщений о преступлениях (10,7 млн в 2006 г. и 10,3 млн в 2017 г.), количество возбужденных уголовных дел значительно (в 1,9 раза) сократилось (с 3,3 млн в 2006 г. до 1,78 млн в 2017 г.), а их удельный вес от зарегистрированных сообщений о преступлениях сократился в 2 раза, составив в 2017 г. всего 16,8 %.

Причина складывающейся негативной практики реагирования на сообщения о преступлениях обусловлена значительным увеличением ежегодно количества принимаемых следователем, дознавателем, органом дознания процессуальных решений об отказе в возбуждении

уголовного дела. Особенно наглядно это видно из соотношения «отказных» материалов к возбужденным уголовным делом, уровень которого за последние 25 лет возрос почти в 8 раз (с 47,7 % в 1992 г. до 354 % в 2017 г.).

Прямым следствием действия института «отказных» материалов является искусственное изменение «тренда» преступности, уровень которой к 2010 г. должен был достигнуть 4,4 млн преступлений в год. Однако к 2018 г. он сократился на 1,8 млн преступлений или на 47 %. При этом количество «отказных» материалов возросло на 2,3 млн или на 51% (с 4,5 млн в 2006 г. до 6,8 млн в 2016 г.). Как следствие, ежегодно 10 млн. потерпевших от совершенных в отношении них противоправных деяний не получают юридической помощи от государства в лице правоохранительных органов и судов, чем прямо нарушаются положения ст. 2 Конституции РФ.

Наше предположение об исключении из УПК РФ процессуальной нормы – ст. 146 УПК РФ или стадии возбуждения уголовного дела обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации, начиная с определения от 18 июля 2006 г. № 343-О[1], и, соответственно, Верховного Суда Российской Федерации судебно-следственной практики, которая сегодня исходит из необходимости возбуждения уголовного дела, например, в случае установления нового лица, совершившего преступление, по факту которого уже возбуждено основное дело, или при выявлении нового преступления лицом, в отношении которого уже возбуждено уголовное дело.

Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. уголовное дело, возбужденное по признаку совершения преступления группой лиц (п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ), было возвращено прокурору, поскольку в постановлении о возбуждении был указан только гражданин «З.». По мнению Верховного Суда Российской Федерации в от-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О // СПС «Гарант».

ношении «Г.» также необходимо было вынести постановление о возбуждении дела[1], что противоречит как многолетней практике Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, так и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении дела и ч. 1 ст. 448 действующего УПК РФ, не требующей вынесения самостоятельного постановления о возбуждении дела, если оно возбуждено в отношении других лиц.

Указанные и другие обстоятельства обуславливают необходимость обсуждения вопросов развития уголовно-процессуальной политики в контексте совершенствования в целом уголовно-правовой политики на Парламентских слушаниях в Совете Федерации 18 ноября 2013 г. и там же на заседаниях «круглого» стола 24 июня и 23 сентября 2014 г. В последующем о необходимости разработки концепции досудебного производства научная дискуссия продолжалась на «Бабаевских» чтениях в мае 2015 г., на «Кутафинских» чтениях в апреле 2016 г., на Парламентских слушаниях в Совете Федерации 20 декабря 2016 г. и 5 апреля 2017 г. при обсуждении Дорожной карты (2017–2025 гг.) совершенствования уголовной политики, представленной А. Л. Кудриным, 13 декабря 2017 г. на «круглом столе» в Совете Федерации и ряде других научных форумов. Автор участвовал в указанных слушаниях и представлял свои предложения по совершенствованию отдельных институтов УПК РФ.

[1] Отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора, поскольку связано с несоблюдением органами предварительного следствия процедуры судопроизводства и нарушением права на защиту: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховный Суд Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 60-Д13-3 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2014. – № 8.

Мичурина О. В.*[1]*,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

Разграничение оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и их конкуренция

Разрешая вопрос о достаточности доказательств для вывода о невозможности продолжить предварительное расследование по уголовному делу, компетентному должностному лицу необходимо установить основания прекращения уголовного дела, а когда такой вывод делается в отношении конкретного лица – основания прекращения уголовного преследования. Эти основания многочисленны и неоднородны по своей правовой природе. Одни из них именуются законодателем основаниями прекращения уголовного дела (ст. 24–25.1, п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК РФ), другие – основаниями прекращения уголовного преследования (ст. 27–28.1, 427 УПК РФ).

Прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования, тогда как прекращение уголовного преследования, по замыслу законодателя, предполагает продолжение расследования по уголовному делу. Просто конкретный подозреваемый и обвиняемый не преследуется в уголовном порядке. Фактически это касается только одного единственного основания – непричастности подозреваемого обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Только в этом случае прекращение уголовного преследования не предполагает прекращения уголовного дела. Следовательно, только это основание можно считать полноправным основанием прекращения уголовного преследования. При этом все остальные основания, кроме упомянутого, одновременно могут быть как основаниями прекращения уголовного дела, так и основаниями прекращения уголовного преследования. Каков тогда смысл такого разграничения, если все основания, кроме одного единственного, конкурирую друг с другом? И, если сама по себе идея автономного существования двух институтов (прекращения уголовного дела

[1] © Мичурина О. В., 2018.

и прекращения уголовного преследования) теоретически безупречна, то техническая реализация данной идеи в УПК РФ, по справедливому замечанию Л. В. Головко, далека от идеала[1].

Для более правильного разграничения оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования в принятии процессуального решения, необходима более эффективная их классификация по другим более корректным критериям. Наиболее удачной и самой распространенной является классификация оснований по правовым последствиям, наступающим для лица в отношении которого принимается такое решение. В соответствии с ней все виды прекращения делятся на реабилитирующие и нереабилитирующие основания. По мнению О. В. Волынской, такая классификация «непосредственно влияет на конструирование в законе процедуры прекращения уголовного дела, которая усложняется, снабжается дополнительными процессуальными гарантиями, особенно, если основаниями прекращения расследования служат нереабилитирующие обстоятельства»[2].

Если рассматривать реабилитацию как следствие незаконного или необоснованного уголовного преследования лица, невиновного в совершении преступления, то логично полагать, что при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям констатируется совершение лицом общественно опасного деяния, но существуют какие-либо указанные в уголовно-процессуальном законе обстоятельства, позволяющие прекратить уголовное дело[3]. Таким образом, существование нереабилитирующих оснований к прекращению уголовного дела и (или) уголовного преследования обусловлено тем, что в российском праве (в том числе и уголовно-процессуальном) привлечение к уголовной ответственности не выступает в качестве единственной формы реакции государства на совершенное преступление.

Реабилитирующими основаниями являются юридические факты, влекущие прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования, а также принятие дознавателем, следователем, прокурором

---

[1] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., Статут, 2016. С. 776.

[2] Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы. М., 2007. С. 105.

[3] См. об этом подробно: Химичева О. В. Реабилитация // Уголовный процесс: Сборник учебных пособий. Общая часть. Вып. 1. – М., 2002 – С. 276–298; Она же. Реабилитация в уголовном судопроизводстве // Законность. – 2003. – № 9. – С. 15–17.

предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по реабилитации лица, и возмещении вреда, причиненного в результате уголовного преследования реабилитируемому, восстановлению его чести, доброго имени, репутации.

Нереабилитирующие основания - это юридические факты, допускающие возможность прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, но исключающие реабилитацию лица и возмещение вреда, причиненного ему в результате уголовного преследования.

Вместе с тем, А. В. Гриненко предложено именовать их как порождающие и не порождающие право на реабилитацию[1]. Действительно сами основания не реабилитируют, а только дают право на реабилитацию. Лицо может воспользоваться этим правом, предъявив требование о реабилитации, а может и не воспользоваться им. Однако это лишь терминологическая подмена. Называя основания реабилитирующими, мы тем самым подразумеваем, что они могут породить право на реабилитацию.

Остальные, представленные в науке уголовного процесса классификации, тоже весьма интересны с точки зрения теории, но не имеют ярко выраженного практического значения[2]. Это обусловлено тем, что в различных статистических обзорах и справках органов внутрен-

---

[1] См.: Уголовный процесс. Досудебное производство : Учебник / под ред. А. В. Гриненко и А. В. Ендольцевой. М., 2006. С. 293.

[2] Так, М. А. Чельцов подразделяет основания прекращения уголовного дела на юридические и фактические (см.: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 327). Многие процессуалисты делят основания прекращения уголовного дела на материально-правовые и процессуальные (см., напр.: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 305; Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. В. П. Божьева. М., 1998. С. 335; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П. А. Лупинской. М., 2004. С. 421; Бордиловский Э. И., Галустьян О. А. Приостановление, возобновление, прекращение уголовного дела и окончание предварительного следствия с обвинительным заключением. М., 2004. С. 31). Л. В. Головко считает необходимым основания освобождения от уголовной ответственности классифицировать на общие и специальные; на дискреционные и императивные; на субъективные и объективные; на условные (временные) и безусловные (окончательные) (см.: Головко Л. В. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. – 1998. – № 11. – С. 37–40). Имеются и другие классификации.

них дел наглядно отражено использование деления оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования на реабилитирующие и нереабилитирующие.

Разграничиваются они по такому критерию и в уголовно-процессуальном законе, хотя это показано там не совсем четко и последовательно. Так, ч. 2 ст. 212 УПК РФ предписывает принимать меры по реабилитации лица в случаях прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. С другой стороны, согласно ч. 2 ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию и возмещение ущерба возникает при прекращении уголовного преследования также и по основаниям, указанным в п. 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и п. 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Налицо явная коллизия норм и можно опять вести речь о конкуренции оснований. Итак, какие же основания необходимо считать реабилитирующими?

С нашей точки зрения, в силу того, что предписания п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ расположены в Общих положениях, то более широкий круг оснований и должен применяться. Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» в качестве реабилитирующих также нашел отражение именно более широкий круг оснований прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, указанный в п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ.

Руководствуясь высказанным, к числу реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования следует относить: 1) отсутствие события преступления; 2) отсутствие в деянии состава преступления; 3) отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключение случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ; 4) отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3-5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ; 5) непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления; 6) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего

в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; 7) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению или об отказе в возбуждении уголовного дела; 8) отказ Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица.

Нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования являются: 1) истечение сроков давности уголовного преследования; 2) смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего; 3) в связи с примирением сторон; 4) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; 5) вследствие акта об амнистии; 6) в связи с деятельным раскаянием; 7) по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности; 8) с применением в отношении несовершеннолетнего принудительной меры воспитательного воздействия; 9) в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица, нуждающегося в применении принудительных мер медицинского характера, не связаны с опасностью для него или других лиц либо с возможностью причинения им иного существенного вреда.

Классификация оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) на реабилитирующие и нереабилитирующие важна также для определения правомерности решения вопроса о виновности-невиновности обвиняемого на стадии предварительного расследования, то есть когда уголовное дело не доводится до судебного разбирательства.

В юридической литературе высказано предложение, что основания прекращения уголовного преследования при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению, либо неотмененного постановления органа дознания, следова-

теля или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела, предусмотренные п. 4 и 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ не могут рассматриваться как реабилитирующие, их следует отнести к нейтральным, поскольку они не имеют заранее установленного самостоятельного характера[1]. Позиция авторов ясна. Действительно, исходя из сущности реабилитации, вряд ли о ней должна идти речь в указанных случаях. Нет также причин и рассматривать их как нереабилитирующие основания. Поэтому необходимы соответствующие коррективы закона, которые, в свою очередь, позволят выделить третью группу оснований прекращения уголовного дела – нейтральные.

[1] См. об этом: Калинин В. Н., Филипченков И. В. Соотношение оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования по УПК РФ // Следователь. – 2005. – № 4. – С. 24.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сборник статей по итогам межведомственной
научно-практической конференции
«Моя профессия – следователь»
19 апреля 2018 года

Научное электронное издание

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Лосевой О. С.*
Усл.-печ. 26,04 л.

Систем. требования: CPU 1,5 Гц; RAM 90,4 МБ; Windows XP SP3;
1 Гб свободного места на жестком диске.
Подписано к изданию 19.12.2018.

ISBN 978-5-9694-0638-4

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12